

А. К. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

А. К. ТОЛСТОЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

ТОМ 1

А. К. Толстой
Полное собрание
стихотворений

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А. К. Толстой

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

ТОМ 1

Издание подготовили
В. А. Котельников и А. П. Дмитриев

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Т52

Серия основана академиком С. И. Вавиловым

Ответственный редактор
Ю. М. ПРОЗОРОВ

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

ISBN 978-5-02-039562-6 (Т. 1)
ISBN 978-5-02-038436-1

От составителя

Бо́льшая и, несомненно, самая значительная в художественном отношении часть поэтического наследия А. К. Толстого была издана М. М. Стасюлевичем в 1876 г. в двухтомном «Полном собрании стихотворений» (без стихотворной драматической трилогии).[1] Разумеется, издание не было и не могло быть *полным* собранием поэтических произведений автора: вне его остался ряд лирических текстов, баллад, детские и юношеские стихотворения, сатирические и юмористические сочинения, стихотворные записки, надписи, не говоря уже о незавершенных вещах.

Данное издание было вторым прижизненным собранием произведений писателя. В него вошли все помещенные в первом прижизненном собрании[2] произведения (с некоторыми изменениями, по-

---

[1] *Толстой А. К.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. СПб., 1876; далее сокращенно — ПССтих-76. Т. 1—2.

[2] Стихотворения графа А. К. Толстого. СПб., 1867; далее сокращенно — С-67.

явившимися в результате авторской правки) и 28 произведений, созданных и опубликованных в 1867—1875 гг.; одно было напечатано здесь впервые, три, опубликованные в 1858—1861 гг., но в С-67 не вошедшие, были включены автором в ПССтих-76, а два из опубликованных в последние девять лет остались вне этого собрания.

Весьма важно, что тексты ПССтих-76, хотя оно и вышло после смерти писателя, почти полностью им подготовлены. Включаемые в собрание произведения подвергались авторской правке, зачастую имели различные редакции и варианты; в итоге творческой работы над ними складывались окончательные тексты и состав собрания. Все это, безусловно, отражает творческую волю писателя, и данное обстоятельство придает изданию большую историко-литературную ценность.

Авторская подготовка ПССтих-76 началась летом 1874 г., но завершить ее писатель не успел (он умер 28 сентября 1875 г.). Хорошо осведомленный о его литературных делах Д. Н. Цертелев в своих «Записках о графе Алексее Константиновиче Толстом» (датированных 3 ноября 1875 г.) сообщал: «Минувшей зимой гр⟨аф⟩ Т⟨олстой⟩ совершенно приготовил к изданию „Второе собрание стихотворений". В него вошли все стихотворения, напечатанные со времени издания первого собрания — многие из них с дополнениями и изменениями. Это „второе собрание" будет вероятно издано в непродолжитель-

ном времени. Оно будет заключать лучшие произведения гр⟨афа⟩ Т⟨олстого⟩».[3] Речь идет о ПССтих-76, издатель которого М. М. Стасюлевич утверждал, что это издание, «хотя и посмертное, является в свет тщательно просмотренное самим автором, и с текстом, не только исправленным им собственноручно, но местами и измененным, сравнительно с изданием первого собрания и печатью в журналах. Первое собрание исправлено автором по печатному тексту карандашом, а новые стихотворения второго десятилетия ⟨1866—1875 гг. — *В. К.*⟩ были переписаны в особую тетрадь и проверены им самим, за исключением „Дракона", явившегося в печати почти в самый день смерти гр. А. К. Толстого» (ПССтих-76. Т. 1. С. IV).[4] У нас нет причин не доверять утверждению Стасюлевича, тем более что к выпускаемому им ПССтих-76 очень внимательно относилась вдова писателя С. А. Толстая, напоминавшая издателю о желаниях мужа; указав на некоторые недочеты, она осталась довольна изданием (см. ее письма к Стасюлевичу — *Стасюлевич*. С. 386—390).

---

[3] ПД, ф. 293, оп. 1, № 1544, л. 11—11 об.

[4] См. также свидетельство Е. В. Матвеевой: *Матвеева Е.* (*рожд⟨енная⟩ кн⟨яжна⟩ Львова*). Несколько воспоминаний о графе А. К. Толстом и его жене // ИВ. 1916. № 1. С. 174—175.

Свидетельство Стасюлевича подтверждается сличением текстов его издания с печатными и рукописными источниками; таким образом, это издание в научном отношении можно считать базовым для установления основных текстов большинства стихотворных произведений. (В некоторых случаях для основного текста мы выбирали иной источник, что мотивируется в примечаниях.)

Исправления, вносимые в публикуемые в настоящем издании тексты, обусловлены необходимостью привести эти тексты в соответствие с современными орфографическими и пунктуационными нормами. При текстах также даются пометы Толстого и датировки — как авторские, так и редакторские. Состав и структура ПССтих-76 воспроизводятся без изменений. В композиции издания Стасюлевич следовал жанрово-хронологическому порядку, выделяя главные периоды творчества Толстого; при этом произведения малых жанров он располагал в порядке алфавитном, который, разумеется, отчасти нарушается при переводе заглавий на современное написание. Однако мы сохраняем расположение текстов, принятое у Стасюлевича, а также названия, которые он давал частям издания.

В разделе «Дополнения» дается свод имеющихся других редакций, вариантов, набросков и авторской правки. В разделе «Приложения» — статья о жизни и творчестве Толстого, текстологическая статья и примечания к текстам.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Французский текст А. К. Толстого с купюрами М. М. Стасюлевича

...Je suis né à St-Pétersbourg l'année 1817, mais dès l'âge de six semaines je f'us emmené en Petite Russie par ma mère et mon oncle maternel, M. Alexis Péroffsky, plus tard curateur de l'université de Kharkoff et connu dans la literature russe sous le pseudonyme d'Antoine Pogorelsky. C'est lui qui m'à élevé, et mes premières années se sont passées dans ses terres, ce qui fait que je regarde la Petite Russie comme ma véritable patrie. Mon enfance a été très heureuse et ne m'a laissé que des souvenirs lumineux. Etant fils unique, n'ayant pas de compagnons de jeu, et doué d'une imagination trés vive, je me suis habitué de bonne heure à la rêverie qui se transforma bientôt en un penchant décidé pour la poësie. La nature du pays que j'habitais y a beaucoup contribué; l'air et la vue de nos grandes forêts, que j'aimais passionnément, m'a la-

issé des impressions profondes qui ont influencé mon caractère et ma vie et que je garde jusqu'à pérsent. Mon éducation s'est toujours faite à la maison. A l'âge de 8 ou 9 ans j'allais avec mes parents à St-Pétersbourg, où je fus présenté au Césarévitch, aujourd'hui Empereur de Russie, et admis au nombre des enfants qui formaient sa société des Dimanches. Depuis ce jour sa bienveillance pour moi ne s'est jamais démentie. L'année suivante j'allai avec ma mère et mon oncle en Allemagne. Dans un séjour que nous fîmes à Weimar mon oncle me mena chez Göthe, pour qui j'avais conçu un grand respect d'instinct, grâce à la manière dont j'en entendais parler. De cette visite j'ai conservé l'impression des traits imposants de Göthe et le souvenir d'avoir été assis sur ses genoux. Depuis lors jusque à l'âge de 17 ans, où j'ai passé mon examen de sortie à l'université de Moscou, je n'ai pas cessé de voyager avec mes parents, tant en Russie qu'à l'étranger, mais en revenant souvent dans la terre, où j'avais passé mes premiéres années, et que je n'ai jamais pu revoir sans une grande émotion. Après la mort de mon oncle, qui m'avait fait son héritier, je fus en 1836, d'après le désir de ma mère, attaché à la légation de Russie près la diète Germanique à Francfort s.-M.; plus tard j'entrai dans la 2-e section de la Chancellerie de l'Empereur, celle de la rédaction des lois. En 1855 je m'enrôlai parmi les volontaires qui venaient de former le régiment des tirailleurs de la Famille Impéri-

ale pour faire la campagne de Crimée; mais notre régiment n'eut pas l'occasion d'aller au feu et n'arriva que jusque à Odessa, où nous perdîmes plus de mille hommes par le typhus que je gagnai aussi. L'Empereur Alexandre II, lors de son couronnement à Moscou, me fit l'honneur de me nommer son aide-de-camp. Cependant, comme je ne m'étais jamais préparé à être militaire et que mon intention avait été de quitter le service quand la guerre serait terminée, je soumis bientôt mes scrupules à S. M. qui accepta ma démission avec sa bonté ordinaire et me nomma veneur de sa cour, titre que je conserve jusque à présent. Ceci est l'histoire de ma vie extérieure. Quant à celle de mon âme, je tâcherai de Vous la dire de mon mieux.

Dès l'age de six ans je commençai à barbouiller du papier et à faire des vers, tant mon imagination avait été frappée par quelques pièces de nos meilleurs poëtes que je trouvai dans un gros recueil mal imprimé et mal broché avec une couverture rouge-sale. L'extérieur de ce volume s'est gravé dans mon souvenir et me ferait battre le cœur si je le revoyais. Je le trainais partout avec moi, et je me cachais au jardin, ou dans le bois, pour l'étudier pendant des heures, couché sous les arbres. Bientôt je le sûs par cœur, je me grisais de la musique des divers rythmes et je m'en assimilai la technique. Quelques absurdes qui ne pouvaient manquer d'être mes premiers essais, je dois dire que sous le rapport de la mesure ils étaient irréprochables. Je

continuai ainsi, en me perféctionnant autant qu'il était en moi, pendant bien des années, mais je ne parus dans la presse qu'en 1842, où je débutai non par des vers, mais par quelques nouvelles en prose. En 1855 je fis pour la première fois imprimer des poësies lyriques et épiques dans plusieurs journaux, et depuis j'en ai fait paraître tous les ans dans le «Wiestnik Evropi», ou le «Rousskii Wiestnik».

Puisque Vous avez désiré avoir une caractéristique de ma vie morale, je Vous dirai, qu'indépendamment de la poësie, j'ai de tout temps éprouvé un attrait irrésistible pour l'art en génréal, dans toutes ses manifestations. L'aspect de tel tableau, ou de telle statue, de même que l'audition d'une belle musique, m'ont souvent impressionné au point de me faire littéralement dresser les cheveux sur la tête. J'avais 13 ans lorsque je fis avec mes parents mon premier voyage d'Italie. Vous dire la violence de mes impressions et la révolution qui se fit en moi quand les trésors de l'art se révlérènt a mon âme qui en avait l'intuition avant de les connaitre — me serait impossible. Nous commençâmes par Venise, où mon oncle fit de grandes acquisitions dans le vieux palais Grimani. Il y avait, entre autres, un buste de jeune faune, attribué à Michel'Ange, une des plus magnifiques chioses que je connaisse, et qui se trouve aujourd'hui à St-Pétersbourg dans la possession du comte Paul Strogonoff. Quand on l'apporta a l'hôtel où nous logions, je ne le quittai plus. Je me levai la nuit pour le contempler, et les

appréhensions les plus folles tourmentaient mon imagination. Je me demandais ce que je ferais pour sauver ce buste si la maison prenait feu, et j'essayais de le soulever pour voir si je pourrais l'emporter dans mes bras. De Venise nous allâmes à Milan, à Florence, à Rome et à Naples, et à chacun des séjours que nous fîmes dans ces villes, mon enthousiasme et mon amour de l'art grandissaient; si bien que, revenu en Russie, je tombai dans un vrai *mal du pays* pour l'Italie, dans une espèce de désespoir, qui me faisait refuser ma nourriture le jour, et sangloter la nuit, quand mes rôves me reportaient dans mon paradis perdu. A cette passion de l'Italie une autre ne tarda pas à s'associer et à former avec elle un singulier contraste, qui à première vue pourrait paraître contradictoire; c'était la passion de la chasse. Depuis ma 20-me année elle devint si violente et je m'y livrai avec tant d'ardeur que je lui sacriflais tout le temps dont je pouvais disposer. J'étais a cette époque attaché à la cour de l'empereur Nicolas et je menais une vie très mondaine qui n'était pas sans attrait pour moi, mais à laquelle j'échappais souvent pour passer des semaines entières dans les forêts, quelquefois avec un compagnon, mais ordinairement seul. J'acquis bientôt parmi nos chasseurs de profession une certaine réputation comme tueur d'ours et d'élans et je me plongeais tête baissée dans un élément qui ne jurait pas moms avec mes instincts artistiques qu'avec mon existence officielle; il ne fut pas sans influence

sur la couleur de mes poësies. Je crois que je lui dois la circonstance qu'elles sont presque toutes écrites en ton majeur, tandis que mes compatriots ont pour la plupart chanté en mineur. Je me réserve pour mes vieux jours de décrire bien des épisodes émouvants de cette vie de forêts que j'ai menée pendant mes meilleures années et dont ma maladie actuelle m'a peut-être arraché pour toujours. Aujourd'hui je me bornerai à dire que mon amour de notre nature sauvage s'est reflétée dans mes poësies peut-être aussi souvent que mon sentiment de la beauté plastique...

Ma première œuvre de longue haleine a été un roman historique nommé: *Le prince Sérébryany*. 11 a eu trois éditions... On l'a traduit en français, en allemand, en anglais, en polonais et en italien. Cette dernière traduction, faite à Vérone par le professeur Patuzzi, conjointement avec un russe, M. Sadler, a paru, il y a trios ans, dans le journal milanais *La Perseveranza*... Puis j'ai écrit une trilogie: *Boris Godounoff*, en trois drames séparés, dont le premier, *La mort d'Ivan le Terrible*, a été donné souvent à St-Pétersbourg... On l'a également donné à Weimar avec un grand succès dans une belle traduction allemande de M-me Pavloff. II en existe aussi une française, une anglaise et une polonaise. Le second drame de la trilogie, *le Czar Fedor* (traduit en allemand et en polonais), a été défendu pour la scène dès sa publication. C'est de tout ce que j'ai écrit en vers, ou en prose, ce que j'ai fait de meilleur... A ce propos je tiens à signaler

une brochure que j'ai fait paraître pour la mise en scène de ce drame et où, entre autre, je réfute les arguments qui ont servi pour le mettre à l'index. La troisième partie de la trilogie porte le titre de *Czar Boris* et n'a pas non plus été admise sur la scène.

Il existe encore de moi un recueil de poësies lyriques et épiques auxquelles est joint un poëme dramatique: *Don-Juan*, traduit en allemand par M-me Pavloff. Depuis la publication de ce recueil j'ai écrit beaucoup de ballades et de poësies lyriques disséminées principalement dans le «Wiestnik Evropi» et le «Rousskii Wiestnik», mais que je compte bientôt réunir dans un nouveau recueil...

Alexis Tolstoi.

Перевод М. М. Стасюлевича

Ментона. — 4-го марта, 1874.
Вилла «Parc Tranquille»

...Я родился в Петербурге в 1817 г. (24 августа); но еще шестинедельным меня увезли в Малороссию мать и мой дядя с матерней стороны, Алексей Перовский, впоследствии попечитель Харьковского университета, известный в русской литературе под псевдонимом Антона Погорельского. Он меня воспитал, и первые мои годы прошли в его имении, почему я смот-

рю на Малороссию как на мое истинное отечество. Мое детство было чрезвычайно счастливо и оставило во мне одни светлые воспоминания. Быв единственным сыном, не имев товарища игр и одаренный пылким воображением, я рано привык к мечтательности, которая вскоре сложилась в решительную склонность к поэзии. Местная природа, среди которой я жил, много тому содействовала; воздух и вид наших больших лесов, страстно любимых мною, оставили во мне глубокое впечатление, имевшее влияние на мой характер и жизнь и сохраняемое мною до сей поры. Мое воспитание продолжалось все дома. Восьми или девяти лет я поехал с моими родными в Петербург, где я был представлен Цесаревичу, ныне Государю Императору, и допущен в число детей, составлявших Его воскресное общество. С того времени благосклонность Его ко мне никогда не оставляла меня. В следующем году я отправился с матерью и дядею в Германию. Во время пребывания нашего в Веймаре дядя свел меня к Гёте, к которому я инстинктивно проникся величайшим почтением за ту манеру, с которою он говорил. От этого посещения у меня сохранились в памяти величественные черты Гёте, и еще то, что я у него сидел на коленях. С той эпохи и до 17-летнего возраста, когда я выдержал выпускной экзамен в Московском университете, я беспрестанно путешествовал с моими родными то по России, то

за границей, но часто возвращался в деревню, где провел свои первые годы, и никогда я не мог видеть тех мест без особенного волнения. По смерти моего дяди, сделавшего меня своим наследником, я был, в 1836 г., по желанию матери прикомандирован к русскому посольству при немецком сейме во Франкфурте-на-Майне; позже я поступил во II-е Отделение Собственной Его Величества канцелярии, где редактируются законы. В 1855 г. я записался в число охотников, образовавших стрелковый полк Императорской Фамилии, с тем, чтобы отправиться в крымскую кампанию; но наш полк не имел случая быть в деле и достиг только Одессы, где мы потеряли более тысячи человек от тифа, полученного также и мною. Император Александр II-й, во время коронации в Москве, изволил назначить меня своим флигель-адъютантом. Но так как я вовсе не готовился быть военным и, поступая в стрелки, имел намерение оставить службу тотчас по окончании войны, то я и представил мои сомнения Его Величеству, и Государь Император принял мою просьбу с обычным Ему благодушием и назначил меня егермейстером Двора; этот титул я сохраняю и до настоящего времени. Вот история моей внешней жизни. Что же касается до истории моей души, то я постараюсь рассказать вам и ее, как сумею.

С шестилетнего возраста начал я марать бумагу и писать стихи — так было поражено мое

воображение произведениями наших лучших поэтов, найденными мною в каком-то толстом сборнике, дурно напечатанном и плохо переплетенном в грязную красную обертку. Вид этой книги отпечатлелся в моей памяти и заставлял биться сердце всякий раз, когда она мне снова попадалась на глаза. Я таскал ее, бывало, с собою всюду и прятался в саду или в лесу, чтобы, лежа под деревьями, изучать ее часами. Скоро я знал ее наизусть; я упивался музыкою разнообразных ритмов и усвоивал себе их технику. Как ни были нелепы мои первые опыты, я должен, однако, сказать, что в метрическом отношении они были безупречны. Я продолжал учиться таким образом, усовершенствуя себя, насколько во мне было сил, в течение многих лет, но в печати появился только в 1842 г., когда я дебютировал не стихами, а несколькими рассказами в прозе. В 1855 г. я отдал в первый раз мои лирические и эпические стихотворения в различные журналы, а позже я помещал их ежегодно в «Вестнике Европы» или в «Русском вестнике».

Так как вы желали иметь характеристику моей нравственной жизни, то я вам скажу, что, независимо от поэзии, я всегда испытывал непреодолимое влечение к искусству вообще, во всех его проявлениях. Та или другая картина, или статуя, или прекрасная музыка производили на меня такое сильное впечатление, что у

меня волоса буквально поднимались на голове. Мне было 13 лет, когда я с родными сделал первое путешествие в Италию. Невозможно изобразить силы моих впечатлений и переворота, совершившегося в моей душе, когда я в первый раз увидел те сокровища, о которых имел уже смутные понятия, прежде нежели встретился с ними. Мы начали с Венеции, где мой дядя сделал большие покупки в старом дворце Гримани. Между прочим, был куплен бюст молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело, — великолепный экземпляр, какой когда-либо мне случалось видеть: он находится теперь в Петербурге и принадлежит графу Павлу Строганову. Когда статую перенесли в наш отель, я не отходил от нее. Я вставал ночью посмотреть на нее, и мое воображение мучилось нелепейшими подозрениями. Я задавал себе вопрос, что мне делать, если вспыхнет пожар в отеле, и пробовал, могу ли я, в случае, унести статую на своих руках. Из Венеции мы отправились в Милан, Флоренцию, Рим и Неаполь; при каждом посещении мой восторг и любовь к искусству возрастали; дело дошло до того, что, по возвращении в Россию, я впал в настоящую «тоску по Италии», доходил до какого-то отчаяния, которое заставляло меня днем отказываться от пищи, а ночью рыдать, когда мои сны заносили меня в мой потерянный рай. Подле этой страсти к Италии вскоре начал развиваться странный

контраст, который с первого взгляда может показаться противоречием: это была страсть к охоте. С двадцатого года моей жизни она приобретала надо мною такую силу и я предавался ей с таким жаром, что охоте посвящалось все мое свободное время. В эту эпоху я был при дворе Императора Николая и вел весьма светскую жизнь, которая для меня была не без приманки, но я часто ускользал от нее, чтобы проводить целые недели в лесах, иногда с товарищем, но обыкновенно в одиночку. Между записными охотниками я скоро приобрел известную репутацию за мою охоту на медведей и лосей, и я очертя голову предался делу, которое тем не менее согласовалось и с моими артистическими инстинктами, и с моим официальным положением; оно даже не осталось без влияния на окраску моей поэзии. Мне кажется, я обязан этой жизни охотника тем, что моя поэзия почти всегда писана в мажорном тоне, между тем как мои соотечественники воспевают по большей части в минорном. Я откладываю до дней моей старости описание многих и трогательных эпизодов этой жизни лесов, какую я вел в лучшие годы моей жизни и которая благодаря моей настоящей болезни, быть может, закрыта для меня навсегда. На этот раз ограничусь одним замечанием: моя любовь к нашей дикой природе отразилась в моей поэзии почти столько же, как и чувство пластической красоты...

Мое первое большое произведение — исторический роман: «Князь Серебряный». Оно имело три издания... Его перевели на французский, немецкий, английский, польский и итальянский языки. Этот последний перевод, сделанный в Вероне профессором Патуцци при помощи нашего соотечественника г. Задлера, появился, три года тому назад, в миланском журнале «Perseveranza»... Затем я написал трилогию: «Борис Годунов», в трех отдельных драмах; из них первая, «Смерть Иоанна Грозного», повторялась часто в Петербурге... Ее ставили на сцену в Веймаре, и с большим успехом, в прекрасном переводе г-жи Павловой. Есть также переводы французский, английский и польский. Вторая драма трилогии, «Царь Федор» (переведенная на немецкий и польский), была запрещена для сцены еще во время ее появления в свет. Из всего, что я написал в стихах и в прозе, это — самое лучшее... Здесь, кстати, укажу на брошюру, которую я посвятил объяснению постановки на сцену этой драмы, и где, между прочим, я опровергаю доводы, на основании которых она попала в театральный «Index». Третья часть трилогии, «Царь Борис», также не была допущена на сцену.*

* В начале нынешнего года все три драмы изданы вместе под общим названием: «Драматическая трилогия» гр. А. К. Толстого. СПб., 1876. ⟨*Примечание М. М. Стасюлевича.*⟩

Есть еще одно собрание моей лирической и эпической поэзии, куда я присоединил драматическую поэму: «Дон Жуан», переведенную на немецкий г-жою Павловой. Со времени издания этого сборника (1867) я напечатал много баллад и лирических стихотворений, рассеянных главным образом в «Вестнике Европы» и в «Русском вестнике»; я надеюсь скоро составить из этого новый сборник.

Алексей Толстой.

1. ПОСВЯЩЕНИЕ
ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЫНЕ
ИМПЕРАТРИЦЕ
МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ

К твоим, Царица, я ногам
Несу и радость и печали,
Мечты, что сердце волновали,
Веселье с грустью пополам.

Припомни день, когда Ты, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой;

Я мыслил, песни те слагая:
Они неведомо замрут —
Но ты дала им, о благая,
Свою защиту и приют.

Встречай же в солнце и в лазури,
Царица, радостные дни,
И нас, певцов, в годину бури
В Своих молитвах помяни!

1858 г.

ОТДЕЛ I

1855—1865

ПОЭМЫ. ПОВЕСТИ. ДРАМЫ

2. ИОАНН ДАМАСКИН

1

Любим калифом Иоанн —
Ему, что день, почет и ласка;
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска.
Его поставил властелин
И суд рядить, и править градом,
Он с ним беседует один,
Он с ним сидит в совете рядом;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещут изразцы,
Убраны стены янтарями;
В полдневный зной приют и тень
Дают навесы, шелком тканы,
В узорных банях ночь и день
Шумят студеные фонтаны.

Но от него бежит покой,
Он бродит сумрачен; не той
Он прежде мнил идти дорогой;
Он счастлив был бы и убогий,
Когда б он мог в тиши лесной,
В глухой степи, в уединеньи,
Двора волнение забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитве, песнопенью.

И раздавался уж не раз
Его красноречивый глас
Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась
Грозой неистовой и шумной.
Упорно с ней боролся он,
И от Дамаска до Царьграда
Был, как боец за честь икон
И как художества ограда,
Давно известен и почтен.

Но шум и блеск его тревожат,
Ужиться с ними он не может,
И, тяжкой думой обуян,
Тоска в душе и скорбь на лике,
Вошел правитель Иоанн
В чертог дамасского владыки:
«О государь, внемли: мой сан,
Величье, пышность, власть и сила —
Все мне несносно, все постыло!
Иным призванием влеком,

Я не могу народом править:
Простым рожден я быть певцом,
Глаголом вольным Бога славить.
В толпе вельмож всегда один,
Мученья полон я и скуки;
Среди пиров, в главе дружин,
Иные слышатся мне звуки.
Неодолимый их призыв
К себе влечет меня все боле —
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!»

И тот просящему в ответ:
«Возвеселись, мой раб любимый!
Печали вечной в мире нет
И нет тоски неизлечимой.
Твоею мудростью одной
Кругом Дамаск могуч и славен;
Кто ныне нам величьем равен
И кто дерзнет на нас войной?
А я возвышу жребий твой —
Недаром я окрест державен —
Ты примешь чести торжество,
Ты будешь мне мой брат единый:
Возьми полцарства моего,
Лишь правь другою половиной!»

К нему певец: «Твой щедрый дар,
О государь, певцу не нужен;
С иною силою он дружен;
В его груди пылает жар,

Которым зиждется созданье;
Служить Творцу его призванье;
Его души незримый мир
Престолов выше и порфир —
Он не изменит, не обманет —
Все, что других влечет и манит:
Богатство, сила, слава, честь,
Все в мире том в избытке есть;
А все сокровища природы:
Степей безбрежный простор,
Туманный очерк дальних гор,
И моря пенистые воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всех созвездий хороводы,
И синей тверди глубина —
То все одно лишь отраженье,
Лишь тень таинственных красот,
Которых вечное виденье
В душе избранника живет.
О, верь, ничем тот не подкупен,
Кому сей чудный мир доступен,
Кому Господь дозволил взгляд
В то сокровенное горнило,
Где первообразы кипят,
Трепещут творческие силы.
То их торжественный прилив
Звучит певцу в его глаголе —
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!»

И рек калиф: «В твоей груди
Не властен я сдержать желанье:
Певец, свободен ты, иди,
Куда влечет тебя призванье!»

И вот правителя дворцы
Добычей сделались забвенья,
Оделись пестрые зубцы
Травой и прахом запустенья;
Его несчетная казна
Давно уж нищим роздана,
Усердных слуг не видно боле,
Рабы отпущены на волю,
И не укажет ни один,
Куда их скрылся господин.
В хоромах стены и картины
Давно затканы паутиной,
И мхом фонтаны заросли;
Плющи, ползущие по хорам,
От самых сводов до земли
Зеленым падают узором,
И мак спокойно полевой
Растет кругом на звонких плитах,
И ветер, шелестя травой,
В чертогах ходит позабытых.

2

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,

Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить;
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Как горней бури приближенье,
Как натиск пенящихся вод,
Теперь в груди моей растет
Святая сила вдохновенья.
Уж на устах дрожит хвала
Всему, что благо и достойно, —
Какие ж мне воспеть дела,
Какие битвы или войны?
Где я для дара моего
Найду высокую задачу,
Чье передам я торжество
Иль чье падение оплачу?
Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный,
Блажен, кто жизнию умел

Хоть раз коснуться правды вечной;
Блажен, кто истину искал,
И тот, кто, побежденный, пал
В толпе ничтожной и холодной,
Как жертва мысли благородной!
Но не для них моя хвала,
Не им восторга излиянья —
Мечта для песен избрала
Не их высокие деянья,
И не в венце сияет Он,
К кому душа моя стремится;
Не блеском славы окружен,
Не на звенящей колеснице
Стоит он, гордый сын побед,
Не в торжестве величья — нет —
Я зрю Его передо мною
С толпою бедных рыбаков,
Он тихо, мирною стезею,
Идет меж зреющих хлебов;
Благих речей своих отраду
В сердца простые Он лиет,
Он правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.

Зачем не в то рожден я время,
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути!
Зачем я не могу нести,
О мой Господь, Твои оковы,

Твоим страданием страдать,
И крест на плечи Твой приять,
И на главу венец терновый!
О, если б мог я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный след Твоих шагов!
О мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покров!
Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать,
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отныне, вещие уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!

3

Часы бегут. Ночная тень
Не раз сменяла зной палящий,
Не раз, всходя, лазурный день
Свивал покров с природы спящей;
И перед странником вдали
И волновались и росли
Разнообразные картины:
Белели снежные вершины
Над лесом кедровым густым;
Иордан сверкал в степном просторе,

И Мертвое чернело море,
Сливаясь с небом голубым.
И вот, виясь в степи широкой,
Чертой изогнутой легло
Пред ним Кедронского потока
Давно безводное русло́.

Смеркалось. Пар струился синий;
Кругом царила тишина;
Мерцали звезды; над пустыней
Всходила медленно луна.
Брегов сожженные стремнины
На дно сбегают крутизной,
Спирая узкую долину
Двойной отвесною стеной.
Внизу кресты, симво́лы веры,
Стоят в обрывах здесь и там,
И видны странника очам
В утесах рытые пещеры.
Сюда, со всех концов земли,
Бежав мирского треволненья,
Отцы святые притекли
Искать покоя и спасенья.
С краев до высохшего дна,
Где спуск крутой ведет в долину,
Руками их возведена
Из камней крепкая стена,
Отпор степному сарацину.
В стене ворота; тесный вход
Над ними башня стережет,

Тропинка вьется над оврагом;
И вот, спускаясь по скалам,
При свете звезд, усталым шагом
Подходит странник к воротам.
«Тебя, безбурное жилище,
Тебя, познания купель,
Житейских помыслов кладбище
И новой жизни колыбель,
Тебя приветствую, пустыня,
К тебе стремился я всегда!
Будь мне убежищем отныне,
Приютом песен и труда.
Все попечения мирские
Сложив с себя у этих врат,
Приносит вам, отцы святые,
Свой дар и гусли новый брат».

4

«Отшельники Кедронского потока,
Игумен вас сзывает на совет.
Сбирайтесь все: пришедший издалека
Вам новый брат приносит свой привет.
Велики в нем и вера и призванье,
Но должен он пройти чрез испытанье.

Из вас его вручаю одному:
Он тот певец, меж всеми знаменитый,
Что разогнал иконоборства тьму,
Чьим словом ложь попрана и разбита,

То Иоанн, святых икон защита, —
Кто хочет быть наставником ему?»

И лишь назвал игумен это имя,
Заволновался весь монахов ряд,
И на певца дивятся и глядят,
И пробегает шепот между ними.
Главами все поникнувши седыми,
С смирением игумну говорят:

«Благословен сей славный Божий воин,
Благословен меж нас его приход,
Но кто же здесь учить того достоин,
Кто правды свет вокруг себя лиёт?
Чье слово нам как колокол звучало —
Того ль приять дерзнем мы под начало?»

Тут из толпы один выходит брат;
То чернorизец был на вид суровый,
И строг его пытующий был взгляд,
И строгое певцу он молвил слово:
«Держать посты уставы нам велят,
Служенья ж мы не ведаем иного.

Коль под моим началом хочешь быть,
Тебе согласен дать я наставленье,
Но должен ты отныне отложить
Ненужных дум бесплодное броженье;
Дух праздности и прелесть песнопенья
Постом, певец, ты должен победить.

Коль ты пришел отшельником в пустыню,
Умей мечты житейские попрать,
И на уста, смирив свою гордыню,
Ты наложи молчания печать;
Исполни дух молитвой и печалью —
Вот мой устав тебе в новоначалье!»

Замолк монах. Нежданный приговор
Как гром упал средь мирного синклита.
Смутились все. Певца померкнул взор,
Покрыла бледность впалые ланиты.

И неподвижно долго он стоял,
Безмолвно опустив на землю очи,
Как будто бы ответа он искал,
Но отвечать недоставало мочи.

И начал он: «Моих всю бодрость сил,
И мысли все, и все мои стремленья
Одной я только цели посвятил:
Хвалить Творца и славить в песнопеньи.

Но ты велишь скорбеть мне и молчать —
Твоей, отец, я повинуюсь воле;
Весельем сердце не взыграет боле,
Уста сомкнет молчания печать.

Так вот где ты таилось, отреченье,
Что я не раз в молитвах обещал!

Моей отрадой было песнопенье,
И в жертву ты, Господь, его избрал!

Настаньте ж, дни молчания и муки!
Прости, мой дар! Ложись на гусли, прах!
А вы, в груди взлелеянные звуки,
Замрите все на трепетных устах!

Спустися, ночь, на горестного брата
И тьмой его от солнца отлучи!
Померкните, затмитесь без возврата,
Моих псалмов звенящие лучи!

Погибни, жизнь! Погасни, огнь алтарный!
Уймись во мне, взволнованная кровь!
Свети лишь ты, небесная любовь,
В моей ночи звездою лучезарной!

О мой Господь, прости последний стон,
Последний сердца страждущего ропот!
Единый миг — замрет и этот шепот,
И встану я, Тобою возрожден!

Свершилось. Мрака набегают волны —
Взор гаснет, стынет кровь — всему конец!
Из мира звуков ныне в мир безмолвный
Нисходит к вам развенчанный певец!»

5

В глубоком ущелье,
Как гнезда стрижей,
По желтым обрывам темнеют
пустынные кельи,
Но речи не слышно ничьей;
Все тихо, пока не сберется к служенью
Отшельников рой,
И вторит тогда их обрядному пенью
Один отголосок глухой.
А там, над краями долины,
Безлюдной пустыни царит торжество,
И пальмы не видно нигде ни единой,
Все пусто кругом и мертво.
Как жгучее бремя,
Так небо усталую землю гнетет,
И кажется, будто бы время
Свой медленный звучно свершает
над нею полет.
Порой отдаленное слышно рычанье
Голодного льва;
И снова наступит молчанье,
И снова шумит лишь сухая трава,
Когда из-под камней змея, выползая,
Блеснет чешуей;
Крылами треща, саранча полевая
Взлетит иногда. Иль случится порой,
Пустыня проснется от дикого клика,
Посыпятся камни, и там, в вышине,

Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
Покажется в небе; на легком коне
Появится всадник; над самым оврагом
Сдержав скакуна запененного лёт,
Проедет он мимо обители шагом
Да инокам сверху проклятье пошлет.
И снова все стихнет. Лишь в полдень орлицы
На крыльях недвижных парят
Да вечером звезды горят,
И скучною тянутся длинные дни вереницей.

6

Порою в тверди голубой
Проходят тучи над долиной;
Они картину за картиной,
Плывя, свивают меж собой.
Так, в нескончаемом движеньи,
Клубится предо мной всегда
Воспоминаний череда,
Погибшей жизни отраженья;
И льнут, и вьются без конца,
И вечно волю осаждают,
И онемевшего певца,
Ласкаясь, к песням призывают.
И казнью стал мне праздный дар,
Всегда готовый к пробужденью;
Так ждет лишь ветра дуновенья
Под пеплом тлеющий пожар.
Перед моим тревожным духом

Теснятся образы толпой,
И в тишине, над чутким ухом,
Дрожит созвучий мерный строй;
И я, не смея святотатно
Их вызвать в жизнь из царства тьмы,
В хаоса ночь гоню обратно
Мои непетые псалмы.
Но тщетно я, в бесплодной битве,
Твержу уставные слова
И заученные молитвы —
Душа берет свои права!
Увы, под этой ризой черной,
Как в оны дни под багрецом,
Живым палимое огнем,
Мятется сердце непокорно.
Юдоль, где я похоронил
Броженье деятельных сил,
Свободу творческого слова —
Юдоль молчанья рокового —
О, передай душе моей
Твоих стремнин покой угрюмый!
Пустынный ветер, о, развей
Мои недремлющие думы!

7

Тщетно он просит и ждет от безмолвной юдоли покоя,
Ветер пустынный не может недремлющей думы развеять;

Годы проходят один за другим, все бесплодные годы!
Все тяжелее над ним тяготит роковое молчанье.
Так он однажды сидел у входа пещеры, рукою
Грустные очи закрыв и внутренним звукам внимая.
К скорбному тут к нему подошел один черноризец,
Пал на колени пред ним и сказал: «Помоги, Иоанне!
Брат мой по плоти преставился; братом он был по душе мне.
Тяжкая горесть снедает меня; я плакать хотел бы —
Слезы не льются из глаз, но скипаются в горестном сердце.
Ты же мне можешь помочь: напиши лишь умильную песню,
Песнь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,
Мог я рыдать, и тоска бы моя получила ослабу!»
Кротко взглянул Иоанн и печально в ответ ему молвил:
«Или не ведаешь ты, каким я связан уставом?
Строгое старец на песни мои наложил запрещенье».

Тот же стал паки его умолять, говоря: «Не узнает
Старец о том никогда; он отсель отлучился на три дня,
Брата ж мы завтра хороним; молю тебя всею душою,
Дай утешение мне в беспредельно горькой печали!»
Паки ж отказ получив: «Иоанне! — сказал черноризец, —
Если бы был ты телесным врачом, а я б от недуга
Так умирал, как теперь умираю от горя и скорби,
Ты ли бы в помощи мне отказал! И не дашь ли ответа
Господу Богу о мне, если ныне умру, безутешен?»
Так говоря, колебал в Дамаскине он мягкое сердце.
Собственной полон печали, певец дал жалости место;
Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,
Образы мрачной явились толпой, и в воздухе звуки
Стали надгробное мерно гласить над усопшим рыданье.
Слушал певец, наклонивши главу, то незримое пенье,

Долго слушал, и встал, и, с молитвой
вошедши в пещеру,
Там послушной рукой начертал, что ему
прозвучало, —
Так был нарушен устав, так прервано
было молчанье.

Над вольной мыслью Богу неугодны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет!

Ужели вправду мнил ты, близорукий,
Сковать свои мечты?
Ужель попрать в себе живые звуки
Насильно думал ты?

С Ливанских гор, где в высоте лазурной
Белеет дальний снег,
В простор степей стремяся, ветер бурный
Удержит ли свой бег?

И потекут ли вспять струи потока,
Что между скал гремят?
И солнце там, поднявшись от востока,
Вернется ли назад?

8

Колоколов унылый звон
С утра долину оглашает;
Покойник в церковь принесен;
Обряд печальный похорон
Собор отшельников свершает.
Свечами светится алтарь,
Стоит певец с поникшим взором,
Поет напутственный тропарь,
Ему монахи вторят хором.

Тропарь

Какая сладость в жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно,
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели, —
Какая слава на земли
Стоит, тверда и непреложна?
Все пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет все, как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны и бессильны.
Рука могучего слаба,
Ничтожны царские веленья —
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Как ярый витязь смерть нашла,
Меня, как хищник, низложила,
Свой зев разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаем, как цветы, —
Почто же мы мятемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши — разрушенье —
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!

Средь груды тлеющих костей
Кто царь, кто раб, судья иль воин?
Кто царства Божия достоин
И кто отверженный злодей?
О братья, где сребро и злато,
Где сонмы многие рабов?
Среди неведомых гробов
Кто есть убогий, кто богатый?
Все пепел, дым, и пыль, и прах,
Все призрак, тень и привиденье —
Лишь у Тебя, на небесах,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнет все, что было плоть,

Величье наше будет тленье —
Прими усопшего, Господь,
В Твои блаженные селенья!

И Ты, Предстательница всем,
И Ты, Заступница скорбящим,
К Тебе о брате, здесь лежащем,
К Тебе, Святая, вопием!
Моли Божественного Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы отживший на земли
Оставил здесь свои кручины!
Все пепел, прах, и дым, и тень,
О други, призраку не верьте!
Когда дохнет в нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы все поляжем, как хлеба,
Серпом подрезанные в нивах, —
Прими усопшего раба,
Господь, в селениях счастливых!

Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,

Моя любовь не умирает,
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье, —
Прими усопшего раба
В Твои блаженные селенья!

9

Так он с монахами поет.
Но вот меж ними гость нежданный, —
Нахмуря брови, предстает
Наставник старый Иоанна.
Суровы строгие черты,
Главу подъемля величаво:
«Певец, — он молвит, — так ли ты
Блюдешь и чтишь мои уставы?
Когда пред нами братний прах,
Не петь, но плакать нам пристойно!
В твоих ли звуках и стихах
Теперь нуждается покойный?
Изыди, инок недостойный, —
Не в наших жить тебе стенах!»

И, гневной речью пораженный,
Виновный пал к его ногам:
«Прости, отец! Не знаю сам,
Как преступил твои законы!
Во мне звучал немолчный глас,

В неодолимой сердца муке
Невольно вырвалися звуки,
Невольно песня полилась!»
И ноги старца он объемлет:
«Прости вину мою, отец!»
Но тот раскаянью не внемлет,
Он говорит: «Беги, певец!
Досель житейская гордыня
Еще жива в твоей груди —
От наших келий отойди,
Не оскверняй собой пустыни!»

10

Прошла по лавре роковая весть.
Отшельников смутилося собранье:
«Наш Иоанн, Христовой Церкви честь,
Наставника навлек негодованье!
Ужель ему придется перенесть,
Ему, певцу, позорное изгнанье?»
И жалостью исполнились сердца,
И все собором молят за певца.

Но, словно столп, наставник непреклонен,
И так в ответ просящим молвит он:
«Устав, что мной однажды узаконен,
Не будет даром ныне отменен.
Кто к гордости и к ослушанью склонен,
Того, как терн, мы вырываем вон.

Но если в нем не ложны сожаленья,
Епитимьей он выкупит прощенье.

Пусть лавры он обходит черный двор,
С лопатою обходит и с метлою;
Свой дух смирив, пусть всюду грязь и сор
Он непокорной выметет рукою.
Дотоль над ним мой крепок приговор,
И нет ему прощенья предо мною!»
Замолк, и, вняв безжалостный отказ,
Вся братия в печали разошлась.

Презренье, други, на певца,
Что дар священный унижает,
Что пред кумирами склоняет
Красу лаврового венца!
Что гласу истины и чести
Внушенье выгод предпочел,
Что угождению и лести
Бесстыдно продал свой глагол!
Из века в век звучать готово,
Ему на казнь и на позор,
Его бессовестное слово,
Как всенародный приговор!
Но ты, иной взалкавший пищи,
Ты, что молитвою влеком,
Высокий сердцем, духом нищий,
Живущий мыслью со Христом,
Ты, что пророческого взора

Пред блеском мира не склонял, —
Испить ты можешь без укора
Весь унижения фиал!

И старца речь дошла до Дамаскина;
Епитимьи условия узнав,
Певец спешит свои загладить вины;
Спешит почтить неслыханный устав;
Сменила радость горькую кручину.
Без ропота лопату в руки взяв,
Певец Христа не мыслит о пощаде,
Но униженье терпит Бога ради.

Тот, кто с вечною любовию
Воздавал за зло добром —
Избиен, покрытый кровию,
Венчан терновым венцом —
Всех, с Собой страданьем сближенных,
В жизни долею обиженных,
Угнетенных и униженных,
Осенил Своим крестом.
Вы, чьи лучшие стремления
Даром гибнут под ярмом,
Верьте, други, в избавление —
К Божью свету мы грядем.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цепями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете с Христом!

11

Темнеет. Пар струится синий;
В ущелье мрак и тишина;
Мерцают звезды, и луна
Восходит тихо над пустыней.
В свою пещеру, одинок,
Ушел отшельник раздраженный;
Все спит; луной посеребренный,
Иссякший видится поток;
Над ним скалистые вершины
Из мрака смотрят там и тут;
Но сердце старца не влекут
Природы мирные картины;
Оно для жизни умерло;
Согнувши строгое чело,
Он, чуждый миру, чуждый братьям,
Лежит, простерт перед распятьем.
В пыли седая голова,
И смерть к себе он призывает,
И шепчет мрачные слова,
И камнем в перси ударяет.
И долго он поклоны клал,
И долго смерть он призывал,
И наконец, в изнеможеньи,
Безгласен, наземь он упал,
И старцу видится виденье:

Разверзся вдруг утесов свод,
И разлилось благоуханье,

И от невидимых высот
В пещеру падает сиянье.
И в трепетных его лучах,
Одеждой звездною блистая,
Явилась Дева Пресвятая
С Младенцем спящим на руках.
Из света чудного слиянный,
Ее небесно-кроток вид:
«Почто ты гонишь Иоанна? —
Она монаху говорит. —
Его молитвенные звуки,
Как голос неба для земли,
В сердца послушные текли,
Врачуя горести и муки.
Почто ж ты, старец, заградил
Нещадно тот источник сильный,
Который мир бы напоил
Водой целебной и обильной!
На то ли жизни благодать
Господь послал своим созданьям,
Чтоб им бесплодным истязаньем
Себя казнить и убивать?
Он дал природе изобилье
И бег струящимся рекам,
Он дал движенье облакам,
Земле цветы и птицам крылья.
Почто ж певца живую речь
Сковал ты заповедью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рекой певучей неоскудно!

Да оросят его мечты,
Как дождь, житейскую долину, —
Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!»

Виденье скрылось в облаках,
Заря выходит из тумана...
Встает встревоженный монах,
Зовет и ищет Иоанна —
И вот обнял его старик:
«О, сын смирения Христова,
Тебя душою я постиг —
Отныне петь ты можешь снова!
Отверзи вещие уста,
Твои окончены гоненья;
Во имя Господа Христа,
Певец, святые вдохновенья
Из сердца звучного излей, —
Меня ж, молю, прости, о, чадо,
Что слову вольному преградой
Я был по грубости моей!»

12

Воспой же, страдалец, воскресную песнь,
Возрадуйся жизнию новой!
Исчезла коснения долгая плеснь,
Воскресло свободное слово!

Того, Кто оковы души сокрушил,
Да славит немолчно созданье!
Да хвалят торжественно Господа Сил
И солнце, и месяц, и хоры светил,
И всякое в мире дыханье!

Блажен, кому ныне, Господь, пред Тобой
И мыслить и молвить возможно!
С бестрепетным сердцем и с теплой мольбой
Во имя Твое он выходит на бой
Со всем, что неправо и ложно!

Раздайся ж, воскресная песня моя,
Как солнце взойди над землею!
Расторгни убийственный сон бытия
И, свет лучезарный повсюду лия,
Громи, что созиждено тьмою!

Не с диких падает высот,
Средь темных скал, поток нагорный;
Не буря грозная идет,
Не ветер прах вздымает черный;
Не сотни гнущихся дубов
Шумят главами вековыми;
Не ряд морских бежит валов,
Качая гребнями седыми, —

То Иоанна льется речь,
И, сил исполненная новых,

Она громит, как Божий меч,
Во прах противников Христовых.

Не солнце красное встает,
Не утро светлое настало,
Не стая лебедей взыграла
Весной на лоне ясных вод;

Не соловьи в стране привольной
Зовут соседних соловьев;
Не гул несется колокольный
От многохрамных городов —

То слышен всюду плеск народный,
То ликованье христиан —
То славит речию свободной
И хвалит в песнях Иоанн,
Кого хвалить в своем глаголе
Не перестанут никогда
Ни каждая былинка в поле,
Ни в небе каждая звезда!

1858 г. (до 27 ноября)

3. ГРЕШНИЦА

1

Народ кипит; веселье, хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Кругом и зелень и цветы,
И меж столбов, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Везде горит хрусталь и злато,
Возниц и коней полон двор;
Теснясь за трапезой великой,
Гостей пирует шумный хор,
Идет, сливаяся с музыкой,
Их перекрестный разговор.

Ничем беседа не стеснима.
Они свободно говорят
О ненавистном иге Рима,
О том, как властвует Пилат,
О их старшин собраньи тайном,
Торговле, мире, и войне,
И муже том необычайном,
Что появился в их стране:

2

«Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренью он учил,
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.
Не терпит гнева он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром;
Есть неземная сила в нем:
Слепым он возвращает зренье,
Дарит и крепость и движенье
Тому, кто был и слаб и хром,
Ему признания не надо,
Сердец мышленье отперто,
Его пытующего взгляда
Еще не выдержал никто.
Целя недуг, врачуя муку,
Везде спасителем он был,
И всем простер благую руку,
И никого не осудил.
То, видно, Богом муж избранный.
Он там, по о́нпол Иордана,
Ходил как посланный небес,
Он много там свершил чудес,
Теперь пришел он, благодушный,
На эту сторону реки,
Толпой прилежной и послушной
За ним идут ученики».

3

Так гости, вместе рассуждая,
За длинной трапезой сидят,
Меж ними, чашу осушая,
Сидит блудница молодая.
Ее причудливый наряд
Невольно привлекает взоры:
Ее нескромные уборы
О грешной жизни говорят.
Но дева падшая прекрасна,
Взирая на нее, навряд
Пред силой прелести опасной
Мужи и старцы устоят:
Глаза насмешливы и смелы,
Как снег Ливана, зубы белы,
Как зной, улыбка горяча;
Вкруг стана падая широко,
Сквозные ткани дразнят око,
С нагого спущены плеча.
Ее и серьги и запястья,
Звеня, к восторгам сладострастья,
К утехам пламенным зовут,
Алмазы блещут там и тут,
И, тень бросая на ланиты,
Во всем обилии красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падут роскошные власы.
В ней совесть сердца не тревожит,
Стыдливо не вспыхает кровь,

Купить за злато всякий может
Ее продажную любовь.

И внемлет дева разговорам,
И ей они звучат укором,
Гордыня пробудилась в ней,
И говорит с хвастливым взором:
«Я власти не страшусь ничьей!
Заклад со мной держать хотите ль?
Пускай предстанет ваш учитель,
Он не смутит моих очей!»

4

Вино струится, шум и хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Куренье, солнце и цветы —
И вот к толпе, шумящей праздно,
Подходит муж благообразный.
Его чудесные черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блеске юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный вид
Неотразимой дышит властью,
К земным утехам нет участья,
И взор в грядущее глядит.
То муж, на смертных не похожий,
Печать избранника на нем,
Он светел, как архангел Божий,

Когда пылающим мечом
Врага в кромешные оковы
Он гнал по манию Иеговы.
Невольно грешная жена
Его величьем смущена
И смотрит робко, взор понизив;
Но, вспомня свой недавний вызов,
Она с седалища встает
И, стан свой выпрямивши гибкий
И смело выступив вперед,
Пришельцу с дерзкою улыбкой
Фиал шипящий подает.

«Ты тот, что учит отреченью?
Не верю твоему ученью,
Мое надежней и верней.
Меня смутить не мысли ныне,
Один скитавшийся в пустыне,
В посте проведший сорок дней!
Лишь наслажденьем я влекома,
С постом, с молитвой незнакома,
Я верю только красоте,
Служу вину и поцелуям,
Мой дух тобою не волнуем,
Твоей смеюсь я чистоте!»

И речь ее еще звучала,
Еще смеялася она,
И пена легкая вина
По кольцам рук ее бежала,

Как общий говор вкруг возник,
И слышит грешница в смущеньи:
«Она ошиблась! В заблужденье
Ее привел пришельца лик:
То не учитель перед нею,
То Иоанн из Галилеи,
Его любимый ученик».

5

Небрежно немощным обидам
Внимал он девы молодой,
И вслед за ним, с спокойным видом,
Подходит к храмине другой.
В его смиренном выраженьи
Восторга нет, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очерк дивного чела.
То не пророка взгляд орлиный,
Не прелесть ангельской красы —
Делятся на две половины
Его волнистые власы;
Поверх хитона упадая,
Одела риза шерстяная
Простою тканью стройный рост,
В движеньях скромен он и прост;
Ложась вкруг уст его прекрасных,
Слегка раздвоена брада —
Таких очей благих и ясных
Никто не видел никогда.

И пронеслося над народом
Как дуновенье тишины,
И чудно благостным приходом
Сердца гостей потрясены.
Замолкнул говор. В ожиданьи
Сидит недвижное собранье,
Тревожно дух переводя —
И он, в молчании глубоком,
Обвел сидящих тихим оком
И, в дом веселья не входя,
На дерзкой деве самохвальной
Остановил свой взор печальный.

6

И был тот взор как луч денницы,
И все открылося ему,
И в сердце сумрачном блудницы
Он разогнал ночную тьму.
И все, что было там таимо,
В грехе что было свершено,
В ее глазах неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ее порочных дел —
И ужас ею овладел.
Уже на грани сокрушенья
Она постигла в изумленьи,
Как много благ, как много сил

Господь ей щедро подарил
И как она восход свой ясный
Грехом мрачила ежечасно.
И, в первый раз гнушаясь зла,
Она в том взоре благодатном
И кару дням своим развратным,
И милосердие прочла;
И, чуя новое начало,
Еще страшась земных препон,
Она, колебляся, стояла...
И вдруг в тиши раздался звон
Из рук упавшего фиала,
Стесненной груди слышен стон,
Бледнеет грешница младая,
Дрожат открытые уста —
И пала ниц она, рыдая,
Перед святынею Христа.

Апрель—май 1857 г.

4. ДОН ЖУАН

Драматическая поэма

Посвящается памяти Моцарта и Гофмана

Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfalls, daß der Feind die Macht biehilt, dem Menchen aufzulauern, und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur fusspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Conflict der göttlichen und dämonischen Kräfte erzeugt den Begriff des irdischen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdischen Lebens.

Hoffmann

ПРОЛОГ

Красивая страна. Весенний вечер. Захождение солнца. Небесные духи спускаются на землю.

Духи

Из иной страны чудесной,
Людям в горести помочь,
Нас на землю Царь небесный
Посылает в эту ночь;

Принести живое слово,
Жатвы все благословить,
Человека к жизни новой
Ободрить и укрепить!

Один дух

Жаль мне рода, что для хлеба
Маять век свой осужден;
Мысль его стремится в небо,
Сам над плугом он согбен;
Всем страданьям, без изъятья,
Должен дань он заплатить,
И не лучше ль было б, братья,
Вовсе смертному не жить?

Другой дух

Все явления вселенной,
Все движенья вещества —
Все лишь отблеск Божества,
Отраженьем раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Разделились беспредельно,
Мир земной есть луч отдельный —
Не светить ему нельзя!

Третий дух

Бог один есть свет без тени,
Нераздельно в нем слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота;

Но, струящаясь от Бога,
Сила борется со тьмой;
В нем могущества покой —
Вкруг него времен тревога!

Четвертый дух

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит:
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит;
И всегда, обманов полный,
На Господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять!

Пятый дух

И усильям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается все снова
Спор враждующих начал.
В битве смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество!

Шестой дух

Вечно вкруг текут созвездья,
Вечно светом мрак сменен:
Нарушенье и возмездье

Есть движения закон.
Чрез всемирное явленье
Бог проводит мысль одну
И, как символ возрожденья,
За зимой ведет весну!

Седьмой дух

Вот она, весна младая,
Свежим трепетом полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
В неба синие объятья
Поднялась земли краса, —
Тише! Слышите ли, братья,
Все ликуют без изъятья,
Все природы голоса!

Все

На изложинах росистых,
На поверхности озер,
Вдоль ручьев и речек чистых
И куда ни кинешь взор,
Всюду звонкая тревога,
Всюду, в зелень убрана,
Торжествуя, хвалит Бога
Жизни полная весна!

Проходят облака

Миновало холодное царство зимы,
И, навстречу движенью живому,

В юных солнца лучах позлатилися мы
И по небу плывем голубому.
Миновало холодное царство снегов,
Не гонимы погодою бурной,
В парчевой мы одетые снова покров,
Хвалим Господа в тверди лазурной!

Расцветают цветы

Снова небо с высот улыбается нам,
И, головки подняв понемногу,
Воссылаем из наших мы чаш фимиам,
Как моление Господу Богу!

Пролетают журавли

По небесным пространствам спеша голубым,
Где нас видеть едва может око,
Ко знакомым местам мы летим и кричим,
Длинной цепью виясь издалека.
Видим сверху мы праздник веселый земли,
Здесь кончается наша дорога,
И мы кружимся вкруг, журавли, журавли,
Хвалим криками Господа Бога!

Озера и реки

Зашумели ручьи, и расторгнулся лед,
И сквозят темно-синие бездны,
И на глади зеркальной таинственных вод
Возрожденных небес отражается свод
В красоте лучезарной и звездной.

И вверху и внизу все миры без конца,
И двояко является вечность:
Высота с глубиной хвалят вместе Творца,
Славят вместе Его бесконечность!

Солнце зашло.

В роще запевает соловей

Нисходит ночь на мир прекрасный,
Кругом все дышит тишиной;
Любви и грусти полон страстной,
Пою один про край иной!
Весенних листьев трепетанье,
Во мраке веющие сны,
Журчанье вод, цветов дыханье —
Все мне звучит как обещанье
Другой, неведомой весны!

Духи

Блажен, кто прост и чист душою,
Чей дух молитве не закрыт,
Кто вместе с юною землею
Творца миров благодарит,
Но мыслью, вечно восходящей,
Не в жизни ищет идеал,
И кто души своей любящей
Упорно к ней не приковал!

Соловей

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней стороне,
Любовь и грусть, печаль и радость
Всегда межуются во мне;
Но в их неровном колыханьи
Полны надежд мои мечты:
Журчанье вод, цветов дыханье —
Все мне звучит как обещанье
Другой, далекой красоты!

Духи

Чем тени сумрачней ночные,
Тем звезды ярче и ясней;
Блажен в беде не гнувший выи,
Блажен певец грядущих дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидит радостный восход
И утешительное слово
Средь общих слез произнесет!
И тьму пусть терпит Божья воля,
Явлений двойственность храня, —
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути Творца необъяснимы,
Его судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех сомнений мимо
Дорогой светлою идет!

Голос

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
Что на земле теперь весна.
Жаль только, что ее краса недолговечна
И декорация уж слишком непрочна!

Духи

Кем здесь нарушена святая тишина?
Чей голос разбудил уснувшие долины?

Голос

Я живописи тень. Я темный фон картины,
Необходимости логическая дань.
Я нечто вроде общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цветочки.

Духи

Зарницы блещут. Из болот
Седой туман клубится и встает,
Земля под нами задрожала, —
О братья, близко здесь недоброе начало!

Голос

Хотя не Слово я, зато я — все слова!
Все двигаю собой, куда лишь сам ни двинусь;
По математике я — минус,
По философии — изнанка божества;

Короче, я ничто; я жизни отрицанье;
А как Господь весь мир из ничего создал,
То я тот самый матерьял,
Который послужил для мирозданья.
Клеветникам назло, прогресс во всем любя,
Чтоб было что-нибудь, я в дар принес себя,
Не пожалел отдать часть собственного теста,
Чтоб вылепиться мог вселенной сложный
шар;
А так как быть нельзя, не занимая места,
То в остальное он вошел, как в свой футляр.
Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи к небесам,
Акафисты свои поете фистулою,
Я к звонким вашим дишкантам —
Фундаментальный бас.

Духи

По дерзостным речам
Тебя узнать легко. Явись же лучше к нам
И не веди происхожденья
Хвастливо от предвечной тьмы;
Увы, ты был, до дня паденья,
Таким же светлым, как и мы!

Голос

Мне грамоту мою отстаивать — бесплодно;
Во мне так много есть сторон,
Что быть готов я, коль угодно,
Не что иное, как бурбон.

Но если с этой точки зренья
Мы будем на мое смотреть происхожденье,
Тогда осмелюся сказать,
Вам не во гнев и не в обиду,
Что я, имев несчастье потерять
Архангельский мой вид, лишился вовсе виду.
Поэтому, коль я вам подлинно собрат,
То одолжите мне, любезные собратья,
Какой-нибудь наряд,
Приличный облик или платье!

Духи

Бери любой; явися нам
Как змий, как ворон иль иначе!

Сатана

(*является в виде черного ангела*)

Вот так известен я певцам,
А живописцам наипаче.

Первый дух

Замолкнул соловей, поблекнули цветы,
Подернулися звезды облаками...
Скажи, погибший брат, чего здесь хочешь ты
И что есть общего меж нами?

Второй дух

Дух отрицания, безверия и тьмы,
Дух возмущенья и гордыни!

Тебя ли снова видим мы,
Врага и правды и святыни?

Третий дух

Ты ль, мной самим, как червь, низверженный во прах,
Теперь, с насмешкой на устах,
Дерзаешь в сонме сем являться?

Сатана

Превосходительный! Не стыдно ль так ругаться?
Припомни: в оный день, когда я вздумал сам
Владыкой сделаться вселенной
И на великий бой поднялся дерзновенно
Из бездны к небесам,
А ты, чтоб замыслам противостать свободным,
С негодованьем благородным,
Как ревностный жандарм, с небес навстречу мне
Пустился и меня шарахнул по спине,
Не я ль в той схватке благотворной
Тебе был точкою опорной?
Ты сверху напирал, я снизу дал отпор;
Потом вернулись мы — я вниз, ты в поднебесье, —
И во движеньи сил всемирных с этих пор
Установилось равновесье.

Но если б не пришлось тебе меня сшибить
И, прыгнув сгоряча, ты мимо дал бы маху,
Куда, осмелюся спросить,
Ты сам бы полетел с размаху?
Неблагодарны вы, ей-ей,
Но это все *дела давно минувших дней,*
Преданья старины глубокой —
Кто вспомнит старое, того да лопнет око!

Духи

Какое ж ныне замышленье
Тебя из бездны вызвало опять?

Сатана

Хотелось мне, для развлеченья,
Весной немножко погулять.
Но, впрочем, у меня есть и другое дело.
Коль вам беседовать со мной не надоело,
Охотно сообщу задуманный мной план.

(*Садится на обгорелый пень.*)

Есть юноша в Севилье, дон Жуан,
А по фамильи — де Маранья.
Ему пятнадцать лет. Счастливые года!
Чуть пухом поросла младая борода,
Почти еще дитя. Но в мыслях колебанье
И беспокойство видны иногда.
Как размышляет он глубоко
И как задумчив он порой!

К какой-то цели все неясной и высокой
Стремится он неопытной душой;
Но если речь зайдет о воинской отваге
Или любви коснется разговор,
Его рука уже на шпаге,
Огнем горит орлиный взор.
Как он хорош в толпе придворной,
Одетый в бархат и атлас,
Когда он клонит так притворно
Свой взор при встрече женских глаз!
Зато как иногда он смело
На них украдкою глядит!
Сам бредит о любви, а кровь кипит, кипит...
О молодость моя, куда ты улетела!
Вы правы, господа! На утре бытия
Мечтателем когда-то был и я,
Пока не преступил небесного предела!

Духи

О Сатана, кого назвал ты нам!
Сей дон Жуан любимец есть природы,
Он призван к подвигам и благостным делам,
Пред ним преклонятся народы,
Он будет славен до конца,
Он стражей огражден небесной неприступно,
К нему ты не прострешь руки своей преступной —
Познай: сей дон Жуан избранник есть Творца!

Сатана

Мой также. Я давно его заметил.
Я знаю, сколь удел его в грядущем светел,
И, юношу всем сердцем возлюбя,
Я сделаю его похожим на себя.

Духи

Но где же власть твоя? Где сила?

Сатана

Оно и не легко. И дорого, да мило!
Послушайте. Во всем я к точности привык.
Ведь каждый данный пункт, характер или лик
Мы можем мысленно, по нашему капризу,
И кверху продолжи́ть и книзу.
Я часто сам от скуки наблюдал,
Как иногда моя меняется натура:
Взберусь наверх — я мрачный идеал;
Спущуся вниз — карикатура.
Теперь, как с кафедры адъюнкт,
Я вашего прошу вниманья:
Любую женщину возьмем как данный пункт;
Коль кверху продолжи́м ее мы очертанье,
То наша линия, как я уже сказал,
Прямехонько в ее упрется идеал,
В тот чистый прототип, в тот образ совершенный,
Для каждой личности заране припасенный.
Я этот прототип, не зримый никому,

Из дружбы покажу любимцу моему.
Пусть в каждом личике, хоть несколько годящем,
Какое бы себе он ни избрал,
Он вместо копии все зрит оригинал,
Последний вывод наш в порядке восходящем.
Когда ж захочет он, моим огнем палим,
В объятиях любви найти себе блаженство,
Исчезнет для него виденье совершенства
И женщина, как есть, появится пред ним.
И пусть он бесится. Пусть ловит с вечной жаждой
Все новый идеал в объятьях девы каждой!
Так с волей пламенной, с упорством на челе,
С отчаяньем в груди, со страстию во взоре
Небесное Жуан пусть ищет на земле
И в каждом торжестве себе готовит горе!

Духи

О дух неправды! Тот, кто ищет свет,
Кто жаждет лишь обнять, что вечно и прекрасно,
Над тем у ада власти нет,
И ты сгубить его надеешься напрасно.
Познает правду он, рассеется твой мрак,
Как ветром на луну навеянная тучка!

Сатана

Вот в этом-то и закорючка.
Уладить дело надо так,
Чтобы, во что бы то ни стало,
Все под носом ловил далекий он призрак
И с толку сбился бы искатель идеала.
Ведь черту, говорят, достаточно схватить
Кого-нибудь хоть за единый волос,
Чтоб душу всю его держать за эту нить
И чтобы с ним она уж не боролась;
А дон Жуан душой как ни высок
И как ни велики в нем правила и твердость,
Я у него один подметил волосок,
Которому названье — гордость!

Духи

О братья, окружим незримою толпой
Младое сердце дон Жуана,
С врагом в упорный вступим бой,
Да не свершит над ним обмана!
Туман и мрак разгоним с юных дум,
Да явится им истины дорога!

Сатана

К чему весь этот треск и шум?
Помилуйте, побойтесь Бога!
Зачем кричать заране: караул!
Могу сказать вам непритворно,
Мое влиянье благотворно,
Без дела праведник, пожалуй бы, заснул.

Поверьте, для людей толчки полезны эти,
Как галванисм полезен для больных.
И если б черта не было на свете,
То не было бы и святых!

Духи

Довольно. В сумраке земля уже почила,
Безмолвен лес, тиха поверхность вод,
Покой и мир для смертных настает...
Да сгинет Сатаны завистливая сила!

Сатана

Покойной ночи всем! Увидим, чья возьмет!

(*Исчезает.*)

Духи
(*одни*)

В тревожном жизни колебаньи
Всегда с душой враждует плоть;
Да озарит твое сиянье
Стезю блудящего, Господь!
Но если, пламенный и страстный,
Он слепо вступит в мрак и ночь,
В час испытанья, в час опасный,
Дозволь нам слабому помочь!
Твои пути необъяснимы,
Твоих судеб таинствен ход,
Блажен, кто всех соблазнов мимо
Дорогой светлою идет!

Часть первая

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ПРОЛОГА

СВЯЩЕННЫЙ ТРИБУНАЛ В СЕВИЛЬЕ

Заседание в Casa santa. Инквизитор, три члена, фискал и секретарь. У дверей стража.

Инквизитор

Предмет, о коем рассуждать мы будем,
Уже известен вам, святые братья:
Над исполнителями Sant' officio,
Тому три дня, открыто свершено
Ужасное, неслыханное дело.
Прочтите обвинение, фискал.

Фискал
(*читает*)

«Три дня тому назад святое братство
Под стражею вело из Антекеры
В тюрьму отпавшего мориско. Вдруг,
Одетый в плащ, черты сокрыты шляпой,
На них напал какой-то кавалер.
С угрозами и шпагою махая,
Он многих ранил, прочих разогнал,
Преступника ж освободил и скрылся».

Инквизитор

Мориско был назначен на костер —
Святая церковь вопиет о мести.

Один член

И не нашли виновного?

Фискал

След найден.
При кавалере был его слуга.
Агент, узнав его по описанью,
Подговорил идти с собой в трактир;
Там схвачен он и ждет теперь допроса.

Другой член

Дозволит ли священный председатель
Нам допросить агента и слугу?

Инквизитор
(*к офицеру стражи*)

Сеньор Мигель, введите их обоих.

Входят шпион и Лепорелло.
Последний с завязанными глазами.

Сними с себя повязку, сын мой. Кто ты?

Лепорелло

(*снимая повязку*)

Ай-ай! Где я?

(*Увидев шпиона.*)

А, господин Диего!
Так поступать нечестно. Вы меня
Своим недавно другом называли!

Фискал

Преступник, отвечай, кто ты?

Лепорелло

Позвольте —
Меня вчера на улице он встретил,
Подговорил с ним вместе отобедать
И угостил пуляркой. А теперь...

Фискал

Теперь, когда ты отвечать не станешь,
Ты будешь пыткой угощен. Кто ты?

Лепорелло

Я, господин почтенный? Я не знаю.

Фискал

(*к инквизитору*)

Позволите ль железные ему
Надеть ботинки?

Лепорелло

Что за вздор? Зачем?
Я сущую вам правду говорю;
Я, господа, подкинутый ребенок.
Коль по моим наклонностям судить,
Я гранда сын, а может быть, прелата!

Фискал

Сеньор Мигель! Железные ботинки!

Инквизитор
(*к фискалу*)

Не будем торопиться.

(*К шпиону.*)

Что с тобой
Он говорил, когда вы вместе пили?

Шпион

Он хвастался, что с господином он
Преступника избавил от костра,
Слуга он дон Жуана де Маранья
И соучастник в деле.

Лепорелло
(*тихонько, к шпиону*)

Фуй, Диего!
Мы говорили вместе как друзья;

Что я тебе за рюмкой сообщил,
Должно остаться было между нами!

Шпион

Его прозванье Лепорелло. Он
Уже лет десять служит дон Жуану.

Лепорелло

Нехорошо, Диего; право, стыдно!
Я вижу, ты болтун. Но, господа,
Когда теперь вы знаете, кто я,
Нельзя ль скорей домой меня отправить?

Инквизитор

Итак, ты, Лепорелло, признаешься,
Что вместе вы с Мараньей, на дороге,
Напали на святую инквизицью?

Лепорелло

Кто? Я? Избави Боже! Я был сзади!

Инквизитор

Теперь ты должен все нам рассказать,
Что о своем ты знаешь господине:
Каких он лет? И кто его друзья?
И часто ль в церковь ходит он? И кто
В интриге с ним? И что он говорит?
И как он судит о священном братстве?
Все должен откровенно ты поведать
Или мученья пытки испытать.

Лепорелло

Помилуйте, священный председатель!
Вы столько задали вопросов вдруг,
Что с памятью сперва собраться надо,
Чтоб по ряду на все вам отвечать.
Каких он лет? Я думаю, ему
Лет двадцать пять, а может быть, и боле,
Какие у него друзья? Их много,
Но, кажется, он им не очень верит...
И хорошо он делает! Что дружба?!
Вот этот господин меня сейчас
Пуляркой угостил; теперь же он
Показывает на меня. Диего!
Признайся, брат, что скверно?

Фискал

К делу! К делу!

Лепорелло

Ну, что ж еще? Да! Часто ль ходит
в церковь?
Коль правду говорить — не слишком часто;
Так, разве для забавы; да и то
Когда в кого влюблен, то встречи ради.

Инквизитор

В интриге с кем он?

Лепорелло

Он-то? Правый Боже!
Да с кем в интриге не был дон Жуан?
Подумать страшно! Верите ль, сеньор,
Из сил я выбился носить записки
И на часах стоять то тут, то там.
Мы ездили с ним вместе по Европе;
Не пропустил нигде он никого;
Что город, то интрига, а в иных
По десяти, по двадцати случалось.
Уж я ему, бывало, говорю:
«Сеньор, остепенитесь!» Так вот нет же!
Вот так и прет его в интриги, право;
И точно будто ищет он чего-то;
Попробует одной, давай другую!
Как будто женщины не все равны.
Ведь, согласитеся, отцы святые,
У курицы один и тот же вкус,
Что с черным ли хохлом она, что с белым!

Инквизитор
(*к фискалу*)

Немножко дерзок этот Лепорелло,
Но вместе глуп. Из болтовни его
Нам кое-что, быть может, пригодится.

(*К Лепорелло.*)

Твой господин великий греховодник.
Теперь в кого влюблен он?

Лепорелло

В донну Анну,
В дочь командора дон Альвара. Но
Не слишком-то податлива она;
Уж с месяц мы волочимся напрасно.

Инквизитор

Что говорит он про духовных лиц?
Об инквизиции святой как мыслит?
В его речах, с друзьями, за вином,
Или с любезной в тайных разговорах
Заметна ль ересь?

Лепорелло

Правду вам сказать,
С любезными своими дон Жуан
Не много говорит о богословьи.

Инквизитор

Но быть не может, чтоб в его речах
Ты ереси преступной не подслушал.

Фискал

Подумай, вспомни. Дай нам в руки нить,
Чтоб до его безверия добраться, —
Не то готовься к пытке. Выбирай.

Лепорелло

Помилуйте, ведь я его слуга:
Нечестно доносить на господина!

Фискал

Сеньор Мигель, железные ботинки!

Лепорелло

Сейчас, сейчас! Я вспомнил! Погодите!
Дозвольте только мне один вопрос:
Беды ему от этого не будет?
Ведь это только так? Из любопытства?

Фискал

Из любопытства.

Лепорелло

А когда я вам
Все расскажу, меня вы отошлете?

Инквизитор

Когда ты все расскажешь нам, мой сын,
И приведешь точь-в-точь его слова,
Тебе дарует церковь награжденье
И ты уйдешь свободно. Если ж ты
Хотя одно лишь слово утаишь,
Я должен буду, с сокрушенным сердцем,
На пытку согласиться.

Лепорелло

Понимаю.
Итак, сеньор, я должен вам сказать,
Что дон Жуан говаривал не раз:

«Святые братья глупы. Человек
Молиться волен как ему угодно.
Не влезешь силой в совесть никому
И никого не вгонишь в рай дубиной».
Он говорил, что мавры и мориски
Народ полезный был и работящий;
Что их не следовало гнать, ни жечь;
Что коль они исправно платят подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманин иль еретик
Не столько вреден, сколь сокрытый враг;
Что если бы сравняли всех правами,
То не было б ни от кого вражды.
«Поэтому, — так говорит мой барин, —
Святые братья глупы». Даже стыдно
Передавать мне вам такие речи,
Но часто слышал я, как дон Жуан
Говаривал: «Святые братья глупы».

Фискал

Когда не замолчишь ты, попугай,
Тебя в железную посадят клетку!

Лепорелло

Вот этого уж я не понимаю:
Молчу — ботинки; рот разину — клетка!

Инквизитор

(к фискалу)

Оставьте, брат фискал. Слова глупца
Святыни нашей оскорбить не могут.

(К Лепорелло.)

Послушай. С господином ты своим,
Вы совершили вместе преступленье,
Которое заслуживает смерть.
Но, ради простоты твоей, тебя
Помиловать верховный суд согласен,
С тем чтобы свято нам ты обещал
Следить и наблюдать за дон Жуаном.
О каждом шаге должен ты его,
О каждом слове доносить — не то —
Увы, мой сын, — смерть и проклятье
Церкви!

Лепорелло

(в сторону)

Вот этого еще недоставало!

(К инквизитору.)

Извольте, я готов за ним следить
И доносить про все с благоговеньем.

Инквизитор

Иди же с миром.

(Подавая ему кошелек.)

А червонцы эти
Дарит тебе святая инквизицья.

Лепорелло
(*кладя кошелек в карман*)

Беру — из уваженья. Господина б
Не продал я ни за какие деньги.

Инквизитор

Ступай, мой сын, но помни обещанье!

Фискал

Коль будешь ты болтать — костер и пытка!

Лепорелло

Не беспокойтеся, отцы святые,
Все можно сделать лаской из меня.
Мое почтение всему собранью!
А вы, сеньор Диего, вы себе
Других друзей ищите; на меня
Вы боле не надейтесь. Ваш слуга!

Лепорелло и шпион уходят
в сопровождении стражи.

Инквизитор

Сомненья нет. Преступник был Маранья,
Еретик он, святого братства враг,
И на костре заслуживает смерть.

Фискал

Давно пример остывшей вере нужен.
Везде сильнее ересь возрастает
И слабые колеблются умы.
Сожженье дон Жуана де Маранья
Спасет от казни тысячу других.

Инквизитор

Так. Но принять в соображенье надо,
Что он испанский гранд, богат связями,
Что явной на него улики нет
И что от слов он может отказаться.
Когда его мы прямо обвиним,
Наделает процесс наш много шума,
А преступленье так невероятно,
Что ропот всех подымется на нас.
Пожалуй, сам король за дон Жуана
Заступится, и этим пошатнется
Религии святой авторитет.

Один член

Процесс начать неловко. Но нельзя ж
Еретика оставить на свободе.

Другой член

Избавиться его есть много средств.

Третий член

Цель освящает средства. Братство наше
Нам дозволяет в случаях подобных
К кинжалу или к яду прибегать.

Фискал

Торжественную казнь в глазах народа,
Великолепное auto da fe
Я предпочел бы этой темной казни;
Но если все согласны, то я также
Даю мое согласье на кинжал.

Инквизитор

Итак, мы в настоящем заседаньи
Торжественно, но тайно объявляем
Еретиком Жуана де Маранья,
Ему же ныне смертный приговор
Постановляем все единогласно.
Да будет так. Пишите, секретарь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан сидит в задумчивости
и держит раскрытое письмо.

Дон Жуан

Опомнись, дон Жуан! Какое чувство
В твоей груди проснулося опять?

Какой давно забытый, светлый мир
В тебе записка эта пробудила?
Чем донна Анна лучше всех других?
Такой же стан, и гибкий и прекрасный,
Не раз я обнимал; к устам таким же
Я прижимал горячие уста;
Такой же голос и такой же взгляд
Не раз меня Мадонной заклинали...
И этот взгляд, и голос, и моленья,
И мой восторг, и жизни полнота —
Все было ложь. Я обнимал лишь призрак,
От женщины, которую любил я,
Которую так ставил высоко
И на земле небесным исключеньем
Считал, — не оставалось ничего —
Она была такая ж, как другие!
А, кажется, я понимал любовь!
Я в ней искал не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединив,
Стеною их от мира отделяет.
Она меня роднила со вселенной,
Всех истин я источник видел в ней,
Всех дел великих первую причину.
Через нее я понимал уж смутно
Чудесный строй законов бытия,
Явлений всех сокрытое начало.
Я понимал, что все ее лучи,
Раскинутые врозь по мирозданью,
В другом я сердце вместе б съединил,
Сосредоточил бы их блеск блудящий

И сжатым светом ярко б озарил
Моей души неясные стремленья!
И если бы то сердце я нашел!
Я с ним одно бы целое составил,
Одно звено той бесконечной цепи,
Которая, в связи со всей вселенной,
Восходит вечно выше к Божеству
И оттого лишь слиться с Ним не может,
Что путь к Нему, как вечность, без конца!
О, если бы из тех, кого любил я,
Хотя б одна сдержала обещанье!
Я им не изменял — нет, нет, — они,
Они меня бесстыдно обманули,
Мой идеал они мне подменили,
Подставили чужую личность мне,
И их любить наместо совершенства —
Вот где б измена низкая была!
Нет, сам себе я оставался верен:
Я продолжал носить в себе ту мысль,
Которая являлась в них сначала;
Но вскоре я подлог их узнавал,
Одну покинув, я искал другую,
И, каждый раз все сызнова обманут,
С ожесточенным стал я любопытством
В них струны сердца все перебирать,
Когда ж они рвалися, равнодушно
Изломанный бросал я инструмент
И дале шел и всюду находил
Одни и те же пошлые явленья!
И в ярости тогда я поклялся

Любви не верить, ничему не верить.
Искал я в ней одно лишь обладанье,
Лишь чувственность одну в ней находил.
Да, я искал ее лишь для того,
Чтобы насмешкой мстить ее насмешкам...
А ныне? Что со мной? Что эти строки?
Зачем они надежду оживили?
Уж в третий раз прочитываю их,
И в сердце тот же непонятный трепет.

(Читает.)

«Я к вам писать решаюсь, дон Жуан,
Решаюсь я исполнить вашу просьбу,
Но объясниться с вами я должна.
Успехи ваши, нрав непостоянный,
Отчаянье и слезы стольких жертв,
К несчастью, мне давно уже известны.
Для вас легко любить и разлюблять...
Ужель вы также и меня хотели б
Игрушкой сделать прихоти своей?
Нет, вопреки тяжелым обвиненьям,
Которых много так на вас лежит,
Мне говорит какой-то тайный голос,
Что уважать вас можно, дон Жуан!
Скажите ж, как должна я оправдать
Преследованья ваши? Может быть,
Вам самолюбье не дает покоя,
И требуете вы, чтобы я вам
Сама в любви призналась? Если так —
Я притворяться доле не умею, —

Я вас люблю — да — высказано слово,
Но, заклинаю вас святой Мадонной
И честью вашей заклинаю вас,
Меня увидеть боле не ищите;
Отныне я почла бы оскорбленьем
Старанье ваше сблизиться со мной.
Я вам призналась — вы достигли цели, —
Теперь не трудно вам меня забыть».

(*После некоторого молчанья.*)

Как эти мне знакомы выраженья!
Такие ж строки часто я читал.
Вас заклинают честью, долгом, верой,
Потом свиданье робко назначают,
Потом придет развязка, а потом...
Исчезнет сон, и правды час наступит!
Все это я уж знаю наперед.
Но отчего ж записка донны Анны
Мне душу так волнует глубоко?
Встают опять чудесные виденья,
И манят снова призраки любви!
Так марево в пустыне аравийской
Пред путником рисует вдалеке
Озер и рек желанных очертанья;
Когда же он, собрав остаток сил,
Дотащится до них, изнеможенный, —
Исчезло все. Пред ним одна лишь степь,
Песков сыпучих пламенное море!

(*Смотрит на письмо.*)

Слова все те же, но как будто смысл
Другой, и будто между этих строк
Читаю я невидимые строки.
А вот и слез следы. Как будто дождь
Кропил руки неверной начертанья.
И это мне знакомо. Часто я
Такие пятнышки видал на письмах.
Нет, это не любовь. То кровь играет,
Желанья дразнит ненасытный бес!
Так что же? Где ж преграда? Или вкралось
Мне в душу состраданье? Или совесть
Меня тревожит? Что такое совесть?
Пойми себя, Жуан! Когда любовь
Есть ложь, то все понятия и чувства,
Которые она в себе вмещает:
Честь, совесть, состраданье, дружба, верность,
Религия, законов уваженье,
Привязанность к отечеству — все ложь!
Религия! Не на любви ль ее
Основано высокое начало?
Но если основанье есть ничто —
Тогда и самое ничтожно зданье!
Двоякая в нем ложь заключена:
По мысли ложь и ложь по примененью.
Вы, райского вербовщики спасенья,
Во имя ли любви вы громоздите
Для ваших жертв священные костры?
А вы, которых жгут благочестиво,
Вы, проповедники свободной мысли,

Вы для кого себя даете жечь?
Коль нет любви, то нет и убеждений;
Коль нет любви, то знайте: нет и Бога!
Вы ж, за отечество в кровавых битвах
Бессмысленно губящие друг друга,
Вы можете ль сказать, кто приковал
К известному пространству человека?
Кто ограничил ваш свободный дух
Стеной, горами, морем иль заставой?
Когда б любовь оправдывалась в мире,
Отечеством была бы вся земля,
И человек тогда душою вольной
Равно любил бы весь широкий мир,
Отечеством бы звал не только землю,
Он звал бы им и звезды и планеты!
А совесть? Справедливость? Честь?
Законы?
Все громкие и пошлые слова,
Все той же лжи лишь разные названья!
Что ж остается в жизни? Слава?
Власть?
Но где венец, где светлая тиара,
Которые бы стоили труда
К ним руку протянуть? Какая власть
Того насытит, кто искал блаженства?
И если б все живущие народы
И всех грядущих поколений тьмы,
Все пали ниц передо мной — ужели б
Я хоть на миг ту жажду позабыл,
Которой нет на свете утоленья?

Все в мире ложь! Вся жизнь есть злая
шутка,
И, если все явленья перебрать
И призраки пустые все откинуть,
Останется лишь чувственность одна,
Любви ничтожный, искаженный снимок,
Который иногда, зажмуря очи,
Еще принять мы можем за любовь.
К чему же нам зазреньями стесняться?
Нет! Я мириться не могу с судьбой
И рабски покоряться тени. Нет!
Не веря ничему, ничем не сдержан,
Моим страстям я отпущу бразды;
Не разбирая средств, я каждой цели
Достигну скоро, все попру ногами,
Унижу все и жизни отомщу!
Я не хочу искать, какое чувство
Меня теперь приводит к донне Анне!
Я к ней влеком — она моею будет!
Не нужно мне лукавить, ни хитрить;
Я и доселе в любовных приключеньях
Не обольщал с холодностью бесстрастной
И никогда рассчитывать не мог.
Воображенью дать лишь стоит волю,
Оно меня на крыльях унесет,
Минутной верой мне наполнит душу,
Искусственной любовью опьянит;
Красноречиво жгучие слова
Из уст польются; как актер на сцене,
Я непритворно в роль мою войду

И до развязки сам себе поверю.
Так. Решено. Восстань же, дон Жуан!
Иди вперед как ангел истребленья!
Брось снова вызов призраку любви,
Условий пошлых мелкие сплетенья
Вокруг себя, как паутину, рви —
Живи один, для мщенья и для страсти!
Назло судьбе иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытие призван,
Плати насмешкой вечным их обманам
И, как корабль над бурным океаном,
Над жизнью так господствуй, дон Жуан!

Лепорелло, вбегает запыхавшись.

Лепорелло

Ай-ай, сеньор! О, о! Ай-ай! О, о!

Дон Жуан

Откуда ты? И чем ты так встревожен?

Лепорелло

Откуда я? Сейчас все по порядку,
Сеньор любезный, все вам расскажу.
По вашему когда я приказанью
Отнес вчера записку к донне Анне,
Дорогой я немного на мосту
Остановился посмотреть, все так же ль,
По-прежнему ль бежит Гвадалквивир?
Облокотяся на перилы, там

С час места я, не боле, оставался,
Как вдруг ко мне подходит господин
И в разговор со мной вступает; он
Наружности был самой благородной.
Поговорив со мной о том о сем,
Он предложил мне вместе отобедать
И угостил пуляркой...

Дон Жуан

Что за вздор!

Лепорелло

И угостил пуляркой. Вдруг меня
Схватили, завязали мне глаза
И повели — куда? Ей-ей, не знаю,
Но где б вы думали я очутился?

Дон Жуан

Ну, где же?

Лепорелло

В Casa santa, ей-же-ей!

Дон Жуан

Ого! И что же там тебе сказали?

Лепорелло

Расспрашивали вежливо меня
О нашем нападении на стражу,
Когда мориско мы освободили.

Дон Жуан

И, вероятно, ты во всем признался?

Лепорелло

Во всем упорно заперся, сеньор.

Дон Жуан

Навряд ли. Но потом? Что было после?

Лепорелло

Потом, сеньор? Потом мы говорили
О важных государственных делах;
Они со мной советовались, как
Искоренить еретиков в Испаньи.

Дон Жуан

Скажи, болтун, без лжи и отступлений,
О чем тебя расспрашивали там?

Лепорелло

Сеньор любезный, будьте осторожны,
Поверьте мне: святая инквизицья
Участье в вас большое принимает.

Дон Жуан

Я по твоим глазам, мошенник, вижу,
Что ты болтал; но мне то все равно.
Чем кончился допрос твой?

Лепорелло

О сеньор,
Они меня настойчиво просили
О каждом вашем слове, каждом шаге
Им доносить.

Дон Жуан

Ты принял порученье?

Лепорелло

Что было делать? Там у них лежат
Какие-то железные ботинки.

Дон Жуан

Когда они хотят за мной следить,
Дела мои еще не слишком плохи.
Я к сведенью участье их приму;
Ты ж, Лепорелло, будешь к ним являться
И доносить им, слово в слово, то,
Что каждый раз тебе я продиктую.

Лепорелло

Душевно рад, сеньор. Но хорошо б
На время вам Испанию оставить.

Дон Жуан

Теперь оставить? Ни за что на свете!
А донна Анна?

Лепорелло

То-то донна Анна!
Из-за нее бы не нажить беды!
Ей-ей, поверьте мне, остепенитесь,
В опасную играем мы игру.

(*Уходит и тотчас возвращается.*)

Сеньор, что я сейчас вам сообщил,
Не правда ли, останется меж нами?
Ведь это государственная тайна,
Я им честное слово дал.

Дон Жуан

Ступай.

Лепорелло уходит.

(*Один.*)

Итак, я нахожусь под наблюденьем
Святых отцов. Мне по сердцу борьба!
Я обществу, и Церкви, и закону
Перчатку бросил. Кровная вражда
Уж началась открыто между нами.
Взойди ж, моя зловещая звезда!
Развейся, моего восстанья знамя!

ДОМ КОМАНДОРА

Командор и дон Октавио.

Командор

Сеньор, мне тяжело, мне очень больно
Нежданным вас отказом огорчить,
Но дочери я не могу неволить.
Ее уж выбор сделан. Дон Жуан
Из уст ее уж получил согласье.
Я ваши чувства знаю и ценю;
Поверьте, я люблю вас, дон Октавьо,
Я сам, как вы, глубоко огорчен.
Ведь этот брак моею был мечтою,
Я вас давно хотел усыновить.
Но вы, не правда ль, будете нам другом
И братом донне Анне. Видит Бог,
Я вам хотел отдать ее. Что ж делать?
Судьба не так решила. Дайте руку!

Дон Октавио

О мой отец! Могу ли я еще
Назвать вас этим именем священным?
Прощайте, дон Альвар. Скажите ей,
Что я иду — куда? И сам не знаю!
Иду я дале, дале от нее.
Забыть ее я не могу, но смерти
Могу искать. Прощайте, дон Альвар!

Командор

Постой, Октавио. Скажи, ты вправду,
Ты искренно, ты свято любишь Анну?

Дон Октавио

Что значат эти речи, дон Альвар?

Командор

Октавио, послушай. Если вправду
Ты любишь дочь мою — не уходи.
Я все скажу. Недаром сердце
Предчувствует беду. Ты знаешь Анну,
Ее душа пылка; воображенье,
Восторженность всегда ее влекли.
Напрасно я просил ее, напрасно
Молил отсрочить горькую помолвку —
Не помогли мольбы, ни увещанья.
Она бы помешалась иль зачахла,
Когда б я власть мою употребил.
Ее умом теперь Жуан владеет,
В ее душе лишь он один царит.
Быть может, я несправедлив. Быть может,
Он искренно отрекся для нее
От прежних заблуждений. Он святыней
Клялся мне отказаться навсегда
От бурной жизни юношеских лет.
Дай Бог! Но сердце чует, дон Октавьо,
Что дочь не будет счастлива за ним.
Я стар, уже давно гляжу в могилу.

Случиться может, я умру сегодня ж
И дочь мою оставлю сиротой.
Будь другом ей, Октавио, будь братом;
А если он свою забудет клятву
И если оскорбит мое дитя —
Будь мстителем ее! Клянись мне, сын мой,
Своей сестры в беде не покидать!

Дон Октавио

Тяжелый долг, отец, на сердце мне
Ты просьбою своею возлагаешь.
Их счастья быть свидетелем я должен!
О, лучше б тысяча смертей! Но если
Она еще нуждается во мне,
Я принимаю это униженье,
Я остаюсь. Во всем, о дон Альвар,
Клянусь тебе, и честь моя порукой.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ

Донна Анна. У ног ее сидит дон Жуан.

Донна Анна

Так это правда? Это не обман?
Меня ты любишь искренно, сердечно?
Других ты женщин для меня забыл?
Меня одну всегда любить ты будешь
И не раскаешься?

Дон Жуан

О донна Анна!
Тебя одну и вижу я и помню.
Всю жизнь мою до этого мгновенья,
Все, что я прожил, все, что ощущал,
Я все забыл! И как впадают в море,
В бездонное, все реки и ручьи,
Так, без следа, мои воспоминанья
В твоей любви теперь поглощены!

Донна Анна

Я часто так во сне тебя видала,
Как ты теперь у ног моих сидишь;
Во сне я так в глаза тебе глядела,
И было в них темно и глубоко;
И мне хотелось глубже в них вглядеться,
И я в них дна не находила; мне
Казалося, что в пропасть я гляжу;
И страшно было, и так сладко вместе!
Что, если и теперь я вижу сон?

Дон Жуан

Нет, жизнь моя! Все призрак и мечта,
Все дым и сон — одна любовь
есть правда!

Донна Анна

И любишь ты давно меня, Жуан?

Дон Жуан

Давно? Всегда! Твой образ, донна Анна,
Всегда носился смутно предо мной!
Когда один, в крушительной тревоге,
Я с жизнию боролся, как пловец,
Тебя мой взор отыскивал вдали,
Тебя увидев, берег я увидел.

Донна Анна

О мой Жуан! И я была одна,
И мне тебя всегда недоставало!
Зачем отцу ты прежде не открылся?

Дон Жуан

Меня пугал его суровый нрав.
Боялся я отказа. И теперь
Я б не решился говорить, когда бы
Он не застал меня у ног твоих.

Донна Анна

То, видно, нас соединило небо!
Но, милый друг, теперь, когда нашли
Мы оба в жизни твердую опору,
Скажи, куда направишь ты свой бег?
Какую цель своим поставишь силам?
Душе высокой, светлому уму
Какую ты задашь теперь задачу?

Дон Жуан

Весь мир открыт пред нами, донна Анна;
Моя душа свободна и ясна.
К чему бы мыслью я ни обратился,
Я до всего достигну. Но оставим
Мы этот разговор. Теперь любовь,
Одна любовь моею будет целью!

Донна Анна

Ты сам себя не знаешь, дон Жуан,
Но сердцем я давно тебя постигла.
Я буду помогать тебе. Когда
Любовь твои стремленья заградит,
Я, я, Жуан, тебе о них напомню.
Я не хочу тебе преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мешать я не должна. Но что с тобой?
Какая мысль твой омрачила взор?

Дон Жуан

Я вспомнил... да, прости мне...

Донна Анна

Что ты вспомнил?

Дон Жуан

Что ты меня не первого уж любишь.

Донна Анна

Как? Ты ревнуешь?

Дон Жуан

Дон Октавьо был
Тобой любим.

Донна Анна

И ты ревнуешь? О,
Скажи мне все, расспрашивай меня —
Я отвечать на все тебе готова!

Дон Жуан

Чистосердечью твоему я верю.

Донна Анна

Но ты, не правда ль, часто был обманут,
И оттого ты стал ревнив?

Дон Жуан

Напротив,
Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я место уступал; когда ж соперник
Мне докучал без повода и права,
Меж нами спор моя кончала шпага
И не давала времени созреть
Ревнивости. Я чужд ее остался.

Донна Анна

Что ж значили сейчас твои слова?

Дон Жуан

Вот видишь ли: любовь я в мысли ставлю
Так высоко, так свято понимаю
И для меня ее так нежен цвет,
Что от малейшего прикосновенья
Легко мрачится он и увядает.
Когда любил я и когда во мне
Другой, неясный образ зарождался,
Я, чтоб любви священное начало
Борьбою двух явлений не нарушить,
Спешил расстаться с той, кого любил...

Донна Анна

Расстаться, дон Жуан? Но отчего же
В тебе тот чуждый образ зарождался?

Дон Жуан

Не знаю сам. Но я с собой был честен
И двум идеям вместе не служил.
Просторно сердце женщины, напротив;
В нем резкие противоречья могут
Ужиться рядом. В нем бывает слышен,
Среди любви живой и настоящей,
Нередко запоздалый отголосок
Другой, отжившей, конченной любви.
Вины тут нет: подобные явленья

В природе женской. Но делиться я
И с тенью даже не могу тем сердцем,
Которое мне отдалося. В нем
Я должен быть один.

Донна Анна

Ты в нем один.
То чувство, что тебя смущает, было
Одно ребячество, и я тогда
Сама себя еще не понимала.

Дон Жуан

Но, может быть, ты и теперь вполне
Себя не понимаешь?

Донна Анна

Дон Жуан,
Не оскорбляй меня таким сомненьем.
Когда б я не уверена была
В себе самой, когда б я колебалась,
Я бы твоей любви не приняла,
Мне собственная гордость помешала б
Собой располагать. Нет, я твоя!
С сознанием твоя и без раздела!

Дон Жуан

О ангел мой, клянись мне в том скорей,
Клянися всем, что для тебя священно!

Донна Анна

Клянусь тебе пречистою Мадонной,
Клянусь тебе Спасителя крестом,
Клянусь отца священной сединою,
Клянуся прахом матери моей —
Вся жизнь моя и все мои мышленья
Навек, Жуан, тебе принадлежат!

Дон Жуан

А если бы тебе я изменил?

Донна Анна

В тебя я верю; мне того довольно —
Не требую я клятвы от тебя!

Дон Жуан

Однако если б?

Донна Анна

Если бы в тебя
Я верить перестала, о, тогда...

Дон Жуан

Что б сделала тогда ты?

Донна Анна

Дон Жуан,
Не спрашивай меня, мне страшно думать,
Я не хочу о невозможном думать!

Дон Жуан

И не тревожишься ты тем, что я
Уж изменил столь многим?

Донна Анна

Сознаюсь,
Мне эта мысль не раз уж приходила.
Но для меня скрывается тут тайна;
Сейчас ты что-то намекнул об этом,
Но я тебя, Жуан, не поняла.
Не может быть, чтобы с подобным взглядом,
С улыбкой этой, с голосом твоим
Была совместна ложь. Не может быть,
Чтобы когда-нибудь ты притворялся
И мог смеяться над любящим сердцем!
Нет, не таким является обман!
В его очах заметно беспокойство,
Изысканна его бывает речь,
И самое старание казаться
Прямым, и откровенным, и правдивым
Его всегда невольно выдает.
Ты не таков. Не хочешь ты казаться,
Нет ничего поддельного в тебе;
Ты не старался предо мною скрыть
Своих ошибок или недостатков.
Когда тебя еще я не видала,
А знала только по одной молве,
Глубоко я была возмущена

И сильно на тебя негодовала;
Когда же я увидела тебя,
Невольное сомнение во мне
Насчет худой твоей возникло славы;
Я начала отыскивать тогда,
Придумывать старалась оправданья
Твоей преступной жизни. Ты в это время
Сближаться с нами понемногу стал,
И чем с тобою чаще я встречалась,
Тем каждый раз мне делалось яснее
Противоречье меж твоей душой
И жизнию твоей. Я поняла,
Что есть в тебе какая-то загадка.
Да, дон Жуан, загадка есть в тебе.
Твоих бровей грозящая дуга
Являет самолюбие и гордость,
В твоих очах видна бывает грусть —
Но непритворен лик твой благородный,
И в этом сердце места нет для лжи!

Дон Жуан

О, проницательность души любящей!
Так. Для обмана не был я рожден.
Когда б из тех, кого я в жизни встретил,
Хотя б одна с тобой могла сравниться,
Я не был бы теперь у ног твоих!

Донна Анна

Мне говорили также про тебя,
Что ты не уважаешь ни законов,
Ни церкви, ни святыни; но я знаю,
Твои ошибочно толкуют мысли.
Не правда ли, со временем, когда
Увидишь ты, что я тебя достойна,
Ты все мне скажешь?

Дон Жуан

Жизнь моя! Зачем,
Чего мне ждать? Теперь, не отлагая,
Я все тебе скажу. Ты не похожа
На прочих женщин; все тебе доступно.
Суди меня — и, если я виновен,
Я пред твоим склонюся приговором.
Тебя не обманули. Да, я враг
Всего, что люди чтут и уважают.
Но ты пойми меня; взгляни вокруг:
Достойны ль их кумиры поклоненья?
Как отвечает их поддельный мир
Той жажде правды, чувству красоты,
Которые живут в нас от рожденья?
Везде условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболепство!
Весь этот мир нечистый я отверг.
Но я другой хотел соорудить,
Светлей и краше видимого мира,
Им внешность я хотел облагородить;

Мне говорило внутреннее чувство,
Что в женском сердце я его найду, —
И я искал. Зачем тебя смущать
Рассказом долгих, горьких заблуждений?
Довольно. Жизнь мою ты поняла.

Донна Анна

О, не страшися своего доверья!
Да, все я понимаю. Но скажи мне,
Чего ты ждал от тех, кого любил?
Чем был ты оскорблен иль чем обманут?
Чего ты требовал? Скажи мне все!

Дон Жуан

Чего я ждал от них, чего искал,
Определить уже не в силах я.
Теперь я все нашел, теперь я счастлив!
Неполно было б это чувство, если б
Его словами выразить я мог!

Донна Анна

А я, Жуан, когда б мою любовь
Могла измерить или обозреть,
Мне было б страшно; я боялась бы,
Что до тебя она не досягнет.
Но меры нет в ней! Нет во мне боязни!
Сомнений нет! Я в будущее верю,
Как верю в Бога и в тебя, Жуан!

Дон Жуан

Да! Верь, о ангел! Верь! Нам надо верить!
Лишь в вере счастье! Миг единый веры
Есть вечность. Пусть он нашу жизнь поглотит!
Прочь думы! Прочь сомненья хладный червь!
Забудем все! Весь мир! Себя самих!
В одном восторге и в одном блаженстве
Смешаем жизнь и смерть!

Входит командор.

Командор

Сеньор, простите.
Вам долго вместе быть еще нельзя.
Никто еще не извещен в Севилье
О вашем сватовстве. Но я сегодня
Пошлю к родным и близким приглашенье,
Чтоб съехались на сговор; до того ж
Вам видеться лишь можно на гуляньи.
Обычай так велит. Коль вам угодно,
Вы встретите нас завтра у фонтана
В тот час, когда взойдет луна.

Дон Жуан
(*в сторону*)

Проклятье!
Холодною водой меня он обдал.
Он мне напомнил, что любовь есть призрак,

Что я сюда пришел лишь роль играть.
Перехитрил старик, поторопился
Накидывать аркан свой на меня!

(*К командору.*)

Сеньор, тяжел ваш строгий приговор,
Но я во всем вам покоряться должен;
До завтра я изгнанью обречен.

Командор

Простите, дон Жуан. Мы у фонтана
Вас встретим завтра.

Дон Жуан

Я не опоздаю!

(*Уходит.*)

Командор
(*про себя, следя за ним глазами*)

Как омрачилось вдруг его лицо!
Не в первый раз уже я замечаю,
Что выраженье ясное внезапно
В нем исчезает и вокруг бровей
И возле уст играет и змеится
Насмешливо-суровая черта.
Не нравятся мне эти перемены!

Донна Анна

(*ласкаясь к отцу*)

Ты все еще не примирился с ним?
Не бросил ты своих предубеждений?

Командор

Его любить готов я горячо,
Когда твою любовь он оправдает.

Донна Анна

Но ты ему не веришь. Для меня
Свое ты пересилил отвращенье,
Свой нрав крутой с трудом переломил ты,
К улыбке принужденной приневолил
При встрече с ним ты свой враждебный лик;
О мой отец, не сожалей о том,
Что дал ты нам согласие. Ты знаешь,
Тебе во всем покорна я была;
Но сердцу я приказывать не в силах,
Любить я вполовину не могу.
Вот видишь ли, во мне частица есть
Твоей решимости. Когда бы ты
Нас разлучил, о, что б со мною было!
Тебя любить, отец, я перестала б,
С тобой остаться я бы не могла!

Командор

Ты никогда ни в чем не знала меры.
Бывало, до его знакомства с нами,
Когда о нем лишь заводили речь,
Ты слов не находила порицать
Его двуличный и коварный нрав;
Когда о нем упоминали только,
Ты изменялась вся в лице; тебе
Чудовищем казался он, а ныне...
Но я не упрекать тебя пришел.
Он твой жених; любить его ты вправе;
Но ты теперь в другую впала крайность:
Все совершенства ты находишь в нем,
На все ты смотришь лишь его очами,
От собственных суждений отреклась.
Дитя, поверь мне, крайности опасны,
Их избегать должно благоразумье
И среднею дорогою идти.

Донна Анна

О, не брани меня! Я сознаюся,
Что не всегда так думала, как ныне;
Но я не вдруг переменила мысли,
Не ветрено ему я отдалась.
Нет, кровь твоя течет во мне недаром,
Моей любви, отец, я знаю цену
И важность всю поступка моего.
О нем, отец, я долго размышляла
И долго, перед тем чтобы решиться,

Испытывала я сама себя.
Припомни, как ты нынешней весною
Со мной садился ночью у окна
Дышать прохладой и внимать гитарам,
Которые вблизи, вдали, кругом
До самого рассвета раздавались.
Он часто мимо проходил тогда,
И останавливался у решетки,
И зачинал с тобою разговор,
Не много на меня вниманья он
В то время обращал; но я, напротив,
Уже тогда, молве не доверяя,
Его старалась втайне изучить.
Для вас обоих часто неприметно
И будто ненарочным словом я
Давала направление беседе
И вызывала вас на мирный спор;
Сама ж над ним я молча наблюдала,
Не пропускала ничего, и после,
Одна, в моем покое запершись,
Я проходила весь ваш разговор,
И каждое им сказанное слово,
И ударенье каждое его,
И каждый взгляд его припоминала
И долго, долго взвешивала их.
Так этот нрав, не понятый никем,
Себе я понемногу объяснила.
Но вспомни, мой отец, ты сам его
Не безусловно осуждал. Ты часто
Его благоразумию дивился

И говорил, шутя, ему не раз:
«Вы, дон Жуан, боюся, повредите
Себе во мненье дам: в тот час, когда
Другие им приносят серенады,
Теряете вы золотое время
Со мною, стариком!» Потом, когда
Ко сну я отходила, часто ты,
Со мной прощаясь, говорил: «Однако
Мне нравится довольно дон Жуан;
Гораздо он скромнее, чем я думал,
И старость он умеет уважать.
Его мне слишком черным описали».
Не так ли было, мой отец?

Командор

Все правда,
Обворожить умел он и меня;
Я был неосторожен. Но в то время
Не думал я, что ты его полюбишь...
Иные были у меня надежды.

Донна Анна

Да, мой отец, его я полюбила,
Когда узнала сердце я его.
Сперва во мне проснулось любопытство,
Потом участье; а потом, лишь только
Я поняла значенье дон Жуана,
Участье обратилось в удивленье,
И волю я любви тогда дала —

Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
Ты прав, отец мой, я его люблю
Без памяти, без воли, без сознанья!

Командор

Храни Господь тебя, мое дитя,
От позднего раскаянья!

Донна Анна

Я знаю,
Тебя страшит прошедшее его.
Но верь, отец, минувшие те бури
Порукой нам грядущих ясных дней!
Я не хочу оправдывать Жуана;
Он был преступен, но порочен не был.
Его дела нельзя равнять с другими,
И общей мерой мерить их нельзя.
Кто над другими так стоит высоко,
Чья мысль проникнуть алчет в недра жизни,
Кто в ней, как средь египетского храма,
Гиероглифы видит и загадки,
И объяснить себе их вечно хочет,
И вечно неудачей раздражен —
Тому невыносим условий гнет,
И тот не мог законам подчиниться,
Дорогою избитою идти!
Иных путей душа его искала,
Неясная звезда его вела,
Ему другой души недоставало,

Которая б понять его могла!
Из женщин не одна его любила,
Но их союз был слишком боязлив;
Пугала их его стремлений сила,
Его ума несдержанный порыв!
И робко все остались у преддверья,
Когда он смело шел во храма тьму, —
Жуана сердце требует доверья, —
И я, отец, поверила ему!
Я отдалась ему душою вольной,
И к правде путь мы вместе совершим;
Ему помочь есть сил во мне довольно —
Моя любовь меня сравняла с ним!

Командор

Мой милый друг, к чему нам снова спорить
И рассуждать о том, что решено!

Донна Анна
(*обнимая отца*)

Будь добр к нему! Оставь свои сомненья!

Командор

Дитя мое, я вас благословил,
И с той поры он сделался мне дорог.

Донна Анна

О мой отец, поверь ему, как я!
Тот дон Жуан, который бурной жизнью

Негодованье наше возбуждал,
Не есть Жуан счастливый, возрожденный,
Который ныне любит дочь твою!
Будь добр к нему! Когда мы завтра ночью
С ним на условленном сойдемся месте,
Не оскорбляй холодностью его!

Командор

Я оскорблять Жуана не намерен.
Но... я сейчас с Октавьо говорил.
Узнав из уст моих, что для него
Надежды нет, хотел он удалиться,
Искать хотел он смерти где-нибудь.
Я удержал его — он был нам другом, —
Я упросил его остаться с нами —
Он здесь. Судьбе тяжелой он покорен.
Но рана сердца глубока. Ты, Анна,
Была к нему не без участья прежде.
Он в горести, и много облегчило б
Его твое приветливое слово...
Скажи, согласна ль ты его принять?

Донна Анна

К чему, отец мой? Что ему сказать?
Оставь свиданье до другого раза!

Командор
(*про себя*)

Любовь жестока и себялюбива;
Она собою только занята.

Ее, как сон, приятно опьяненье —
Но горестно бывает пробужденье!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан в богатой одежде. Лепорелло надевает на него кружевной воротник.

Лепорелло

Вот так. Лишь дайте эту цепь поправить,
И настоящий вы теперь жених!
Ну, слава Богу! Мы остепенились,
И жизни безалаберной конец!
А знаете ль, сеньор, что вся Севилья
Завидует вам?

Дон Жуан

Право? Но откуда
Ты взял, что я хочу жениться?

Лепорелло

Как?
Да разве не объявлена уж свадьба?
Нет, вы теперь жених, и, слава Богу,
Вам на попятный двор уже нельзя!

Дон Жуан

Жениться не намерен я.

Лепорелло

Позвольте,
Позвольте, что это такое? Как?
Досель вы изменяли, это правда,
Но не были ничьим вы женихом
И слово никому вы не давали;
А слово вещь святая. Быть не может,
Чтоб вы хотели взять его назад!

Дон Жуан

Его возьмет назад сама невеста.

Лепорелло

Как? Донна Анна вас чтоб разлюбила?
Коль на нее рассчитывали вы,
То я совсем на этот счет спокоен;
Она вас любит, как досель никто.
Нет, вы теперь уже не отвертитесь,
Уж дело в шляпе. И позвольте мне
Вам принести покорнейшую просьбу:
Вы знаете, как честно я всегда
И бескорыстно вам служил, как ваши
Любовные я часто порученья
С опасностью здоровья исполнял.
Теперь за все заслуги я прошу,
Чтобы, когда у вас родятся дети,
Вы мне их воспитанье поручили
И жалованье положили б мне,
Приличное наставнику. Сеньор,

Я хвастать не хочу, я не ученый;
О нет! Но что касается до чести,
Поспорить я могу с великим Сидом,
Дурному я детей не научу!

Дон Жуан
(*смотрит в окно*)

Луна взошла. Дай плащ мне и гитару.

(*В сторону.*)

Решительным ударом кончить надо!
Старик откажет мне и нашумит;
А перед ней найду я оправданье
И без отца сойдуся с ней опять!

Лепорелло
(*подавая гитару и плащ*)

Задайте ж ей скорее серенаду.
Они ведь это любят. В женихе
Предупредительность всегда похвальна!

Дон Жуан уходит.

(*Один, потирая руки.*)

Ну, слава Богу! Скоро отдохнем!
Его понудить к браку было надо,
Как робкого купальщика, который
Воды холодной до тех пор боится,
Пока его насильно не толкнут.

НОЧЬ. ГУЛЯНЬЕ У ФОНТАНА

Два кавалера встречаются.

Первый кавалер

Вы слышали ли новость? Дон Жуан
Посватан с донной Анной.

Второй кавалер

Быть не может!

Первый кавалер

Увидите; они сегодня вместе
Здесь будут на гулянье. Кто б подумал,
Что кончит так похвально дон Жуан?

Двое других в разговорах.

Первый

Я этому поверю лишь тогда,
Когда увижу сам. Пусть кто другой —
Но дон Жуан — продать свою свободу!

Второй

Сеньор, напрасно вы так говорите,
Дочь командора хороша, как день,
Охотно был бы на его я месте!

Пожилая дама с супругом и дочерью.

Дама

И что они нашли в нем? Как отец
На то мог согласиться? Ни за что б
Не отдала ему я Инесильи!

Супруг

Гм, гм!

Дочь

За что его так все бранят?
Что в нем дурного, маменька?

Дама

Молчи,
Тебе рассказывать про это рано.

Две молодые дамы.

Первая

Как мог в нее влюбиться он? Скажи,
Что в ней хорошего?

Вторая

Одно кокетство!
Она его кокетством завлекла!

Несколько кавалеров и дам.

Первый кавалер

Здесь подождем. Они сюда придут.

Первая дама

Но донне Кларе, может быть, теперь
Не хочется увидеть дон Жуана?

Вторая дама

Зачем же, если донне Консепсьоне
Приятно будет встретить вместе с ним
Счастливую соперницу свою!

Первая дама

Когда бы мне он сделал предложенье,
Я молча дверь ему бы указала.

Вторая дама

Как жаль, что он не сделал вам его!

Второй кавалер

Вот он идет! Смотрите! И гитара
В его руке. Зачем теперь гитара?
То прежде кстати было бы, когда,
Вздыхая, он у дома командора
Простаивал до самого утра.

Третья дама

Как он глядит на эти окна. Кто
Живет над тем балконом?

Третий кавалер

Как, над тем?
Не смею вам сказать, сеньора, там...
Живет одна... одна... Не смею, право!

Третья дама

Смотрите, он остановился. Он
Гитару строит. Кто же там живет?

Третий кавалер

Глазам своим не верю! Там живет
Потерянная женщина одна
По имени Нисета. Целый город
Нисету знает, но никто б не смел
На улице ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Как?
Он сбросил плащ, он шляпу загибает,
Его лицо освещено луной,
Как будто хочет он, чтоб вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишком!
Возможно ль! Он поет!

Третья дама

Какая наглость!

Дон Жуан
(*поет под балконом*)

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,

На призывный звон гитары
Выйдя, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовию сгорая,
Всех зову на смертный бой!
От лунного света
Зардел небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

Нисета

(*показываясь у окна*)

О дон Жуан, уйдите, ради Бога!
Вы губите меня. Скорей уйдите!
Когда о том узнает командор,
Он заколоть меня велит. Молю вас...

Дон Жуан

(*продолжает*)

От Севильи до Гранады,
В тихом сумраке ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей;
Много крови, много песней
Для прелестных льется дам, —
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!
От лунного света
Горит небосклон,

О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

В продолжение серенады подходит командор, под руку с донной Анной, и останавливается в некотором расстоянии.

Командор

Как? Что? Не может быть! Не верю! Нет!

Дон Жуан оборачивается к нему, продолжая перебирать струны.

Так! Это он! Злодей! Бездельник! Изверг!
(*К тем, которые хотят удержать его.*)
Прочь от меня!
(*К дон Жуану, обнажая шпагу.*)
Бездельник! Шпагу вон!

Дон Жуан
(*насмешливо*)

Сеньор, умерьте гнев ваш. Это шутка.

Командор

Вон шпагу, иль убью тебя!

Донна Анна

О Боже!

Дон Жуан

Сеньор, не горячитесь. Это шутка.
Я забавлялся.

Командор
(*выпадая*)

Так умри ж теперь!

Дон Жуан
(*отскакивает и вынимает шпагу*)

О, если так, извольте, я готов!

Дерутся. Командор роняет шпагу.
Дон Жуан скрывается.

Командор

Я ранен! Дочь! Ко мне... Я умираю!

Донна Анна

Отец, отец! О Боже! Помогите!
Врача! Скорей врача!

Командор
(*падая*)

Не надо, Анна.
Сюда, мое дитя... нагнись поближе...
Ко мне поближе, Анна. Милый друг,
Дитя мое, прости! Я умираю...
Одна теперь осталась ты на свете...

Ты сирота... но друг есть у тебя...
Октавио... Не отвергай его...
Быть может, после... через год... о Анна,
Нет сил... Я умираю...

(*Умирает.*)

Донна Анна
(*бросаясь на труп отца*)

Боже, Боже!

Часть вторая

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА

Дон Жуан и Лепорелло, в разговоре.

Лепорелло

Охота, право, вам была, сеньор,
Связаться с этим стариком. Извольте
С его семейством справиться теперь!

Дон Жуан

Я знать не мог, что он остервенится
И бросится со шпагой на меня.
Покойник бешен был не по летам.
А я хотел его лишь подразнить
И отучить настаивать на свадьбе.

Лепорелло

Так только в том была его вина,
Что сделаться хотел он вашим тестем?
Ну, что ж? И слава Богу! В добрый час!
Давно бы вам пора остепениться.
Что мы за жизнь ведем? Скажите сами.
А донна Анна чем была не пара?
Вы были бы теперь отцом семейства
И жили б смирно, тихо, хорошо,
Как Бог велит, и прыгали б вкруг вас
Без счета и числа мал мала меньше
Все маленькие дон Жуаны. Да.

Дон Жуан

Приятная картина в самом деле,
Но забываешь ты, что года нет
С тех пор, как я был женихом.

Лепорелло

Так что же?
Вы в полгода успели б сделать то,
На что другим бывает жизни мало;
Вы время не теряете.

Дон Жуан

Глупец.

Лепорелло

И кажется, ведь вы ее любили,
По крайней мере, больше, чем других.
Когда вы вашу выкинули штуку,
Вы были пасмурны дня три потом.

Дон Жуан

Я и теперь люблю ее.

Лепорелло

Быть может,
Да проку-то от этого нам мало.
Теперь небось не сунетесь вы к ней.

Дон Жуан

Она моею будет. Так хочу я.
Я до моей достигну цели.

Лепорелло

Ой ли?
Спровадивши отца, за дочкой вы
Уж не хотите ль снова волочиться?

Дон Жуан

Я никому ее не уступлю.

Лепорелло

Ха-ха! Го-го! А дон Октавьо? А?
Я чай, уже теперь их свадьба близко;
Пожалуй, донна Анна уж за ним.

Дон Жуан

За ним иль нет, она моею будет.

Лепорелло

Забавная была бы то исторья!
Ха-ха! Как, донна Анна?

Дон Жуан

Полно врать.
Смотри. Ты видишь этого гидальго,
В плаще и маске, что минут уж с пять
Взад и вперед все ходит перед нами?
Спроси его, чего он хочет.

Лепорелло

Как?
Вон этого? Не лучше ль нам, сеньор,
Убраться от него подале?

Дон Жуан

Трус!
Спроси его сейчас, чего он хочет.

Лепорелло

Поверьте мне, уйдемте лучше прочь,
Не нравятся мне новые знакомства.

Дон Жуан

Так оставайся. Я его спрошу.

(*Идет навстречу незнакомцу.*)

Кого вам надобно, сеньор?

Незнакомец

Сеньор,
Ищу я дон Жуана де Маранья,
К нему есть у меня письмо.

Дон Жуан

Подайте,
Я дон Жуан.

Незнакомец, подавая письмо, хочет ударить дон Жуана кинжалом. Дон Жуан хватает его за руку и сжимает ему горло.

В другой раз будь ловчее!
Мне голос твой знаком. Эй, Лепорелло!

Лепорелло
(*издали*)

Я говорил, сеньор, уйдем! Ну, что же?
Вы ль держите его, иль он вас держит?

Незнакомец

Простите, я ошибся.

Дон Жуан

Вижу, друг.
Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

Лепорелло

(*издали*)

Сейчас, сеньор! Башмак мой развязался!

Дон Жуан

Трус! Я держу разбойника. Иди!

Лепорелло

(*издали*)

Держите же покрепче. Да кольните
Его сперва немножко под ребро.

(*Подходит с осторожностью.*)

Дон Жуан

Сними с него скорее маску.

Лепорелло снимает с незнакомца маску.

Как?
То наш приятель Боабдил? Мориско,
Которого спасли мы от костра?
Скажи, за что хотел меня убить ты?
Что сделал я тебе?

Боабдил

Сеньор, простите,
Я силою был вынужден к тому.
Освобожденный вами так чудесно,
Я пойман был опять. Святое братство
Мне обещало полное прощенье,
Когда я вас убью в известный срок;
Не то — я должен быть сожжен. Сегодня
Срок кончился.

Дон Жуан

Итак, любезный друг,
Тебя сожгут. Но кто ж тебе мешал
Уйти и скрыться где-нибудь?

Боабдил

Нельзя!
За мной следят. Меня б опять поймали.

Дон Жуан

Ты, видно, снова принял христианство?

Боабдил

Вторично; вам к услугам.

Дон Жуан

Но зачем
Ты в первый раз отрекся от Христа?

Боабдил

Торговлю я веду с тунисским беем,
В Берберию невольниц поставляю.

Дон Жуан

Причина недурна. Ты веришь в Бога?

Боабдил

Смотря по обстоятельствам, сеньор.

Дон Жуан

А в совесть веришь?

Боабдил

В совесть? Как придется.

Дон Жуан

Я вижу, ты мошенник откровенный.
Философ ты, не зная сам того.
Без размышлений дальних и глубоких
Ты до того же вывода дошел,
К которому меня приводит опыт
И логики неумолимой нить.
Куда ж ты денешься теперь?

Боабдил

Теперь?
Когда бы были у меня цехины,
Я где-нибудь фелуку бы достал
И сделался б пиратом.

Дон Жуан

Лепорелло!
Сейчас его в дворец мой проводи.
Пусть спрячется он. Там его не будет
Искать теперь святая инквизицья.
Да угости его как можно лучше,
Он мой приятель. В Бога он не верит.
Я этаких людей люблю. Ступайте.

Лепорелло

(*снимая шляпу и низко кланяясь Боабдилу*)

Дон Боабдил, слуга я ваш покорный!
Рекомендуюсь вам. Я в Бога верю;
Но, может быть, я ошибаюсь. Если
Один лишь черт вселенной господин,
На том свету прошу вас мне у черта
В протекции своей не отказать.

Уходят вместе.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ

Донна Анна

(*вся в черной одежде сидит у окна*)

Как в ясный день крушительная буря,
Так на меня обрушилась судьба.
О мой отец! Услышь меня из гроба!
Перед тобой его я обвиняю!

Да, он тебя не одного убил.
Он, он убил души моей святыню,
Надежды все и чистые мечты,
Заветные убил он убежденья,
Он все убил! В отчаянье он ввергнул,
В безверие низринул дочь твою!
То был дух тьмы, вид ангела принявший,
Но в нем не я ошиблась — нет, не я!
Отец мой, не вини меня! Предвидеть
Никто не мог того, ни угадать.
Здесь выводы нарушены событий,
Насилован предвечный ход судьбы;
То истин всех закон непогрешимый
Разбился о двуличие его!
Нет, не меня ты обманул, Жуан, —
Ты обманул и Бога и природу!

Входит дон Октавио. Она его не замечает.

Дон Октавио
(*после долгого молчания*)

Уж год к концу приходит, донна Анна,
С тех пор, как страшный вас постиг удар.
Ужели нет вам в горе облегченья?
Отчаянью ужели нет конца?
Все так же вы бледны и молчаливы,
Все так же смотрит ваш недвижный взор;
О, если бы на миг я вас увидел,
Какою я когда-то вас знавал!

Донна Анна

Прошло то время, дон Октавьо. Ныне
Пора другая настает. Я стала,
Вы видите, спокойнее теперь.
Я в монастырь решилась удалиться.

Дон Октавио

Что слышу я? Возможно ль, донна Анна?

Донна Анна

Я так решилась, дон Октавьо.

Дон Октавио

Нет!
Я не могу молчать пред вами доле!
Я дал себе святое обещанье
Не говорить вам о любви, но нет,
Молчать нет силы доле. Донна Анна!
Я вас люблю, как никогда никто
Доселе не любил еще на свете!
Я вас люблю не для себя. Бог видит,
Нет жертвы, нет такого униженья,
Которого б не принял я для вас.
Мученья ада были бы ничто
В сравнении с ревнивостью моею!
Но я ее насильно заглушил,
Обезоруженную подал руку
Сопернику. Я знал, о донна Анна,
Что он вас недостоин; но его

Любили вы — и он мне стал священен!
И самое мне ваше заблужденье
Священно было; и, чтобы для вас
Спасти того, кто жизнь мою похитил,
Я, не колеблясь, кинулся бы в пламя!
Забыв, кто он, забыв себя, весь мир,
Я вас лишь видел, вас одних лишь помнил;
Когда меня отвергли вы, когда,
Злодейства став неслыханного жертвой,
Вы на мое безмолвное участье
Холодностью одною отвечали,
Я вас любил, любил вас безнадежно!
Все действия мои и все мышленья
К одной я только цели направлял,
В себе самом давно уж не живу я,
Мою всю душу в вашу перелил!
Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
Я все отринул, все в себе убил,
Все, что не вы, — мне все невыносимо!

Донна Анна

(*рассеянно*)

Мне кажется, дня три уж, дон Октавьо,
Я не видала вас.

Дон Октавио

Дня три? Без чувств
Лежал я с месяц. Я был ранен.

Донна Анна

Право?
Кем ранены вы были?

Дон Октавио

Тем, кого
Назвать при вас я не хочу.

Донна Анна

И что же?
Вы ранены... а он?.. Убит?..

Дон Октавио

Два раза
Мы с ним сходились. Первый раз он шпагу
Из рук мне вышиб и хотел мириться.
Второй, лишь только мы скрестили шпаги,
Он выпал и насквозь мне проколол
Плечо. Нас разлучили.

Донна Анна
(*после некоторого молчания*)

Дон Октавьо,
Вы о любви сейчас мне говорили;
Как думаете вы, могу ли я
Спокойно вас и хладнокровно слушать?
Могу ли жить, смотреть на это небо,
На эту зелень, на природу всю,

Пока он жив? Как? Он, мой враг
смертельный,
Убийца моего отца, губитель
Всего, что было свято для меня,
Он жив, он также видит это небо,
Он воздухом одним со мною дышит,
Он на одной живет со мной земле,
Своим присутствием он заражает
Тот мир, где жить я с ним осуждена,
А вы, вы о любви мне говорите!

(*Презрительно.*)

Вы с ним дрались! Он вышиб вашу шпагу!
Он ранил вас! И думаете вы,
Что долг вы свой исполнили, что можно
Вам о любви теперь мне говорить!
Да разве все вы совершили? Разве
К нему законы чести применимы?
Дрались вы разве с человеком? Как?
Когда б с цепей сорвался хищный зверь
И в бешенстве весь край опустошал бы,
Ему бы также вызов вы послали?

Дон Октавио

О донна Анна, верьте, вам не нужно
Мою вражду насмешкой разжигать!
Меж им и мной не кончен спор кровавый,
Но те слова, что вырвались у вас,
Они не ваши были, донна Анна,
Отчаяние их произнесло!

Донна Анна

Нет, он не так бы поступил, как вы!
Когда бы он любил меня, когда бы
Он был на вашем месте — о, давно
Сумел бы он от вас меня избавить!
Любить он мог бы, если б захотел!

Дон Октавио

Опомнитесь! В себя придите! Вам ли
Меня язвить так горько, донна Анна?

Донна Анна

Какие только знаю я проклятья,
Я все зову на голову его!
Быть может, смертный грех я совершаю,
Но нам обоим места в свете нет!
Душою всей и каждым помышленьем,
Дыханьем каждым я его кляну,
Биеньем сердца каждым ненавижу,
Но ваше малодушье, дон Октавьо,
Я презираю. Слышите ли? Вас
Я презираю.

(*Уходит.*)

Дон Октавио

Да простит ей Бог!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА БЛИЗ КАДИКСА

Дон Жуан с приятелями за столом.

Первый

Ха-ха-ха-ха! Забавное, дон Цезарь,
Вы рассказали похожденье нам!

Второй

И что же? Чем кончилось оно?

Дон Цезарь

Инеса
В тот самый год от горя умерла.

Первый

И совесть вас не мучила?

Дон Цезарь

Нисколько.

Второй

Ее вы разве не любили?

Дон Цезарь

Нет.

Первый

А долго ли вы были женихом?

Дон Цезарь

Пока моя к ней прихоть продолжалась.

Второй

Что скажет нам на это дон Жуан,
Учитель наш и мастер в волокитстве?

Дон Жуан
(*к дон Цезарю*)

Святая Церковь вас осудит.

Дон Цезарь

Нет,
Мой дядя кардинал, и мне из Рима
Прислал он отпущений про запас.

Дон Жуан

Вы цените, как должно, отпущенья?

Дон Цезарь

Я не язычник, и моей души
Я погубить нисколько не намерен!

Дон Жуан

Вас жизнь не тяготит? Вы ей довольны?
В явлениях ее вы ничего
Не ищете душою беспокойной?

Дон Цезарь

Чего ж искать в ней, если не веселья?
Я жизнь люблю за то, что веселюсь.

Дон Жуан

Когда паспóртом в рай вы запаслися,
А жизнию довольны, то с Инесой
Вы поступили как подлец.

Дон Цезарь
(*вскакивая*)

Как? Что?
Что вы сказали?

Дон Жуан

Я сказал, что вы
Подлец.

Дон Цезарь
(*хватая бутылку*)

Я проучу вас!

Дон Жуан
(*хладнокровно*)

Берегитесь,
Я вас убью.

Гости

(бросаясь между них)

Стыдитесь, господа!

Входит дон Карлос.

Дон Карлос

Я, дон Жуан, принес вам новый вызов
От дон Октавьо. Исцелясь от раны,
Он бой вам на смерть предлагает...

Дон Цезарь

Стойте!
Я первый должен биться с дон Жуаном!

Дон Карлос

Сеньор, за дон Октавьо первенство —
Он первый оскорблен.

Дон Цезарь

Я не согласен!

Дон Жуан

Я весь к услугам вашим, господа;
Решите это дело между вами.

Расходятся.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА. ДВОР ПЕРЕД ДВОРЦОМ ДОН ЖУАНА

Дон Жуан, Лепорелло в длинных сапогах, с плетью в руке.

Дон Жуан

Что нового?

Лепорелло

Сеньор, я из Севильи
Скакал всю ночь. Я думаю, ваш конь
Поездку эту долго не забудет.

Дон Жуан

Фискала видел ты? Донес ему
О новых преступленьях дон Жуана?

Лепорелло

Исполнил, слово в слово, все, что вы
Мне приказать изволили намедни.

Дон Жуан

И что же?

Лепорелло

О сеньор, нам очень плохо!
Случайно я проведал стороною,
Что к ним из Рима будет новый член,

Какой-то дон Иеронимо. Он в Кадикс
На корабле на днях приехать должен.
Святых он братий хочет подтянуть;
Они его со страхом ожидают;
Чтоб избежать в бездействии упрека,
Формальный вам готовится процесс;
Арестовать должны вас очень скоро.
Меж тем разосланы во все концы
Глашатаи, чтоб ваше отлученье
От Церкви и закона объявить.
Пропали мы совсем!

Дон Жуан

Где Боабдил?

Лепорелло

Насчет его позвольте мне, сеньор,
Вам сообщить богатую идею.
Она пришла мне в голову, когда
Я к вам скакал с известьем из Севильи.
Кто этот Боабдил? И как ему
Вы можете так безусловно верить?
За то ль, что он хотел вас ткнуть кинжалом,
Ему от вас все милости идут
И наравне вы ставите его
Со мной, и даже выше, чем меня,
Который столько лет вам служит честно?
Ведь это вас к добру не поведет;
Увидите, еще бродяга этот,

Отступник, шельма, висельник и вор,
На вас беду накличет. Средство ж есть
Не только избежать беды, но пользу
Из шельмы этого извлечь, когда вы
Послушаетесь моего совета
И в рассужденье вникнете мое.
Мой взгляд на это дело очень прост:
Ведь Боабдил, не правда ль, осужден
Был инквизицьей на сожженье? Так ли?
Его мы свободили. Но потом
На нашу жизнь он покусился. Так ли?
Теперь спрошу вас: если бы мы знали,
Что он покусится на нашу жизнь,
Спасли ли б мы тогда его от смерти?
Нет, мы тогда его бы не спасли,
И был бы он теперь сожжен.
                                        Не правда ль?
Итак, коль мы сожжем его теперь,
Мы этим не возьмем греха на совесть,
Понеже все останется, как было.
А мой совет: схватить его сейчас
И на дворе публично сжечь. Мы этим
Докажем всем, в ком есть на нас сомненье,
Что добрые мы христиане. Ну,
Что скажете, сеньор, на эту мысль?

Дон Жуан

Что ты дурак и, сверх того, завистлив.

Лепорелло

Прикажете ли разложить костер?

Дон Жуан

Поди и позови мне Боабдила.

Лепорелло

Сейчас, сеньор. Я очень вас прошу
Мое серьезно взвесить предложенье.
У вас на шее новых два убийства:
Октавьо и дон Цезарь.

Дон Жуан

Первый мне
Своими вызовами надоел,
Второго же не жаль: он был подлец.
Но ты наскучил мне. Поди сейчас
И Боабдила позови.

Лепорелло

Извольте.

(*Уходит.*)

Дон Жуан
(*один*)

Мне оставаться доле невозможно,
Испанию покинуть должен я.
Но мысль о донне Анне не дает
Покоя мне. Я не был никогда

Особенно к чувствительности склонен;
Не помню даже, чтобы мне ребенком
Когда-нибудь случалось плакать. Ныне ж,
В мучительных и сладких сновиденьях,
Когда ее я вижу пред собой,
Я делаюся слаб, и, пробуждаясь,
Я ощущаю слезы на лице.
Я сам себя не узнаю. Когда бы
Не горький мой и многократный опыт,
Я б это чувство принял за любовь.
Но я не верю ей. Одно желанье,
Одна лишь страсть во мне, и, может быть,
Я трудностью победы подстрекаем!
Чего же ждать? Не буду малодушен,
Чувствительность рассудком изгоню,
Без нежных вздохов и без колебаний
Пойду я прямо к цели и сомненьям
Развязкой скорой положу конец!

(*Задумавшись.*)

Тогда и этот новый призрак счастья
Исчезнет, как все прежние. Да, да,
Я излечусь; но это излеченье
Тяжеле будет самого недуга,
И я куплю спокойствие мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этот цвет
Несорванным, но издали дышать
Его томительным благоуханьем
И каждый день, и каждое мгновенье

Воздушною идеей упиваться?
Безумный бред! То было бы возможно
Другому, но не мне. Мечтатель я —
Но я хочу мечты осуществленья,
Неясных положений не терплю.
Я не могу туманным обещаньем
Довольствоваться в жизни. От нее
Я исполненья требую. Я знаю,
Что и теперь она не сдержит слова,
Но, чем скорее выйдет ложь наружу,
Тем лучше для меня. Я не хочу
Быть убаюкан этим заблужденьем.
В Испании да будет донна Анна
Моим последним, горьким торжеством!
С чего ж начну? Еще не знаю сам,
Но чувствую, что уж готов мой демон
Мне снова помогать: в моей груди
Уж раздувает он губящий пламень,
К безумной страсти примешал вражду...
В моем желаньи тайный гнев я чую,
Мой замысел безжалостен и зол,
На власть ее теперь я негодую,
Как негодует раненый орел,
Когда полет влачить он должен низко,
И не решу, что мне волнует кровь:
Любовь ли здесь так к ненависти близко
Иль ненависть похожа на любовь?

Приходит Боабдил.

Ты все ли сделал, как я приказал?

Боабдил

Надежных удальцов до полусотни
На ваши деньги нанял я, сеньор.
Фелука также уж совсем готова:
Ходок отличный. Щегольски загнута,
Лихая мачта в воздухе дрожит;
Прилажен к ней косой латинский парус;
Мадонна шелком вышита на нем;
На флаге герб Тенорьо де Маранья,
И провианту вдоволь. По волнам,
Как ласточка скользя на них без звука,
Запрыгает разбойничья фелука!

Дон Жуан

Где вы на якоре стоите?

Боабдил

Близко
От вашего дворца. Скалистый мыс
От крейсеров пока нас закрывает.

Дон Жуан

По первому готовы будьте знаку
К дворца ступеням подойти. На пир
Я моряков удалых приглашаю.
Сегодня или завтра я намерен
Испанию оставить навсегда.

Боабдил уходит, входит Лепорелло.

Лепорелло

Ну что ж, сеньор? Обдумали вы план мой?

Дон Жуан

Седлай сейчас мне лучшего коня,
С тобою вместе я скачу в Севилью.

Лепорелло

В Севилью? Боже мой!

(*В сторону.*)

Мой господин,
Мне кажется, немного помешался!

Дон Жуан

В Севилью скачем мы с тобой сейчас,
И прежде, чем настанет новый день,
В моих объятьях будет донна Анна.

СУМЕРКИ. КЛАДБИЩЕ

Дон Жуан и Лепорелло слезают с лошадей.

Дон Жуан

Здесь жди меня.

Лепорелло

Помилуйте, сеньор,
Нельзя ли выбрать вам другое место?

Ведь это есть то самое кладбище,
Где погребен убитый командор!
Смотрите — вон и памятник его!
Весь мраморный, на мраморном коне;
У, как на нас он сверху смотрит строго!

Дон Жуан

Ее отсюда вилла недалеко,
Сюда же ночью не придет никто.
Здесь жди меня, я до зари вернуся.

(*Уходит.*)

Лепорелло
(*один*)

Брр! Дрожь меня по жилам пробирает!
Ведь, право, ничему не верит он,
Все для него лишь трын-трава да дудки,
А на меня могильный холод веет,
И чудится мне, будто меж гробниц
Уже какой-то странный ходит шепот.
Ух, страшно здесь! Уйду я за ограду!

(*Уходит.*)

Сатана
(*является между могил*)

Люблю меж этих старых плит
Прогуливаться в час вечерний.
Довольно смешанно здесь общество лежит,
Между вельмож есть много черни;

Но это не беда, а жаль, что посещать
Иные мне нельзя гробницы:
Здесь есть две-три отроковицы,
Пять-шесть еретиков, младенцев дюжин с пять
К которым мне нельзя и носу показать.
Под веденьем небесной силы
Их состоят могилы;
Мне портят ангелы житье.
Не нужно напрягать им слуха,
Сейчас проведают по духу,
Такое тонкое чутье!
Уж я их слышу приближенье...
Ну, так и есть, явилися сюда...
Мое нижайшее почтенье,
Слуга покорный, господа!

Небесные духи

Оставь усопшим их забвенье,
Оставь гробы до Страшного суда,
Не преступай священного предела!

Сатана

На этот раз до мертвых нет мне дела.
Иной заботой занят я.
Вы помните, друзья,
Наш давний спор про дон Жуана?
Я говорил, что поздно или рано
Он будет мой. И что ж? Свет победила мгла,

Не понял той любви святого он значенья,
Которая б теперь спасти его могла,
И слепо он свершит над нею преступленье.

Духи

В безмолвии ночи
Мы с ним говорили,
Мы спящие очи
Его прояснили,
Из тверди небесной
К нему мы вещали
И мир бестелесный
Ему показали.
Он зрел, обновленный,
В чем сердца задача,
И рвался к нам, сонный,
Рыдая и плача;
В дневной же тревоге
Земное начало
Опять от дороги
Его отвращало;
Он помнил виденье,
Но требовал снова
Ему примененья
Средь мира земного,
Пока его очи
Опять не смежались
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь он преступный

Гнал замысл обратно,
И мысли доступна,
И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И наш он был снова,
Рыдая и плача!

Сатана

Я вижу из сего, что путь его двойной,
И сам он, кажется, двоится:
Во сне он ваш, но наяву он мой —
На этом я согласен помириться!

Духи

Высокой он душой на ложь ожесточен,
Неверие его есть только плод обмана.
Сгубить лишь на земле ты можешь
дон Жуана,
Но в небе будет он прощен!

Сатана

Тогда бы в небе толку было мало!
Он сердится на ложь, — сердиться волен всяк,
Но с правдой ложь срослась и к правде
так пристала,
Что отскоблить ее нельзя никак!
А он скоблит сплеча, да уж едва ли
Насквозь не проскоблил все истины
скрижали,

Не верит на слово он никому ни в чем;
Веков работу предприняв сначала,
Он хочет все, что нам преданье завещало,
Своим исследовать умом.
Немножко щекотливо это!
Я сам ведь враг авторитета,
Но пообтерся меж людьми;
Беда все отрицать! В иное надо верить,
Не то пришлось бы, черт возьми,
Мне самого себя похерить!

Духи

Лукаво ты его смущал,
Ты истощил его терпенье,
И гнаться он устал за тою беглой тенью,
Что лживо на земле ему ты показал.

Сатана

Прошу покорно извиненья!
Конечно, я его морочил много лет,
Но нынешний его предмет
Есть между всеми исключенье.
Могу вам доложить, без лести и похвал,
Она точь-в-точь на свой походит идеал,
И даже самому мне странно,
Что в форму вылилась так чисто
донна Анна.
Когда б ее сумел он оценить,
Свершилось бы неслыханное чудо,
Моих сетей разорвалась бы нить

И со стыдом бы мне пришлось бежать
отсюда.
Но слеп он, словно крот. К чему ж еще
обман?
Уж нечего мне боле добиваться;
Могу я руки положить в карман
И зрителем в комедии остаться.
Без цели за него идет у нас борьба,
Теперь бы отдохнуть могли мы;
Влияний наших нет — влечет его судьба
И неизбежности закон неумолимый!

Духи

Вкруг дел людских загадочной чертой
Свободы грань очерчена от века;
Но без насилья может в грани той
Вращаться вольный выбор человека.
Лишь если он пределы перейдет,
В чужую область вступит святотатно,
Впадает он в судьбы водоворот
И увлечен теченьем невозвратно.
В тревоге дум, в разгаре мощных сил
Жуан блуждает, дерзостен и страстен,
Но за черту еще он не ступил
И к правде он еще вернуться властен.
Лукавый дух, бежишь ты со стыдом!
Святой любви таящееся чувство
Сознает он.

Сатана

Я сомневаюсь в том.
Я отказался здесь от всякого искусства,
На гвоздик я свою повесил сеть;
Но к милой он пошел, совсем уж сбитый с толку,
И вам, я думаю, пришлось бы покраснеть,
Когда б на них теперь вы поглядели в щелку!

Духи

Он к истине придет! Его туманный взор
Уже провидел луч божественного света!

Сатана

А что есть истина? Вы знаете ли это?
Пилат на свой вопрос остался без ответа,
А разрешить загадку — сущий вздор:
Представьте выпуклый узор
На бляхе жестяной. Со стороны обратной
Он в глубину изображен;
Двояким способом выходит с двух сторон
Одно и то же аккуратно.
Узор есть истина. Господь же Бог и я —
Мы обе стороны ея;
Мы выражаем тайну бытия —
Он верхней частью, я исподней,
И вот вся разница, друзья,
Между моей сноровкой и Господней.

Духи

Когда, как хор одушевленный,
Земля, и звезды, и луна
Гремят хвалой Творцу вселенной,
Себя со злобою надменной
Ему равняет Сатана!
Но беса умствованья ложны,
Тождествен с истиною Тот,
Кого законы непреложны,
Пред чьим величием ничтожны
Равно кто любит иль клянет!
Как звездный блеск в небесном поле
Ясней выказывает мгла,
Так на твою досталось долю
Противуречить Божьей воле,
Чтоб тем светлей она была!

Сатана

Известно, что от всякого контроля
Должны выигрывать дела.

Духи

Два разнородные начала,
Тому равно подвластны мы,
Кого премудрость указала, —
Нам быть глаголом идеала,
Тебе же быть глаголом тьмы!

Сатана

Согласен и на то. Без комплимента,
Мы, значит, вроде парламента;
Мы, так сказать, правления весы.
Сознайтесь, что Господь здесь только
для красы;
Он символ лишь замысловатый;
Делами ж правим мы, две равные палаты;
Точней: коль на него посмотришь
с двух сторон,
Выходит, вы да я, мы совокупно — Он.
Разрыв наш — только умозренье,
Но в самом деле мы одно;
А для пустого развлеченья
Дробиться целому смешно.
Пора двух половин устроить сочетанье;
Химически смешав со злобою любовь,
В итог бесстрастия сольемся вновь
И погрузимся в самосозерцанье!
А мир советую предать его судьбе,
Как заведенную раз навсегда машину.
Когда же внешности с себя мы смоем тину
И будем сами по себе —
Какое дело нам, каким путем к сознанью,
С какого именно конца,
С парадного иль с черного крыльца,
Придет какой-нибудь маркезе де Маранья?

Духи

Едино, цельно, неделимо,
Полно созданья своего,
Над ним и в нем невозмутимо
Царит от века Божество,
Осуществилося в Нем ясно,
Чего постичь не мог никто:
Несогласимое согласно,
С грядущим прошлое слито,
Совместно творчество с покоем,
С невозмутимостью любовь,
И возникают вечным строем
Ее созданья вновь и вновь.
Всемирным полная движеньем,
Она светилам кажет путь,
Она нисходит вдохновеньем
В певца восторженную грудь;
Цветами рдея полевыми,
Звуча в паденьи светлых вод,
Она законами живыми
Во всем, что движется, живет.
Всегда различна от вселенной,
Но вечно с ней съединена,
Она для сердца несомненна,
Она для разума темна.
Замолкни, жалкий сын паденья,
И слов язвительных не трать —
Тебе святого Провиденья
Душой холодной не понять!

Сатана

Я только пошутил. Хотел вам доказать я,
Что всем системам, без изъятья,
Есть в беспредельности простор
И что, куда мы наш ни кинем взор,
Мы, метя в круг неизмеримый,
Никак попасть не можем мимо.
В той области, где центра нет,
Где центром служит каждый пункт случайный,
Где вместе явно все и тайно
И где условны мрак и свет, —
Там все воззрения возможны,
Все равно верны или равно ложны.
Поэтому и ваш я допускаю взгляд,
И если на явлений ряд
С известной точки посмотрю я,
Готов, как вы, кричать я: «Аллилуя!
Ура! Осанна! Свят, свят, свят!»
Усердья моего ничье не перевысит;
Досадно то, что результат
От точки зрения зависит.

Духи

Царь тьмы, к чему двусмысленная речь?

Сатана

К тому, чтоб вас предостеречь
От бесполезного старанья

Спасти Жуана де Маранья.
Какую б нам систему ни принять:
Систему веры иль рацьонализма,
Деисма или пантеисма,
Хоть все до одного оттенки перебрать,
Которыми привыкла щеголять
Философическая присма, —
Того, кто Промысла отвергнул благодать,
Но сесть не хочет в кресла фатализма,
А прет себе вперед, и в сторону, и вспять,
Как по льду гладкому скользя, —
Спасти нельзя!

Духи

Господь! Постигнуть дай Жуану,
Что смутно видел он вдали!
Души мучительную рану
Сознаньем правды исцели!
Но если, тщетно званный нами,
Он не поймет Твоей любви,
Тогда сверкающий громами
Свой гневный лик ему яви,
Да потрясет Твой зов могучий
Его, как голос судных труб!

Сатана

На эти чудеса Господь довольно скуп
И скромно прячется за тучей,
Когда гремит. На всякий случай
Позвольте мне сюда ту силу пригласить,

Которая, без воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только даст ей приказанье.
Кто б ей ни овладел, порок иль благодать,
Слепа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовут душой земли,
Ты, что магнитный ток сквозь мир всегда струила,
Услышь теперь мой зов, словам моим внемли,
Явись, таинственная сила!
Ты, жизненный агент, алхимиков азот,
Незримое астральное теченье,
Твой господин тебя зовет,
Явись принять его веленья!
Ты, что людской всегда питаешь пот и труд,
Ты, что так много душ сгубила.
Усердье, преданность иль как тебя зовут,
Явись, бессмысленная сила.

Является туманная фигура.

Смотрите, вот она, покрыта пеленой,
Еще не знает, чем ей выйти из тумана.
Готовься ж петлю, спутанную мной,
Рассечь иль затянуть, по выбору Жуана!
Отныне будь ему во всем подчинена:
Что б ни задумал он от прихоти иль скуки,
Все слепо исполняй. Теперь я сторона,
Я совершил свое и умываю руки!

Смотрите: ревности полна,
Уже дрожит и зыблется она,
Все виды принимать и образы готова.
Терпенье, бабушка! Жди знака или слова,
Потом уже не знай ни страха, ни любви,
Свершай, что он велит, без мысли, ни пощады
И, воплотившись раз, топчи, круши преграды —
И самого его в усердьи раздави!

Духи

Постой, внемли и нам! В то страшное мгновенье
Когда на бездны край уж ступит дон Жуан,
Последнее ему неси остереженье
И духа тьмы пред ним разоблачи обман.
Тогда лишь, если он от правды отвратится. —
Его судьба да совершится!

Фигура исчезает.

МЕСТО ПЕРЕД ВИЛЛОЙ ДОННЫ АННЫ

Офицер с патрулью.

Первый солдат

Сейчас он промелькнул передо мною.

Офицер

Уверен ты, что это точно он?

Первый солдат

Я видел белое перо на шляпе.

Офицер

Довольно белых перьев без него.

Второй солдат

Мне кажется, он в этот двор вошел.

Офицер

Не может быть. То вилла донны Анны;
Сюда войти не смел бы дон Жуан.

Второй солдат

Я точно видел.

Третий солдат

Мне так показалось,
Что за угол он повернул.

Офицер

Пойдем
Сперва по этой улице, когда же
Там никого не встретим, то вернемся.

Уходят.

ВИЛЛА ДОННЫ АННЫ

Сначала сумерки. Потом луна освещает часть комнаты. Другая остается в тени.

Донна Анна
(*одна*)

Все та же неотвязчивая мысль
Вокруг меня как черный ворон вьется...
Так поступить! Зачем он не сказал мне,
Что он во мне ошибся? Что не та я,
Которую искал он? Не сказал мне,
Что, полюбив, он разлюбил меня?
Я поняла б его, я извинила б,
Я оправдала бы его! Ужели
Моих упреков, слез или молений
Боялся он? Я не давала права
Ему так низко думать обо мне!
Все мог он сделать, все, но это — это, —
О Боже, Боже, пожалей меня!

(*Подходит к окну.*)

Октавио нейдет. Я знаю, где он.
Но мысль о нем мне не тревожит сердца —
Я не страшуся друга потерять —
Страшуся только, чтоб его противник
Из боя вновь не вышел невредим.
Уже во мне иссякли без возврата
И жалость и участие. Меня
Он как поток схватил неумолимый

И от всего родного оторвал.
С боязнию теперь в себя гляжу я;
Там прошлого не видно и следа,
И чуждые мне чувства поселились
В опустошенном сердце. Страшно, страшно!
Лишь смерть его, лишь только смерть одна
Покой душевный возвратить мне может!
Пока он жив, ни здесь, ни на могиле
Отцовской, ни в стенах монастыря
Не в силах я ни плакать, ни молиться.
Но, кажется, послышались шаги...
Звенят по мраморным ступеням шпоры...
Идут сюда... Октавио вернулся!

Дон Жуан показывается, в плаще, с надвинутой на глаза шляпой. Донна Анна бросается к нему навстречу.

Октавио!.. Ну, что же?

Дон Жуан
(*сбрасывая плащ*)

Это я.

Донна Анна, в ужасе, отступает.

Я знаю, донна Анна, что мой вид
Вселяет в вас и ненависть и ужас.
Вы правы. Для меня прощенья нет —
Нет никаких пред вами оправданий.
Я был для вас орудием судьбы
И не могу исправить, что случилось.

Но я пришел сказать вам, что навек
Я покидаю этот край, что вы
От близости избавитесь несносной
И можете свободнее дышать.

Донна Анна
(*в сторону*)

Что мне мешает в грудь ему сейчас
Вонзить кинжал? Какое колебанье
Мою бессилит руку?

Дон Жуан

Донна Анна,
Когда до вас известие дойдет
О смерти ненавистного Маранья,
Могу ли ожидать, что это имя
Не будете вы боле проклинать?

Донна Анна

Он говорит о смерти! Боже правый!
О смерти он дерзает говорить,
Тот, кто всегда кровавой смертью дышит,
Кому она послушна, как раба!
Где дон Октавьо? Отвечайте, где он?

Дон Жуан

Октавио убит.

Донна Анна хочет говорить, он ее предупреждает.

Я не искал
Его погибели. Он сам хотел
Со мною биться. Я не мог ему
Подставить горла, как овца; но я
Завидую теперь его судьбе.

Донна Анна

Обрызган кровью моего отца,
Он моего еще зарезал брата
И хвалится убийством предо мной!
И не расступится под ним земля?
И пламя не пожрет его? Гром Божий,
Ударь в него! Испепели его!

Дон Жуан

Увы, никто не слышит, донна Анна,
Проклятий ваших. Ясен свод небес,
Мерцают звезды, лавр благоухает,
Торжественно на землю сходит ночь,
Но в небесах все пусто, донна Анна.
В них Бога нет. Когда б внезапно гром
Теперь ударил, я б поверил в Бога,
Но гром молчит — я верить не могу.

Донна Анна

Он богохульствует! Доколь, о Боже,
Терпение Твое не истощится?

Дон Жуан

О, если бы я мог в Него поверить,
С каким бы я раскаяньем пал ниц,
Какие б лил горячие я слезы,
Какие бы молитвы я нашел!
О, как тогда Его я умолял бы,
Чтобы еще он жизнь мою продлил,
И мог бы я, босой, и в власянице,
Простертый в прах, и с пеплом на главе,
Хоть долю искупить тех преступлений,
Которые безверьем рождены!
Каких бы я искал себе мучений,
Каким бы истязаньям предал плоть,
Как жадно б я страданьем упивался,
Когда бы мог поверить в Божество!
О, горе мне, что не могу я верить!

Донна Анна

Что слышу я? Тот самый, кто в других,
С рассчитанным, холодным наслажденьем,
Всегда святыню сердца убивал, —
Тот сожалеет о своем безверьи!

Дон Жуан

Я разрушал, в моем ожесточеньи,
Обман и ложь везде, где находил.
За жизнь мою и за мое рожденье
Слепой судьбе без отдыха я мстил.
Себя, других, весь мир я ненавидел,

Я все губил. Один лишь только раз,
В тот светлый день, когда я вас увидел,
В моей душе надежда родилась.
Но я уж был испорчен. Я не мог
Моей любви поверить. Слишком часто
Я был обманут. Я боялся вновь
Попасться в сеть; я гордо захотел
Убить в себе мучительное чувство,
И святотатно я его попрал.
Я сам себе безумно посмеялся,
И моего упорного безверья,
Моей насмешки горькой над собой
Вы сделалися жертвой. Не глядите
Так гневно на меня — увы, я знаю,
Что я преступник, но уж я наказан.
Не удалося мне торжествовать.
Я победить себя не мог. Ваш образ
Не в силах я изгладить, ни забыть,
Да! В Бога я давно уже не верю,
Но верить в вас еще не перестал!
Когда б я мог, хоть изредка, вас видеть —
Не здесь — о нет, но в церкви где-нибудь;
Незримый вами, в темном углубленьи,
Меж нищими, колонною сокрыт,
Когда б я мог, хоть издали, украдкой,
Ваш иногда услышать голос — о!
Тогда, быть может, был бы я спасен
И верить вновь тогда бы научился!

Донна Анна

Уж слишком долго слушала я вас —
Меж нами разговоров быть не может.
Раскаялись когда вы непритворно,
Ищите утешенья в лоне Церкви,
Меня ж оставьте — вам не место здесь.

Дон Жуан

Я Церковью отринут. В этот миг,
Пока я с вами говорю, убийцы
Везде уж рыщут по моим следам,
И голова оценена моя.
От Церкви не могу я ждать пощады!

Донна Анна

Идите в Рим. К ногам падите Папы.
Петра наместник может вас простить.

Дон Жуан

Когда не верю в самого я Бога,
Чего у Папы мне еще искать!
Не Папа может воскресить надежду,
Не Папа с жизнью может помирить!
Простите, донна Анна. Я безумец.
Увлекся я несбыточной мечтой.
Нет, для меня не может быть спасенья!
Идти я должен до конца. Нельзя
Остановиться мне на полдороге.
В отчаянье я брошуся опять!
Пусть опьянят мой разум преступленья,

В страстей тревоге пусть забуду я
Блеснувший мне отрадный луч надежды!
Как бешеный, неукротимый конь,
Я к пропасти направлю бег безумный
И, как шумящий водопад, с высот
Низринусь в бездну. Мне одна дорога:
Ничтожества спасающая ночь!

Донна Анна

Слова безумья или ослепленья!
Я ненавижу вас... но долг велит
Вам указать убежище молитвы...

Барабанный бой.

Голос под окнами

«Во имя короля и Sant' officio!
Сим объявляется всем христианам,
Что дон Жуан, маркезе де Маранья,
От Церкви отлучается Христовой
И вне законов ныне состоит.
Все для него убежища закрыты,
Не исключая Божьих храмов. Всем,
Кому его известно пребыванье,
Вменяется в священный долг о нем
Немедленно начальству донести.
К кому ж он обратится, тот его
Обязан выдать в руки местной власти,
Под опасеньем вечного проклятья, —
Таков над ним церковный приговор».

Барабанный бой.

Дон Жуан

Вы слышали? Могу ли я еще
Мириться с Церковью или с законом?
Простите! Кончено! Моя судьба
Да совершится!

Донна Анна

(*которая между тем подошла к двери и прислушивалась*)

Стойте, дон Жуан!

Входит слуга. Донна Анна становится перед дон Жуаном, который остается в тени.

Слуга

Сеньора, офицер священной стражи
Желает вас увидеть.

Донна Анна

Пусть войдет.

Офицер

Прошу меня простить, сеньора. Я
С патрулью наряжен от Sant' officio
Арестовать преступника.

Донна Анна

Кто он?

Офицер

Нам показалось, что он в эту виллу
Вошел недавно.

Донна Анна

Как его зовут?

Офицер

К несчастью, вам его известно имя:
То дон Жуан, маркезе де Маранья.

Донна Анна

Как можете вы полагать, чтоб он
Осмелился сюда прийти? Вы, верно,
Заметили кого-нибудь другого.
Но я велю везде вас проводить
И позволяю осмотреть всю виллу.

Офицер

(поднимая плащ дон Жуана,
с замешательством)

Сеньора... этот плащ?..

Донна Анна

Какую связь
Имеет с порученьем вашим чей-то
Оставленный здесь плащ? Надеюсь, вы
Не думаете, чтобы я скрывала
Убийцу моего отца?

Офицер

Сеньора,
Я виноват, простите, мы ошиблись.

(*Уходит.*)

Донна Анна следит за ним глазами, потом смотрит на дон Жуана, шатается и готова упасть. Дон Жуан ее поддерживает.

КЛАДБИЩЕ, ОСВЕЩЕННОЕ ЛУНОЮ

Лепорелло
(*вбегая в ограду*)

Нет, страшно мне и там! Кругом везде
Все движется и шепчет! Рвутся кони
И фыркают, покрыты белой пеной...
Где господин мой? Уж пора б давно
Ему сюда вернуться!

Дон Жуан
(*входя*)

Свершено!
Полуобман и полуоткровенность,
Обратное движенье бурной страсти,
Которому так сладко уступать,
Мне предали в объятья донну Анну,
Я победил! Не будет боле мучить
Меня любви обманчивая тень!

Лепорелло

Скорей, сеньор! Ускачемте отсюда!

Дон Жуан

Как вновь во мне кипит и жизнь и сила!
Весь мир теперь я вызвал бы на бой!

Лепорелло

Прочь, прочь отсель! Ускачем, ради Бога!
Нечисто здесь, любезный мой сеньор!

Дон Жуан

Все тот же ты! Всегда труслив как заяц!

Лепорелло

Поверьте мне, ускачем! Командор...

Дон Жуан

Что командор?

Лепорелло
(*показывая на статую*)

Глядите, как он смотрит!

Дон Жуан

Зови его ко мне на ужин завтра!

Лепорелло

Ай, ради Бога, не шутите так!

Дон Жуан

Я не шучу. Зови его на ужин!

Лепорелло

Уйдем, уйдем!

Дон Жуан

Нет, надо проучить
Твою мне трусость. Подойди сейчас
И пригласи на ужин командора!

Лепорелло

О, не могу!

Дон Жуан

Я заколю тебя!

Лепорелло

Сейчас, сейчас! Исполню вашу волю!

(*Подходит к памятнику.*)

Великая статуя командора!
Мой господин — не я, ей-ей, не я —
Вас приглашает... Нет, я не могу!

Дон Жуан

Кончай сейчас!

Лепорелло

Вас приглашает завтра
Пожаловать к нему на ужин... Ай!

Дон Жуан

Ну что?

Лепорелло

Она... ей-ей, она кивнула!

Дон Жуан

Постой же трус, я научу тебя
Бесстыдно лгать. Сюда! Смотри наверх!

(Берет Лепорелло за ворот и обращается к статуе.)

Статуя командора! Я даю
Прощальный ужин завтра и желал бы,
Чтоб на него пожаловала ты.
Скажи, придешь на ужин?

Статуя кивает.

Что за черт!
Я, кажется, не пьян, а вижу мутно.
Должно быть, я устал. То к голове
Кровь приливает и туманит зренье.
Эй, Лепорелло! Лошадей!

Лепорелло

Бегу!

ДВОРЕЦ ДОН ЖУАНА

Зала окнами к морю.

Дон Жуан
(*один, пасмурный и недовольный*)

Я победил. Но удовлетворенья
Ожиданного я не нахожу.
Она мне отдалася без сознанья;
Мне помогли внезапность и расплох;
Победу я украл, как вор. Не так
Мне овладеть хотелось этим сердцем!
Нет: шаг за шагом, медленно вперед
Все далее и дале подвигаться,
Вражду, и стыд, и совести боренье
В последние убежища теснить,
И гордую противницу мою,
Самой ей к изумлению, заставить
Мне сделаться послушною рабой, —
Вот где была бы ценность обладанья,
Вот что победой полной я б назвал!
Нет, недоволен я собою. Много
Нетронутых я в ней оставил струн,
И много темных сердца тайников
Я не изведал. Но теперь уж поздно!

Над головой моей сверкает меч,
И должен я Испанию покинуть!
Утешусь тем, что я б и в этом сердце
Открытья сделать нового не мог.
Жалеть о неисчерпанной интриге
Не все ль теперь равно, что сожалеть
О кой-каких местах моей отчизны,
Которых я не посетил? Отчизна,
И женщины, и целый род людской
Известны мне. Зачем же не могу я
Воспоминание о донне Анне
На дне души моей похоронить,
Как и другие все воспоминанья?

Входит Боабдил в вооружении пирата.

Но вот моей фелуки капитан.
Послушаем, что он принес.

Боабдил

Сеньор,
Исправно все. К отплытью мы готовы!

Дон Жуан
(*осматривая его наряд*)

Вот так люблю тебя. Колпак, и куртка,
И абордажный на цепи топор,
Узорные морские шаровары
И туфли на босую ногу. Браво!
Ты молодец, разбойник хоть куда!

Боабдил

И хоть куда готов я вас доставить,
Лишь поскорей бы в море нам уйти?

Дон Жуан
(*про себя*)

Вот этого сомнения не мучат,
И нет разлада в нем с самим собой.
Мне любопытно знать, как на моем
Он поступил бы месте.
Постараюсь
Вопрос мой применить к его понятьям.

(*К Боабдилу.*)

Скажи мне, Боабдил, тебе не жаль
Расстаться навсегда с твоей отчизной?

Боабдил

Сеньор, весь этот андалузский край
Был наш когда-то. Нам принадлежал
Весь кругозор, что обнимает око
С зубчатых башен царственной Альгамбры,
В ту пору я, быть может, пожалел бы
О родине, как о своем добре;
Но ныне проку мало в ней, и я
Давно пустые бросил предрассудки;
Я родиной считаю всякий край,
Где золото мне сыплется в карманы.

Дон Жуан

Ты судишь здраво. С этой точки зренья
Твой образ мыслей можно похвалить.
Но если бы внезапно ты нашел
Несметный клад, таких сокровищ груду,
Какие, по преданию, лежат
В заваленных подвалах под Альгамброй,
Что б сделал ты тогда?

Боабдил

Сказать вам правду,
Нашедши клад, я рассудил бы тотчас,
Что больший клад еще найти возможно,
И больший бы отыскивать я начал.

Дон Жуан
(*про себя*)

Я к этому мошеннику недаром
Сочувствие имел. Мы схожи нравом,
Но в клады я не верю уж давно!
А странно, что досель я не могу
О ней не думать! В память глубоко
Слова и голос врезались ее,
И этот взгляд испуганный, когда
Опомнилась она в моих объятьях.
Безумный дон Жуан! До коих пор
Играть тобой воображенье будет!
Стыдись хоть Боабдила. Этот ищет,
Что находить и добывать возможно, —

А ты? Стыдись! Тебя смущает сон!

(*К Боабдилу.*)

Ты не забыл различною одеждой,
На всякий случай, запастися? Нам,
Я думаю, придется в Барселоне
Дня два иль три инкогнито прожить.

Боабдил

От капуцина и до пикадора
Припасены наряды всех сортов;
Лишь стоит их доставить на фелуку.

Дон Жуан

Я ночью сняться с якоря намерен,
Теперь же всех зову ко мне на пир.

Лепорелло
(*вбегая в испуге*)

Сеньор! Сеньор! Дворец ваш окружают
Со всех сторон святые familiares!
Весь двор уж полон стражи; все ворота,
Все двери ими заняты! Сейчас
Арестовать придет вас их начальник!

Дон Жуан

Ого! Должно быть, дон Иеронимо,
Тот новый член, которого из Рима
Они в Севилью ждут, шутить не любит!

Мы их принять готовы. Боабдил,
Твои одежды нам пришлися кстати:
Забавный мы затеем маскарад.
Ты будешь капитан, который в Кадикс
Иеронимо привез; ты ж, Лепорелло,
Ты — сам Иеронимо. Смотрите ж оба,
Я каждому его назначу роль.

ГАЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦЕ

Боабдил и офицер стражи.

Боабдил

С утра они в молельне заперлись.
Я подходил на цыпочках ко двери:
Там тихо все; порой лишь слышны вздохи,
А иногда невнятное рыданье
Да увещанья честного отца.
Должно быть, дон Жуан великий грешник!
Во время рейса дон Иеронимо
Мне говорил, что у него от Папы
Инструкция особенная есть
Насчет сего еретика, Жуана.

Офицер

Я наряжен его арестовать;
Из уст дон Иеронимо я должен
О том услышать, как мне поступить.

Боабдил

Вы подождать должны, пока они,
Свою беседу кончив, из молельни
К нам выйдут.

Офицер

Извините, капитан,
Ответственность и служба мне велят
Немедленно войти в молельню. Мне
Не можно ждать!

Боабдил

Я умываю руки.

Офицер входит в боковую дверь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦЕ

Лепорелло в креслах, одетый доминиканцем.
Перед ним на коленях дон Жуан.
Входит офицер стражи.

Офицер

Отец, простите...

Лепорелло

Это что такое?
Кто смеет нас в молитве прерывать?

Офицер

Я наряжен от Sant' officio
Арестовать Жуана де Маранья.

Лепорелло

Как? Что? Теперь? При мне? Ты знаешь ли,
Мошенник... я хотел сказать: мой сын, —
Что я с инструкцией от Папы прислан
И сам могу тебя арестовать?

Офицер

Простите. Вот мандат мой! Я обязан
Вам предъявить комиссию мою.

Лепорелло

Где твой мандат? Давай его сюда!

Офицер подает бумагу. Лепорелло ее раздирает.

Вот твой мандат! И знай, что булла Папы
Дает мне власть Жуана де Маранья,
Заблудшую, но кроткую овцу,
Благословить и от грехов очистить;
Знай, что сей самый грешник, дон Жуан,
Которого арестовать пришел ты,
Моих словес проникнулся елеем,
Отверг душой мирскую суету
И поступает кающимся братом
В Севилию, в картозский монастырь!
Не так ли, сын мой?

Дон Жуан

Так, отец мой, так!
Мне мир постыл, я быть хочу монахом;
Моей беспутной, невоздержной жизни
Познал я скверны, и алчет беспредельно
Душа молитв, а тело власяницы!

Лепорелло

Ее ты примешь, сын мой, скоро примешь;
Тебе лишь испытанье предстоит —
И ты монахом будешь. Pax vobiscum!

(*К офицеру.*)

Ну что! Чего стоишь, разиня рот?
Ты этого не ожидал, безбожник?

Офицер

Отец...

Лепорелло

Отец, отец! Скажи мне лучше,
Как исповедь ты нашу смел прервать?
Ты должен быть отъявленный еретик!
Распущенны вы все, я это вижу;
Но я вас подтяну. Ты знаешь ли
Железные ботинки? Пытку? Цепи?
Тюрьму? Костер? Проклятье Церкви и...
И прочее, и прочее? А? Знаешь?

Офицер

Я виноват, что вас прервал, но служба...

Лепорелло

Нет, ты скажи мне, как ты не размыслил,
Что прерывать меня есть преступленье?

Офицер

Отец мой, как я смею размышлять?
Начальству должен я повиноваться.

Лепорелло

Начальству? Да. Но кто твое начальство?

Офицер

Священный трибунал.

Лепорелло

Так было прежде.
Но с той поры, как я ступил на берег,
Твое начальство я. Смотри мне в грудь
И выражай лицом подобострастье,
Доверье, благодарность и любовь.
Что есть повиновенье? Отвечай!

Офицер

Повиновение, отец мой?

Лепорелло

Да!

Офицер

Повиновенье есть...

Лепорелло

Неправда! Врешь!
Повиновение есть то, что если
Я прикажу тебе плясать качучу,
То должен ты ее плясать, пока...
Пока я не скажу: довольно! Если ж
Не хватит сил твоих и ты умрешь,
Ты должен умереть, а все плясать!
Вот что повиновенье. Понимаешь?

Офицер

Отец мой...

Лепорелло

Как? Ты смеешь отвечать?
Епитимью тебе! Епитимью!
Бей каждый день сто пятьдесят поклонов,
И на коленях тридцать патерностров
И пятьдесят читай Ave Maria!
Ну что? Чего стоишь? Беги в Севилью
И объяви, что видел!

Офицер

Мой отец,
Мне письменное нужно приказанье.

Лепорелло

Ну да, конечно. Я бы посмотрел,
Как ты посмел бы убежать отсюда
Без письменного приказанья!

(*К дон Жуану.*)

Сын мой,
Встань, напиши сейчас к святым отцам
Цидулу. Я под ней поставлю крест,
Его в Севилье знают, слава Богу!

Дон Жуан пишет и подает бумагу Лепорелло, который ставит крест и передает офицеру.

Вот приказанье... На, ступай, да помни:
Ста два поклонов! Сорок патерностров!
И семьдесят Ave Maria в день!

Офицер кланяется и уходит.

Дон Жуан
(*смотря ему вслед*)

Ушел, глупец. Счастливого пути!
И все они такого же покроя!
Он так привык все слушаться начальства,
Что размышлять совсем уже отвык.
Играть таким отродием нетрудно,

Лишь стоит подменить начальство. Право,
Как вспомню я, что целый род людской
Привычке служит, под привычкой гнется,
То стыд берет, на эту сволочь глядя,
Что к ней и я принадлежу!

Лепорелло

Мороз
Меня теперь по коже подирает,
Когда я вспомню, чем я рисковал.
А славную мы выкинули штуку!
Ха-ха! Монахом будет дон Жуан!
Пожалуй, из монахов можно в Папы!
Сеньор, когда вы сделаетесь Папой,
Прошу и мне пожаловать местечко!

Дон Жуан

Ты был бы инквизитором в Севилье.

Лепорелло

И строгим инквизитором, сеньор!
Иль думаете вы, я б не сумел
Безнравственность преследовать и ересь?
Пусть кто-нибудь осмелился б при мне
Жену чужую соблазнить! Пусть слово
Не в пользу б инквизиции сказал!
Будь он хоть шепетун, будь он заика,
Мне первого довольно было б слога,
Чтоб остальные отгадать. Да что тут!

Я мысль его узнал бы по глазам,
По шапке, по походке. Стой, брат,
шутишь —
И тотчас на костер! Мне не учиться,
Уловки все я знаю наизусть,
На все я в вашей школе насмотрелся,
Меня б не провели. А с новым платьем
И правила б я новые надел,
Вы не узнали бы меня!

Дон Жуан

Не первым
И не последним был бы ты. Однако
Меня проделка эта развлекла,
А то с утра еще мне было как-то
Особенно и скучно и досадно.
Скорей, скорей прожить мне эту жизнь
И весело пробиться до конца!
Эй, Лепорелло! Весь чтобы дворец
Был освещен, чтоб музыка гремела
И чтоб вино всю ночь лилось рекой!
Мы на рассвете подымаем якорь!

НОЧЬ. ОТКРЫТАЯ ГАЛЕРЕЯ У МОРЯ

В глубине видны мачты фелуки. Великолепное освещение и музыка. За убранными столами сидят пираты. Гости сходятся со всех сторон.

Дон Жуан

Всех звать ко мне! Все дорогие гости!
Прошу моих соседей веселиться
И быть как дома!

(К музыкантам.)

Эй, играть фанданго!

Музыка и танцы.

(К Боабдилу.)

Никто из крейсеров вас не заметил?

Боабдил

Никто, сеньор. Мы подошли к дворцу,
Когда уж все стемнело. Эти псы
Подозревать не могут ничего.
Им виден с моря блеск дворцовых окон
И музыка веселая слышна;
А убежать готовится не так,
Чья голова обречена на плаху!

Дон Жуан

Чтоб праздник наш и наше освещенье
Казались им еще великолепней,

Перед отплытьем я зажгу дворец —
Пусть это будет также утешеньем
Соотчичам моим, что не могли
Они Жуана сжечь. Но время терпит,
Я вдаль плыву, и требует учтивость
Спеть что-нибудь в честь родины моей!

(*Берет гитару, строит ее и поет, глядя на море.*)

Мирно ночь благовонная
Опустилась окрест,
На излучины сонные
Смотрят тысячи звезд;
Волн влюбленных лобзания
Раздаются кругом,
Тихо дремлет Испания
Упоительным сном.
Но нередко, прелестницу
Покидая средь сна,
Я изменою лестницу
Укреплял у окна.
Так и наш, о Испания,
Я кончаю союз
И с тобой, без прощания,
Навсегда расстаюсь!

Лепорелло
(*тихо к дон Жуану*)

Сеньор, два слова! Слова два, не боле!

Дон Жуан

(*не обращая на него внимания, переходит в другой тон и продолжает*)

То, что снилося мне, того нет наяву!
Кто мне скажет, зачем, для чего я живу?
Кто мне смысл разгадает загадки?
Смысла в ней беспокойной душой не ищи,
Но, как камень, сорвавшись с свистящей пращи,
Так лети все вперед, без оглядки!
Невозможен мне отдых! Несносен покой!
Уж я цели нигде не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, как крепким вином,
Но зато я, смеясь, опрокинул вверх дном
Бесполезно шипящую чашу!

Лепорелло

(*на ухо дон Жуану*)

Сеньор, здесь маскированная дама
Желает с вами говорить!

Дон Жуан

Проси!
Люблю всегда я новые знакомства.
Не много времени осталось мне,
Но приключенье кстати на отъезде!

Лепорелло

Пожалуйста, сеньор, поосторожней!
Не забывайте, что у жен мужья;
Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтоб женщины замужние все были,
А все б мужчины были холостые!

Дон Жуан

Иди, болтун, проси ее сюда!

Донна Анна подходит, в маске.

Дон Жуан
(*идет к ней навстречу*)

Сеньора, как я счастлив...

Донна Анна
(*снимая маску*)

Дон Жуан...

Дон Жуан
(*отступая*)

Вы? Вы? Возможно ль?
(*В сторону.*)
Как она бледна!

Донна Анна

Я навсегда пришла проститься с вами...
Услышьте умирающей слова...

В моей душе нет более упреков,
Я вас пришла предостеречь.

Дон Жуан

Сеньора...

Донна Анна

Мой срок короток... Я должна спешить...
Послушайте внимательно меня:
Спасенья дверь для вас еще открыта,
Но скоро будет поздно, дон Жуан...
Я, перед смертью, вижу вашу участь!

Дон Жуан

Сеньора, что за речи? И зачем
Вам без нужды о смерти помышлять?

Донна Анна

Надеюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, дон Жуан?

Дон Жуан

Сеньора,
Быть может, вас тревожат опасенья...
Но будьте без боязни. Честь моя
Мне обо всем велит хранить молчанье,
А если б кто дерзнул подозревать —
Его молчать заставит эта шпага!

Донна Анна

Оставьте, дон Жуан. Такие речи
Теперь уж неуместны. Боже мой,
Как все мне стало ясно и понятно!
С моих очей как будто спал туман,
И без труда я различаю нить
Запутанных событий и дорогу,
Которой вы к погибели пришли.
То, что случилось и что скоро будет,
Теперь я разом обнимаю. Время,
Мне кажется, исчезло для меня
И вечность началась. Я ошибалась,
Когда вас обвиняла беспощадно;
Преступной жизни вашей, дон Жуан,
Найдутся, я надеюсь, объясненья,
Которые смягчат Господень суд,
Но вы спасетесь только покаяньем!

Дон Жуан
(*про себя*)

Она теперь вступила в перио́д
Раскаянья и мыслей религьозных!
Но как идут к ней эти угрызенья!
Исчезла гордость с бледного чела,
И грусть на нем явилась неземная...
Вся набожно отдавшися Мадонне,
Она теперь не знает и сама,
Как живописно с гребня кружевное
Ей падает на плечи покрывало...

Нет, право, никогда еще досель
Я не видал ее такой прекрасной!

Донна Анна

Покайтесь, дон Жуан! Еще не поздно!
Я знаю, что в вас веру погубило:
Искали вы блаженства — есть оно!
Но на земле гналися вы напрасно
За тем, что только в небе суждено.

Дон Жуан
(*про себя*)

Несчастная вдалася в мистицизм!
Но взгляд ее и голос музыкальный
Предательски меня обворожают...
Не думал я вчера, как мы расстались,
Что продолжи́тся чувств моих обман!

Донна Анна

О, если в вашей жизни, дон Жуан,
Хоть что-нибудь вам было свято — если
Кого-нибудь хоть раз любили вы, —
О дон Жуан, воспоминаньем этим
Я вас молю!

Дон Жуан
(*про себя*)

Еще единый миг —
И я паду к ее ногам. Рассудок

Уж начинаю я терять. Нет, нет!
Прочь глупый бред! Опомнись, дон Жуан!

(*К донне Анне.*)

Осмелюсь ли вам предложить, сеньора,
Участье в нашем празднике принять?

Донна Анна

Несчастный! Ослепленный! Боже, Боже!
Прости ему! Услышь молитву той,
Которая свою сгубила душу!
Я ухожу... Пора... Я умираю...

Уходит. Боабдил подходит к дон Жуану.

Боабдил

Уже светлеет небо на востоке,
Нам время плыть. Мы ждем!

Дон Жуан
(*в раздумьи*)

Она сказала:
«Я умираю...» Вздор! Не может быть!
Однако, если... если в самом деле
Она решилась на самоубийство?

(*К прислуге.*)

Бежать за ней! Догнать ее сейчас!
Следить за ней! Не выпускать из вида!

Лепорелло убегает.

Боабдил

Пора, пора! Когда мы опоздаем,
Галеры все погонятся за нами!

Дон Жуан

Зачем мое так больно сжалось сердце?
Ужели вправду я ее люблю?

Боабдил
(*топая ногой*)

Скорей, сеньор! Мои матросы ропщут!

Дон Жуан
(*опомнясь*)

Ступайте к черту. Подымайте якорь.
Я остаюсь. Дарю тебе фелуку.

Боабдил

В уме ли вы, сеньор? А инквизицья?

Дон Жуан

Что мне до инквизиции, до смерти,
Когда, быть может, вправду я люблю!

Боабдил
(*в сторону*)

Нет, он с ума сошел. С ним погибать
Нам не приходится.

(К пиратам.)

Эй, на фелуку!

Суматоха между пиратами. Гости расходятся, зала пустеет.

Дон Жуан
(в сильном волнении)

О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Как будто от ее последних слов
Отдернулася предо мной завеса,
И все иначе вижу я теперь...
Когда она так ясно повторила,
Что хочет умереть, во мне как будто
Оборвалося что-то; словно я
Удар кинжалом в сердце получил —
Еще доселе длится это чувство...
Что ж это, если не любовь? Каким
Моя душа исполнилась волненьем?
Сомнения исчезли без следа...
Я снова верю, как в былые дни...
О, я с ума сойду от счастья! Я...
О Боже, Боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о донна Анна!
Ко мне! Я твой! Ко мне! Люблю, люблю!

Бежит и вдруг останавливается как вкопанный. Лампы гаснут. Входит статуя командора.

Статуя

Ты звал меня на ужин, дон Жуан, —
Я здесь.

Дон Жуан

Во сне ли я иль наяву?

Статуя

Молись.

Дон Жуан

Не может быть! Неправда! Сон!
Не он стоит из камня предо мной —
Воображенье мне на ум приводит
Убитого отца! Прочь, призрак! Прочь!

Статуя стоит неподвижно. Молчание.

Спирается дыханье... Бьются жилы...
Рассудок мой туманится...

Статуя

Молись.

Дон Жуан

В ушах шумит... Темнеет зренье... Прочь!
Прочь! Пропусти меня! Где донна Анна?

Статуя

Молись.

Дон Жуан

Где донна Анна?

Статуя

Отравилась.

Дон Жуан

(*хватаясь за сердце*)

О, что со мною?

Статуя

Ты любил ее.

Дон Жуан

Остыла кровь, и сердце холодеет!

Статуя

Подумай о душе.

Дон Жуан

(*воспрянув от цепенения*)

Смерть и проклятье!
К чему душа, когда любовь погибла!
Теперь мне боле нечего терять —
И смерть и ад на бой я вызываю!

Бросается со шпагой на статую. Шпага ломается. Молчание.

Статуя

Твой час пробил.

Дон Жуан
(в отчаянии)

Любил я! Горе, горе!
В нее поверив, я поверил в Бога,
Но поздно! Все погибло с нею — все, —
И злее прежних эта злая шутка!

Статуя

В последний раз, молися.

Дон Жуан
(в бешенстве)

Не хочу!
Кляну молитву, рай, блаженство, душу —
И как в безверьи я не покорялся,
Так, верящий, теперь не покорюсь!

Статуя
(касаясь рукою дон Жуана)

Погибни ж, червь.

Духи
(являются с неба)

Назад, слепая сила!
Оставь того, кто верует и любит!

Сатана
(*вырастает из земли*)

Он мой! Отверг он покаянье!
Он богохульствует! Он мой!

Духи

Его спасет любви сознанье,
Не кончен путь его земной!

Сатана

Нет, это против договора!
Уж ад над ним разинул пасть!
Хватай его, статуя командора,
Как исполнительная власть!

Статуя стоит неподвижно.

Меж двух начальств колеблется усердье,
И преданность вдруг чувствует зазор?
Хватай его назло земле и тверди —
Иль провались, булыжный командор!

Статуя проваливается. Духи становятся между Сатаной и дон Жуаном, который падает в обморок. Сатана исчезает.

Духи

Пути Творца необъяснимы,
Его судеб таинствен ход.
Всю жизнь обманами водимый
Теперь к сознанию придет!

Любовь есть сердца покаянье,
Любовь есть веры ключ живой,
Его спасет любви сознанье,
Не кончен путь его земной!

(*Исчезают.*)

Утро. Дон Жуан лежит на кровати без чувств. Лепорелло старается привести его в память.

Лепорелло

Сеньор! Очнитесь! Добрые известья!
Очнитеся, сеньор!

(*В сторону.*)

С чего вчера
Он в обморок упал?

Дон Жуан

(*приходит в себя*)

Тяжелый сон!
Ужасные во мне воспоминанья
Остались от него.

(*Увидя Лепорелло.*)

Ты здесь?

Лепорелло

Да, да,
Я с вами, здесь, и радостную новость
Я вам принес: во-первых, та галера...

Дон Жуан

(*вскакивая с кровати*)

Где донна Анна?

Лепорелло

(*пожимая плечами*)

Кончена исторья!
Близ нашей виллы труп ее нашли, —
Но слушайте известия, сеньор:
Во-первых, та галера, на которой
Плыл дон Иеронимо, разбита бурей,
И сам он потонул; а во-вторых,
Все члены Sant' officio сменены,
На место их назначены другие,
И ваш процесс покамест прекращен.
Вы можете свое обделать дело.
Да, да, сеньор, позвольте вас поздравить!

Дон Жуан

(*в изнеможении опускаясь в кресла*)

Она погибла. Это был не сон.
Изо всего, что в эту ночь случилось,
Мне ясно лишь одно: она погибла!
Все остальное, может быть, мечта —
Но это правда!

Лепорелло

Стоит ли, сеньор,
Так долго размышлять об этом? Право,
Как будто это первый случай с нами?

Дон Жуан
(*в раздумьи*)

Я мнил восстать как ангел-истребитель,
Войну хотел я жизни объявить —
И вместе с ложью то, что было чисто,
Светло как день, как истина правдиво,
В безумии ногами я попрал!

Лепорелло

Что ж делать! Вы отыщете другую.
От вас зависит снова закутить!

Дон Жуан

Закон вселенной — это равновесье.
Возмездьями лишь держится она.
Но чем вознаградить что я разрушил?

Лепорелло

На вашем месте я б сейчас в Севилью
Отправился и прерванные связи б
Связал опять, да золота побольше
Рассыпал бы направо и налево!

Дон Жуан

Как я был слеп! Как счастье было близко!

Лепорелло

Сеньор, развеселитесь! Ей же Богу,
Я вас не узнаю.

Дон Жуан

Чем кончу я?
Искать любви мне боле невозможно,
А жизни мстить я право потерял.
Убить себя? То было бы легко:
Несостоятельные должники
Выходят часто так из затрудненья;
Но этим долга выплатить нельзя —
Я должен жить. Я умереть не смею!

Лепорелло

Храни нас Бог! Зачем нам умирать!
Давайте жить, сеньор, и веселиться!

Дон Жуан

Я должен жить. И жаль, что слишком скоро
Меня избавит смерть от этой муки.
О, если б мог я вечно, вечно жить!

Лепорелло

По крайней мере, сколько можно доле.
Теперь, сеньор, нам нечего бояться!
Теперь все трын-трава!

Дон Жуан

Оставь меня.

Лепорелло уходит; дон Жуан облокачивается на стол
и закрывает лицо руками.

ЭПИЛОГ

МОНАСТЫРЬ БЛИЗ СЕВИЛЬИ

Престарелый настоятель сидит в креслах.
Перед ним стоит монах.

Настоятель

Как чувствует себя больной?

Монах

Отец мой,
Все в том же положеньи брат Жуан:
Болезни в нем совсем почти не видно,
Но с каждым часом пульс его слабей.

Настоятель

Душевная болезнь его снедает.
Раскаянья такого постоянство
Высокий есть для братии пример.
До сей поры он ходит в власянице,
Ни разу он не снял своих вериг.
Я не видал подобного смиренья!

Монах

Вчера к себе он призывал всю братью,
У каждого прощенья он просил
И каялся в грехах передо всеми.

Настоятель

Нам исповедь его давно известна:
Владела им когда-то суета,
Шептала на ухо мирская прелесть
И нашептала много грешных дел.
Но он уж их загладил покаяньем,
А все еще покоя нет ему!
Доселе все не хочет он постричься —
Достойным не находит он себя.

Монах

Своей он смерти чует приближенье
И нас просил, в последнюю послугу,
Похоронить его на том кладбище,
Где тело командора дон Альвара,
Убитого им некогда, лежит
И где потом была погребена
Дочь командора, донна Анна.

Настоятель

Это
С уставом нашим было б несогласно.
У нас для братий общее кладбище;
Особенного места выбирать

Никто себе не волен. Впрочем, он
Не произнес последнего обета
И в этом смысле есть еще мирянин.
Да сбудется его желанье.

Другой монах
(*входит*)

Отче,
Пожалуй в келью, брат Жуан отходит!

Слышно протяжное пение. Входят, попарно, братия с зажженными свечами.

Хор монахов

С нашей жизнью вечно смежная,
Вечно ищущая нас,
Смерть приходит, неизбежная,
В каждый день и в каждый час.
Благо, благо недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
К небесам молящий глас!

Настоятель
(*вставая*)

Подайте мне мой посох. И сказать,
Чтобы в отходный колокол звонили.

Хор монахов

В это страшное мгновение
Ты услышь его, Господь!

Дай ему успокоение,
Дай последнее мучение
Упованьем побороть!
Мысли прежние, крамольные,
Обращенному прости,
Отыми земное, дольное,
Дай успение безбольное
И невольное и вольное
Прегрешенье отпусти!

Раздаются мерные удары отходного колокола.

Мы моление соборное
Ныне шлем к тебе, Господь;
В жизни — доли непокорная,
Скоро прахом будет плоть,
В дни былые дерзновенного
Скоро кончится борьба;
Ты ж помилуй сокрушенного,
Ныне верою смиренного,
В вечный мир от мира бренного
Отходящего раба!

Процессия уходит, попарно, вслед за настоятелем.
Слышно постепенно удаляющееся пение,
сопровождаемое колокольным звоном.

1859—1861 гг.

5. АЛХИМИК

*Неоконченная поэма**

1

Дымясь, качалися кадила,
Хвалебный раздавался хор,
Алтарь сиял, органа сила
Священнопению вторила
И громом полнила собор.
И под его старинной сенью
На волны набожной толпы
От окон радужною тенью
Косые падали столпы;
А дале мрак ходил по храму,
Лишь чрез открытые врата,
Как сквозь узорчатую раму,

* Основанием этому отрывку служит следующая легенда: В 1250 году Раймунд Lullius, или Lulle, сенескалк Балеарских островов, проезжая верхом через площадь города Пальмы, увидел одну даму, входящую в собор. Красота ее так поразила его, что он, забыв всякое приличие и не сходя с лошади, последовал за нею. Такой соблазн наделал много шума, но с этой поры дон Раймунд не переставал преследовать своей любовью донью Элеонору (или, как называют ее другие, Амброзию De Castello). Чтобы от него избавиться, она обещала полюбить его, если он достанет ей жизненный эликсир. Дон Раймунд с радостью принял условие, сделался алхимиком, отправился в отдаленные края и обрекся целому ряду самых невероятных приключений. 〈*Примечание А. К. Толстого.*〉

Синела неба красота,
Виднелся берег отдаленный,
И зелень лавров и олив,
И, белой пеной окаймленный,
Лениво плещущий залив.

И вот, когда замолкли хоры,
И с тихим трепетом в сердцах,
Склонив главы, потупя взоры,
Благоговейно пали в прах
Ряды молящихся густые,
И, прославляя Бога Сил,
Среди Великой литургии
Епископ чашу возносил, —
Раздался шум. Невнятный ропот
Пронесся от открытых врат,
В испуге вдруг за рядом ряд,
Теснясь, отхлынул, — конский топот, —
Смятенье, — давка, — женский крик, —
И на коне во храм проник
Безумный всадник. Вся обитель,
Волнуясь, в клик слилась один:
«Кто он, святыни оскорбитель?
Какого края гражданин?
Египта ль он, Марока ль житель
Или Гранады гордый сын,
Перед которою тряслися
Уж наши веси столько крат,
Иль не от хищного ль Туниса
К брегам причаливший пират?»

Но не языческого края
На нем одежда боевая:
Ни шлема с пестрою чалмой,
Ни брони с притчами Корана,
Ни сабли нет на нем кривой,
Ни золотого ятагана.
Изгибы белого пера
Над шапкой зыблются шелковой,
Прямая шпага у бедра,
На груди вышиты оковы,
И, сброшена с его плеча,
В широких складках величаво
Падет на сбрую епанча
С крестом зубчатым Калатравы.

Меж тем как, пеня удила,
Сердитый конь по звонким плитам
Нетерпеливым бьет копытом,
Он сам, не трогаясь с седла,
Толпе не внемля разъяренной,
И как виденьем поражен,
Вперяет взор свой восхищенный
В толпу испуганную жен.
Кто ж он? И чьей красою чудной
Поступок вызван безрассудный?
Кто из красавиц этих всех
Его вовлек во смертный грех?
Их собралось сюда немало,
И юных женщин и девиц,
И не скрывают покрывала

Во храме Божием их лиц;
И после первого смущенья
Участья шепот и прощенья
Меж них как искра пробежал,
Пошли догадка за догадкой,
И смех послышался украдкой
Из-за нарядных опахал.
Но, мыслью полная иною,
Одна, в сознаньи красоты,
Спешила тканью кружевною
Покрыть виновные черты.

2

«Я сознаюсь в любви мятежной,
В тревоге чувств, в безумье дел —
Тому безумье неизбежно,
Кто раз, сеньора, вас узрел!
Пусть мой поступок без примера,
Пусть проклят буду я от всех —
Есть воле грань, есть силам мера;
Господь простит мой тяжкий грех,
Простит порыв мой дерзновенный,
Когда я, страстию горя,
Твой лик узнав благословенный,
Забыл святыню алтаря!
Но если нет уж мне прощенья,
Я не раскаиваюсь — знай, —
Я отрекаюсь от спасенья,
Моя любовь мне будет рай!

Я все попру, я все разрушу,
За миг блаженства отдаю
Мою измученную душу
И место в будущем раю!..
Сеньора, здесь я жду ответа,
Решите словом мой удел,
На край меня пошлите света,
Задайте ряд опасных дел —
Я жду лишь знака, жду лишь взора,
Спешите участь мне изречь —
У ваших ног лежат, сеньора,
Мой ум, и жизнь, и честь, и меч!»

Замолк. В невольном видит страхе
Она лежащего во прахе;
Ему ответить силы нет —
Какой безумцу дать ответ?
Не так он, как другие, любит,
Прямой отказ его погубит,
И, чтоб снести его он мог,
Нужны пощада и предлог.
И вот она на вызов страстный,
Склонив приветливо свой взор,
С улыбкой тихой и прекрасной:
«Вставайте, — говорит, — сеньор!
Я вижу, вами овладела
Любовь без меры и предела,
Любить, как вы, никто б не мог,
Но краток жизни нашей срок;
Я вашу страсть делить готова,

Но этот пыл, для мира новый,
Мы заключить бы не могли
В условья бренные земли;
Чтоб огнь вместить неугасимый,
Бессмертны сделаться должны мы.
Оно возможно: жизни нить
Лишь стоит чарами продлить.
Я как-то слышала случайно,
Что достают для этой тайны
Какой-то корень или злак,
Не знаю где, не знаю как,
Но вам по сердцу подвиг трудный —
Достаньте ж этот корень чудный,
Ко мне вернитесь — и тогда
Я ваша буду навсегда!»
И вспрянул он, блестя очами:
«Клянуся небом и землей
Исполнить заданное вами
Какою б ни было ценой!
И ведать отдыха не буду,
И всем страданьям обрекусь,
Но жизни тайну я добуду
И к вам с бессмертием вернусь!»

3

От берегов благоуханных,
Где спят лавровые леса,
Уходит в даль зыбей туманных
Корабль, надувши паруса.

На нем изгнанник молчаливый
Вдали желанный ловит сон,
И взор его нетерпеливый
В пространство синее вперен.
«Вы, моря шумного пучины,
Ты, неба вечного простор,
И ты, светил блестящий хор,
И вы, родной земли вершины,
Поля, и пестрые цветы,
И с гор струящиеся воды,
Отдельно взятые черты
Всецельно дышащей природы!
Какая вас связала нить
Одну другой светлей и краше?
Каким законом объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытия,
Неисчерпаемость явленья,
В тебе повсюду вижу я
Того же света преломленья.
Внутри души его собрать,
Его лучей блудящий пламень
В единый скоп всесильно сжать —
Вот Соломонова печать,
Вот Трисмегиста дивный камень!
Тот всеобъемлющий закон,
Которым все живет от века,
Он в нас самих — он заключен
Незримо в сердце человека!
Его любовь, и гнев, и страх,

Его стремленья и желанья,
Все, что кипит в его делах,
Чем он живит и движет прах, —
Есть та же сила мирозданья!
Не в пыльной келье мудреца
Я смысл ее найду глубокий —
В живые погрузить сердца
Я должен мысленное око!
Среди борьбы, среди войны,
Средь треволнения событий,
Отдельных жизней сплетены
Всечасно рвущиеся нити,
И, кто бессмертье хочет пить
Из мимолетного фиала,
Тот микрокосма изучить
Спеши кипящие начала!

Есть край заветный и святой,
Где дважды жизненная сила
Себя двояко проявила
Недостижимой высотой:
Один, в полях Кампаньи дикой,
Предназначением храним,
Стоит торжественный, великий,
Несокрушимый, вечный Рим.
К нему, к подобию вселенной,
Теперь держать я должен путь,
В его движеньи почерпнуть
Закон движенья неизменный.
Лети ж, корабль крылатый мой,

Лети в безбрежном просторе,
А ты, под верною кормой,
Шуми, шуми и пенься, море!..»

. . . .
. . . .
. . . .

1867 г.

6. БОГАТЫРЬ

По русскому славному царству,
На кляче разбитой верхом,
Один богатырь разъезжает
И взад, и вперед, и кругом.

Покрыт он дырявой рогожей,
Мочалы вокруг сапогов,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пеннику штоф.

«Ко мне, горемычные люди,
Ко мне, молодцы, поскорей!
Ко мне, молодицы и девки, —
Отведайте водки моей!»

Он потчует всех без разбору,
Гроша ни с кого не берет,
Встречает его с хлебом-солью,
Честит его русский народ.

Красив ли он, стар или молод —
Никто не заметил того;
Но ссоры, болезни и голод
Плетутся за клячей его.

И кто его водки отведал,
От ней не отстанет никак,

И всадник его провожает
Услужливо в ближний кабак.

Стучат и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
В кабак, до последней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучат и расходятся чарки,
Питейное дело растет,
Жиды богатеют, жиреют,
Беднеет, худеет народ.

Со службы домой воротился
В деревню усталый солдат;
Его угощают родные,
Вкруг штофа горелки сидят.

Приходу его они рады,
Но вот уж играет вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.

«Да что, — говорят ему братья, —
Уж нешто ты нам и старшой?
Ведь мы-то трудились, пахали,
Не станем делиться с тобой!»

И ссора меж них закипела,
И подняли бабы содом;

Солдат их ружейным прикладом,
А братья его топором!

Сидел над картиной художник,
Он Божию Матерь писал,
Любил как дитя он картину,
Он ею и жил и дышал;

Вперед подвигалося дело,
Порой на него с полотна
С улыбкой Святая глядела,
Его ободряла Она.

Сгрустнулося раз живописцу,
Он с горя горелки хватил —
Забыл он свою мастерскую,
Свою Богоматерь забыл.

Весь день он валяется пьяный
И в руки кистей не берет —
Меж тем под рогожею всадник
На кляче плетется вперед.

Работают в поле ребята,
И градом с них катится пот,
И им, в умилении, всадник
Орленый свой штоф отдает.

Пошла между ними потеха!
Трехпробное льется вино,

По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.

Бросают они свои сохи,
Готовят себе кистени,
Идут на большую дорогу,
Купцов поджидают они.

Был сын у родителей бедных;
Любовью к науке влеком,
Семью он свою оставляет
И в город приходит пешком.

Он трудится денно и нощно,
Покою себе не дает,
Он терпит и голод и холод,
Но движется быстро вперед.

Однажды, в дождливую осень,
В одном переулке глухом,
Ему попадается всадник
На кляче разбитой верхом.

«Здорово, товарищ, дай руку!
Никак, ты, бедняга, продрог?
Что ж, выпьем за Русь и науку!
Я сам им служу, видит Бог!»

От стужи иль от голодухи
Прельстился на водку и ты —

И вот потонули в сивухе
Родные, святые мечты!

За пьянство из судной управы
Повытчика выгнали раз;
Теперь он крестьянам на сходке
Читает подложный указ.

Лукаво толкует свободу
И бочками водку сулит:
«Нет боле оброков, ни барщин;
Того-де закон не велит.

Теперь, вишь, другие порядки.
Знай пей, молодец, не тужи!
А лучше чтоб спорилось дело,
На то топоры и ножи!»

А всадник на кляче не дремлет,
Он едет и свищет в кулак;
Где кляча ударит копытом,
Там тотчас стоит и кабак.

За двести мильонов Россия
Жидами на откуп взята —
За тридцать серебряных денег
Они же купили Христа.

И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд

Отчизну свою распинают,
Христа своего продают.

Стучат и расходятся чарки,
Рекою бушует вино,
Уносит деревни и села
И Русь затопляет оно.

Дерутся и режутся братья,
И мать дочерей продает,
Плач, песни, и вой, и проклятья —
Питейное дело растет!

И гордо на кляче гарцует
Теперь богатырь удалой;
Уж сбросил с себя он рогожу,
Он шапку сымает долой:

Гарцует оглоданный остов,
Венец на плешивом челе,
Венец из разбитых бутылок
Блестит и сверкает во мгле,

И череп безглазый смеется:
«Призванье мое свершено!
Не даром же им достается
Мое даровое вино!»

1849 г. (?)

7. ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь, конь измученный пал —
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Свого отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану!»

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода;
Стоят в изумленьи литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает,
Недаром дивится литовский народ
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом!»

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо!»

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит;

Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не люба на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольно сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов, в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпеньи:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки!»

Звон медный несется, гудит над Москвой,
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,

И звону внимает московский народ
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опричнины кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье —
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского, князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в скверна́х обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лиях и лиях,
С тобой пред Судьею предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд,
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали,
И все в ожиданьи молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной!
Кровь добрых и сильных ногами поправ,

Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену.
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»
— «Царь, слово его все едино:
Он славит своего господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять началася работа.
«Ну что же? Назвал ли злодеев гонец?»
— «Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его все едино:
Он славит своего господина!»

«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,

Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье —
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь —
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

1840-е гг.

8. ВОЛКИ

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.

Семь волков идут смело,
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти белой,
А таинственный ход
Заключает девятый;

С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.

Их ничто не пугает:
На село ли им путь,
Пес на них и не лает,
А мужик и дохнуть,
Видя их, не посмеет;
Он от страха бледнеет
И читает тихонько молитву.

Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом;
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом:
Не ведутся ль там грешные речи?

Их глаза словно свечи.
Зубы шила острей;
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело!
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.

На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих

Девять мертвых старух:
Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови — с нами сила Господня!

Первая половина 1840-х гг.

9

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
Грянула. С треском кругом от нее разлетелись осколки,
Он же вздрогнул — и к народу могучие медные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

5 декабря 1855

10

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод:

«Дитя, подойди к нам поближе;
Тебя мы научим летать!
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло.

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно...
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

1840-е гг.

11. КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой Москвой.

Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.

С вечерни льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусляры;

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину он кравчему велит.

«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!

Себе личину, други, пусть каждый изберет —
Я первый открываю веселый хоровод!

За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

И все подъяли кубки. Не поднял лишь один,
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.

«О царь, забыл ты Бога! Свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!

Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в ма́шкере плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб,
Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!

Не возражай ни слова и ма́шкеру надень —
Или клянусь, что прожил ты свой последний день!»

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
«Опричнина да сгинет! — он рек, перекрестясь, —

Да здравствует во веки наш православный
царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!

Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»

Он молвил и ногами личину растоптал,
Из рук его на землю звенящий кубок пал...

«Умри же, дерзновенный!» — царь
вскрикнул, разъярясь, —
И пал, жезлом пронзенный, Репнин,
правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники шумят,

И смех их раздается, и пир опять кипит —
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:

«Убил, убил напрасно я верного слугу!
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»

Напрасно льются вины на царские ковры,
Поют царю напрасно лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

1840-е гг.

12. КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ

Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне березе.

Слово о полку Игореве

Князь Ростислав, в земле чужой,
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом.

Днепра подводные красы
Лобзаться любят с ним
И гребнем витязя власы
Расчесывать златым.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждет:
Ладья его умчала прочь —
Назад не принесет.

В глухом лесу, в земле чужой,
В реке его приют.
Ему попы за упокой
Молитвы не поют;

Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.

Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Ярясь, Перун гремит,

Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.

Жену младую он зовет —
Увы! Его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.

Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад —
Но, сонмом гридней окружен,
Пирует дома брат.

Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть,
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь;

И он, склонясь на ржавый щит,
Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
Один на дне речном.

1840-е гг.

13. КУРГАН

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гуслях гремя золотых:

«О витязь, делами твоими
Гордится великий народ!
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!

И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»

И вот миновалися годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли;

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит;

А витязя славное имя
До наших времен не дошло.
Кто был он? Венцами какими
Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий,
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит.

Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крилами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит, подлетая,
Садится на нем отдохнуть;

Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня;

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свеет летучий
С кургана забытого прах.

1840-е гг.

14. НОЧЬ ПЕРЕД ПРИСТУПОМ

Поляки ночью темною,
Пред самым Покрово́м,
С дружиною наемною
Сидят перед огнем.

Исполнены отвагою,
Поляки крутят ус,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И с польскою державою
Пришли из разных стран,
Пришли войной неправою
Враги на россиян.

Тут волохи усатые,
И угры в чекменях,
Цыгане бородатые
В косматых кожухах...

Валя толпою пегою,
Пришла за ратью рать
С Лисовским и с Сапегою
Престол наш воевать.

И вот, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкруг яркого огня

С ухватками уда́лыми
Несутся их ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричат, поют жиды.

Брянчат цыганки бубнами,
Наездники шумят,
Делами душегубными
Грозит их ярый взгляд.

И все стучат стаканами:
«Да здравствует Литва!»
Так возгласами пьяными
Встречают Покрова́.

А там, едва заметная,
Меж сосен и дубов,
Во мгле стоит заветная
Обитель чернецов.

Монахи с верой пламенной
Во тьму вперили взор,
Вокруг твердыни каменной
Ведут ночной дозор.

Среди мечей зазубренных,
В священных стихарях,
И в панцирях изрубленных,
И в шлемах, и в тафьях,

Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты иль топоры.

Священное их пение
Вторит высокий храм,
Железное терпение
На диво их врагам.

Не раз они пред битвою,
Презрев ночной покой,
Смиренною молитвою
Встречали день златой;

Не раз, сверкая взорами,
Они в глубокий ров
Сбивали шестопёрами
Литовских удальцов.

Ни на день в их обители
Глас Божий не затих,
Блаженные святители,
В окладах золотых,

Глядят на них с любовию,
Святых ликует хор:
Они своею кровию
Литве дадут отпор!

Но, чу! Там пушка грянула,
Во тьме огонь блеснул,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гул!..

Молитесь Богу, братия!
Начнется скоро бой!
Я слышу их проклятия,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идут они вдали —
Приляжем за бойницами,
Раздуем фитили!

1840-е гг.

15

Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цветы расцветали!
Кабы мы любили да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измерить!
Кабы можно, братцы, красным девкам верить!
Ой, кабы все бабы были б молодицы!
Кабы в полугаре поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Да кабы приказных по боку да к черту!
Да кабы звенели завсегда карманы!
Да кабы нам, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякий день обедал!
Да батюшка б царь наш всю правду бы ведал!

Конец 1855—начало января 1856 г.

16. ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ

Пантелей-государь ходит по́ полю,
И цветов и травы ему по́ пояс;
И все травы пред ним расступаются,
И цветы все ему поклоняются.
И он знает их силы сокрытыя,
Все благия и все ядовитыя,
И всем добрым он травам, невредныим,
Отвечает поклоном приветныим,

А которы ростут виноватыя,
Тем он палкой грозит суковатою.

По листочку с благих собирает он,
И мешок ими свой наполняет он,
И на хворую братию бедную
Из них зелие варит целебное.
Государь Пантелей!
Ты и нас пожалей!
Свой чудесный елей
В наши раны излей,

В наши многие раны сердечныя!
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжко болящие,
Есть глухие, немые, незрящие,
Опоенные злыми отравами,
Помоги им своими ты травами!
А еще, государь, —
Чего не было встарь —
И такие меж нас попадаются,
Что лечением всяким гнушаются.
Они звона не терпят гуслярного,
Подавай им товара базарного!
Все, чего им не взвесить, не смеряти,
Все, кричат они, надо похерити!
Только то, говорят, и действительно,
Что для нашего тела чувствительно;
И приемы у них дубоватые,

И ученье-то их грязноватое!
И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалей
Суковатыя!

20 февраля 1866
Рим

17. ПРАВДА

Ах ты гой еси, правда-матушка,
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!
Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя — шапка валится!

Выезжало семеро братиев,
Семеро выезжало добрых молодцев,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живет?
А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.

Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалыих,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.

Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину.
А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему:
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговыим,
Кто морем, кто лесом, кто степию.

И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,
И, рубяся, корились, ругалися,
И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалыих.
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубитися наказывал до смерти,
Полегти за правду за истину.
То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.

А сказана притча не в осуждение,
Не в укор сказана — в поучение,
Людям добрым в уразумение.

До июля 1858 г.

18. СТАРИЦКИЙ ВОЕВОДА

Когда был обвинен старицкий воевода,
Что, гордый знатностью и древностию рода,
Присвоить он себе мечтает царский сан,
Предстать ему велел пред очи Иоанн.
И осужденному поднес венец богатый,
И ризою облек из жемчуга и злата,
И бармы возложил, и сам на свой престол
По шелковым коврам виновного возвел.
И, взор пред ним склонив, он пал среди палаты
И, в землю кланяясь, с покорностью, трикраты,
Сказал: «Доволен будь в величии своем,
Се аз, твой раб, тебе на царстве бью челом!»
И, вспрянув тот же час со злобой беспощадной,
Он в сердце нож ему вонзил рукою жадной,
И, лик свой наклоня над сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным сапогом
И в очи мертвые глядел — и в дрожи зыбкой
Державные уста змеилися улыбкой.

До июля 1858 г.

19

У приказных ворот собирался народ
Густо;
Говорит в простоте, что в его животе
Пусто.
«Дурачье! — сказал дьяк. — Из вас должен быть всяк
В теле;
Еще в думе вчера мы с трудом осетра
Съели!»

На базар мужик вез через реку обоз
Пакли;
Мужичок-то, вишь, прост; знай везет через мост —
Так ли?
«Вишь, дурак! — сказал дьяк. — Тебе мост, чай, пустяк,
Дудки?
Ты б его поберег; ведь плыли ж поперек
Утки!»

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,
Вишь ты!
В полотенце свернул, да поймал караул,
Ништо!
Дьяк сказал: «Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало, Ваське и дать
Таску!»

Пришел к дьяку больной, говорит: «Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче.
И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
Столько!»
«Вишь, дурак! — сказал дьяк. — Ну не ешь натощак —
Только!»

Пришел к дьяку истец, говорит: «Ты отец
Бедных!
Кабы ты мне помог — видишь денег мешок
Медных, —
Я б те всыпал, ей-ей, в шапку десять рублей,
Шутка!»
«Сыпь сейчас, — сказал дьяк, подставляя колпак, —
Ну-тка!»

1857 г.

20

Ходит Спесь, надуваючись,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.

А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился б Спесь во церкви Божией,
Да пол не метён!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибатися!

Конец 1855—начало января 1856 г.

21. ЧУЖОЕ ГОРЕ

В лесную чащу́ богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:
«Какое мне деется горе!»

И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты —
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня —
«Эй, кто за плечами там сел у меня?
Со мной, берегись, не шути ты!»

И щупает он у себя за спиной,
И шарит, с досадой во взоре,
Но внемлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе!»

«Ну,ври себе! — думает витязь, смеясь. —
Вот подлинно было бы диво!
Какая твоя с Ярославом-то связь?
В Софийском соборе спит киевский князь,
А горе, небось, его живо?»

Но дале он едет, гремя и звеня,
С товарищем боле не споря, —
Вдруг снова к нему кто-то прыг на коня —
И на ухо шепчет: «Вези ж и меня,
Я, витязь, татарское горе!»

«Ну, видно, не в добрый я выехал час!
Вишь, притча какая бывает!
Что шишек еловых здесь падает вас!»
Так думает витязь, главою склонясь,
А конь уже шагом шагает.

Но вот и ступать уж ему тяжело,
И стал спотыкаться он вскоре —
А тут кто-то сызнова прыг за седло —
«Какого там черта еще принесло?»
«Ивана Васильича горе!»

«Долой вас! И места уж нет за седлом!
Плеча мне совсем отдавило».
«Нет, витязь, уж сели, долой не сойдем!»
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.

«Эх, — думает витязь, — мне б из лесу вон
Да в поле скакать на просторе!
И как я без боя попался в полон!
Чужое, вишь, горе тащить осужден,
Чужое, прошедшее горе!»

До сентября 1866 г.

22. И. С. АКСАКОВУ

Судя меня довольно строго,
В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты.
Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил мой псалтырь.
Но я не чужд и здешней жизни;
Служа таинственной отчизне,
Я и в пылу душевных сил
О том, что близко, не забыл.
Поверь, и мне мила природа,
И быт родного нам народа;
Его стремленья я делю,
И все земное я люблю,
Все ежедневные картины,
Поля, и села, и равнины,
И шум колеблемых лесов,
И звон косы в лугу росистом,
И пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков;
В степи чумацкие ночлеги,
И рек безбрежный разлив,
И скрып кочующей телеги,
И вид волнующихся нив;
Люблю я тройку удалую
И свист саней на всем бегу,

На славу кованную сбрую
И золоченую дугу;
Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда;
И все мне дороги явленья,
Тобой описанные, друг,
Твои гражданские стремленья
И честной речи трезвый звук.
Но все, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель,
В тревоге вечной мирозданья,
Есть грань высокого призванья
И окончательная цель?
Нет, в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я в них иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу с любовию на землю,
Но выше просится душа;
И что ее, всегда чаруя,
Зовет и манит вдалеке,
О том поведать не могу я
На ежедневном языке.

Конец декабря 1858—
до 10 января 1859 г.

23

Бор сосновый в стране одинокой стоит;
В нем ручей меж деревьев бежит и журчит.
Я люблю тот ручей, я люблю ту страну.
Я люблю в том лесу вспоминать старину.
«Приходи вечерком в бор дремучий тайком,
На зеленом садись берегу ты моем!
Много лет я бегу, рассказать я могу,
Что случилось когда на моем берегу;
Из сокрытой страны я сюда прибежал,
Я чудесного много дорогой узнал!
Когда солнце зайдет, когда месяц взойдет
И звезда средь моих закачается вод,
Приходи ты тайком, ты узнаешь о том,
Что бывает порой здесь в тумане ночном!»
Так шептал, и журчал, и бежал ручеек;
На ружье опершись, я стоял, одинок,
И лишь говор струи тишину прерывал,
И о прежних я грустно годах вспоминал.

До середины октября 1843 г.

24

Бывают дни, когда злой дух меня тревожит
И шепчет на ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не может,
И отягченная склоняется глава.
И он, не ведая ни радости, ни веры,

В меня вдыхает злость — к кому?
не знаю сам,
И лживым зеркалом могучие размеры
Лукаво придает ничтожным мелочам.
В кругу моих друзей со мной сидит он рядом,
Веселость им у нас надолго отнята,
И сердце он мое напитывает ядом,
И речи горькие влагает мне в уста.
И все, что есть во мне порочного и злого,
Клубится и растет все гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,
В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Все то, что я люблю, чем верю и живу я.

До мая 1858 г.

25

Вздымаются волны как горы
И к тверди возносятся звездной,
И с ужасом падают взоры
В мгновенно разрытые бездны.

Подобная страсти, не знает
Средины тревожная сила,
То к небу, то в пропасть бросает
Ладью без весла и кормила.

Не верь же, ко звездам взлетая,
Высокой избранника доле,
Не верь, в глубину ниспадая,
Что звезд не увидишь ты боле!

Стихии безбрежной, бездонной
Уймется волненье, и вскоре
В свой уровень вступит законный
Души успокоенной море.

До августа 1866 г.

26

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зеленый дым одетый,
Теплых гроз нетерпеливо ждет,
Все весны дыханием согрето,
Все кругом и любит и поет;

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звезды светят так светло —
Отчего ж в душе твоей так мрачно
И зачем на сердце тяжело?

Грустно жить тебе, о друг, я знаю,
И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю,
И земной весны тебе не жаль...

1856 г.

27

В совести искал я долго обвиненья,
Горестное сердце вопрошал довольно —
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свете жить мне тяжело и больно!

Каждый звук случайный я ловлю пытливо:
Песня ли раздастся на селе далеком,
Ветер ли всколышет золотую ниву,
Каждый звук неясным мне звучит упреком.

Залегло глубоко смутное сомненье,
И душа собою вечно недовольна;
Нет ей приговора, нет ей примиренья,
И на свете жить мне тяжело и больно!

Согласить я силюсь, что несогласимо,
Но напрасно разум бьется и хлопочет:
Горестная чаша не проходит мимо,
Ни к устам зовущим низойти не хочет.

До апреля 1858 г.

28

В стране лучей, незримой нашим взорам,
Вокруг миров вращаются миры;
Там сонмы душ возносят стройным хором
Своих молитв немолчные дары.

Блаженством там сияющие лики
Отвращены от мира суеты,
Не слышны им земной печали клики,
Не видны им земные нищеты.

Все, что они желали и любили,
Все, что к земле привязывало их,
Все на земле осталось горстью пыли,
А в небе нет ни близких, ни родных.

Но ты, о друг, лишь только звуки рая
Как дальний зов в твою проникнут грудь,
Ты обо мне подумай, умирая,
И хоть на миг блаженство позабудь!

Прощальный взор бросая нашей жизни,
Душою, друг, вглядись в мои черты,
Чтобы узнать в заоблачной отчизне
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не мог моей молящей речи
Небесный хор навеки заглушить,
Чтобы тебе, до нашей новой встречи,
В стране лучей и помнить и грустить!

Сентябрь—20-е числа октября 1856 г.

29

Вырастает дума, словно дерево,
Вроет в сердце корни глубокие,
По поднебесью ветвями раскинется,
Задрожит, зашумит тучей листиев.
Сердце знает ту думу крепкую,
Что оно взрастило, взлелеяло,
Разум сможет ту думу окинути,
Сможет слово ту думу высказать.
А какая то другая думушка,
Что́ ни высказать, ни вымерить,
Ни обнять умом, ни окинути?
Промелькнет она без образа,
Вспыхнет дальнею зарницею,
Озарит на миг душу темную,
Много вспомнится забытого,
Много смутного, непонятного
В миг тот ясно сердцу скажется,
А рванешься за ней, погонишься —
Только очи ее и видели,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету ветру буйного,
Тень от облака летучего
Не прибить гвоздем ко сырой земле!

До августа 1858 г.

30

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные долу она опускала ресницы;
Слезы, в пространство от них упадая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встречные тихо ее вопрошали светила:
«Что ты грустна? и о чем эти слезы во взоре?»
Им отвечала она: «Я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя.

Здесь я лишь ликам блаженства и радости внемлю,
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было б о ком пожалеть и утешить кого бы».

До мая 1858 г.

31

Господь, меня готовя к бою,
Любовь и гнев вложил мне в грудь,
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь,
Одушевил могучим словом,
Вдохнул мне в сердце много сил,

Но непреклонным и суровым
Меня Господь не сотворил.
И гнев я свой истратил даром,
Любовь не выдержал свою,
Удар напрасно за ударом
Я отбивая устаю.
Навстречу их враждебной вьюге
Я вышел в поле без кольчуги
И гибну, раненный в бою!

1857 г.

32

Грядой клубится белою
Над озером туман;
Тоскою добрый молодец
И горем обуян.

Не до́веку белеется
Туманная гряда,
Рассеется, развеется,
А горе никогда!

1856 г.

33

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами —
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снесть,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

До марта 1858 г.

34

Деревцо мое миндальное
Все цветами убирается,
В сердце думушка печальная
Поневоле зарождается;

Деревцом цветы обронятся,
И созреет плод непрошеный,
И зеленое наклонится
До земли под горькой ношею!

1857 или 1858 г.

35

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня из-за тучи
Смотрела, как будто в слезах,
Сидел я под кленом и думал,
И думал о прежних годах.

Не знаю, была ли в те годы
Душа непорочна моя,
Но многому б я не поверил,
Не сделал бы многого я;

Теперь же мне стали понятны
Обман, и коварство, и зло,
И многие светлые мысли
Одну за другой унесло.

Так думал о днях я минувших,
О днях, когда был я добрей,
А в листьях высокого клена
Сидел надо мной соловей,

И пел он так нежно и страстно,
Как будто хотел он сказать:
«Утешься, не сетуй напрасно,
То время вернется опять».

1840-е гг.

36

Дробится, и плещет, и брызжет волна
Мне в очи соленою влагой;
Недвижно на камне сижу я — полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пена их гребни покрыла, —
О море, кого же мне вызвать на бой,
Изведать воскресшие силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
От грома и плеска проснулась душа —
Сродни ей шумящее море!

До мая 1858 г.

37

Есть много звуков в сердца глубине,
Неясных дум, непетых песней много;
Но заглушает вечно их во мне
Забот немолчных скучная тревога.

Тяжел ее непрошеный напор,
Издавна сердце с жизнию боролось —
Но жизнь шумит, как вихорь ломит бор,
Как ропот струй, так шепчет сердца голос.

До июля 1859 г.

38

Замолкнул гром, шуметь гроза устала,
Светлеют небеса,
Меж черных туч приветно засияла
Лазури полоса;

Еще дрожат цветы, полны водою
И пылью золотой —
О, не топчи их с новою враждою
Презрительной пятой!

До мая 1858 г.

39

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Звезды небо усеяли чистое,
Соловей свищет в роще березовой,
И травою запахло душистою.

Знаю, что к тебе в думушку вкралося,
Знаю сердца немолчные жалобы,
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы.

Твое сердце болит, безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная,

Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушает звездное!

До начала марта 1858 г.

40

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

До февраля 1858 г.

41

Змея, что по скала́м влечешь свои извивы
И между трав скользишь, обманывая взор,
Помедли, дай списать чешуйный твой узор.
Хочу для девы я, холодной и красивой,
Счеканить по тебе причудливый убор.
Пускай, когда она, скользя зарей вечерней,
К сопернику тайком счастливому пойдет,
Пускай блестит, как ты, и в золоте и в черни,
И пестрый твой в траве напоминает ход.

До мая 1858 г.

42

Из Индии дальной
На Русь прилетев,
Со степью печальной
Их свыкся напев;

Свободные звуки,
Журча, потекли,
И дышат разлукой
От лучшей земли.

Не знаю, оттуда ль
Их нега звучит,
Но русская удаль
В них бьет и кипит;

В них голос природы,
В них гнева язык,
В них детские годы,
В них радости крик;

Желаний в них знойный
Я вихрь узнаю
И отдых спокойный
В счастливом краю;

Бенгальские розы,
Свет южных лучей,
Степные обозы,
Полет журавлей,

И грозный шум сечи,
И шепот струи,
И тихие речи,
Маруся, твои!

1840-е гг.

43

Источник за ви́шневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же оттиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.

Все тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...

До апреля 1858 г.

44

Кабы знала я, кабы ведала,
Не смотрела бы из окошечка
Я на молодца разудалого,
Как он ехал по нашей улице,
Набекрень заломивши мурмолку,
Как лихого коня буланого,
Звонконогого, долгогривого,
Супротив окон на дыбы вздымал!

Кабы знала я, кабы ведала,
Для него бы я не рядилася,
С золотой каймой ленту алую
В косу длинную не вплетала бы,
Рано до свету не вставала бы,
За околицу не спешила бы,
В росе ноженьки не мочила бы,
На проселок тот не глядела бы:
Не проедет ли тем проселком он,
На руке держа пестра сокола?

Кабы знала я, кабы ведала,
Не сидела бы поздно вечером,
Пригорюнившись, на завалине,
На завалине, близ колодезя,
Поджидаючи да гадаючи,
Не придет ли он, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

До августа 1858 г.

45

Когда кругом безмолвен лес дремучий
И вечер тих;
Когда невольно просится певучий
Из сердца стих;
Когда упрек мне шепчет шелест нивы
Иль шум дерев;
Когда кипит во мне нетерпеливо
Правдивый гнев;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелых туч;
Когда вдали мелькнет передо мною
Надежды луч;
Средь суеты мирского развлеченья,
Среди забот
Моя душа в надежде и в сомненьи
Тебя зовет,
И трудно мне умом понять разлуку,
Ты так близка!

И хочет сжать твою родную руку
Моя рука.

Август—сентябрь 1856 г.

46

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой
И немощен ее на жизнь мою напор;
Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен, я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.

Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей, чернеющей дорогой,
Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий
И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;

Но дале я иду, в мечтанья погружен,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо все кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный...

До мая 1858 г.

47

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом,
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные,
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю,
Конь несет меня лихой,
А куда — не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле,
И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной!
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? Кручиной?
Знать не может человек —
Знает Бог единый!

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,

С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданьи,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,

На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
Говорит державный, —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

1840-е гг.

48

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

1850 или 1851 г.

49

Колышется море; волна за волной
Бегут и шумят торопливо...
О друг ты мой бедный, боюся, со мной
Не быть тебе долго счастливой!
Во мне и надежд и отчаяний рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

1856 г.

50

Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле!
В небе крик орлиных стай!
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья!
Ветер, степь да тучи!

1856 г.

51—64. КРЫМСКИЕ ОЧЕРКИ

51 (1)

Над неприступной крутизною
Повис туманный небосклон,
Там гор зубчатою стеною
От юга север отделен.
Там ночь и снег; там, враг веселья,
Седой зимы сердитый бог
Играет вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнул к ущелью
И воет в их гранитный рог.
Но здесь благоухают розы,
Бессильно вихрем снеговым
Сюда он шлет свои угрозы,

Цветущий берег невредим.
Над ним весна младая веет,
И лавр, Дианою храним,
В лучах полудня зеленеет
Над морем вечно голубым.

Лето—осень 1856 г.

52 (2)

Клонит к лени полдень жгучий,
Замер в листьях каждый звук,
В розе пышной и пахучей,
Нежась, спит блестящий жук;

А из камней вытекая,
Однозвучен и гремуч,
Говорит, не умолкая,
И поет нагорный ключ...

Лето—осень (до 14 октября) 1856 г.

53 (3)

Всесильной волею Аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Чатырдаха
Благополучно на ночлег.
Все налицо, все без увечья —

Что значит ловкость человечья!
А признаюсь, когда мы там
Ползли, как мухи, по скалам,
То мне немного было жутко:
Сорваться вниз плохая шутка!

Гуссейн! Послушай, помоги
Стащить мне эти сапоги,
Они потрескались от жара;
Да что ж не видно самовара!
Сходи за ним. А ты, Али,
Костер скорее запали!
Постелим скатерти у моря,
Достанем ром, заварим чай,
И все возляжем на просторе
Смотреть, как пламя, с ночью споря,
Померкнет, вспыхнет невзначай
И озарит до половины
Дубов зеленые вершины,
Песчаный берег, водопад,
Крутых утесов грозный ряд,
От пены белый и ревущий
Из мрака выбежавший вал
И перепутанного плюща
Концы, висящие со скал.

Лето—осень (до 14 октября) 1856 г.

54 (4)

Ты помнишь ли вечер, как море шумело,
В шиповнике пел соловей,
Душистые ветки акации белой
Качались на шляпе твоей?

Меж камней, обросших густым виноградом,
Дорога была так узка;
В молчаньи над морем мы ехали рядом,
С рукою сходилась рука;

Ты так на седле нагибалась красиво,
Ты алый шиповник рвала;
Буланой лошадки косматую гриву
С любовью ты им убрала;

Одежды твоей непослушные складки
Цеплялись за ветви, а ты
Беспечно смеялась — цветы на лошадке,
В руках и на шляпе цветы.

Ты помнишь ли рев дождевого потока
И пену и брызги кругом?
И как наше горе казалось далёко,
И как мы забыли о нем!

Первая половина октября 1856 г.

55 (5)

Вы всё любуетесь на скалы,
Одна природа вас манит,
И возмущает вас немало
Мой деревенский аппетит.

Но взгляд мой здесь иного рода,
Во мне лицеприятья нет;
Ужели вишни не природа
И тот, кто ест их, не поэт?

Нет, нет, названия вандала
От вас никак я не приму:
И Ифигения едала,
Когда она была в Крыму!

Лето—осень (до 14 октября) 1856 г.

56 (6)

Туман встает на дне стремнин,
Среди полуночной прохлады
Сильнее пахнет дикий тмин,
Гремят слышнее водопады.

Как ослепительна луна!
Как гор очерчены вершины!
В сребристом сумраке видна
Внизу Байдарская долина.

Над нами светят небеса,
Чернеет бездна перед нами,
Дрожит блестящая роса
На листьях крупными слезами...

Душе легко; не слышу я
Оков земного бытия,
Нет места страху, ни надежде, —
Что будет впредь, что было прежде —
Мне все равно — и что меня
Всегда, как цепь, к земле тянуло,
Исчезло все с тревогой дня,
Все в лунном блеске потонуло.

Куда же мысль унесена,
Что ей так видится дремливо?
Не средь волшебного ли сна
Мы едем вместе вдоль обрыва?
Ты ль это, робости полна,
Ко мне склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,
Как конь ступает осторожно,
Как дышит грудь твоя тревожно?
Иль при обманчивой луне
Меня лишь дразнит призрак ложный
И это сон? О, если б мне
Проснуться было невозможно!

1856—1858 гг.

57 (7)

Как чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синего заливы,
Лавры, скалы и цветы!

Но мешают мне немножко
Жизнью жить средь этих стран:
Скорпион, сороконожка
И фигуры англичан.

Лето—осень (до 14 октября) 1856 г.

58 (8)

Обычной полная печали,
Ты входишь в этот бедный дом,
Который ядра осыпали
Недавно пламенным дождем.

Но юный плющ, виясь вкруг зданья,
Покрыл следы вражды и зла —
Ужель еще твои страданья
Моя любовь не обвила?

1856—1858 гг. (?)

59 (9)

Приветствую тебя, опустошенный дом,
Завядшие дубы, лежащие кругом,
И море синее, и вас, крутые скалы,
И пышный прежде сад, глухой и одичалый.
Усталым путникам в палящий летний день
Еще даешь ты, дом, свежительную тень.
Еще стоят твои поруганные стены,
Но сколько горестной я вижу перемены!
Едва лишь я вступил под твой знакомый кров,
Бросаются в глаза мне надписи врагов,
Рисунки грубые и шутки площадные,
Где с наглым торжеством поносится Россия;
Всё те же громкие, хвастливые слова
Нечестное врагов оправдывают дело...

Вздохнув, иду вперед; мохнатая сова
Бесшумно с зеркала разбитого слетела,
Вот в угол бросилась испуганная мышь...
Везде обломки, прах; куда ни поглядишь,
Везде насилие, насмешки и угрозы —
А и́з саду в окно вползающие розы,
За мраморный карниз цепляясь там и тут,
Беспечно в красоте раскидистой цветут,
Как будто на дела враждебного народа
Набросить свой покров старается природа;
Вот ящерица здесь меж зелени и плит,
Блестя как изумруд, извилисто скользит,

И любо ей играть в молчании могильном,
Где на пол солнца луч столбом ударил пыльным.
Но вот уж сумерки; вот постепенно мгла
На берег, на залив, на скалы налегла,
Все больше в небе звезд, в аллеях все темнее,
Душистее цветы, и запах трав сильнее;
На сломанном крыльце сижу я, полон дум, —
Как тихо все кругом, как слышен моря шум!..

Лето—осень (до 14 октября) 1856 г.

60 (10)

Тяжел наш путь; твой бедный мул
Устал топтать терновник злобный;
Взгляни наверх: то не аул,
Гнезду орлиному подобный,
То целый город; смолкнул гул
Народных празднеств и торговли,
И ветер тления подул
На Богом проклятые кровли.
Во дни глубокой старины
(Гласят народные скрижали),
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны
От ига чуждого бежали,
И град возник на высях гор.
Забыв отцов своих позор

И горький плен Ерусалима,
Здесь мирно жили караимы,
Но ждал их давний приговор —
И пала тяжесть Божья гнева
На ветвь караемого древа.
И город вымер. Здесь и там
Остатки башен по стенам,
Кривые улицы, кладбища,
Пещеры, рытые в скалах,
Давно безлюдные жилища,
Обломки, камни, пыль и прах,
Где взор отрады не находит;
Две-три семьи, как тени, бродят
Средь голых стен; но дороги
Для них родные очаги,
И храм отцов, от моха черный,
Над коим плавные круги,
Паря, чертит орел нагорный.

Лето—осень (до 14 октября) 1856 г.

61 (11)

Где светлый ключ, спускаясь вниз,
По серым камням точит слезы,
Ползут на черный кипарис
Гроздами пурпурные розы.
Сюда когда-то, в жгучий зной,
Под темнолиственные лавры,
Бежали львы на водопой

И буро-пегие кентавры;
С козлом бодался здесь сатир,
Вакханки с криками и смехом
Свершали виноградный пир,
И хор тимпанов, флейт и лир
Сливался шумно с дальним эхом.
На той скале Дианы храм
Хранила девственная жрица,
А здесь над морем по ночам
Плыла богини колесница...

Но уж не та теперь пора,
Где был заветный лес Дианы,
Там слышны звуки топора,
Грохочат вражьи барабаны;
И все прошло, нигде следа
Не видно Греции счастливой:
Без тайны лес, без плясок нивы,
Без песней пестрые стада
Пасет татарин молчаливый...

Лето—осень (до 14 октября) 1856 г.

62 (12)

Солнце жжет; перед грозою
Изменился моря вид:
Засверкал меж бирюзою
Изумруд и малахит.

Здесь на камне буду ждать я,
Как, вздымая корабли,
Море бросится в объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюбленный бог
Снова ляжет, онемелый,
У твоих, Таврида, ног.

Лето—осень (до 14 октября) 1856 г.

63 (13)

Смотри, все ближе с двух сторон
Нас обнимает лес дремучий.
Глубоким мраком полон он,
Как будто набежали тучи,
Иль меж деревьев вековых
Нас ночь безвременно застигла;
Лишь солнце сыплет через них
Местами огненные иглы.
Зубчатый клен, и гладкий бук,
И твердый граб, и дуб корнистый
Вторят подков железный звук
Средь гама птичьего и свиста;
И ходит трепетная смесь
Полутеней в прохладе мглистой,
И чует грудь, как воздух весь
Пропитан сыростью душистой.

Вон там украдкой слабый луч
Скользит по липе, мхом одетой,
И дятла стук, и близко где-то
Журчит в траве незримый ключ...

1856 г. или позже, до апреля 1859 г.

64 (14)

Привал. Дымяся, огонек
Трещит под таганом дорожным,
Пасутся кони, и далек
Весь мир с его волненьем ложным.
Здесь долго б я с тобою мог
Мечтать о счастии возможном!
Но, очи грустно опустив
И наклонясь над крутизною,
Ты молча смотришь на залив,
Окружена зеленой мглою...
Скажи, о чем твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, как морская даль,
Бежит от нас неуловимо?
Нет, не догнать его уж нам!
Но в жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скалам
Бегут и брызжут водопады?
Не для тебя ль в ночной тени
Вчера цветы благоухали?
Из синих волн не для тебя ли

Восходят солнечные дни?
А этот вечер? О, взгляни,
Какое мирное сиянье!
Не слышно в листьях трепетанья,
Недвижно море; корабли,
Как точки белые вдали,
Едва скользят, в пространстве тая;
Какая тишина святая
Царит кругом! Нисходит к нам
Как бы предчувствие чего-то.
В ущельях ночь; в тумане там
Дымится сизое болото,
И все обрывы по краям
Горят вечерней позолотой...

1856 г. или позже, до апреля 1859 г.

65

К страданиям чужим ты горести полна,
И скорбь ничья тебя не проходила мимо;
К себе лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вечно холодна.

Но если б видеть ты любя́щею душою
Могла со стороны хоть раз свою печаль —
О, как самой себя тебе бы стало жаль
И как бы плакала ты грустно над собою!

До июля 1859 г.

66

Лишь только один я останусь с собою,
Меня голоса призывают толпою.
Которому ж голосу отповедь дам?
В сомнении рвется душа пополам.
Советов, угроз, обещаний так много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пути —
Не знаю, направо ль, налево ль идти?
Махни уж рукой да иди, не робея,
На голос, который всех манит сильнее,
Который немолчно, вблизи, вдалеке,
С тобой говорит на родном языке!

Август—сентябрь 1856 г.

67

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и Слова;
И просветлел мой темный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.

И с горней выси я сошел,
Проникнут весь ее лучами,

И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздается,
Как сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется,
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подъемлется певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что все, рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К Нему вернуться жаждет снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону,
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало...

Конец 1851 или 1852 г. (?)

68

Милый друг, тебе не спится,
Душен комнат жар,
Неотвязчивый кружится
Над тобой комар...

Подойди сюда, к окошку,
Все кругом молчит,
За оградою дорожку
Месяц серебрит;

Не скрыпят в сенях ступени,
И в саду темно,
Чуть заметно в полутени
Дальнее гумно.

Встань, приют тебя со мною
Там спокойный ждет;
Сторож там, звеня доскою,
Мимо не пройдет.

1840-е гг.

69

Минула страсть, и пыл ее тревожный
Уже не мучит сердца моего,
Но разлюбить тебя мне невозможно!
Все что не ты — так суетно и ложно,
Все что не ты — бесцветно и мертво.

Без повода и права негодуя,
Уж не кипит бунтующая кровь —
Но с пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о друг, и не ревнуя,
Осталась та же прежняя любовь.

Так от высот нахмуренной природы,
С нависших скал сорвавшийся поток
Из царства туч, грозы и непогоды
В простор степей выносит те же воды
И вдаль течет, спокоен и глубок.

До мая 1858 г.

70

Мне в душу, полную ничтожной суеты,
Как бурный вихрь, страсть ворвалась нежданно,
С налета смяла в ней нарядные цветы
И разметала сад, тщеславием убранный.

Условий мелкий сор крутящимся столбом
Из мысли унесла живительная сила
И током теплых слез, как благостным дождем,
Опустошенную мне душу оросила.

И над обломками безмолвен я стою,
И трепетом еще неведомым объятый,
Воскреснувшего дня пью свежую струю,
И грома дальнего внимаю перекаты...

Конец 1851 или 1852 г. (?)

К. П. Толстой. Фотография К. И. Бергамаско.
Санкт-Петербург. 1850-е гг.

А. А. Толстая, рожденная Перовская.
Художник М.-М. Даффингер. Кость, акварель, гуашь, белила. 1827 г.

А. К. Толстой. Художник Й. Хайгель.
Кость, акварель, гуашь, белила. 1827 г.

А. К. Толстой. Художник С. Вигель. Миниатюра.
1827 г.

Великий князь Александр Николаевич.
Неизвестный художник. Литография.
Конец 1820-х гг.

А. А. Перовский. Художник В. В. Матэ.
Гравюра на дереве с оригинала К. П. Брюллова 1836 г.
1890 г.

А. А. Перовский. Художник М.-М. Даффингер.
Кость, акварель, гуашь, белила. 1827 г.

А. К. Толстой. Репродукция с оригинала
К. П. Брюллова. 1836 г.

А. К. Толстой в мундире офицера Стрелкового полка.
Фотография С. Л. Левицкого. Санкт-Петербург.
1856 г.

Александр II. Неизвестный литограф.
Литография. 1850-е гг.

Александр М. Жемчужников.
Фотография. 1859 г.

Алексей М. Жемчужников.
Фотография И. Мечковского.
Варшава. 1860-е гг.

В. М. Жемчужников.
Фотография. 1860-е гг.

Н. М. Жемчужников.
Фотография Ferrando. Roma. 1864 г.

С. А. Бахметьева. Художник Н. И. Безобразов.
Бумага, карандаш, белила. 1843 г.

С. А. Бахметьева. Художник Н. В. Лиснер.
Бумага, акварель, карандаш. 1830-е гг.

С. А. Толстая. Фотография L. Suscipi.
Roma. 1860-е гг.

С. А. Толстая.
Фотография. 1860-е гг.

А. К. Толстой. Фотография С. Л. Левицкого.
Париж. ⟨1864 г.⟩

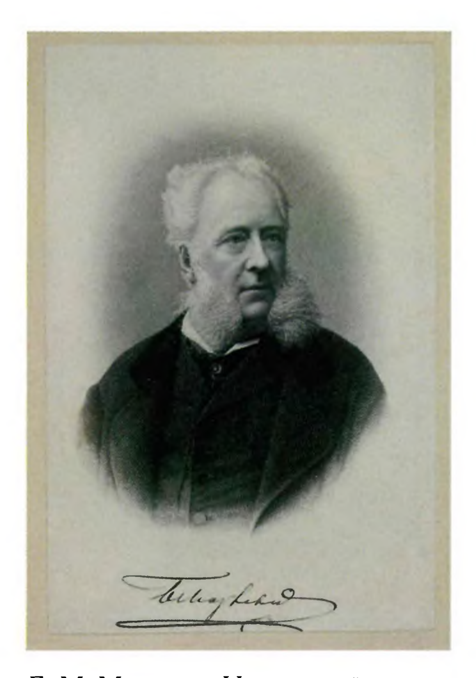
А. К. Толстой. Художник Г. М. Манизер
с фотографии Грийе и К°. Неаполь.
Гравюра на дереве. ⟨1864 г.⟩

И. С. Тургенев. Неизвестный литограф.
Литография. 1862 г.

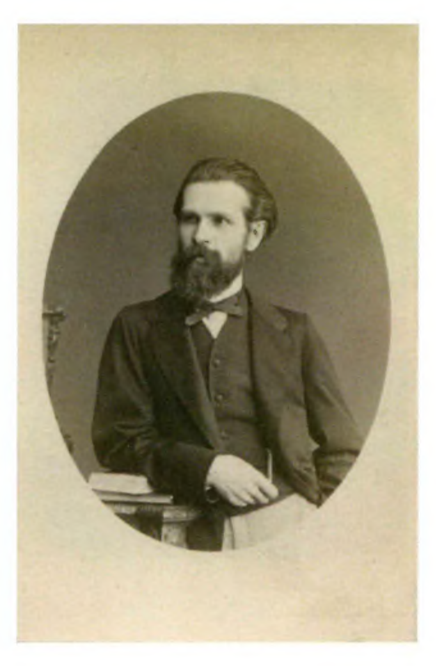
А. А. Фет. Фотография М. Б. Тулинова.
Москва. 1861—1863 гг.

Б. М. Маркевич. Неизвестный гравер.
Гравюра на стали с фотографии А. И. Деньера
конца 1870—1880-х гг.

К. К. Павлова. Неизвестный гравер.
Гравюра на дереве, на китайской бумаге
с акварельного портрета В. Ф. (Э. В.) Бинемана.
1870-е гг.

М. М. Стасюлевич. Фотография С. Л. Левицкого.
Санкт-Петербург. 1860-е гг.

И. С. Аксаков. Художник И. И. Матюшин.
Гравюра на дереве. 1886 г.

Козьма Прутков. Художники А. Е. Бейдеман,
Л. М. Жемчужников, Л. Ф. Лагорио.
Литография тоном. 1853—1854 гг.

А. К. Толстой. С оригинала И. Е. Репина 1896 г.
Издание И. Кнебеля. 1890-е гг. (?) Репродукция.

Вид деревни Пустынька, где находилась усадьба А. К. Толстого. Неизвестный гравер. Гравюра на дереве. 1870—1880-е гг.

Автограф фрагмента «Песни о походе Владимира на Корсунь» А. К. Толстого. 1869 г.

19.

С Ломоносовымъ наука
Положила у насъ зачатокъ,
Проникаютъ къ намъ безъ стука
Мимо всехъ твоихъ рогатокъ,

20

Светитъ на миръ потоки света,
И, сквозь тьму въ небе лазурной
Ходятъ Божіи планеты
Безъ инструкцій цензурной,

21

Катитъ волны ту-же сила,
Все въ мiру плоть одета,
И въ объятья разума вступила,
Не спросясь у Комитета.

22.

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нравъ не робкой,
Не заткнешь ея теченья
Ты своей дрянною пробкой!

Гр. А. К. Толстой.

(Въ печать не назначается,
ибо для оной неудобенъ)

Автограф окончания «Послания М. Н. Лонгинову о дарвинизме» А. К. Толстого. Конец 1872 г.

Автограф письма А. К. Толстого к Б. М. Маркевичу. Без даты.

71

На нивы желтые нисходит тишина,
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово.

Начало 1862 г.

72

Нас не преследовала злоба,
Не от вражды иль клеветы —
От наших дум ушли мы оба,
Бежали вместе, я и ты.

Зачем же прежний глас упрека
Опять твердит тебе одно,
Опять пытующее око
Во глубь души устремлено?

Смотри: наш день восходит чисто,
Ночной рассеялся туман,
Играя далью золотистой,
Нас манит жизни океан.

Уже надутое ветрило
Наш челн уносит в новый край —
Не сожалей о том, что было,
И взор обратно не кидай!

До июля 1859 г.

73

Не Божиим громом горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося,
Собиралось оно малыми тучками,
Затянули тучки небо ясное,
Посеяло горе мелким дождичком,
Мелким дождичком осенниим.
А и сеет оно давным-давно,
И сечет оно без умолку,
Без умолку, без устали,
Без конца сечет, без отдыха;
Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сном-дремотою, зевотою.
Уже полно, горе, дуб ломать по прутикам,
Щипати по листикам!
А и бывало же другим счастьице:
Налетало горе вихрем-бурею,
Ворочало горе дубы с корнем вон.

1857 г.

74

Не брани меня, мой друг,
Гнев твой выразится худо;
Он мне только нежит слух,
Я слова ловить лишь буду,
Как они польются вдруг,
Так посыпятся, что чудо,
Точно падает жемчуг
На серебряное блюдо!

До мая 1858 г.

75

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя, —
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам —
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам.

Лето 1856 г.

76

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна!
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом;
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье.

Конец 1851 или 1852 г. (?)

77

Не пенится море, не плещет волна,
Деревья листами не двинут;
На глади прозрачной царит тишина,
Как в зеркале, мир опрокинут.

Сижу я на камне; висят облака,
Недвижные в синем просторе;
Душа безмятежна, душа глубока —
Сродни ей спокойное море!

До мая 1858 г.

78

Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна,
ни покою!
С жизнью бороться приходится,
с бабой-ягою!
Старая крепко меня за бока ухватила,
Сломится, так и гляжу, молодецкая сила!
Пусть бы хоть молча, а то ведь накинулась
с бранью,
Слух утомляет мне, сплетница, всякою
дрянью.
Ох, насолили мне дрязги и мелочи эти!
Баба, постой, погоди, не одна ты на свете!
Сила и воля нужны мне для боя иного —
После, пожалуй, с тобою мы схватимся снова!

До марта 1859 г.

79

О, друг! Ты жизнь влачишь, без пользы
увядая,
Пригнутая к земле, как тополь молодая;
Поблекла свежая ветвей твоих краса,
И листья кроет пыль и дольная роса.

О, долго ль быть тебе печальной и согнутой!
Смотри, пришла весна, твои не крепки
путы —

Воспрянь и подымись трепещущим столбом,
Вершиною шумя в эфире голубом!

До апреля 1858 г.

80

О, если б ты могла хоть на единый миг
Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды,
О, если бы хоть раз я твой увидел лик,
Каким я знал его в счастливейшие годы!

Когда в твоих глазах засветится слеза,
О, если б эта грусть могла пройти порывом,
Как в теплую весну пролетная гроза,
Как тень от облаков, бегущая по нивам!

До июля 1859 г.

81

Ой стоги́, стоги́,
На лугу широком,
Вас не перечесть,
Не окинуть оком!

Ой стоги́, стоги́,
В зелено́м болоте,
Стоя на часах,
Что вы стережете?

«Добрый человек,
Были мы цветами,
Покосили нас
Острыми косами.

Раскидали нас
Посредине луга,
Раскидали врозь,
Дале друг от друга.

От лихих гостей
Нет нам обороны,
На главах у нас
Черные вороны.

На главах у нас,
Затмевая звезды,
Галок стая вьет
Поганые гнезда.

Ой орел, орел,
Наш отец далекий,
Опустися к нам,
Грозный, светлоокий!

Ой орел, орел,
Внемли нашим стонам!
Доле нас срамить
Не давай воронам!

Накажи скорей
Их высокомерье,
С неба в них ударь,
Чтоб летели перья,

Чтоб летели врозь,
Чтоб в степи широкой
Ветер их разнес
Далеко, далёко!»

1840-е гг.

82

Ой, честь ли то молодцу лен прясти?
А и хвала ли боярину кичку носить?
Воеводе по воду ходить?
Гусляру-певуну во приказе сидеть,
Во приказе сидеть, потолок коптить?

Ой, коня б ему, гусли б звонкие!
Ой, в луга б ему, во зеленый бор,
Через реченьку да в темный сад,
Где соловушка на черемушке
Целу ноченьку напролет поет!

1857 г.

83

О, не пытайся дух унять тревожный!
Твою тоску я знаю с давних пор,
Твоей душе покорность невозможна,
Она болит и рвется на простор.

Но все ее невидимые муки,
Нестройный гул сомнений и забот,
Все меж собой враждующие звуки
Последний час в созвучие сольет;

В один порыв смешает в сердце гордом
Все чувства, врозь которые звучат,
И разрешит торжественным аккордом
Их голосов мучительный разлад.

1856 г.

84

О, не спеши туда, где жизнь светлей и чище
Среди миров иных,
Помедли здесь со мной, на этом пепелище
Твоих надежд земных.

От праха отрешась, не удержать полета
В неведомую даль —
Кто будет в той стране, о друг, твоя забота
И кто твоя печаль?

В тревоге бытия, в безбрежном колыханьи
    Без цели и следа,
Кто в жизни будет мне и радость, и дыханье,
    И яркая звезда?

Слиясь в одну любовь, мы цепи бесконечной
    Единое звено,
И выше восходить в сиянье правды вечной
    Нам врозь не суждено.

До мая 1858 г.

85

Он водил по струна́м; упадали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрыпки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть.
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья;
И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной;

И так билося сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно;
И к себе беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула.
Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,
Беглым пламенем синяя жженка
Музыканта лицо освещала...

Начало 1857 г.

86

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят,
Лишь вдали красуются там, на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядючи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю!

До апреля 1858 г.

87

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатились слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

Лето 1856 г.

88

По гребле неровной и тряской,
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней;

Сижу и смотрю я дорогой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.

По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид;
Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит;

Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;

В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик;

Близ мельницы, старой и шаткой,
Сидят на траве мужики;
Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки...

Мне кажется все так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда,
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,

И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно,
Все это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.

Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки;
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики;

И так же шел жид бородатый,
И так же шумела вода —
Все это уж было когда-то,
Но только не помню, когда...

1840-е гг.

89

Поразмыслив аккуратно,
Я избрал себе дорожку
И иду по ней без шума,
Понемножку, понемножку!

Впрочем, я ведь не бесстрастен,
Я не холоден душою,
И во мне ведь закипает
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидит,
Не спущу я, как же можно!
Из себя как раз я выйду,
Осторожно, осторожно!

Без ума могу любить я,
Но любить, конечно, с толком;
Я готов и правду резать,
Тихомолком, тихомолком!

Если б брат мой захлебнулся,
Я б не стал махать руками,
Тотчас кинулся бы в воду,
С пузырями, с пузырями!

Рад за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я —
Грудью лягу в чистом поле,
Без увечья, без увечья!

Послужу я и в синклите,
Так чтоб ведали потомки,
Но уж если пасть придется —
Так соломки, так соломки!

Кто мне друг, тот друг мне вечно.
Все родные сердцу близки,
Всем союзникам служу я
По-австрийски, по-австрийски!

Первая половина 1854 г.

90

Порой, среди забот и жизненного шума,
Внезапно набежит мучительная дума
И гонит образ твой из горестной души;
Но только лишь один останусь я в тиши
И суетного дня минует гул тревожный,
Смиряется во мне волненье жизни ложной,
Душа, как озеро, прозрачна и сквозна,
И взор я погрузить в нее могу до дна;
Спокойной мыслию, ничем не возмутимой,
Твой отражаю лик, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, где, как блестящий клад,
Любви моей к тебе сокровища лежат.

1857 г.

91

Пусть тот, чья честь не без укора,
Страшится мнения людей;
Пусть ищет шаткой он опоры
В рукоплесканиях друзей!
Но кто в самом себе уверен,
Того хулы не потрясут;
Его глагол нелицемерен,
Ему чужой не нужен суд.

Ни пред какой земною властью
Своей он мысли не таит,
Не льстит неправому пристрастью,
Вражде неправой не кадит.
Ни пред венчанными царями,
Ни пред судилищем молвы
Он не торгуется словами,
Не клонит рабски головы.

Друзьям в угодность, боязливо
Он никому не шлет укор;
Когда ж толпа несправедливо
Свой постановит приговор,
Один, не следуя за нею,
Пред тем, что чисто и светло,
Дерзает он, благоговея,
Склонить свободное чело.

Конец 1858—до 25 января 1859 г.

92

Рассевается, расступается
Грусть под думами под могучими,
В душу темную пробивается,
Словно солнышко между тучами.

Ой ли, молодец? Не расступится,
Не рассеется ночь осенняя,
Скоро сведаешь, чем искупится
Непоказанный миг веселия!

Прикачнулася, привалилася
К сердцу сызнова грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Бесталанная, горемычная.

До февраля 1858 г.

93

Сердце, сильней разгораясь от года до году,
Брошено в светскую жизнь, как в студеную воду.
В ней, как железо в раскале, оно закипело:
Сделала, жизнь, ты со мною недоброе дело!
Буду кипеть, негодуя, тоской и печалью —
Все же не стану блестящей холодною сталью.

Август—сентябрь 1856 г.

94

Сижу да гляжу я все, братцы, вон в эту сторонку,
Где катятся волны, одна за другой вперегонку.
Волна погоняет волну среди бурного моря,
Что день, то за горем все новое валится горе,
Сижу я и думаю: что мне тужить за охота,
Коль завтра прогонит заботу другая забота?
Ведь надобно ж место все новым да новым кручинам —
Так что же тужить, коли клин выбивается клином?

До марта 1859 г.

95

Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре —
О, не грусти, ты всё мне дорога!
Но я любить могу лишь на просторе —
Мою любовь, широкую как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И, порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею хладной
И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще — неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую как море,
Что не вместят земные берега.

До мая 1858 г.

96

Смеркалось, — жаркий день бледнел неуловимо,
Над озером туман тянулся полосой,
И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,

И очи грустные, по-прежнему тоскуя,
Глядели на меня в вечерний тихий час...

1856 г.

97

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь,

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...

Люблю ли тебя, я не знаю —
Но кажется мне, что люблю!

Начало 1851 г.

98

С ружьем за плечами, один, при луне,
Я по́ полю еду на добром коне.
Я бросил поводья, я мыслю о ней,
Ступай же, мой конь, по траве веселей!
Я мыслю так тихо, так сладко, но вот
Неведомый спутник ко мне пристает,
Одет он, как я, на таком же коне,
Ружье за плечами блестит при луне.
«Ты, спутник, скажи мне, скажи мне, кто ты?
Твои мне как будто знакомы черты.
Скажи, что тебя в этот час привело?
Чему ты смеешься так горько и зло?»
«Смеюсь я, товарищ, мечтаньям твоим,
Смеюсь, что ты будущность губишь;
Ты мыслишь, что вправду ты ею любим?
Что вправду ты сам ее любишь?
Смешно мне, смешно, что так пылко любя,
Ее ты не любишь, а любишь себя.
Опомнись! Порывы твои уж не те,
Она для тебя уж не тайна,
Случайно сошлись вы в мирской суете,
Вы в ней разойдетесь случайно.

Смеюся я горько, смеюся я зло
Тому, что вздыхаешь ты так тяжело».
Все тихо, объято молчаньем и сном,
Исчез мой товарищ в тумане ночном,
В тяжелом раздумье, один, при луне,
Я по полю еду на добром коне...

Конец 1851 г.

99

С тех пор как я один, с тех пор как ты далёко,
В тревожном полусне когда забудусь я,
Светлей моей души недремлющее око
И близость явственней духовная твоя.

Сестра моей души, с улыбкою участья
Твой тихий, кроткий лик склоняется ко мне,
И я, исполненный мучительного счастья,
Любя́щий чую взор в тревожном полусне.

О, если в этот час ты также им объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль одной
И видится ль тебе туманный образ брата,
С улыбкой грустною склоненный над тобой?

До мая 1858 г.

100

Тебя так любят все; один твой тихий вид
Всех делает добрей и с жизнию мирит.
Но ты грустна, в тебе есть скрытое мученье,
В душе твоей звучит какой-то приговор;
Зачем твой ласковый всегда так робок взор
И очи грустные так молят о прощеньи,
Как будто солнца свет, и вешние цветы,
И тень в полдневный зной, и шепот
по дубравам,
И даже воздух тот, которым дышишь ты,
Всё кажется тебе стяжанием неправым?

До августа 1858 г.

101

Ты жертва жизненных тревог,
И нет в тебе сопротивленья,
Ты, как оторванный листок,
Плывешь, без воли, по теченью.

Ты как на жниве сизый дым:
Откуда ветер ни повеет,
Он только стелется пред ним
И к облакам бежать не смеет.

Ты словно яблони цветы,
Когда их снег покрыл тяжелый;

Стряхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу.

Ты как лощинка в вешний день:
Когда весь мир благоухает,
Соседних гор ложится тень
И ей одной цвести мешает,

И как с вершин бежит в нее
Снегов растаявшая груда,
Так в сердце бедное твое
Стекает горе отовсюду.

До мая 1858 г.

102

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжелый?

Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубяся над водою,
Бежит дымок синеющей струею?

Туда, туда всем сердцем я стремлюся,
Туда, где сердцу было так легко,
Где из цветов венок плетет Маруся,
О старине поет слепой Грицко,
И парубки, кружась на пожне гладкой,
Взрывают пыль веселою присядкой.

Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времен Батыя,
Вдали стада пасущихся волов,
Обозов скрып, ковры цветущей гречи
И вы, чубы, остатки славной Сечи?

Ты знаешь край, где утром в воскресенье,
Когда росой подсолнечник блестит,
Так звонко льется жаворонка пенье,
Стада бле́ят, а колокол гудит,
И в Божий храм, увенчаны цветами,
Идут казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь над спящею Украйной,
Когда седой вставал с болота пар,
Одет был мир и сумраком и тайной,
Блистал над степью искрами стожар,
И мнилось нам: через туман прозрачный
Несутся вновь Палей и Сагайдачный?

Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи,
Где столько тел лежало средь полей?

Ты знаешь край, где некогда у плахи
Мазепу клял упрямый Кочубей?
И много где пролито крови славной
В честь древних прав и веры православной?

Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет?
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший вход?
Над дверью щит с гетма́нской булавою?
Туда, туда стремлюся я душою!

1840-е гг.

103

Ты знаешь, я люблю там, за лазурным сводом,
Ряд жизней мысленно отыскивать иных
И, путь свершая мой, с улыбкой, мимоходом,
Смотрю на прах забот и горестей земных.

Зачем же сердце так сжимается невольно,
Когда твой встречу взор, и так тебя мне жаль,
И каждая твоя мгновенная печаль
В душе моей звучит так долго и так больно?

До мая 1858 г.

104

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь;
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь.

Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя он мог —
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог.

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Все, что к нему случайно подойдет.

До августа 1858 г.

105

Ты неведомое, незнамое,
Без виду, без образа,
Без имени-прозвища,
Полно гнуть меня ко сырой земле,
Донимать меня, добра молодца!
Как с утра-то встану здоровешенек,
Здоровешенек, кажись, гору сдвинул бы;
А к полудню уже руки опущаются,
Ноги словно ко земле приросли.

А подходит оно без оклика,
Меж хотенья и дела втирается,
Говорит: «Не спеши, добрый молодец,
Еще много впереди времени!»
И субботу называет пятницей,
Фомину неделю светлым праздником.
Я пущуся ли в путь-дороженьку,
Ан оно повело проселками,
На полпути корчмой выросло.
Я за дело примусь, ан оно мухою
Перед носом снует, извивается.
А потом тебе же насмехается:
«Ой, удал, силен, добрый молодец,
Еще много ли на боку полежано,
Силы-удали понакоплено,
Отговорок-то понахожено?
А и много ли богатырских дел,
На печи сидючи, понадумано,
Вахлаками других поругано,
Себе спину почесано?»

До июня 1857 г.

106

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:

Что сестра ль ты мне, молода ль жена
Или детище ты мне малое?

И не знаю я, и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати.
Много цветиков во чистóм поле,
Много звезд горит по поднéбесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал;
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

1851 г. 30 октября (?)

107

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

Безмолвные аллеи,
Заглохший, старый сад,
В высокой галерее
Портретов длинный ряд?

Ты помнишь ли, Мария,
Вечерний небосклон,

Равнины полевые,
Села далекий звон?

За садом берег чистый,
Спокойный бег реки,
На ниве золотистой
Степные васильки?

И рощу, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?

1848 г., лето или позднее

108. ⟨Б. М. МАРКЕВИЧУ⟩

Ты прав: мой своенравный гений
Слетал лишь изредка ко мне;
Таясь в душевной глубине,
Дремала буря песнопений.
Меня ласкали сон и лень,
Но, цепь житейскую почуя,
Воспрянул я — и негодуя,
Стихи текут. Так в бурный день,
Прорезав тучи, луч заката
Сугубит блеск своих огней,
И так река, скалами сжата,
Бежит сердитей и звучней!

Осень 1856 г.

109

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!
Вечно носились они над землею, незримые оку.
Нет, то не Фидий воздвиг олимпийского славного Зевса!
Фидий ли выдумал это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взор из-под мрака бровей громоносных?
Нет, то не Гёте великого Фауста создал, который,
В древнегерманской одежде, но в правде глубокой, вселенской,
С образом сходен предвечным своим от слова до слова!
Или Бетговен, когда находил он свой марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих сердце аккордов,
Плач неутешной души над погибшей великою мыслью,
Рушенье светлых миров в безнадежную бездну хаоса?
Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве,
Он же, глухой для земли, неземные подслушал рыданья.

Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и света,
Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть и слышать,
Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Целое с ним вовлекает созданье в наш мир удивленный.
О, окружи себя мраком, поэт, окружися молчаньем,
Будь одинок и слеп, как Гомер, и глух, как Бетговен,
Слух же душевный сильней напрягай и душевное зренье,
И, как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступят вдруг пред тобою картины,
Выйдут из мрака все ярче цвета, осязательней формы,
Стройные слов сочетания в ясном сплетутся значеньи —
Ты ж в этот миг и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
И, созидая потом, мимолетное помни виденье!

Октябрь до 11, 1856 г.

110

Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали,
Красуяся, идет нарядная весна...
Порою входит так в дом скорби и печали
В цветах красавица, надменна и пышна.

Как праздничный мне лик весны теперь несносен,
Как грустен без тебя дерев зеленых вид!
И мыслю я: когда ж на них повеет осень
И, сыпля желтый лист, нас вновь соединит!

1857 г.

111

Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице,
Ты скажи, скажи, ты поведай мне:
На добычу-то как выходишь ты?
Как сживаешь люд Божий со свету?
Ты змеей ли ползешь подколодною?
Ты ли бьешь с неба бурым коршуном?
Серым волком ли рыщешь по полю?
Аль ты, горе, богатырь могуч,
Выезжаешь со многой силою,
Выезжаешь со гридни и отроки?
Уж вскочу в седло, захвачу тугой лук,
Уж доеду тебя, горе горючее,
Подстрелю тебя, тоску лютую!
«Полно, полно, добрый молодец,

Бранью на́ ветер кидатися,
Неразумны слова выговаривать.
Я не волком бегу, не змеей ползу,
Я не коршуном бью из подне́бесья,
Не с дружиною выезжаю я,
Выступаю-то я красной девицей,
Подхожу-то я молодицею,
Подношу чару, в пояс кланяюсь,
И ты сам слезешь с коня долой,
Красной девице отдашь поклон,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцем всплачешься,
Ноги скорые-то подкосятся,
И тугой лук из рук выпадет».

1854 г. (?)

112

Уж ты, нива моя, нивушка,
Не скосить тебя с маху единого,
Не связать тебя всю во единый сноп!
Уж вы, думы мои, думушки,
Не стряхнуть вас разом с плеч долой,
Одной речью-то вас не высказать!
По тебе ль, нива, ветер разгуливал,
Гнул колосья твои до́ земли,
Зрелы зерна все разметывал!
Широко вы, думы, порассыпались,

Куда пала какая думушка,
Там всходила люта печаль-трава,
Вырастало горе горючее.

1854 г. (?)

113

Усни, печальный друг, уже с грядущей тьмой
Вечерний алый свет сливается все боле,
Блеящие стада вернулися домой,
И улеглася пыль на опустелом поле.

Да снидет ангел сна, прекрасен и крылат,
И да перенесет тебя он в жизнь иную!
Издавна был он мне в печали друг и брат,
Усни, мое дитя, к нему я не ревную.

На раны сердца он забвение прольет,
Пытливую тоску от разума отымет
И с горестной души на ней лежащий гнет
До нового утра незримо приподымет.

Томимая весь день душевною борьбой,
От взоров и речей враждебных ты устала —
Усни, мое дитя, меж ними и тобой
Он благостной рукой опустит покрывало.

Август—сентябрь 1856 г.

114

Хорошо, братцы, тому на свете жить,
У кого в голове добра не много есть,
А сидит там одно-одинешенько,
А и сидит оно крепко-накрепко,
Словно гвоздь, обухом вколоченный.
И глядит уж он на свое добро,
Все глядит на него, не спуская глаз,
И не смотрит по сторонушкам,
А знай прет вперед, напролом идет,
Давит встречного-поперечного.

А беда тому, братцы, на свете жить,
Кому Бог дал очи зоркие,
Кому видеть дал во все стороны,
И те очи у него разбегаются:
И кажись, хорошо, а лучше есть!
А и худо, кажись, не без доброго!
И дойдет он до распутьица,
Не одну видит в поле дороженьку;
И он станет, призадумается,
И пойдет вперед, воротится,
Начинает идти сызнова;
А дорогою-то засмотрится
На луга, на леса зеленые,
Залюбуется на Божьи цветики
И заслушается вольных пташечек.
И все люди его корят, бранят:
«Ишь идет, мол, озирается,

Ишь стоит, мол, призадумался,
Ему б мерить все да взвешивать,
На все боки бы поворачивать.
Не бывать ему воеводою,
Не бывать ему посадником,
Думным дьяком не бывать ему,
Ни торговым делом не правити!»

До августа 1858 г.

115

Что за грустная обитель
И какой знакомый вид!
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит!

Стукнет вправо, стукнет влево,
Будит мыслей длинный ряд;
В нем рассказы и напевы
Затверженные звучат.

А в подсвечнике пылает
Догоревшая свеча,
Где-то пес далеко лает,
Ходит маятник, стуча;

Стукнет влево, стукнет вправо,
Все твердит о старине;

Грустно так! Не знаю, право,
Наяву я иль во сне?

Вот уж лошади готовы —
Сел в кибитку и скачу, —
Полно, так ли? Вижу снова
Ту же сальную свечу,

Ту же грустную обитель,
И кругом знакомый вид,
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит...

Лето 1856 г.

116

Что ни день, как поломя со влагой,
Так унынье борется с отвагой,
Жизнь бежит то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
От беспечной удали к заботам
Переходит пестрым переплетом,
Думы ткут то в солнце, то в тумане
Золотой узор на темной ткани.

До февраля 1858 г.

117

Что ты голову склонила?
Ты полна ли тихой ленью,
Иль грустишь о том, что было,
Иль под виноградной сенью

Начертания сквозные
Разгадать хотела б ты,
Что на землю вырезные
Сверху бросили листы?

Но дрожащего узора
Нам значенье непонятно —
Что придет, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно.

Час полуденный, палящий,
Полный жизни огневой,
Час веселый, настоящий,
Этот час один лишь твой.

Не клони ж печально взора
На рисунок непонятный —
Что придет, узнаешь скоро,
Что прошло, то невозвратно.

До 17 ноября 1856 г.

118

Шумит на дворе непогода,
А в доме давно уже спят;
К окошку, вздохнув, подхожу я:
Чуть виден чернеющий сад;

На небе так тёмно, так тёмно,
И звездочки нет ни одной,
А в доме старинном так грустно
Среди непогоды ночной!

Дождь бьет, барабаня, по крыше,
Хрустальные люстры дрожат,
За шкапом проворные мыши
В бумажных обоях шумят;

Они себе чуют раздолье:
Как скоро хозяин умрет,
Наследник покинет поместье,
Где жил его доблестный род,

И дом навсегда запустеет,
Заглохнут ступени травой...
И думать об этом так грустно
Среди непогоды ночной!

1840-е гг.

119

Я вас узнал, святые убежденья,
Вы, спутники моих минувших дней,
Когда, за беглой не гоняясь тенью,
И думал я, и чувствовал верней,
И юною душою ясно видел
Все, что любил, и все, что ненавидел!

Средь мира лжи, средь мира мне чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора — и вы воскресли снова,
Мой прежний гнев и прежняя любовь!
Рассеялся туман, и, слава Богу,
Я выхожу на старую дорогу.

По-прежнему сияет правды сила,
Ее сомненья боле не затмят,
Неровный круг планета совершила
И к солнцу снова катится назад.
Зима прошла, природа зеленеет,
Луга цветут, весной душистой веет...

До мая 1858 г.

120

Я задремал, главу понуря,
И прежних сил не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

Как глас упрека, надо мною
Свой гром призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,
И прах бездействия смети!

Да вспряну я, тобой подъятый,
И, вняв карающим словам,
Как камень от удара млата,
Огонь таившийся издам!

До мая 1858 г.

ОТДЕЛ II

1866—1875

ПОЭМЫ. ПОВЕСТЬ. ДРАМА

121

ПОСАДНИК

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Боярин Глеб Мироныч, степенный посадник новгородский.

Посадница, жена его.

Вера, дочь их.

Боярыня Мамелфа Дмитровна, вдова прежнего посадника.

Вышата, Рогович, Жирох, Кривцевич — новгородские бояре.

Василько, жених Веры, дочери посадника.

Ставр, Головня, Радько — товарищи его.

Боярин Фома Григорьич, бывший новгородский воевода.

Боярин Андрей Юрьевич Чермный, новый новгородский воевода.

Наталья, полюбовница Чермного.

Рагуйло, брат ее, из неприятельского стана.

Кондратьевна, няня ее.

Девушка, прислужница ее.
Мечник.
Гридень.
Подвойский.
Один из бояр
Другой
Третий
Четвертый
Один из народа
Другой
Третий
Четвертый
Пятый
Шестой
Седьмой
Восьмой
Граждане. Бояре. Гридни. Огнищане.

Действие в Великом Новгороде, в XIII столетии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

УЛИЦА

Толпа народа возвращается с площади.

Явление 1

Первый из народа. Конец вечу! Договорились до дела!

Второй из народа. По шеям боярина Фому!

Третий из народа. Давно бы так! Что он был за воевода! Суздальцам хотел ворота отпереть! Не можем-де доле держаться!

Четвертый из народа. К черту его! Боярин Чермный не отопрет!

Третий из народа. Не таковский!

Первый из народа. А и у Фомы сильна сторона! Я как увидел, что плотницкие один за другим в доспехах подседают, ну, думаю, в топоры пойдут.

Второй из народа. И пошли бы в топоры, когда б не посадник! Дай Бог ему здоровья, Глебу Миронычу! Не речист, да метко его слово: «Не о том, говорит, спор, кому воеводой быть, а о том, вольным ли нам городом оставаться! Хотите ли послушаться Фомы? Хотите ли суздальским пригородком учиниться?» Тут мы первые закричали: «Не хотим! Долой Фому!»

Первый из народа. А плотницкие-то свое несут, как Фома их учил, так и долбят: «Не можем держаться! Приступом нас возьмут!»

Второй из народа. А как осерчал это на них Глеб Мироныч! «Неправда! — говорит, — три дня еще продержимся, пока псковичи на выручку подойдут! Кто смелует мне, посаднику Глебу, не верить?» Так и сказал: «Кто смелует мне, Глебу, не верить?»

Третий из народа. Велик его почет в Новегороде! Как сказал: «Кто смелует мне не

верить?» — так вся Добрынина улица в один голос: «Верим тебе, верим! Долой Фому! Тебе, Глебу, воеводой быть!»

Четвертый из народа. Нет, то не Добрынина, а наша Люгоша-улица напред всех закричала: «Тебе воеводой быть!»

Второй из народа. Обе улицы закричали. Да спасиба-то он никому не сказал: «Не мне, говорит, а Чермному быть воеводой! Чермный лучше всех дело знает, нет супротив Чермного во всем в Новегороде!»

Четвертый из народа. А молодые, молодые-то и обрадовались. Во всех концах заголосили: «Чермного! Чермного!» Они-то и перекричали плотницких!

Первый из народа. Не они одни, все мы их перекричали. Заставили язык прикусить!

Третий из народа. Куда одному концу против всех!

Первый из народа. А в кольчугах было подсели! Думали Новгород надвое разделить. Тут бы они и ударили за Фому, да не удалось, когда посадник сказал: «Кто смелует мне, Глебу, не верить?»

Второй из народа. Даром их, значит, Фома угощал!

Четвертый из народа. Ни про что исхарчился!

Первый из народа. Ну, не простит же он посаднику!

Четвертый из народа. Не простит!

Первый из народа. А тому — какое горе! Когда Глеб смотрел на кого?

Второй из народа. Тем-то себе и недругов нажил!

Третий из народа. Правда, шеи гнуть не умеет! А уж что до порядков, не приведи Бог!

Первый из народа. Спуску никому не даст. Говорит: «Я не просился в посадники, а выбрали меня, так уж знайте, кого выбрали!»

Четвертый из народа. За то ему, видно, и Чермный по нраву. Этот также не гнется.

Первый из народа. Ну, Чермный посаднику рознь. В ратном-то деле нет супротив его, а дома уж больно до женского пола охоч; от своей от Натальи души не чает!

Четвертый из народа. Кому до того нужда, коли он в строю не бабится!

Явление 2

Другая толпа — иные в кольчугах.

Пятый (*в кольчуге*). Что за оторопь на вас нашла? Дали сменить Фому Григорьича, теперь напляшемся с Чермным! До осени миру не будет, до весны кораблей своих не увидим!

Шестой из народа. Чего ж вы, кольчужники, сложа руки сидели?

Пятый. Какой сложа руки! Мы, кричамши, животы надсадили! А как побожился тот чертов посадник, что Чермный город отстоит, тут все, как шальные, пошли реветь: Чермного! Чермного! Не со всем же Новым-городом на драку лезть!

Седьмой. И подлинно шальные. Эка беда, что Фома за князя говорил! Не все ли равно торговать, что на своей ли, что на княжой ли воле? Без торгу-то небось лучше?

Восьмой. А стал бы князь опять власть забирать, опять бы ему путь указали! Важно было время выиграть.

Пятый. Разорит нас этот Чермный!.. Не отстоим города. Суздальцы на щит возьмут!

Первая толпа.

Первый. Как города не отстоим?

Второй. Да разве нам впервой низовых бить?

Вторая толпа.

Седьмой. Вам-то, чай, от войны не накладно, так вы и горланили за Чермного!

Первая толпа.

Второй. А вам бы мошну набивать, а Новгород пропадай!

Вторая толпа.

Пятый. Глеб-то вам перед вечем, чай, из своего погреба по стопе поднес?

Первая толпа.

Третий. А много вам князь заплатил за Фому стоять?

Вторая толпа.

Шестой. Крысы подпольные!

Первая толпа.

Второй. Суздальские собаки!

Обе толпы бросаются одна на другую. Является Чермный в сопровождении бояр.

Явление 3

Чермный, Василько, бояре, Ставр, Головня, Радько и воины, потом посадник.

Чермный

Что тут за шум? Кто смел затеять ссору?
Забыли вы, что Новгород мне дал
На время облежания расправу
На жизнь и смерть?

Говор в народе.

Второй. Вишь, этот не Фоме чета!

Третий. С ним несдобровать!

Первый (*увидев посадника*). А вот и посадник идет.

Второй. От этого еще хуже будет.

Посадник

(*к Чермному*)

Что тут опять горланили они?

Чермный

Повздорили маленько, Глеб Мироныч,
Да ничего, уж я им погрозил;
Сам ведаешь, народ ведь вольный!

Посадник

Вольный!
Они вольны на вече говорить,
А приговор когда постановили,
Он должен быть, как Божье слово, свят!
Ты не грози тому, кто спорить станет,
А с жерновом на шее кинуть в Волхов
Его вели!

Чермный

Так им и будет, если
Опять начнут!

Народ расходится по сцене.

(*К боярам.*)

Великую от вас
Я честь приял сегодня, государи,
А с ней ответ великий. Не должны
Мы забывать, какая угрожает
Опасность нам. Князь не с одной своей
Дружиною для мщенья к нам вернулся;
Его дядьев дружины с ним пришли,
Не пошлиной, на древлих Ярославлих
На грамотах, обратно стол княжой
Он требует, но вотчиной своею
Уж нас зовет. Все пригородки взял,
Посады сжег. Уж турами бьет стены.
От приступов его все боле наша
Редеет рать — и если псковичи
На помощь к нам не подойдут, придется
И впрямь княжой нам вотчиною стать
Или за вольность нашу без остатка
Всем лечь костьми!

Крики

Все, все за вольность ляжем!

Чермный

Но если мы дня три лишь иль четыре
Продержимся, то Псков им в тыл ударит.
Мы ж вылезем — и правому тогда
Поможет Бог!

Из толпы.

Третий

С тобой нам Бог поможет!

Второй

Ты наша бронь!

Все

Живет боярин Чермный!

Чермный

А чтобы дать их множеству отпор,
Все за один теперь стоять должны мы.
Не для того вы сами воеводой
Поставили меня, чтобы сиденье
Держали мы, как было при Фоме!
На сонных мух под ним мы походили!
Теперь не так! Теперь не оставайся
Никто в дому! На стены стар и млад!
Кто годен в строй, тот надевай кольчугу,
Кто нет, таскай тот землю и песок
На новый вал! Передние ли люди
Иль младшие — бояре или чадь —
Всяк топором, мечом или лопатой
Теперь служи, и если б даже кто
И дьяком был, и было б уж гуменце
Пострижено, все винны за святую
Софию стать!

Все

Все станем за Софию!

Второй

Измрем с тобой!

Первый

За Новгород Великий!

Четвертый

За грамоты!

Третий

За волю!

Все

Станем все
Живой стеной!

Чермный

Ступайте ж, государи,
К своим местам — вам ведомы они.
Всяк знай свое, в чужое не мешайся,
Перебегать не смей от места к месту,
Как при Фоме. Не ваша то печаль,
Коль на какой облом иль вежу приступ
Услышите. Ответ за все на мне.
Простите же; сейчас приду на вал
Осматривать работы.

Бояре уходят, народ расходится также.

Явление 4

Чермный и посадник.

Чермный
(*к посаднику*)

Глеб Мироныч!

Посадник

Что, государь?

Чермный

Сей ночью из тюрьмы
Один из пленных суздальцев ушел.
Вели его сыскать во что б ни стало,
Теперь опасность велика. Нельзя
Врага оставить в городе. Поджог
Он учинит или маяк, пожалуй,
Своим подаст. Сыскать его вели.

Посадник

Велю сыскать. Еще что мне прикажешь?

Чермный

Ни в ворота, ни из ворот чтоб стража
Не пропускала никого. Объезды
По улицам чините день и ночь.
Неслушливых хватайте. Только, Глеб
Миронович, тебе не в укоризну:

Пожалуй, ты уж через меру крут.
Остерегись, теперь такое время,
Друг за́ друга держаться все должны.
Не возбудил бы строгостью излишней
Ты ропота. Ино — кто делом вор,
Ино — кто только словом провинился:
Не всяко лыко в строку!

Посадник

Всяко в строку!
Когда наш враг под городом стоит,
Когда его прихлебники бесстыдно
Мутят народ, когда Фома чуть-чуть
Уже ворот ему не растворил —
От слова тут до дела недалёко,
И никому мирволить нам нельзя!

Чермный

Чини ж, как знаешь; вечером тебя
Прошу к совету; вместе потолкуем
И подкрепим себя чем Бог послал.
Три дня с тобой очей мы не смыкали,
И голова кружиться начала.
Пусть также зять придет твой нареченный,
Ему работу на ночь я задам.

Посадник

Придем.

Чермный

Постой, я было позабыл!
В монастыре во Спасском со двора
Есть тайный ход, ведет он под землею
За городскую стену и выводит
В Свенельдов враг. Ключ от дверцы
железной
Там в ризнице. Пожалуй, у игумна
Его возьми и принеси ко мне.

Посадник

Не слыхивал про этот ход.

Чермный

Да вряд ли
Кто и слыхал. Случайно прошлым летом,
Охотясь, я на устие набрел.
Игумен говорит, что при варягах
Он вырыт был.

Посадник

Засыпать бы его.

Чермный

Напротив, он теперь нам пригодится:
Через него лазутчика пошлю
Иль сам пойду, переодетый, ночью
Во вражий стан.

Посадник

Как знаешь. Принесу
Тебе тот ключ. Еще чего сказать,
Не вспомнишь ли?

Чермный

Одно сказать осталось:
Поклон тебе, боярин Глеб Мироныч,
Что воеводство мне ты уступил,
Что, о себе не мысля, за меня
Стоял на вече!

Посадник

Не на чем поклон.
Не за тебя, за Новгород стоял я.
Будь кто тебя получше, за того бы
Я и стоял.

Чермный

Не в гнев тебе я молвил,
Но от души. В твоих руках, боярин,
Пусть будет город. Ты ж его блюди
По своему по разуменью.

Посадник

Буду
Блюсти, как знаю, государь.

Чермный

Прости ж.
К вечере до свиданья!

Посадник

До свиданья.

Посадник уходит. Чермный хочет идти, Наталья бросается ему навстречу.

Явление 5

Чермный и Наталья.

Наталья. Золотой ты мой! Ненаглядный мой! Насилу-то времечко вылучила!

Чермный. Наташа! Ты зачем здесь, сумасшедшая!

Наталья. Невтерпеж стало, свет Андрей Юрьич! Двое суток домой не приходишь! Как ударили к вечу, я выбежала на площадь; все время позади народу с бабами стояла. Слышала, как тебя в воеводы поставили. Думаю: Господи! Теперь и того меньше придется видеть его! Хоть на улице на света моего посмотрю!

Чермный (*ласково*). Сумасшедшая, право сумасшедшая!

Наталья. Издали все шла за тобой, а тут к воротам прижалась, покуда ты с посадником говорил. Насилу-то он ушел! И что это ты за-

теял! Один во вражий стан идти! Я все слышала!

Чермный. А тебе нужно знать! Ступай домой, я о вечерни приду. Приготовь ужинать, Наташа, гости будут.

Наталья. Да не гони же меня, успею приготовить!

Чермный. Непригоже нам на улице вместе быть.

Наталья. Иду, иду. Да ведь уже и нет никого, все разошлись, а мне бы только еще посмотреть на тебя: ведь двое суток не видела!

Чермный. Увидимся вечером, а теперь ступай; мне самому идти надо.

Наталья. Да скажи мне хоть словечко-то ласковое!

Чермный. Ведь знаешь, что люблю тебя. Чего ж тебе еще?

Наталья. Тяжело уходить-то мне ноне, ведь ты целый день все под стрелами! Долго ли до беды, до вечной разлуки с тобой. Ох ты, болезный мой! Дай же мне хоть обнять тебя, — ведь кто знает? — может быть, в последний раз! Свет ты мой! Голубчик ты мой! (*Бросается ему на шею и уходит.*)

Чермный идет в другую сторону. Является боярин Фома с Кривцевичем и Жирохом.

Явление 6

Фома, Жирох и Кривцевич.

Фома

Вы видели?

Жирох

Как не видать!

Кривцевич

Каков!

Жирох

Ай да боярин! Ай да воевода!

Кривцевич

Знай, времени не тратит!

Жирох

Целоваться
Нашел с своей Наталкой место!

Фома

Что ж!
Такого, видно, надо воеводу!
Чай, государь-то Новгород Великий
На то его и выбрал. Исполать!
Мы с бабами не зналися; о том лишь

Заботились, как город бы сберечь,
До грабежа б не довести; хотели,
Чем суздальцам на щит себя отдать,
Добром отдаться князю; так вот нет!
Посаднику, вишь, стали неугодны!
А что велит посадник, то у нас
И деется и свято!

Жирох

Эх, Фома
Григорьевич! Эх, если бы тебя
Послушались! Смотри, коль не возьмут
Нас приступом. Ведь силы-то такой
Не видано доселе.

Фома

Ничего!
Боярин Чермный справится.

Кривцевич

Хорош!
Еще принять и гридьбы не успел,
А с ним уж и Наталка!

Фома

Человек,
Вишь, молодой. Оттоль и порубиться,
И показать хотелось бы себя.
Мы на своем рубилися веку,

За новыми не гонимся рубцами;
Ну, а ему в диковинку.

Жирох

Уж будут
Ему рубцы! И Новгороду будут!
Не скоро мы залечим их.

Фома

Поди ты!
А вот посадник говорит, что Чермный
Все отстоит; Фома-де не умел,
А мы сумеем с Чермным; ото Пскова,
Вишь, рать придет, осаду сымет! Знаем
Мы псковичей. Чай, пьяны напилися
От радости, что плохо нам пришлось.
Ну, да посадник обещает — значит,
Оно и так. И Новгород за ним
Твердит: побьем, побьем низовых! Ну-тка!
Посмотрим, как побьете их!

Кривцевич

Хорош
И Новгород! Баранье стадо, право!
Давно ли был им хуже горькой редьки
Посадник Глеб? Боярам не давал
Созванивать народ, помимо веча;
А безземельных с площади гонял:
«Не вечники вы, дескать!» И стоял

Всем поперек. А стоило сказать,
Что грамоты похерят, — и пошли
Кричать за ним. Вот приступом возьмут,
Тогда увидят грамоты!

Жирох

Смотри,
Когда и тут не выйдет прав он!

Фома

Выйдет,
Коли молчать мы будем. Смирны очень
Уж стали мы.

Кривцевич

Да мы, Фома Григорьич,
На вече не молчали-то!

Фома

Эх вы!
Богатыри! Да разве в крике дело?
Иное так словечко мимоходом,
Как невзначай, проронишь, а оно
И во сто крат сильней, чем если б горло
Ватага целая драла. А вы
Наладили себе одно: не можно
Держаться нам! Не можно да не можно!

Жирох

А что ж нам было говорить?

Фома

Про Глеба
Про самого сказать вам было, вот что!
Свою-де он, Глеб, выгоду блюдет!
Догадлив, чай; он знает, что не правят
Долгов в войну. Ведь от войны кому
Живет наклад? Тем, у кого в подвалах
Товар лежит! А много у него
Товару есть? А? Много ли товару?

Жирох

Так, так, Фома Григорьич, все его
Разбило в море корабли!

Фома

Вот то-то!
Одной святой Софии тысяч тридцать
Стоит должон. А с любскими купцами
И до ста наберется.

Кривцевич

Будет до ста.

Фома

Так мира-то зачем ему хотеть?
Он не дурак. Теперь небось не правят

С него долгов; а Новгород возьмут —
Так что ему? С него-то взятки гладки!

Кривцевич

Вестимо так.

Фома

Вот мы — другое дело.
Что день, то нам убыток от войны.
Ты, например: на сколько у тебя
Лежит парчи?

Кривцевич

На сорок будет тысяч.

Фома
(*к Жироху*)

А у тебя скатного жемчугу?

Жирох

На столько же, пожалуй.

Фома

Так смотрите ж:
По малому вам счету, по сту в месяц
На каждого червонцев из мошны!
А приступом коль Новгород возьмут,
Так ты и вовсе без парчи, а ты
Без жемчугу! В софийские подвалы,

Чай, суздальцы найдут дорогу! Как,
По-вашему?

Кривцевич

Что тут и говорить?
По-нашему, так поскорей бы дело
Помимо тех двоих поладить. Князь бы
За то спасибо нам сказал.

Фома

Смекнули?

Жирох

Оно бы можно, если б этот Чермный
Тут был один, да старого-то пса
Не проведешь, глазаст уж больно!

Фома

Гм!
Большой тебе приятель он?

Жирох

Приятель?
Кто? Глеб? Да я б туда его послал,
Куда крятун костей не заносил!

Фома

Ах да бишь, помню! То, никак, ведь он
В голодный год тебе нажиться не дал,
Скупил весь хлеб?

Жирох

Когда б одно лишь это!
Уж перехват ему бы я простил;
Бери себе да подавися — дело
Торговое. Но он не для себя,
А назло мне! Скупил запас да тотчас
За полцены спустил его в народ.
Смотрите, мол: Жирох хотел нажиться,
А я, мол, вам задаром отдаю!

Фома

Вишь, старый черт!

Жирох

И вече созвонил:
Тяжелый-де настал для смердов год,
От глада мрут. Велите, государь
Великий Новгород, чтобы по прошлым
У нас запас по ценам продавался,
А то уж вот хотел было Жирох
Повысить хлеб!

Фома

Эх, удружил тебе!

Жирох

Проклятый ворон! Так меня ославил,
Хоть выходи из сотни. Уж ему бы
Припомнил я!

Кривцевич

Да что, не одного
Тебя он, чай, ославил. Уж кому
Досадчиком он не был!

Фома

Так зачем же
Его жалеть?

Жирох

Да кто ж его жалеет?

Фома

А коли так, то слушайте вы оба:
Покуда Глеб посадником, а Чермный
Детинец держит, нечего о сдаче
И думать нам. А можно это дело
Так повести, что Новгород и сам
Их отрешит. Ведь если правду молвить,
Не сразу князь нас приступом возьмет;
А до того могли бы мы проруху
На них найти. Старик уж больно крут,
Он и своих не милует; как раз
Обидит город; ну, а молодой —
Вы видели каков: опричь сиденья,
Бабье на мысли у него; так вот
Подвесть бы их, когда ж один слетит,
Так и другой удержится недолго.

Жирох

Пусть только Глеб слетит, а с Чермным нам
Полегче сладить будет!

Кривцевич

Все едино:
Пусть только промах Чермный даст, сейчас
Начнем кричать: кто посадил его?
Никто как Глеб! Тащить к ответу Глеба!
На вече-то расправа недолга —
Не усидит!

Жирох

А коль обоих ссадим,
Кому ж тогда и воеводой быть,
Коль не тебе ж опять, Фома Григорьич!

Фома

Ты думаешь? Гм! Дай хоть на часок
Детинец мне, теперь уж не на вече
Я толковать о мире буду. Настежь
Все ворота! Князь-то батюшка, пожалуй!
Челом тебе на вотчине твоей!

Кривцевич

Держись тогда и Глеб и Чермный! Праздник
На нашей будет улице! Услуг
Князь не забудет наших!

Жирох

И тогда
С тобою, Глеб Мироныч, мы свои
Покончим счеты!

Фома

Так-то, государи.
Ну, а теперь поклонную пока
Нам голову приходится держать.
Пойдем приказ принять от воеводы
От нового; авось еще удастся
И на его Наталку поглядеть!

Уходят.

ДОМ ПОСАДНИКА

Посадница и боярыня Мамелфа Дмитровна.

Боярыня

Что ж это значит, матушка? Чай, вече
Уж отошло, а Глеба твоего
Мироныча доселе нету? Полно,
Уж ведомо ль ему, что у тебя
Сижу я?

Посадница

Как же, матушка Мамелфа
Димитровна! Перед его уходом

Твой посланный нам повестил, что ты
Пожаловать изволишь.

Боярыня

Дивно мне,
Что он не поторопится; чай, знает —
О вечевом услышать приговоре
И мы хотим! Ну, а невеста где ж?

Посадница

Вишь, у ее кормилицы вчера
Убили мужа; утешать вдову
Она пошла, сударыня.

Боярыня

Да; много
Теперя есть в Новегороде вдов,
Да и сирот не мало. И затем-то
Советовал Фома Григорьич мир
Нам учинить. Он дело говорил.
Его же вздумали сменять. Пустое
Затеяли!

Посадница

Да, говорят, он город
Сбирался сдать?

Боярыня

Кто это говорит?
Не верь тому! На всей новогородской

На воле он хотел мириться с князем!
От самого слыхала.

Посадница

Статься может.
Его-то, чай, ты лучше знаешь.

Боярыня

Знаю,
Сударыня: благочестив и вежлив;
Почтителен и скромен; вхож ко мне
Не первый год; а я ведь не со всяким
Вожу хлеб-соль.

Посадница

Кто ж этого не знает!
Кого к себе примаешь ты, того
Весь город чтит.

Боярыня

Да, матушка; на деньги
Да на породу не смотрю. Кто прям,
Боится Бога да живет по правде,
Хоть черный будь он — милости прошу!
Кто ж в чем не чист, так будь он хоть сам
князь —
Не прогневись, ворота на запоре!
Боярину намедни Аввакуму
Дверь указала.

Посадница

Право? А за что?

Боярыня

Проведал, вишь, что корабли разбило
Путятины, да с долговым листом
Пристал к нему; притиснул так Путяту,
Что тот ему за полцены товары
Свои отдал; а Аввакум возьми их
Перепродай да ссуду ровно вдвое
И выручи!

Посадница

Ах, стыд какой!

Боярыня

И после
Бессовестного дела своего
Он, скаредник, еще не побоялся
Ко мне прийти; да я ему при всех:
Пей, батюшка, свою сегодня чару
И помни вкус — вперед не поднесут!

Посадница

Что ж? И ушел?

Боярыня

Небось не засиделся.

Посадница

Жена-то, бедная!

Боярыня

Та ни при чем;
Я в тот же день сказать велела ей:
По-прежнему ко мне пускай-де ходит,
Ей рада-де!

Посадница

Да как же ей теперь-то
Ходить к тебе?

Боярыня

А держится за мужа,
Ино вольна и не ходить. Одно
Могу сказать: Варуху моему
Буслаичу покойному жена
Покорная и добрая была я;
Но если б он, Господь меня прости,
Что студное бы учинил, я с ним бы
Не стала жить, пошла бы в монастырь!

Посадница

Так, матушка; но ведь сама же ты
Пускать к себе, кажися, перестала,
Как бишь ее?.. Что с мужем-то не ходит?

Боярыня

Якуниху? Я выгнала ее
За то, что стыд и обык позабыла:
Пока Якун в Новегороде был,
Они ни разу с Чермным не видались,
А только лишь уехал муж в Торжок,
Что день, то к ней таскаться начал
Чермный!
По моему жена по разуменью
Должна пред мужем голову держать
Поклонную: хранить не только верность,
Но так вести себя, чтоб про нее
Никто не смел худого и подумать.
Но если муж бесчестный — брось его,
Вернись к родным, не то — вселися
в пу́стынь
Иль постригись!

Посадница

Так, матушка, вестимо...

Боярыня

И матерям твержу, для дочерей
Чтоб женихов богатых не искали;
Напред всего, чтоб зять боялся Бога
И правду блюл!

Посадница

Вестимо...

Боярыня

А не то
Пусть лучше в девках дочери сидят!

Посадница

Вестимо так; да где ж найти такого,
Чтоб не было на нем укору?

Боярыня

Значит,
Есть и на вашем?

Посадница

Грех его винить,
А посмирней, конечно бы, хотелось
Для нашей Веры.

Боярыня

Значит, сорванец?
Зачем же ты дала согласье?

Посадница

Я-то?
И, матушка! Да мне ль со Глебом спорить
С Миронычем? Согласья моего
Не спросит он. К тому ж и полюбились
Друг другу молодые...

Боярыня

Не причина!
Опричь тебя, тут некому решать;
Коль матери не по сердцу жених,
Так прочь его! Тебе, чай, лучше ведать,
Что дочери пригодно. Не хочу —
И кончено!

Посадница

Да не за что его
Корить-то, матушка.

Боярыня

Благочестив?

Посадница

Благочестив, сударыня.

Боярыня

И вежлив?
Почтителен как следует к тебе?

Посадница

Уж как же зятю к теще нареченной
Почтительну не быть!

Боярыня

Одно мне в нем
Не нравится: в повольниках бывал.

Посадница

Что ж делать, матушка! Муж говорит:
Не удержать боярам молодежи;
Коль нет войны, где ж удаль показать?

Боярыня

Да удаль-то безбожная. На Волгу
Твой, что ль, ходил?

Посадница

На чудскую, кажись,
Ходил на емь аль на Студено море.

Боярыня

А то поход затеяли на Волгу
Повольники при муже. В Костроме
Урвали девок, отвезли в Сарай,
Да там и продали татарам. Что?
Чай, добрая повольница?

Посадница

Помилуй,
Какие же повольники то были!
То воры, матушка!

Боярыня

Не велика
Меж ними рознь. Повольнику до вора
Рукой подать. И Чермный вот, что ноне

Толкается по женам по чужим,
Он также был в повольниках; на Пермь,
Никак, ходил.

Вера вбегает, испуганная, и бросается на лавку.

Посадница

Что, Верушка, с тобой?
Чего дрожишь ты?

Боярыня

Что те приключилось,
Сударыня? Не видишь, что ль, меня?

Вера
(*вставая*)

Прости, прости, боярыня Мамелфа
Димитровна! С испугу я... прости!
На улицах такая давка, крик,
Бегут, шумят, толкаются, чуть с ног
Не сшибли...

Боярыня

Только? Больно ты труслива,
Сударыня. Всегда бывает так,
Когда народ от веча по домам
Расходится.

Посадница

Хлебни водицы, Вера,
Да расскажи, не слышала ль чего?
Чем кончилось?

Вера

Поставлен воеводой
Боярин Чермный.

Боярыня

Чермный? Воевода?
На Фомино на место?

Вера

Меж собой
Так говорили встречные; о том-то
У них и спор.

Боярыня

Ну, нечего сказать!
Ну, признаюсь! Не чаяла того!
Еще б кого другого — пусть бы так!
Но Чермного!

Посадница

Я, матушка, слыхала,
И Глеб Мироныч также говорит,
Что доблестней нет Чермного во всей
Земле Новогородской.

Боярыня

Сорванец!
Прихвостник бабий! Человек без страху
Без Божьего!

Посадница

Но, кажется, его
И рать и город любит...

Боярыня

А за что?
За то, что лих вертеться на коне,
Да каждый день на площадь в новом корзне
Выходит к ним! Да медом угощает
Все пять концов! Да уличан своих
Знай кормит до отвалу! Вот за что
Ему любовь! А чтоб он смог сидеть,
Когда Фома не может, — нет, не верю!
Он сгубит нас! То Глеб Мироныч кашу
Твой заварил! Уж не взыщи, а я
В глаза ему скажу!

Посадница

Но может статься,
Оно не так, сударыня; быть может,
Ослышалася Вера...

Боярыня

Чермный! Вот уж
Сокровище нашли! И водит им

Всегда не та, другая баба. Ноне
Какая-то Наталка завелась;
Что вздумает, то и чинит; казну
Его, пиявка, высосала всю!
Прогнать ее, бесстыжую, велела б
Я метлами из города!

Вера

Наталью?
Нет, матушка-боярыня, должно быть,
Тебе не так сказали; не такая
Она совсем! Неправду про нее
Тебе сказали!

Боярыня

Что ты, что ты, мать!
Отколе знать тебе? Да про нее
И говорить тебе не след, ни даже
Упоминать! Не девичье то дело,
Сударыня!

Вера

Я видела ее...

Боярыня

Что-о? Ее? Ослышалась, никак, я?

Посадница

Где видела ее ты, Вера?

Вера

В церкви,
На той неделе, матушка. Стояла
Она одна, прижавшись к уголку,
Молилась так усердно, и на ней
Была одежа бедная, простая;
Когда же служба кончилась, тихонько
И робко так к иконе подошла,
Украдкою жемчужное монисто
Повесила на венчик и скорей
Из церкви вон. Отца Захарья кто-то
О ней спросил; вздохнул отец Захарий
И говорит: «Наталья это, та,
Которую боярин Чермный любит;
Все, что б он ей ни подарил, на церковь
Она несет; казну ж, какая есть,
Меж нищих делит; духом, вишь, сама
Есть нищая, и многое за то
Простится ей!»

Посадница

Пусть так, но все ж тебе
Знать про нее негоже...

Боярыня

Что подарки
Она свои на церковь отдает
И нищую жалеет братью — это
Зачтется ей, на том свету зачтется;

Ты ж неразумна, дитятко, еще;
Не ведаешь, о чем бывает вместно
Боярышне, о чем невместно знать.
Коль при тебе вперед о той Наталье
Заговорят, ты, дитятко, молчи.

Звон струн и песня за сценой.

Голос

Как ушкуйники по морю
Славить Новгород пошли,
Они, славя, проходили
Аж до Мурманской земли!

Хор

Ай люли, люли, люли,
Аж до Мурманской земли.

Боярыня
(*к посаднице*)

Кто это там в сенях твоих горланит?

Василько
(*входит с товарищами*)

Опускайте стяг, мурмане!
Выдавайте корабли...

(*Увидя боярыню, прерывает песню.*)

Боярыня, прости! Не чаял я,
Что здеся ты...

Боярыня

А если бы меня
И не было, все ж, государь, не входят
Так в честный дом. На приступ, что ль,
ты лезешь?
Аль думаешь, что с вражьим кораблем
Ты сбагрился?

Василько

Боярыня, прости!
С разбегу мы, на радости вошли,
Что побоку спровадили Фому,
А Чермный стал над нами воеводой!

(*К товарищам.*)

Ступайте, братцы! Тестя лишь дождусь
И тотчас к вам!

Радько

Смотри ж, не заживайся!

Головня

Заклада не забудь!

Василько

Небось!

Ставр

Простите,
Боярыни!

Радько

Обычай наш веселый
В вину нам не поставьте!

Головня

Бьем челом!

Все трое уходят. За сценой слышна удаляющаяся песня:

Мы, ушкуйники, с баграми
Славить Новгород пришли...
и пр.

Боярыня

Ну, хороши вы, батюшка! И впрямь
Повольницкая шайка!

Василько

Виноваты,
Сударыня!

(*Подходит к Вере.*)

Дай на тебя скорей
Полюбоваться, радость ты моя,
Бесценная!..

Боярыня

Постой-ка, государь,
Пожалуй-ка сюда! С тобой, кажись,

Я говорю, так ты сперва постой
Да выслушай меня, а уж потом,
Когда я кончу да скажу: ступай! —
Тогда иди к невесте.

Василько

Виноват!
Что, матушка, прикажешь?

Боярыня

А чтоб ты
Обычай помнил, батюшка. С чего
У вас сегодня головы вскружились?
Нашли чему обрадоваться! Чермный
Стал воеводой Новгородским! Шут он
Гороховый, твой Чермный!

Василько

Уж на этом
Нас извини, боярыня! Позволь,
Тебе не в гнев...

Боярыня

Да ты меня, отец,
Перебивать-то не моги! Тебя
Я разуму учу, так стой да слушай,
Авось умнее будешь. И не только
Тебе скажу, беспутному повесе,
А всем скажу, и наперво твому

Скажу я тестю...

Входит посадник.

Легок на помине!

Посадник

Поклон тебе, боярыня Мамелфа
Димитровна! Как, матушка, живешь?

Боярыня

С находкой поздравляю, Глеб Мироныч!
Ну, батюшка, уж есть чем похвалиться!
Убил бобра!

Посадник

Ты это про кого,
Сударыня? Про Чермного? Он вечем
Поставлен есть. Об этом толковать
Уж нечего.

Боярыня

А кто мне запретит?
Я с той поры, как помню лишь себя,
Всем в очи правду резала; и ноне
Скажу тебе: где был у вас рассудок
Фому сменить?

Посадник

Про то тебе ответ
Я после дам, сударыня. Теперь

Дозволь мне дело кончить.

(*К Васильку.*)

Там подвойский
Ждет у дверей. Проси его войти.

Василько уходит.

Боярыня

Смотри, пожалуй! Вечем, вишь, поставлен!
Да разве все апостолы сидят
На вече-то? Чай, сторона твоя
Перекричала тех, кто был разумней!
Да, слава Богу, Новгород не весь
По дудке пляшет по твоей! Доселе,
Слышь, спорят как! Опомнятся, даст Бог,
Еще до завтра!..

Входит подвойский.

Посадник

Государь подвойский!
Дай знать кончанским старостам, что я
Прошу их всех пожаловать, приказ
По городу услышать, да вели,
Чтоб бирючи по улицам кричали:
Боярину-де Чермному дана
От веча власть на жизнь и смерть, а он
Смерть положил от нынешнего дня
Всем, кто ему нарушит послушанье.
Коль делом кто иль словом провинится —
Хватать строптивых!

Боярыня

От часу не легче!
С которых пор в Новегороде слово
Уж не вольно? Не в Ироды ль цари
Вы Чермного поставили?

Посадник
(*к подвойскому*)

Сей ночью
Бежал один из пленных. Повестить
По всем концам, чтобы во что б ни стало
Его нашли.

Боярыня

Да долго ли ты будешь
Еще свои приказы раздавать?
Я все ему толкую, он же словно
Меня и нет!

Посадник
(*отпустив подвойского*)

Что, матушка, тебе
Угодно от меня?

Боярыня

Ушам не верю!
На жизнь и смерть судить нас будет
Чермный!
Приказано на улицах хватать,

Кто Чермного не хвалит! Да ведь этак
Ты, государь, пожалуй, и меня
Схватить велишь?

Посадник

Нет, матушка, мы баб
Не трогаем. Кричи себе, коль хочешь,
Во здравие!

Боярыня

И буду, государь!
Кому вы город отдали-то в руки?
Беспутному, шальному сорванцу!
Да не ему — его Наталке город
Вы отдали! Не знаем разве мы,
Кто держит верх над кем? Не воеводу,
А воеводшу, господи прости,
Вы над собой поставили!

Посадник

Ты все ли,
Сударыня, сказала?

Боярыня

Нет, не все!
За что Фому сменили вы? За то ли,
Что мир хотел он учинить? Чай, лучше,
Чтоб приступом нас взяли? Из церквей
Иконы потащили б? Да на щит

Дружиннику б досталась дочь твоя?
Вот до чего не допустить хотел
Фома, а вы его же очернили,
Иудой обозвали! Да пока
Я, батюшка, жива, пока язык мой
Еще к гортани не присох, дотоль
Кричать не перестану, что напрасно
Отставлен он! Уж не взыщи, а кто
Безвинно терпит, да к тому ж мне друг,
Уж за того до самой смерти буду
Горой стоять!

Посадник

Ты кончила ль теперь,
Сударыня?

Боярыня

Могу еще и боле
Тебе сказать, отец мой...

Посадник

Не трудися.
Хотя Великий Новгород тебе
Ответа и не держит, но за то,
Что вдовью честь твою он уважает
И поделом тебя за правду чтит,
Я, так и быть, тебе отвечу. Слушай,
Боярыня: Фому сменили мы
За то, что сдать советовал он город,

Когда еще держаться можно нам.
Который же верховный воевода
Не верит сам, что он побьет врага, —
Уж тот побит заране. Чермный верит
В себя и в нас, в него же верит рать.
Неправда то, что им Наталка водит, —
Никто еще досель им не водил.
А что живет он в Новгороде весел —
То до поры, пока ответа не взял
Он на себя. Ты, матушка, пойми:
Он словно шелк блестящий, шамаханский,
Что и цветист и гибок: поглядеть —
Уж ничего нет мягче; а попробуй
Его порвать — лишь руки натрудишь!

Боярыня

Хвали, хвали его, отец, а я
Скажу тебе: нет Божьего на том
Благословенья, кто не верит в Бога!
Не ходит в церковь, батюшка, твой Чермный,
Второе воскресенье не видала
Его в соборе!

Посадник

Некогда ему
В соборе быть. Уж две недели с валу
Он не сходил. Под прыском вражьих стрел, —
От приступов спасая город, служит
Он Господу!

Боярыня

Что? Некогда быть в церкви?
Нет времени молиться? Стало быть,
Нам не нужна молитва?

Посадник

Не криви
Моих речей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если воле нашей
Грозит беда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитник нужен нам!
И не о том мы спрашивать должны:
Он часто ли, не часто ль ходит в церковь,
А как он в бой полки свои ведет!

Боярыня

Сударыня-посадница, ты слышишь?
О теле он велит лишь помышлять,
А душу ставит ни во что! Ступай
В свою светлицу, Вера, уходи!
Отца не слушай, уходи сейчас!
Безбожницей тебя он сделать хочет!
Сударыня-посадница, скорей
Дочь уведи!

Посадник

Боярыня! Тебе
Корить меня, кажися, и порочить
Я вдоволь дал. Но при себе учить

Мою жену и дочь я не позволю.
Не прогневись, а в доме я своем
Сам господин!

Боярыня
(*вставая*)

Здесь доле оставаться
Невместно мне. Другим давать уроки,
А не себе их слышать от других
Привыкла я. Учиться благочестью
И вежеству сбирается ко мне
Весь Новгород. Самой же научаться,
Как мне вестись, — на это я стара,
И отвыкать молиться Богу также!
Я, матушка-посадница, тебя
За мужнины за речи не виню,
Одно тебе на память только слово
Еще скажу: дочь от него держи
Подале, матушка, подале — слышишь?
Теперь прости — прошу не провожать!

(*Уходит.*)

Посадник
(*следит за ней глазами*)

Тьфу, взбалмошная баба!

Посадница

Глеб Мироныч!
Свет мой, голубчик! Что б тебе пойти

Догнать ее, пред ней бы извиниться?
Нам, право, с нею ссориться не след,
Она в великом гневе!

Посадник

Как? Еще
Пред ней мне извиняться?

Посадница

Свет, подумай:
Все на тебя подымутся теперь!

Посадник

А мне какое дело?

Посадница

И слова
Твои перетолкуют!

Посадник

Мне-то что ж?
Иль в самом деле я безбожник?

Посадница

Сила
Святая с нами! Но тебя, мой свет,
Осудят все! От недругов твоих
Бог весть теперь пойдут какие толки!

Посадник

Бояться толков — шагу не ступить!

Посадница

Ведь чтил же ты и сам ее доселе!

Посадник

Я чту ее, но гнуться перед ней —
Уж не взыщи! Нашла коса на камень!

Василько

И подлинно! Такого не встречала
Она отпора!

Посадник

Новгород старуху
Избаловал!

Василько

А выплыла каким
В дверь кораблем!

Посадник

Шабаш о ней — довольно!
О чем вы тут шептались меж собой?

Василько

Мы, государь...

Вера

Они хотят...

Посадник

В чем дело?

Вера

Вишь, вылазку затеяли они!

Посадник

Как вылазку? Кто вылазку затеял?

Василько

Мы, государь, славенские ребята,
С гончарскими побились об заклад.
Те говорят: не пустит воевода!
Мы ж говорим: зачем его спрошать?
Мы вылезем в полуночь о себе,
А после скажем воеводе!

Посадник

Кто
Вам отопрет ворота?

Василько

Не в ворота —
Мы по веревкам, государь. За нами
Их приберут, когда ж вернемся, снова
Нам выкинут!

Посадник

Изрядно! И могли
Подумать вы, что я и с воеводой
Позволим то?

Василько

Пожалуй, государь,
Нам не мешай; у нас уже все дело
Улажено.

Посадник

С ума вы, что ль, сошли?
Когда нам князь готовит новый приступ,
Тут каждый дорог человек, а вы
Ребячиться затеяли? Брось дурь!

Василько

Не можем, Глеб Мироныч! Об заклад
Побились мы!

Посадник

Так я перевязать
Вас прикажу.

Василько

Не в гнев тебе, а нас
Вязать не след. В Новегороде было
Так искони, что молодежь могла
Всегда как хочет тешиться, и воля
У нас на то от прадедов идет!

Посадник

Великое ты выговорил слово;
А знаешь ли, какой его есть толк?
В чем воля-то? В том, что чужой мы власти
Не терпим над собой! Что мы с князьями
По старине ведем свой уговор:
Се будь твое, а се будь наше. В наше ж
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тот уговор забудет князь, ему
Мы кажем путь, другого ж промышляем
Себе на стол. Вот наша воля в чем.
И за нее с низовыми мы ноне
Ведем войну, и за нее, коль надо,
Поляжем все! И чтобы воля эта
Была крепка, и чтоб никто не мог
Над нами государем называться —
Мы Новгород Великий государем
Поставили и головы послушно,
Свободные, склонили перед ним.
Вот наша воля! Прав своих держаться,
Чужие чтить, блюсти закон и правду,
Не прихоти княжие исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь наш Новгород велит, —
Вот воля в чем! А чтобы всякий делать
Волен был то, что в голову взбредет, —
Нет, то была б не воля — неурядье
То было бы! Когда б такую волю
Терпели мы, давно княжой бы стали

Мы вотчиной иль разделили б нас
Между собой соседи! Выкинь дурь
Из головы!

Василько

Сам вижу, Глеб Мироныч,
Что виноват, и, если только прежде
Подумал бы, заклада б не держал.
Но посуди: славенские меня
Начнут корить; гончарские же на смех
Меня подымут!

Посадник

Что тебе за дело?

Василько

Как что за дело? Трусом обзовут!
Стыд будет мне, бесчестье понесу я!

Посадник

Ты разве трус?

Василько

Ты знаешь сам, что нет!

Посадник

А коль не трус, о чем твоя забота?
Не пред людьми — перед собой будь чист!

Василько

Так, государь, да не легко же...

Посадник

Что?
Чужие толки слышать? Своего,
А не чужого бойся нареканья —
Чужое вздор!

Василько

Тебе-то благо, Глеб
Миронович, так говорить! Высоко
У каждого стоишь ты в мысли. Твой
Велик почет. Но что бы сделал ты,
Коль на тебя бы студное что-либо
Взвалили люди?

Посадник

Плюнул бы на них!
Вот что бы сделал. Иль уж сам себе
Неведом я? Себя я, благо, знаю,
Сам чту себя. Довольно мне того.

Посадница

Ах, свет мой Глеб! Вот этим-то и нажил
Ты недругов! Ни за что никому
Не сделаешь уступки! Ни других,
Ни самого себя, вишь, не жалеешь!
А так нельзя! Живем ведь не одни,

С людьми живем. Ужели ж на людей
И не смотреть? Когда б ты захотел,
Иной бы раз друзей себе словечком
Нажить бы мог!

Посадник

Не в норове моем
За дружбою гоняться. Если б я
Пошел на то, чтоб людям угождать,
Не стало бы меня на угожденья,
Все мало б им казалося. Людей
По шерсти ль гладь иль против
шерсти — то же
Тебе от них спасибо! Я ж хочу
Не слыть, а быть. Для собственной своей
Чинить хочу для совести и сам
Свое себе спасибо говорить.
А что болтать они про это будут,
То для меня равно, как если дождь
По крыше бьет!

(К Васильку.)

Поди к своим, скажи:
Посадник Глеб вам запретил и думать
О вылазке. А к вечеру вернись;
С тобой пойдем мы вместе к воеводе,
Укажет он, как удаль показать!

(Идет к двери.)

Василько
(*топнув ногой*)

Хоть утопиться, право, в ту же пору!

Посадник
(*услышав его, оборачивается*)

Топись, когда врагов от наших стен
Прогоним мы, — теперь же и топиться
Ты не волен! Ты Новгороду держишь
Теперь ответ! Как смеешь ты иметь
Хотение свое, когда я сам,
Я, Глеб, себя другому подчинил,
Из рук Фомы мной вырванную власть
Тому вручил, кто лучше всех защиту
Умеет весть? Как смеешь о стыде
Ты помышлять, когда у нас свобода
Шатается? Что значит честь твоя
Пред новгородской честью? Двадцать лет
Посадничью мою храню я честь —
Но если б только ей спасенье наше
Я мог купить — как свят Господь,
я б отдал
Ее сейчас! Все ныне позабудь —
Одну беду грозящую нам помни!
А стыд тому, чья подлая душа
Иное б что, чем Новгород, вмещала,
Пока беда над ним не миновала!

(*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ДОМ БОЯРИНА ЧЕРМНОГО

Наталья прибирает горницу и ставит посуду на стол.

Наталья. Уж эти мне гости! Не дадут и часочка с ним посидеть! Вернется усталый: чем бы отдохнуть, а тут разговоры пойдут, а там, глядишь, опять приспело время на вал идти.

Девушка. А много ль будет гостей?

Наталья. И сама не знаю.

Девушка. Ты что ж не спросила?

Наталья. До того ли мне было, как после двух суток его увидала.

Кондратьевна. Что ж ты, государыня, сама-то на стол ставишь? Дай, мы и без тебя соберем!

Девушка. Кто же сегодня прислуживать будет? Челядь ведь вся брони надела, на завалы ушла, а нам с Кондратьевной в кухне быть.

Наталья. А я разве не сумею?

Девушка. Сама, нешто, будешь посуду носить?

Наталья. А почему же не сама? Что я за боярыня такая?

Девушка. Вестимо — боярыня! Не сегодня, так завтра будешь боярыней. Пора Андрею Юрьичу в закон вступить.

Наталья. Просила я тебя не говорить мне о том. Сколько раз просила. Коли опять начнешь, ей-Богу, осерчаю.

Девушка. Ну, да! Таковская.

Кондратьевна. Молчи, ты, постреленок! Ей слово, а она тебе два! Пошла в кухню, смотри пирог — не пригорел бы.

Девушка уходит.

Ох, ох, дитятко! Избаловала ты нас, страху-то нет к тебе, к государыне к нашей.

Наталья. И ты туда же! Этакие вы, право.

Кондратьевна. По душе говорю, голубонька, по любви своей, не по одному приказу боярскому. Все мы любим тебя за милостивость твою.

Наталья. А я-то и в глаза смотреть вам не смею. Сама ведь кружевницей в Новгород пришла, думала через год домой вернуться, да навсегда и осталась; хожу себе в золоте, а как подумаю, что и мать и отец плачут теперь по мне, так иной раз сама себе противна стану, что руки бы на себя наложила. Всех я вас хуже, а вы же меня государыней величаете.

Кондратьевна. Родимая ты наша! Служить-то тебе не в труд, а в радость. Уж кротче тебя и не видывали.

Наталья. А иной раз как вспомню, что ведь это для него я своих бросила, просветлеет у меня снова на сердце и опять все кажется трын-трава!

Кондратьевна. Кто Богу не грешен, дитятко! Господь помилует тебя за простоту за твою.

Наталья. Вишь, как я нарядилась сегодня. Ведь это он так велит, а мне и самой совестно.

Кондратьевна. Уж горазда ты наряжаться, нечего сказать! Лучшие окруты по церквам пораздала. Вишь, и повязки-то новой не надела. Надень, дитятко, повязку — краше будет, а я в кухню сбегаю, не то эта егоза, пожалуй, пирог просмотрит. (*Уходит.*)

Наталья садится к окну, задумывается и напевает песню.

Голос (*под окном*). Подайте, Христа ради! Подайте убогому! Подайте калике перехожему, Христа ради!

Наталья (*в окно*). Войди, Божий человек! Вот тут направо, по крылечку! (*Берет со стола хлеб и наливает кружку.*)

Входит нищий.

На тебе, дядюшка, присядь на лавку, отдохни себе... (*Вглядывается в него.*) Господи! Что это?

Нищий. Узнаешь меня, Наталья?

Наталья (*бросаясь к нему*). Рагуйло! Брат!

Рагуйло (*отталкивая ее*). Прочь, негодная! Разве ты сестра мне? Разве ты не отреклась от родни? Разве ты не полюбовница воеводы новгородского?

Наталья. Брат, брат, дай в себя прийти! После кори меня — скажи скорей про отца, про мать... Живы ли они?

Рагуйло. Так вот где ты, бесстыдная, отыскалась! Что ж, хорошо тебе жить у боярина?

Наталья. Ругай меня, бей меня, но скажи мне про отца, про мать! Скажи, как ты сам попал сюда?

Рагуйло. Как попал? На той неделе в полон твои новгородцы взяли меня; сею ночью из тюрьмы вылез, нищим нарядился, пришел на сестру свою посмотреть, на честь ее великую порадоваться.

Наталья. Господи, если увидят тебя!

Рагуйло. Что ж, выдай меня своему полюбовнику.

Наталья. Спрячься, спрячься скорей! Пойдем со мной!

Рагуйло. Куда?

Наталья. Сама не знаю — на сеновал, в кладовую, в анбар!

Рагуйло. А потом?

Наталья. Потом? Ты ночью из города выйдешь.

Рагуйло. Ай да бабий ум! Как я выйду, когда все ворота заняты?

Наталья. Нищего, может, пропустят...

Рагуйло. Ай да сестрица! При Фоме еще, пожалуй, пропустили бы, а я слыхал, каков он, твой полюбовник, есть! И поставлен в воеводы

за то, что не дремлет. В тюрьме, чай, спохватилися меня, ищут теперь по городу.

Наталья. Пресвятая Богородица! Как же быть нам?

Рагуйло. Выдумай! Найди! Ты стала теперь новгородкой, чай, знаешь свой город. Можно ли где через стену перелезть? Нет ли где выхода какого мимо сторожей?

Наталья. Выхода? Постой — да! Есть выход! В Спасском монастыре, со двора, ход подземный.

Рагуйло. Куда ход?

Наталья. За стену, в овраг какой-то...

Рагуйло. Что ж там? Дверь? Решетка? Как мне найти этот ход?

Наталья. Не знаю, Боже мой! Ничего не знаю, а ключ сегодня посадник принесет...

Рагуйло. Кому принесет?

Наталья. Боярину Чермному...

Рагуйло. Полюбовнику-то? Достань мне ключ.

Наталья. Как я его достану?

Рагуйло. Украдь!

Наталья. Да я не видала его, не знаю, какой он.

Рагуйло. Узнай! Проведай! Напой своего полюбовника. Задуши его. Зарежь его, а ключ достань.

Наталья. Да если б и достала я, как же тот выход найдешь?

Рагуйло. В монастырь пустят нищего. На погосте ночевать останусь, там как-нибудь проведаю.

Наталья. Ну, а он-то?

Рагуйло. Что он?

Наталья. Коли на него ответ падет? Коли, неравно... через тот ход вороги ворвутся?

Рагуйло. А и в самом деле! Вот надоумила! Да кого ж ты это ворогами зовешь? Наших, что ли?

Наталья. Брат, я не могу дать тебе ключа.

Рагуйло. Так ты хочешь, чтобы меня смертью казнили?

Наталья. Я тебя иначе спасу — иначе; а этого я не могу — не проси, пожалей меня!

Рагуйло. А разве сама ты жалела нас, негодная? Мать свою ты уморила! С горя она померла!

Наталья. Господи!

Рагуйло. Проклинаючи тебя, померла. Отец твой помешанный ходит, сестры твои без пристанища, а ты с новгородским воеводою заурядной боярыней живешь. Сторонятся, чай, от тебя, плюют на тебя люди. Да тебе все равно, миловал бы тебя воевода новгородский.

Наталья. Что же мне делать? Боже мой, что мне делать?

Рагуйло. А как надоешь ты ему да прогонит он тебя из дому, сором один на тебе оста-

нется, блудница, отщепенница! Женище боярское!

Наталья. Да скажи же сам, что делать мне? Научи сам меня. Что мне делать?

Рагуйло. Как что делать? Ключ достать! Брата спасти! Грех свой искупить перед Богом!

Наталья. Не могу, видит Бог, не могу! Приказывай что хочешь, но этого не могу!

Рагуйло. Так будь же ты проклята и в этом свете, и в будущем! Погуби еще брата, как ты мать и отца погубила! Живи себе в сраме и стыде на земле, а по смерти ступай на муки вечные, где блудницы и убийцы в адовом огне горят!

Наталья. Постой... Да не кляни же меня!.. Не кляни... Дай дух перевести...

Рагуйло. Полюбуйся завтра на мою голову, как она будет над городскими зубцами на копье торчать!

Наталья. Да пожалей же меня... Дай опомниться... голова кругом идет...

Рагуйло. Зови свою челядь! Выдай меня, и будь над тобой анафема Божья!

Наталья. Брат, брат, не кляни! Все, что хочешь, сделаю, все сделаю — достану тебе ключ!

Рагуйло. Побожись!

Наталья. Божусь, божусь! Только и ты побожись, что суздальцев не впустишь — побожись и ты!

Рагуйло. Добро, побожусь!

Наталья. Постой! Слышишь?

Рагуйло. Что?

Наталья. Конский топ на улице — это он!

Рагуйло. Куда спрятаться?

Наталья. Иди за мной! (*Подходит к двери и останавливается, прислушиваясь.*) Нельзя! Он уж на крыльце!

Рагуйло. Куда же?

Наталья. Сюда! Скорей сюда! Отсюда лесенка на вышку. (*Толкает его в боковую дверь.*)

Входит Чермный.

Чермный. Здравствуй, Наташа! Вот, теперь поцелуемся! Да что с тобой? Что ты так дрожишь? Ты на ногах еле держишься.

Наталья, рыдая, бросается к нему на шею.

Что с тобой? С беспокойства ты это, что ли? Али с радости, что я не убит?

Наталья. С радости, с радости, дорогой мой!

Чермный. Экая ты неразумная! С радости плачет! Да пусти же меня, я из сил выбился; дай мне вина, Наташа, горло засохло. (*Садится.*)

Наталья подает ему стопу.

Чермный (*выпив*). Ну, что? Успокоилась?

Наталья (*рыдая*). Не могу! Прости меня, не могу, силы нет!

Чермный. Экой же ты ребенок! Да быть не может, чтоб ты с радости так плакала. Тут что-нибудь другое. Обидел тебя кто, что ли?

Наталья. Свет ты мой, разве можно меня обидеть?

Чермный. Так, стало, горе у тебя?

Наталья. Да! Горе, горе! Да что я сказала! Сама не знаю, что говорю. Неправда, нет у меня горя! Так, по глупости, плачу.

Чермный. Не верю, Наташа, ты проговорилась. Что у тебя на душе? Скажи мне, авось помочь можно.

Наталья. Нет, мой родимый, нет! Никто, никто мне не поможет!

Чермный. Так есть же оно у тебя, горе-то! Скажи, не бойся, ты знаешь меня, я ни в чем тебе не отказываю.

Наталья. Ни в чем, ни в чем, свет мой, никогда не отказывал ты мне! Ты уж так добр, так жалостлив ко мне, — а я-то, я-то!

Чермный. Не о родных же ты плачешь? Ведь ты сказала, нет у тебя родных? Да говори же, Наташа, болен ли кто? Убит ли кто? Есть у тебя кто близкий в городе?

Наталья. Да, свет мой, прости меня — я солгала тебе — я не одна на свете; есть у меня.

Чермный. Ну, говори же! Кто у тебя? Отец? Мать? Брат?

Наталья. Нет, нет, не думай, нет! Тетка есть — только тетка одна — при смерти больна!

Чермный. Ну, выговорила наконец! В бедности она, твоя тетка?

Наталья. В бедности, государь, да, в бедности!

Чермный. Что ж ты сразу не сказала? Глупая ж ты, глупая! Или не знаешь меня? (*Отворяет поставец.*) На, возьми, отнеси своей тетке, купи для нее все, что надо. Что хочешь в доме возьми, отнеси больной, да и сама останься с ней на ночь, тебе спокойнее на душе будет!.. Ну, что опять с тобою?

Наталья. Государь ты мой! Дорогой мой! Ты как Господь Бог — как Господь Бог ко мне, — а я-то, я-то негодная, окаянная! Да как ты меня не убьешь, окаянную, негодную меня!

Чермный. С ума ты сошла, право! Уж чересчур ты совестлива! Перестань же плакать, у меня и без того голова кругом идет. Дай-ка еще вина, надо быть пободрее, сейчас гости придут. (*Выпивает стопу.*)

Входит посадник.

А, вот уж и один! Оправься, Наташа! (*К посаднику.*) Здорово, Глеб Мироныч! Милости просим!

Посадник. Здравствуй, Андрей Юрьич!

Наталья подает ему чару.

Спасибо, матушка. Во здравие твое, Андрей Юрьич. А сам-то что же ты?

Чермный. Дай мне чарку, Наташа. Во твое, Глеб Мироныч! Все благополучно в городе?

Посадник. Слава Богу. Беглого того только не отыскали, словно сквозь землю провалился.

Чермный. Вели еще искать. Так оставить нельзя. Надо над ним пример показать.

Посадник. Уж велел. По всем домам ищут. Вот тебе ключ от монастыря, от тайного хода.

Чермный. Спасибо. (*Вздевает ключ на пояс.*) Так будет вернее. Ступай же, Наташа, ступай к своей больной, завтра увидимся.

Наталья уходит.

Посадник. Что с ней?

Чермный. Тетка у нее захворала, так вот и кручинится. А иной раз и так себе плачет. Чудная такая! То словно пташка поет, заливается, то вдруг плакать начнет.

Посадник. Дурь бабья. Избаловал ты ее.

Чермный. Нет, она не то, что другая; и не просит никогда ни о чем, скромная такая.

Посадник. А все ж не след тебе нянчиться с ней. Поискал бы себе ровни, в закон бы вступил.

Чермный. И сам иной раз так думаю, и сказать ей даже собирался, да посмотришь на нее — жалость берет, язык не поворотится.

Посадник. Ну, это твое дело.

Чермный. А где ж Василько?

Посадник. Сейчас придет. Чуть было беды не накурил, вылазку с своими затеял. Я пригрозил им.

Чермный. Хорошо сделал, Глеб Мироныч, а то пришлось бы их смертию казнить.

Входит Василько и кланяется молча.

Чермный. Здравствуй, Василько! С повинной пришел? Благодари тестя, что блажить не пустил, а то бы я вас в Волхов кинуть велел. Дружба дружбой, а дело делом. Ты знаешь, я с делом не шучу.

Василько. Прости нашу дурость, Андрей Юрьич!

Чермный. Жаль было бы тебя, а не пощадил бы. На, выпей чару, не кручинься, без дела не останешься.

Входят Вышата и Рогович.

Поклон,
Бояре, вам! Что видно с валу?

Вышата

Смирно
Покамест все; с моей лишь стороны
Огней у них прибавилось как будто.

Рогович

С моей убавилось огней.

Посадник

Должно быть,
К Словенскому концу хотят стянуться,
Под Городище.

Чермный

Там у них стоят
Владимирцы. Туда же перешли
И костромцы сегодня.

Вышата

По всему
Должно смекать: они готовят приступ.

Входит Жирох.

Жирох

Боярину Андрею бью челом!
Всем по поклону! Я, никак, последний?
Не осудите — путь мне дале всех!

Чермный

Какие вести?

Жирох

Все благополучно.

Чермный

Движенья нет?

Жирох

Не видно ничего,
Костры зажгли на старых на местах,
По-прежнему.

Чермный

Садитесь, государи!
Во здравье вам!

Все садятся за стол.

Все

Во здравие тебе!

Пьют.

Жирох

Тобой, Андрей, мы, Юрьевич, из мертвых
Воскрешены.

Кондратьевна с девушкой ставят блюда на стол и уходят.

Чермный

Простите за прислугу,
Моя вся челядь на валу.

Жирох

Да чья же
Теперь в дому? Ведь мы уж, слава Богу,
Не при Фоме! Кишит, как муравейник,
Весь Новгород!

Посадник

Кажися, ты на вече
Был за Фому? Так отчего ж теперь
Не то ты говоришь?

Жирох

Был — не таюсь;
Да, вижу, обманулся. Видит то
И сам Фома. Когда при нем бы гридьба
Держалась так, как держится теперь,
Не говорил бы он о мире.

Посадник

Гридьбу
Винить грешно. То не она, а он
Отходную нам затянул.

Рогович

На ком
Прорухи не бывает, Глеб Мироныч!
А благо то, что подняли вы нас
С Андреем Юрьичем.

Вышата

До псковичей
Продержимся, даст Бог!

Жирох

Я ж говорю:
Мы и без них продержимся. Ведь каждый
Десятерых стал стоить, словно рубль,
В рост пущенный.

Посадник

Ты в росте знаешь толк.

Жирох

Куда уж мне! Лишь не нажить долгов бы!
Ни у кого в долгу мне оставаться
Не по сердцу.

Чермный

Откуда, государи,
По-вашему, ждать приступа?

Вышата

Последний
От Прусских мы ворот отбили. Вновь
Там не начнут. Чай, кинутся к Торговой;
Затем они, должно быть, к Городищу
Стянулися.

Рогович

Глаза хотят отвесть.
Там топь кругом; не провезти им туров.

Вышата

Настелют путь. За Волховом весь день
Владимирцы рубили лес. Нам слышен
Стук топоров был и дерев паденье.

Рогович

По мне, скорей к Баяним воротам
Их надо ждать.

Жирох

По мне ж, не будет вовсе
И приступа. Чай, колокол был слышен
Им вечевой! Чай, видели они,
Как закипел Детинец, и смекнули,
Что новый воевода ноне в руки
Сиденье взял. Теперь одна осада
От них пойдет, морить нас будут гладом,
А приступа не будет.

Черный
(*к посаднику*)

Глеб Мироныч,
Как мыслишь ты?

Посадник

Спроси-ка Василька;
Пусть скажет он, а я отвечу после.

Чермный

Как, Василько, по-твоему?

Василько

Когда
Ты, государь, мне говорить велишь,
То мне сдается: ведомо им вправду,
Что новый избран воевода, он же
Не кто, как ты, которого нет лучше;
Но ведомо им также, что идет
На выручку нам Псков; когда ж доспеет,
Плохая им останется надежда
Взять Новгород. Теперь иль никогда!
Затем они, не дожидаясь Пскова,
На приступ завтра же полезут.

Посадник
(*к Жироху*)

Слышал?
Не старый то и не бывалый молвит,
А молодой. То ясно есть как день,
То всякая понять сумеет баба.
Зачем же ты, бывалый, говоришь,
Что приступа не будет?

Вышата

Нет, теперь-то
Нам их и ждать.

Рогович

Теперь-то и начнут.

Чермный

О том и речи нет!

Жирох

Пусть, государи,
По-вашему. Я что же? Я сказал:
Коль при Фоме нахрапом нас не взяли,
То при Андрее Юрьиче подавно
Нас не возьмут. Они, чай, сами знают,
А захотят попробовать — пожалуй,
Пусть сунутся!

Вышата

Вопрос: откуда нам
Их ожидать? Урону слишком много
Мы понесли. Не хватит нашей рати
Все стороны успешно боронить.

Рогович

Великая была б нам льгота, если б
Разведчика послать.

Жирох

Уж сколько было
Посылано! Перехватали всех.
Небось они не дремлют: днем и ночью
Объезды их круг города кружат:
Что ни увидят, все хватают; пса бы
Не пропустили. Где ж тут посылать
Разведчика.

Чермный

Авось нам Бог поможет
Объезды их сей ночью миновать.

Вышата

Как так, боярин?

Чермный

Есть подземный ход
Ко самому их стану...

Прислужницы вносят блюда.

Посадник
(*к Чермному*)

Отошли-ка
Ты лучше баб: что слушать им!

Чермный

И то!

(*К прислужницам.*)

Возьмите по корзине, отнесите
Вина и хлеба челяди. Без вас
Мы справимся.

Кондратьевна

Кто ж, батюшка-то, в доме
Останется? Окроме нас двоих,
Все на валу; и бабы наши землю
Таскают, вишь!

Чермный

Не бойтесь, не украдут
Меня без вас. Ступайте!

Прислужницы уходят.

Рогович

О каком
Ты это ходе говорил?

Чермный

В овраг
Свенельдов он, под городской стеною,
Из Спасского ведет монастыря;
Кустарником густым оброс вкруг устья
И неприметен даже днем. А стан их
Стоит к оврагу тылом.

Вышата, Рогович и Жирох

Не слыхали
Про этот ход.

Чермный

Я сам узнал случайно.

Вышата

Его б засыпать лучше. Неравно
Проведают они.

Чермный

Как им проведать?
Искать его нарочно — и тогда
Дня три овраг обшаривать бы надо;
А если б кто случайно и набрел,
То все ж ему пройти неможно в город:
Ключ у меня — вот он!

Жирох

Позволь спросить:
Давно ль тебе тот ход, боярин, ведом?

Чермный

С той осени. А что?

Жирох

Да так; я только
Подумал: жаль, что прежде не сказал ты.

Чермный

Из головы он вышел у меня:
То было до войны.

Жирох

Оно и лучше,
Что ты в свое лишь вспомнил воеводство,
А то Фома, пожалуй, только дело
Испортил бы.

Рогович

Кого ж послать ты хочешь
Разведчиком сей ночью?

Чермный

Сам пойду,
Дождуся только, чтоб темнее стало.

Вышата

Час неровен; пошли другого лучше.

Чермный

Нельзя! Себе могу лишь одному
Довериться.

Рогович

Но вот уж третьи сутки
Ты на ногах; ты отдохнуть бы должен;
Хоть на часок приляг.

Чермный

Избави Бог!
Когда теперь прилягу, то мертвецки

Сейчас засну, а надо до зари
Наверно знать, откуда будет приступ,
Чтоб силы все в ту сторону собрать;
У нас и впрямь осталось мало рати.

Вышата

Сам о себе пойдешь?

Чермный

Нет, одного бы
Товарища взять надо.

(К Васильку.)

Василько!
Что делает твоя сей ночью сотня?

Василько

Наряжены к дозору, государь.

Чермный

Поставь над ней другого; наперед же
Всем сделай перекличку; обойди
Сперва свои притины, а потом
Ко Спасскому ступай монастырю.
Там жди меня. Тебя беру с собой
Ко вражьему я стану.

Василько

Государь,
Воздай Господь тебе за эту честь!

(*Уходит.*)

Чермный

Последнюю теперь, бояре, чару —
И по местам! За Новгород Великий!

Все встают и пьют.

Жирох

За Новгород — и доброго успеха
Тебе, Андрею Юрьевичу! Любо
Смотреть, как все кипит в твоих руках!
Везде ты сам, на все тебя хватает!

Вышата и Рогович

Прости, боярин, — доброго успеха!

Чермный

Простите все — и помните приказ:
Очередной никто чтоб не помыслил
Очей сомкнуть; чтобы глядели в оба,
О каждом бы движении во стане
Сказали мне, как только я вернусь,
Мы на валу увидимся зарею.

Вышата, Рогович и Жирох

Спокоен будь, мы знаем наше дело.

Направляются к двери.

Вышата

(*уходя, к посаднику*)

Ты что же, Глеб Миронович?

Посадник

Идите,

Я догоню вас.

Вышата, Рогович и Жирох уходят.

Посадник

(*проводив их глазами*)

Надо бы Жироха

Сменить.

Чермный

А что?

Посадник

Сдается, ненадежен.

Чермный

Мне самому сдается.

Посадник

Злобы он
Не может скрыть — с Фомою заодно.

Чермный

Переместить его могу я завтра.

Посадник

Перемести; поставь его туда,
Где приступа не будет; ты заметил,
Как он искал, какую б на тебе
Найти вину? Они с Фомой бы рады
Тебя подвесть.

Чермный

Беречься буду их.

Посадник

Еще один совет. Боярин Чермный!
На волоске повисла воля наша.
Тобой одним лишь Новгород стоит:
Когда тебя убьют или захватят —
Вразброд как раз сидение пойдет
И легкая добыча будет князю!
Не забывай, что ты святой Софии
И щит и стяг и что друзья княжие
В самих стенах новогородских ищут
Тебя избыть. В опасность не хоти
Соваться даром.

Чермный

Милостив Господь!
Но не идти в разведку не могу я:
От этого отпор успешный завтра
Зависит наш.

Посадник

Не лучше ль Василька
Отправить одного?

Чермный

Нет. Молод слишком;
Удерживать приходится его;
Мне ж не впервые: суздальцем оденусь
И, от костра переходя к костру,
Узнаю все.

Посадник

Блюди ж тебя Господь!

Чермный

Ты сам куда?

Посадник

Прилягу до рассвета,
А то совсем не чую ног.

Чермный

Прости ж,
Чем свет с тобою свидимся.

Посадник

Блюди
Тебя Господь!

(Уходит.)

Чермный
(один)

Да, надобно Жироха
Переместить. Предвидеть надо все!
Ему с Фомой я как бельмо на око.
Прав старый Глеб! Проклятая дремота;
Вино и то сегодня не бодрит.
Сейчас пойду...

(Задумывается, потом подходит к столу и выпивает чару.)

Что бишь ему сказал я?
Да! Суздальцем оденусь... а Жироха
Перемещу... Не надо позабыть
Переместить Жироха... надо помнить...
Две вещи помнить... Суздальцем одеться...
И что еще? Вот так ко сну и клонит...
Сменить Жироха... Суздальцем одеться...

Сейчас пойду... На миг присяду только...
Сейчас пойду...

(Садится за стол; голова его опускается на руки, он засыпает.)

Две двери медленно отворяются: из одной показывается Наталья, из другой Рагуйло. Разговор их идет шепотом.

Рагуйло

Ну, что ж ты?

Наталья

Не могу...

Рагуйло

Бери же ключ. Отвязывай!

Наталья

Брат, руки
Мои дрожат!..

Рагуйло
(вынимая нож и делая шаг вперед)

Иль мне уж самому?

Наталья

Сейчас, сейчас!

(Подходит осторожно к Чермному и снимает с его пояса ключ.)

Рагуйло

Давай.

Наталья подает ему ключ, падает на колени
и закрывает лицо руками.

Нет, шутишь! Встань!
Остаться с ним тебе не дам — разбудишь.
Пускай он спит! Ты проводи меня —

(*Поднимает ее насильно.*)

Иди со мной!

(*К Чермному.*)

А ты — спокойной ночи!

(*Уходит, уводя с собой сестру.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ДОМ БОЯРИНА ФОМЫ

Ночь. Фома, Жирох и Кривцевич
разговаривают.

Фома

(*ходит по комнате*)

Подземный ход! И этого не знал я!
Как он его проведал?

Жирох

Говорит,
Случайно будто.

Фома

А с которых пор?

Жирох

С той осени; и будто он о нем
Совсем забыл, сегодня только вспомнил!

Фома

Поверю я!

Кривцевич

Хитер! Молчал небось
Да про свое припас про воеводство.

Фома

Хотя б одним деньком мне ране знать!

Кривцевич

Хоть утром бы нам знать, Фома Григорьич,
Успели б князю весточку подать,
Как приступ весть.

Фома

(к Жироху)

И на разведку хочет
Он сам идти?

Жирох

Так нам сказал.

Фома

Один?

Жирох

Нет, с Васильком.

Кривцевич

Кабы на той разведке
Ухлопали его!

Жирох

Не уповаю:
Вернется здрав!

Фома

О чем еще шла речь?

Жирох

Все об одном: откуда князя ждать?
Кто говорит: пойдет на Городище,
Кто — к воротам Баяним. Я пытался

Их с толку сбить, да срезал старый черт!
Я, правда, тож ввернул ему загвоздку:
Его долгами здорово кольнул.

Фома

С ума сошел? Какие тут загвоздки!
Ты должен был поддакивать ему,
Ласкать его, быть мягче шелка с ним,
Кадить ему!

Жирох

Что ж делать — сорвалось,
Не вытерпел. Когда б ты только видел,
Как на меня смотрел он! Вспомнишь — сердце
Так и вскипит!

Фома

А ты его рассудком
Придерживай. Взгляни хоть на меня:
Ко Глебу разве мене сердце злобой
Во мне кипит? А разве волю я
Даю ему? Нет, злобу приглушать
Умею я! Боярыня Мамелфа
Сегодня вот мне говорит про Глеба:
Он то и то! И в Бога-то не верит,
И в церковь-то заказывал ходить,
И даром-то безвинного меня
Оклеветал! Я что ж? Небось помог ей
Чернить его? Нет, я не так-то прост!

Горою встал за Глеба! Он-де мне
Хотя и враг, хоть вправду благочестья
Немного в нем, а все ж его я чту
За то, что он душою не кривит,
По-своему, вишь, Новгород он любит,
Неведеньем меня лишь оскорбил,
И прочее, и прочее! Старуху
Так умилил — чуть-чуть не прослезилась,
А Глеб чрез то и вдвое стал черней!
Вот надо как!

Кривцевич

С тобой кому тягаться,
Фома Григорьич! Бог тебя сподобил,
А мы себе по простоте!

Фома

Вот то-то
По простоте!

(К Жироху.)

Ругал ли ты меня,
Как я тебе наказывал?

Жирох

Ругать-то
Неловко было; за тебя на вече
Ведь я стоял, а я сказал: Фома, мол,
И сам смекнул, что был не прав.

Фома

Не то!
Ругать меня ты должен был; звать бабой,
Звать дураком, звать вором, трусом звать!
Фома, мол, трус! Фома — княжой прихлебник.
Фома, мол, вор! Фома — христопродавец!
Он и меня лукавством обошел!

Жирох

Пересолил бы так, Фома Григорьич,
Заметили б расчет!

Фома

Эх, простота!
Пересолишь, когда щепотку соли
Ты передашь; когда же опрокинешь
Солонку всю, тогда ошеломишь.
Что нужно нам? Чтоб мнили бы они,
Что сторону мою ты бросил. Так ли?
А из чего ты им передался —
Вопроса нет — вестимо, из расчета!
Своим ты их усердьем не обманешь,
Ни у кого святым не прослывешь;
Не чистотой ты в Новгороде ведом,
Так чистого не корчи из себя.
Всяк должен знать, о нем что мыслят люди,
В чем можно их уверить, в чем нельзя.
А с Чермным Глеб тебе лишь в том поверят,
Что ты меня из выгод продаешь.

Так продавай! И чем наглей, тем лучше!
Не очищай — черни меня пред ними,
Черни сплеча.

Жирох

Я думал понемногу
В их мнении отречься от тебя.

Фома

Нет времени нам делать понемногу —
Железо куй, пока красно! У нас
Псков на носу! Мы пень через колоду
Валить должны! Мы Чермного подсечь
Должны теперь, покуда псковичи
Не подошли, и для того теперь же
Нам заодин работать, а наружно
Врозь надо быть.

(К Кривцевичу.)

Так иль не так?

Кривцевич

Фома
Григорьевич! Царь Соломон глаголет
Из уст твоих; придай же нам ума:
Как Чермного подсечь?

Фома

Рыбак, закинув
Свою уду, глядит на поплавок;

А не клюет его наживы щука —
За лодкою волочит он лесу
Иль с берега нахлесткой дразнит рыбу.
Так или так — под промах подведем
Мы Чермного; иль улучу я случай,
Иль сам рожу. Вы ж помните одно:
Наружно врозь, на деле ж тесно вместе;
Что ни скажу, навстречу говорить;
А между тем смекать из полуслова,
Куда я гну, и спорить так, чтоб я
Всегда был прав...

Звон в колокол.

Жирох

Позволь — никак, набат!

Кривцевич

Набат и есть!

Жирох
(*отворяя окно*)

И зарево пожара!

Крики на улице.

Кривцевич

С оружием по улице бегут!
Не ворвались ли суздальцы?

Жирох

Без боя?
Не может быть!

Фома

Пойдемте посмотреть!
Нежданное нам что-то приключилось —
Пригодное, пожалуй, что-нибудь!

Все трое поспешно уходят.

ПЛОЩАДЬ С ЛОБНЫМ МЕСТОМ

Ночь. Зарево пожара. Набат и стук сечи.
Граждане с оружием бегут через сцену.

Крики. Суздальцы! Суздальцы! Измена! Новгород взяли! Режут! Где суздальцы? Бей их!

Пробегают. Из боковой улицы выходит Василько в схватке с Рагуйлом, одетым в кольчугу. Набат умолкает, зарево гаснет.

Василько (*наступая на Рагуйло*). Сдайся! Все твои перебиты!

Рагуйло. Не таковский, чтоб сдаться! Кому Бог поможет!

Дерутся. Рагуйло падает. Из той же улицы выбегают Ставр и Головня.

Ставр. Ай да Василько! Последнего растянул!

Василько. Где наши?

Головня. Пожар гасят.

Радько (*подходя*). Уже погасили. (*Указывает на нескольких людей, выходящих из той же улицы.*) Вот эти нам помогли!

Один из народа. Да что это за притча была? Откуда они взялись?

Другой. Словно с неба упали!

Головня. Из земли словно выросли.

Ставр. Нет, они из монастыря выскочили, как раз когда мы дозором шли.

Василько. Да точно ли все перебиты?

Радько. Всех положили! Немного их и было, человек пятьдесят!

Третий. А поджечь-таки успели!

Ставр. Кабы не наш дозор, они с разных концов подожгли бы: у каждого связка смоленого хворосту была.

Головня. А тем часом и приступ начался бы. Внутри пожар гаси, а снаружи врагов отбивай!

Радько (*к Васильку, указывая на Рагуйло*). Смотри, твой жив еще!

Четвертый. Пришибить его, что ли?

Рагуйло (*приподнимаясь*). Православные... Дайте по-христиански умереть... Отнесите в церковь али попа позовите...

Пятый (*замахиваясь*). Я тебе поп! Благословлю как раз!

Василько (*отталкивая его*). Прочь, зверь! Лежачего не бьют! Спросим его, как они в город вошли? (*К Рагуйлу.*) Эй, молодец!

Ставр. Обмер, должно быть, али уж кончился?

Василько. Нет, жив еще, да говорить не может! Отнесите его в монастырь.

Радько и Головня уносят Рагуйло. Народ шумно собирается на площадь. С одной стороны входит посадник, с другой — Фома с Жирохом и Кривцевичем.

Посадник. Что это было? Что случилось?

Василько. Толпа суздальцев ворвалась, государь. Да уже все перебиты.

Посадник. Ты как здесь? Отчего не с воеводой?

Василько. Я по его указу сделал: после переклички сотню по дорогам разделил, а сам пришел к монастырю дожидаться его. Часа три у ворот стоял, как из них ратники показались; я их окликнул, а они на меня с мечами бросились. Тут наш дозор подошел, и мы вместе перебили их.

Посадник. А воевода? Воевода?

Василько. Не видали его, не приходил.

Фома (*к Жироху и Кривцевичу*). Смекайте! Тут что-нибудь для нас! Ведь это его ходом суздальцы пролезли.

Чермный вбегает с мечом в руке.

Чермный. Не может быть! Не верю! Где они? Где суздальцы?

Голоса. Без тебя справились!

Чермный. Как они вошли? Быть не может!

Радько и Головня, отнесшие Рагуйла, возвращаются.

Радько. Ход подземный в монастыре есть. Мы видели — монахи его заваливают.

Фома. Ход подземный? Который это ход?

Жирох. Да не тот ли, про который воевода вчера говорил? От которого ключ у него?

Чермный хватается за пояс.

Кривцевич. Ловко прикинулся!

Головня. Вот ключ! Он в дверце снутри торчал.

Ропот.

Чермный. Господи — что это? Он у меня на поясе был!

Фома. А теперь в дверце очутился? Гм! Странное дело!

Жирох. Что, странное дело? Уж ты, прости Господи, не держишь ли подозрения на воеводу?

Кривцевич. Ты, чай, зол на него за то, что он на твое место сел?

Жирох. Рад безвинного чернить!

Фома. Что вы, что вы, побойтесь Бога, с чего вы накинулись? Я не черню его, а надо бы

спросить, как с его пояса ключ в дверцу попал и ворогов в город впустил?

Крики. К ответу воеводу! К ответу!

Посадник. Постойте, люди! Разве можно так спрашивать? Подождем утра, соберем вече, воевода Новугороду ответ даст.

Голоса. Дело, дело! Подождем утра, на вече спросим.

Посадник (*к Чермному*). Кто это учинил? На кого ты мыслишь?

Чермный. Ума не приложу!

Посадник. Голову отдам, чтоб вора найти!

Кривцевич. Да зачем же воеводу к ответу ставить. Воевода никому не держит ответа. Это не простой воевода; он и смертную казнь наложил всем, кто не слушает его: какой же на нем ответ?

Крики в народе. Что ж, он князь над нами, что ли? Мы и князей судим, а его и подавно! Говори! Отвечай! — У тебя был ключ? — Кому ключ отдал? — Зачем ворогов впустил? — К ответу! К ответу!

Посадник. Молчите, смерды! Воевода одному вечу повинен!

Крики. Так соберем вече! Чего тут ждать! Бегите на колокольню! — Ударьте в колокол! — Вече! Вече!

Крики и возрастающее смятение. Рассветает.

Фома (*к Кривцевичу*). На ловцов зверь набежал! Станем вразбивку, чтоб не сказали: стачка! И держать ухо востро!

Расходятся.

Удар в колокол. Площадь наполняется все боле.
Впереди черного народа становятся бояре и огнищане.
Каждая улица под своим стягом. Колокол умолкает.
Посадник всходит на лобное место.
Молчание.

Посадник. Государь Великий Новгород! Повелите ли вечу быть?

Общий крик. Вече! Вече! Вече!

Посадник

Великий Новгород! Открыто вече!
Горсть суздальцев сей ночью ворвалась
Чрез тайный ход подземный, от него же
У воеводы Чермного был ключ.
Тот ход уже завален, и враги
Побиты все. А кто у воеводы
Похитил ключ — не ведаем. Велите ль
Ему ответ держать?

Крики

Пусть говорит!

Посадник

Кому вести прикажете допрос?
По грамотам держал по Ярославлим

Доселе князь в Новегороде суд;
В бескняжие ж и в смутные годины
Всегда судил посадник.

Крики

И теперь
По старице! По пошлине! Посадник,
Допрашивай!

Жирох

Кому же, государи,
Как не ему? И кто же лучше Глеба
Мироныча очистит воеводу?
Ему он друг; его ж на воеводство
Он посадил.

Кривцевич

Так как же правду мы
Через него узнаем? Он не может
Допрашивать — он будет выручать!

Крики

Нельзя ему! Нельзя! Фома пусть будет
Допрашивать!

Фома

Увольте, государи!
Когда посадник Чермному есть друг —
Я не таюсь: ему я другом не был;

Я говорил, что молод слишком он
И доверять нельзя ему сиденье.
Коль он себя, не дай Бог, не очистит,
Подумают, пожалуй, на меня:
Нарочно-де я недруга запутал.
Кривцевичу вы лучше прикажите —
Он сторона!

Посадник

Придумал бы хитрее!
С Кривцевичем вы словно два перста.
Он или ты — едино! Государь
Великий Новгород! Коли не мне —
Вышате прикажите — этот чист!

Общий крик

Вышате! Да! Вышате весть допрос!
Сойди долой, а Чермный стань к ответу!

Посадник сходит со ступеней. Чермный всходит.

Вышата

Боярин Чермный! Новгород знать хочет:
Как суздальцы сей ночию вошли
Чрез тайный ход, от коего был ключ
В твоих руках?

Чермный

Как свят Господь, не знаю!

Вышата

Кого-нибудь подозреваешь ты?

Чермный

Нет — никого!

Вышата

Чрез этот самый ход
Вчера идти хотел ты на разведку —
Ходил ли ты?

Чермный

Нет.

Вышата

Отчего?

Чермный

Судите,
Как знаете, меня! Не помню сам,
Что сделалось со мной, когда ушли вы;
Стыд вечный мне! Один на лавке сидя,
Забылся я — забылся и заснул,
Очнулся лишь, когда набат услышал!

Сильный ропот.

Вышата

И не нашел на поясе ключа?..

Чермный

Я, не глядя, бежать сюда пустился —
Лишь здесь увидел, что с меня он снят.

Вышата

С кем виделся по нашем ты уходе?

Чермный

Ни с кем.

Вышата

Кто был из челяди в дому?

Чермный

Никто. При вас я отослал прислужниц,
А прочие с утра ушли на вал.

Вышата

Боярин Чермный, дома ли Наталья
Твоя была, когда ты нам тот ключ
Показывал?

Чермный

Нет. К тетке ночевать
Пред тем ушла. Посадник слышал, как
Я сам ее отправил.

Посадник

Слышал, точно, —
Но вправду ли она ушла — Бог весть!
Никто ее не видел.

Голос

Видел я!

Вышата

Кто говорит? Коль послух — выступай!

Выходит из толпы мечник.

Поведай все, что знаешь о Наталье!

Мечник

От смены я во Спасский монастырь
Вчера пришел ко всенощной. Там, вижу,
Стоит она меж нищих, горько плачет
И молится. И говорю я ей:
«О чем ты, горемычная душа,
Так горько плачешь?» — «К тетке, говорит,
Иду к больной, путем же помолиться
Сюда зашла».

Фома

Ну, значит, не Наталья!

Вышата

Кого другого не было ль в дому?

Чермный

Я был один.

Фома

Один, в пустых покоях,
На поясе с ключом! Ключ, стало, сам
С него снялся и отпер супостату
Тот самый ход, о коем ни душа,
Опричь его, не ведала!

Возрастающий ропот.

Жирох

Постой,
Не радуйся, Фома Григорьич! Было
Нас пятеро вчера у воеводы;
Нам пятерым показывал он ключ.
Когда судить доводится измену,
В допросе нет обиды никому,
Пусть спросят нас: все ль вместе мы ушли
Иль с Чермным кто последний оставался?

Посадник

Последний я остался. Что ж с того?

Жирох

Гм! Ничего! Я только так!

Крики

На Глеба
Он говорит! Каменьями его!
Вор! Клеветник!

Посадник

Оставьте, государи!
Я не из тех, до коих клевета
Могла б достичь!

Фома

Еще б! Иль мы не знаем
Посадника? На Чермном на одном
Лежит ответ!

Кривцевич

Тогда изменник Чермный!

Крики

Изменник он! Изменник! Смерть ему!

Посадник

В уме ли вы? Когда б он замышлял
Нам изменить, не стал бы нам он ключ
Показывать. Он не сказал бы нам
О ходе том.

К р и в ц е в и ч

Зачем о нем он прежде
Нам не сказал? Он знал его давно.

В ы ш а т а

Боярин Чермный, отвечай на это!

Ч е р м н ы й

Что вам ответить! Летом, на охоте,
Я на него набрел случайно; было
То до войны; не показался важным
Он мне тогда — и я о нем забыл.

К р и в ц е в и ч

В свое ж опять припомнил воеводство?

Ч е р м н ы й

Когда ответ я принял на себя,
К сиденью все пригодное мне ясно
Представилось.

Ф о м а

Свидетельствуюсь Богом,
Когда бы я об этом ходе знал —
Все, что враги на нас ни замышляли б,
Я б ведал все! Мне б не было нужды
Со князем мир для нашего спасенья
Советовать.

Жирох

Вишь, хвастается чем!
Да разве сам не собирался Чермный
Сей ночью на разведку?

Кривцевич

И заснул!
И кстати ж сон напал на воеводу:
Как раз когда все из дому ушли!
И кстати вор нашелся в самый миг,
Как он заснул! И кто же этот вор?
Как он о том о потаенном ходе
Проведать мог, когда никто из нас
О нем не знал? И как он догадался,
Что самый ключ на поясе висит
У воеводы? Новгород Великий!
Боярина Фому вы отрешили
За то, что мира с князем он хотел, —
Что ж Чермному вы за его измену
Положите?

Взрыв криков

Смерть за измену! Смерть!

Посадник
(*всходит на ступени*)

По грамотам! По пошлине! Во имя
Святой Софии! Дайте, государи,
Посаднику к вам слово молвить!

Говор

Тише!
Глеб говорит! Молчите! Слушать Глеба!

Посадник

Великий Новгород! Нельзя казнить
Без обыска! Нам надо сделать обыск,
Его домашних надо допросить.
Вор сыщется! Как вору не сыскаться?
За Чермного ж я головой стою.
Я за него ручаюсь честью! Я,
Посадник Глеб! Коль смените его —
Все пропадет! Один он держит город,
Лишь одному ему послушна рать!
Лишь им одним — лишь им свобода наша
Теперь жива!

Один из народа

Вишь, голос как трясется
У старика!

Другой

Слеза по бороде
Скатилася! Диковина! Никто
Не видывал, чтоб плакал старый Глеб!

Посадник

Хоть на два дня оставьте воеводство
Вы Чермному! Хоть до прихода Пскова!

Когда ж дотоль мы вора не найдем —
Казните нас обоих!

Кривцевич

А меж тем
Он нас продаст? Какой еще тут обыск?
Окончен суд!

Фома

(*тихо к Жироху, который к нему неприметно подошел*)

Шепни скорее нашим,
Чтоб за меня кричали!

Кривцевич

Пусть он вора
Нам назовет — не то на казнь его!

Крики

Пусть назовет! Пусть назовет! Не то
Смерть Чермному!

Крики с другой стороны

Фому на воеводство!
Фому! Фому! Хотим Фому опять!

Крики с разных сторон

Живет Фома! Фому на воеводство!

П о с а д н и к

Дозвольте слово, Новгород Великий,
Последнее!

К р и к и

Ну, что еще? Скажи!

П о с а д н и к

Я Господом Спасителем Христом
Молю того, кто ключ у воеводы
Уворовал. — святой молю Софией —
И собственной души его спасеньем
Его молю — и страхом вечных мук
Грожу ему — пусть сам он назовется!

Молчание.

К р и в ц е в и ч

Не так-то прост, чай, воевода Чермный,
Сам на себя не скажет!

К р и к и

Смерть ему!

Смятение и шум. Черный народ протесняется сквозь бояр.

О д и н и з н а р о д а

Что долго с ним чиниться? В Волхов пса!

Другой

(*стаскивает Чермного со ступеней*)

Веревку, братцы! И на шею камень!

Третий

Во двор к нему! Разграбим дом его!

Крики

Живет Фома! Фому на воеводство!

Фома

(*торжествуя, к посаднику*)

Что, взял теперь? Мой город!

Посадник

Нет еще!

(*К толпе.*)

Вам нужен вор? Вы вора знать хотите!
Добро ж! Так я вам вора назову!

Общие крики

Кто? Назови! Скажи, кто вор?

Посадник

Я вор!

Молчание. Потом продолжительный ропот.

Жирох

Так вот оно! Ведь говорил же я!
Ведь изо всех вчера последний с Чермным
Остался он.

Фома
(*тихо к Жироху*)

Молчи! Его сгубить —
То Чермного очистить! Город этак
В его руках останется!

(*К толпе.*)

Вы, вящие, и вы, простые люди!
Ужели вы поверите ему?
Вы видите, он на себя клевещет.
Изменником ужели может быть
Посадник Глеб?

Ропот.

Отдельные голоса

Нет, нет! То быть не может!
Не верим! Нет!

Вышата
(*к посаднику*)

Что взводишь, Глеб Мироныч,
Ты на себя? Никто из нас тебе
Не хочет в том, не может веры дать!

Посадник

С которых пор мне Новгород не верит?

Чермный

Боярин Глеб, не дам тебе губиться,
Твою я правду докажу!

Посадник
(*тихо*)

Не смей!
Не за тебя, за Новгород гублюсь!

(*К собранию.*)

Великий Новгород! Я — Глеб Мироныч —
У сонного вчера у воеводы
Ключ отвязал от пояса.

Чермный

Неправда!
Лишь по его уходе я заснул.

Посадник

А разве я не мог вернуться?

Василько

Люди!
Бояре! Братцы! Не дадим ему
Себя сгубить! Кричите, что неправда!

Крики

Неправда! Нет! Не верим!

Жирох

Почему же,
Коль Чермный мог, посаднику не мочь?

Фома
(*тихо к Жироху*)

Не то! Не то! Ты только портишь дело!
Молчи совсем иль говори за мной.

Жирох

Нет, уж позволь мне в петлю супостату
Влезть пособить! Долг платежом красен!

Фома

Да ты с ума никак сошел? Нам надо
Так говорить, чтоб воеводство вновь
Досталось мне. Ты Чермного — не Глеба
Должон винить.

Жирох

С тобою спорить мне
Ты сам велел — так не мешай!

Фома

Иуда!
Ты выручаешь Чермного!

Жирох

Зато уж
Мироныча я выручить не дам!

Фома

Злодей! Дай срок, с тобою мы сочтемся!
Бояре! Земцы! Гридни! Огнищане!
Ужели тот, чья доблесть, правда, честь —
Всем ведомы, на ком никто не мог бы
Ни пятнышка единого найти. —
Ужели бы тот самый человек
Мог Новгород продать?

Жирох

Еще б не мог,
Коль дорого ему за это дали.

Фома

Типун тебе на лживый твой язык!
На свой погон посадника ты меришь!

Жирох

А что ж? С тобой высчитывали мы
Его долги: довольно есть на нем.
Неужто ж он продешевил Софию?
Нет, он не глуп! Ему досталось, чем
И новгородцам и любчанам все
Отдать сполна.

Вышата

Боярин Глеб! Зачем бы
Ты продал нас?

Посадник

Жирох уж вам сказал:
Чтоб заплатить долги.

Вышата

Тогда зачем бы
Ты признавался в том теперь?

Посадник

Затем,
Что с князем торг не удался — придется
Мне в кабалу идти; так пусть один
Я пропаду, безвинного ж очищу.

Фома

Нет, в этом нас ты не уверишь! Нет,
Боярин Глеб! Из нас бы кто охотно
Твоих долгов не заплатил? Не нужно
Тебе от князя было брать. Нет, нет!
Я сам моих достатков половину
Тебе бы с радостию дал. Тяжеле,
Я чай, врагу продаться, чем услугу
От своего в беде принять.

Посадник

От черта
Скорее бы услугу принял я,
Чем от мерзящей гадины такой,
От гнусного такого подлеца,
Продажного предателя и вора,
Каков есть ты!

Жирох

Вы слышите его?
Вы слышите? Воистину, к лицу
Ему еще предателем ругаться!

Говор между боярами

— Чрез меру горд! — Таков он был всегда!
— А совесть в нем таки заговорила!
— Сам назвался! — Что вы, побойтесь Бога,
Он чист как день! Не он, не он нас продал!
— Не может быть! — А почему ж и нет?
— Долги кого на грех не наводили?
— Да черт не шутит!

Чермный

Новгород Великий!
Когда вы мне не верите, когда
Вы вашими не видите глазами,
Что на себя наклеп посадник держит —
Велите крест ему поцеловать
В своих словах.

Кривцевич

Ну, что ж, и поцелует!
Что крест ему? Чтоб выручить тебя,
Побочного, что ль, сына своего,
Не морщася, он поцелует крест.
Известно нам, не верует он в Бога!
Вчера еще боярыне Мамелфе
Он говорил...

Один из бояр

То правда — от нее
Я слышал сам.

Другой

Я также.

Третий

Тож и я!

Один из народа

Слышь, братцы! Глеб не верит в Бога!

Другой

Стало,
Изменщик он?

Третий

Изменщик, стало быть!

Четвертый

Так, значит, нам не Чермного, а Глеба
Теперь топить?

Пятый

А то кого ж еще?
Хватай его — иди!

Четвертый

Ступай ты прежде,
Я за тобой!

Пятый

Что ж ты? Небось полез
На Чермного?

Четвертый

То Чермный был, а этот,
Вишь, как глядит.

Пятый

Так кинемся все вместе!
Ребята! Глеб не верит в Бога! Глеб
У воеводы ключ стащил! Низовым
За деньги продал Новгород! Пойдем
Его топить!

Крики

Да! В Волхов, в Волхов Глеба!
Топить его! А после грабить дом!
Ну, навались!

Народ бросается к лобному месту;
бояре его оттесняют.

Крики в глубине площади

Свет Глеб Мироныч!
Небось! Тебя в обиду не дадим!
Твои мы уличане! За тебя
Одни на целый Новгород полезем!
Отец ты наш!

Жирох

Гоните этих прочь!
То уличане подошли его,
Редятинцы, которых он кормил;
То улица одна кричит, а мы
Все говорим: он вор!

Народ вторично напирает.

Вышата

Назад! Не вам, а вечу
Его судить.

Жирох

Так что ж не судит вече?
Грех налицо! Умора, право. Он

Сам говорит: я вор. Они ж ему:
Не верим да не верим. Если б я
То на себя сказал, небось ведь мне бы
Поверили.

Один из бояр
(*подходит из глубины сцены*)

Не удержать нам черных.
Вот так и прут. Хотят суда над Глебом.
Сбивают с ног. Пойдем на голоса.

Другой

Начнемте суд, тогда они уймутся.
По улицам, бояре, по концам.

Третий

На голоса.

Четвертый

На голоса.

Разделяются на кучи. Шум утихает.
Чермный и Василько ходят от одного стяга к другому
и увещают каждый. То же делает и Жирох.

Говор в разных кучах

За это
Один ответ. — Когда он продал нас,
Так смерть ему. — Сам никого на свете
Он не жалел. — В падежный год меня

В пух разорил! Гурты остановил
За Волховом; скот даром передох! —
С меня три виры взял! — Меня два раза
Послал в тюрьму! — А сборы-то как
правил? —
В срок не отдашь — опишет животы!
Нет, жалости в нем не было!

Чермный
(в одном конце площади)

Бояре!
За волю он себя не пожалел,
Чужой взял грех, чтоб не достался город
Изменникам!

Василько
(в другом конце)

Коль обелить его
Не сможем мы — бегите поскорей
За гридьбою!

Говор

Одно из двух: иль вор —
Иль Чермного он ложно очищает!
— Посадником его уже нам доле
Не след держать! Напрасно на себя
Показывать никто не станет! — Он же
Не верит в Бога! — От такого ждать
Чего нельзя? — Безбожник, так и вор!

— А коль не вор, то все же нам досадчик!
— Досадчик всем! — Пора его долой!
— Давно пора! — Пусть он и чист, пожалуй,
Да нам он не угоден! — Благо, случай
Сам подает! Не мы его черним,
Не наш и грех-то будет!

Чермный
(*подходит к посаднику*)

Еще пора — мы все поправить можем, —
Скажи им, что не ты.

Посадник

Иди на вал,
Новогородский воевода! Приступ
В сей самый миг, быть может, не далек.

Чермный

Послушай нас...

Посадник

О Новгороде думай,
Не обо мне.

Чермный

Боярин Глеб Мироныч,
Молю тебя!..

Посадник

Ну, что же, государи?
Я все сказал — кончайте приговор!

Волнение. Из среды бояр выступает Вышата
и подходит к лобному месту.

Вышата

Боярин Глеб Мироныч, тяжело
Мне говорить и больно...

Посадник

К делу!
Обиняков не нужно! Говори,
Как велено тебе от веча!

Вышата

Бывший
Посадник Глеб! На явную измену,
В которой ты сейчас сознался сам, —
Кладется смерть. Но Новгород Великий,
Прошедшие твои заслуги помня,
Тебя от казни милует и только
Из города и волости своей
По жизнь тебе указывает путь.
С закатом солнца Новгород оставить
Сегодня ж должен ты.

Чермный

Не признаю
Такого приговора! Я со гридьбой
Его заставлю отменить!

Посадник

Не смей!
Свят приговор! Чти вечевое слово,
Как Божие!

Чермный

Не чту неправды я!
Гей, Василько! Беги скорей с своими —
Зовите рать!

Гридень
(*вбегает*)

Где воевода Чермный?
Враги идут на приступ с двух сторон!

Посадник

Ты слышишь? Прочь! Твое в раскатах место!

Чермный

Иду — но правду покажу твою —
Иль в Божью правду верить перестану!
За мной, на вал!

(*Уходит.*)

Посадник
(*с поклоном*)

Я Новгород Великий
Благодарю за милостивый суд!

(*Сходит с лобного места.*)

Толпа перед ним раздается. Занавес опускается.

1870—1871 гг.

122. ПОРТРЕТ

Повесть в стихах

1

Воспоминаний рой, как мошек туча,
Вокруг меня снует с недавних пор.
Из их толпы, цветистой и летучей,
Составить мог бы целый я обзор,
Но приведу пока один лишь случай;
Рассудку он имел наперекор
На жизнь мою немалое влиянье —
Так пусть другим послужит в назиданье...

2

Известно, нет событий без следа:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностям доселе никогда,
Ни нациям с рук даром не сходило.
Тому теперь, — но вычислять года
Я не горазд — я думаю, мне было
Одиннадцать или двенадцать лет —
С тех пор успел перемениться свет.

3

Подумать можно: протекло лет со сто,
Так повернулось старое вверх дном;
А в сущности, все совершилось просто,

Так просто, что — но дело не о том!
У самого Аничковского моста
Большой тогда мы занимали дом:
Он был — никто не усумнится в этом —
Как прочие, окрашен желтым цветом.

4

Заметил я, что желтый этот цвет
Особенно льстит сердцу патриота;
Обмазать вохрой дом иль лазарет
Неодолима русского охота;
Начальство также в этом с давних лет
Благонамеренное видит что-то,
И вохрятся в губерниях сплеча
Палаты, храм, острог и каланча.

5

Ревенный цвет и линия прямая —
Вот идеал изящества для нас.
Наследники Батыя и Мамая,
Командовать мы приучили глаз
И, площади за степи принимая,
Хотим глядеть из Тулы в Арзамас.
Прекрасное искать мы любим в пошлом —
Не так о том судили в веке прошлом.

6

В своем дому любил аристократ
Капризные изгибы и уступы,
Убра́нный медальонами фасад,
С гирляндами колонн ненужных купы,
На крыше ваз или амуров ряд,
На воротах причудливые группы.
Перенимать с недавних стали пор
У дедов мы весь этот милый вздор.

7

В мои ж года хорошим было тоном
Казарменному вкусу подражать,
И четырем или восьми колоннам
Вменялось в долг шеренгою торчать
Под неизбежным греческим фронтоном.
Во Франции такую благодать
Завел, в свой век воинственных плебеев,
Наполеон, в России ж — Аракчеев.

8

Таков и наш фасад был; но внутри
Характер свой прошедшего столетья
Дом сохранил. Покоя два иль три
Могли б восторга вызвать междометье
У знатока. Из бронзы фонари
В сенях висели, и любил смотреть я,

Хоть был тогда в искусстве не толков,
На лепку стен и форму потолков.

9

Родителей своих я видел мало;
Отец был занят; братьев и сестер
Я не знавал; мать много выезжала;
Ворчали вечно тетки; с ранних пор
Привык один бродить я в зал из зала
И населять мечтами их простор.
Так подвиги, достойные романа,
Воображать себе я начал рано.

10

Действительность, напротив, мне была
От малых лет несносна и противна;
Жизнь, как она вокруг меня текла,
Все в той же прозе движась беспрерывно,
Все, что зовут серьезные дела, —
Я ненавидел с детства инстинктивно.
Не говорю, чтоб в этом был я прав,
Но, видно, так уж мой сложился нрав.

11

Цветы у нас стояли в разных залах:
Желтофиолей много золотых
И много гиацинтов, синих, алых,

И палевых, и бледно-голубых;
И я, миров искатель небывалых,
Любил вникать в благоуханье их,
И в каждом запах индивидуальный
Мне музыкой как будто веял дальной.

12

В иные ж дни, прервав мечтаний сон,
Случалось мне очнуться, в удивленьи,
С цветком в руке. Как мной был сорван он —
Не помнил я; но в чудные виденья
Был запахом его я погружен.
Так превращало мне воображенье
В волшебный мир наш скучный старый дом —
А жизнь меж тем шла прежним чередом.

13

Предметы те ж, зимою, как и летом,
Реальный мир являл моим глазам:
Учителя ходили по билетам
Все те ж ко мне; порхал по четвергам
Танцмейстер, весь пропитанный балетом,
Со скрипкою пискливой, и мне сам
Мой гувернер в назначенные сроки
Преподавал латинские уроки.

14

Он немец был от головы до ног,
Учен, серьезен, очень аккуратен,
Всегда к себе неумолимо строг
И не терпел на мне чернильных пятен.
Но, признаюсь, его глубокий слог
Был для меня отчасти непонятен,
Особенно когда он объяснял,
Что разуметь под словом «идеал».

15

Любезен был ему Страбон и Плиний,
Горация он знал до тошноты
И, что у нас так редко видишь ныне,
Высоко чтил художества цветы,
Причем закон волнообразных линий
Мне поставлял условьем красоты;
А чтоб система не пропала праздно,
Он сам и ел и пил волнообразно.

16

Достоинством проникнутый всегда,
Он формою был много озабочен.
«Das Formlose* — о, это есть беда!»
Он повторял и обижался очень,

* Отсутствие формы (*нем.*). — *Ред.*

Когда себе кто не давал труда
Иль не умел в формальностях быть точен;
А красоты классической печать
Наглядно мне давал он изучать.

17

Он говорил: «Смотрите, для примера
Я несколько приму античных поз:
Вот так стоит Милосская Венера;
Так очертанье Вакха создалось;
Вот этак Зевс описан у Гомера;
Вот понят как Праксителем Эрос,
А вот теперь я Аполлоном стану», —
И походил тогда на обезьяну.

18

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
Что вряд ли мог я этим быть доволен,
Тем более что чувством красоты
Я от природы не был обездолен;
Но у кого все средства отняты,
Тот слышит звон, не видя колоколен;
А сло́ва я хотя не понимал,
Но чуялся иной мне «идеал».

19

И я душой искал его пытливо —
Но что найти вокруг себя я мог?
Старухи тетки не были красивы,
Величествен мой не был педагог —
И потому, мне кажется, не диво,
Что типами их лиц я пренебрег,
И на одной из стен большого зала
Тип красоты мечта моя сыскала.

20

То молодой был женщины портрет,
В грацьозной позе. Несколько поблёк он,
Иль, может быть, показывал так свет
Сквозь кружевные занавесы окон.
Грудь украшал ей розовый букет,
Напудренный на плечи падал локон,
И, полный роз, передник из тафты
За кончики несли ее персты.

21

Иные скажут: «Живопись упадка!
Условная, пустая красота!»
Быть может, так; но каждая в ней складка
Мне нравилась, а тонкая черта
Мой юный ум дразнила как загадка.
Казалось мне: лукавые уста,

Назло глазам, исполненным печали,
Свои края чуть-чуть приподымали.

22

И странно то, что было в каждый час
В ее лице иное выраженье;
Таких оттенков множество не раз
Подсматривал в один и тот же день я:
Менялся цвет неуловимый глаз,
Менялось уст неясное значенье,
И выражал поочередно взор:
Кокетство, ласку, просьбу иль укор.

23

Ее судьбы не знаю я поныне:
Была ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотине?
Иль, в Питере блестящем рождена,
При матушке цвела Екатерине,
Играла в ломбр, приветна и умна,
И средь огней потемкинского бала
Как солнце всех красою побеждала?

24

Об этом я не спрашивал тогда
И важную на то имел причину:
Преодолеть я тайного стыда

Никак не мог — теперь его откину;
Могу, увы, признаться без труда,
Что по уши влюбился я в картину,
Так, что страдала несколько латынь;
Уж кто влюблен, тот мудрость лучше кинь!

25

Наставник мой был мною недоволен,
Его чело стал омрачать туман;
Он говорил, что я ничем не болен,
Что это лень и что «wer will, der kann!».*
На этот счет он был многоглаголен
И повторял, что нам рассудок дан,
Дабы собой мы все владели боле
И управлять учились нашей волей.

26

Был, кажется, поклонник Канта он,
Но в этот раз забыл его ученье,
Что «Ding an sich»,** лишь только воплощен,
Лишается свободного хотенья;
Я ж скоро был к той вере приведен,
Что наша воля плод предназначенья,
Зане я тщетно, сколько ни потел,
Хотел хотеть иное, чем хотел.

* Кто хочет, тот сможет! (*нем.*). — *Ред.*

** Вещь в себе (*нем.*). — *Ред.*

27

В грамматике, наместо скучных правил,
Мне виделся все тот же милый лик;
Без счету мне нули наставник ставил —
Их получать я наконец привык,
Прилежностью себя я не прославил
И лишь поздней добился и постиг,
В чем состоят спряжения красóты.
О, классицизм, даешься нелегко ты!

28

Все ж из меня не вышел реалист —
Да извинит мне Стасюлевич это!
Недаром свой мне посвящала свист
Уж не одна реальная газета.
Я ж незлобив: пусть виноградный лист
Прикроет им небрежность туалета,
И пусть Зевес, чья сила велика,
Их русского сподобит языка!

29

Да, классик я — но до известной меры:
Я б не хотел, чтоб почерком пера
Присуждены все были землемеры,
Механики, купцы, кондуктора
Вергилия долбить или Гомера —
Избави Бог! Не та теперь пора!

Для разных нужд и выгод матерьяльных
Желаю нам поболе школ реальных.

30

Но я скажу: не паровозов дым
И не реторты двинут просвещенье:
Свою к нему способность изощрим
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья;
И мне сдается: прав мой омоним,
Что классицизму дал он предпочтенье,
Которого так прочно тяжкий плуг
Взрывает новь под семена наук.

31

Все дело в мере... Впрочем, от предмета
Отвлекся я — вернусь к нему опять:
Те колебанья в линиях портрета
Потребностью мне стало изучать.
Ребячество, конечно, было это,
Но всякий вечер я, ложася спать,
Все думал: как по миновањи ночи
Мой встретят взор изменчивые очи!

32

Меня влекла их странная краса,
Как путника студеный ключ в пустыне.
Вставал я в семь, а ровно в два часа,

Отдав сполна дань скуке и латыне,
Благословлял усердно небеса.
Обедали в то время в половине
Четвертого. В час этот, в январе,
Уж сумерки бывают на дворе.

33

И всякий день, собрав мои тетради,
Умывши руки, пыль с воротничка
Смахнув платком, вихры свои пригладя
И совершив два или три прыжка,
Я шел к портрету наблюдений ради;
Само собой, я шел исподтишка,
Как будто вовсе не было мне дела,
Как на меня красавица глядела.

34

Тогда пустой почти был темен зал,
Но беглый свет горящего камина
На потолке расписанном дрожал
И на стене, где виделась картина;
Ручной орган на улице играл;
То, кажется, Моца́рта каватина
Всегда в ту пору пела свой мотив,
И слушал я, взор в живопись вперив.

35

Мне чудилось в тех звуках толкованье
И тайный ключ к загадочным чертам;
Росло души неясное желанье,
Со счастьем грусть мешалась пополам;
То юности платил, должно быть, дань я;
Чего хотел, не понимал я сам,
Но что-то вслух уста мои шептали,
Пока меня к столу не призывали.

36

И, впечатленья дум моих храня,
Я нехотя глотал тарелку супа;
С усмешкой все глядели на меня,
Мое лицо, должно быть, было глупо.
Застенчивей стал день я ото дня,
Смотрел на всех рассеянно и тупо
И на себя родителей упрек
Не раз своей неловкостью навлек.

37

Но было мне страшней всего на свете,
Чтоб из больших случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумал о портрете
Иль, хоть слегка, при мне упомянуть.
От мысли той (смешны бывают дети!)
Уж я краснел, моя сжималась грудь,

И казни б я подвергся уголовной,
Чтоб не открыть любви моей греховной.

38

Мне памятно еще до этих пор,
Какие я выдумывал уловки,
Чтоб изменить искусно разговор,
Когда предметы делались неловки;
А прошлый век, Екатеринин двор,
Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки
И даже сам Державин, автор од,
Уж издали меня бросали в пот.

39

Читатель мой, скажи, ты был ли молод?
Не всякому известен сей недуг.
Пора, когда любви нас мучит голод,
Для многих есть не более как звук;
Нам на Руси любить мешает холод,
И, сверх того, за службой недосуг:
Немногие у нас родятся наги —
Больша́я часть в мундире и при шпаге.

40

Но если, свет увидя между нас,
Ты редкое являешь исключенье
И не совсем огонь в тебе погас

Тех дней, когда нам новы впечатленья,
Быть может, ты поймешь, как
в первый раз
Он озарил мое уединенье,
Как с каждым днем он разгорался вновь
И как свою лелеял я любовь.

41

Была пора то дерзостных догадок,
Когда кипит вопросами наш ум;
Когда для нас мучителен и сладок
Бывает платья шелкового шум;
Когда души смущенной беспорядок
Нам не дает смирить прибоя дум
И, без руля волнами их несомы,
Мы взором ищем берег незнакомый.

42

О, чудное мерцанье тех времен,
Где мы себя еще не понимаем!
О, дни, когда, раскрывши лексикон,
Мы от иного слова замираем!
О, трепет чувств, случайностью рожден,
Душистый цвет, плодом незаменяем,
Тревожной жизни первая веха́:
Бред чистоты с предвкусием греха!

43

Внимал его я голосу послушно,
Как лепетанью веющего сна...
В среде сухой, придирчивой и душной
Мне стало вдруг казаться, что *она*
К моей любви не вовсе равнодушна
И без насмешки смотрит с полотна;
И вскоре я в том новом выраженьи
Участие прочел и ободренье.

44

Мне взор ее, казалось, говорил:
«Не унывай, крепись, настало время —
У нас с тобой теперь довольно сил,
Чтоб наших пут обоим скинуть бремя;
Меня к холсту художник пригвоздил,
Ты ж за ребенка почитаем всеми,
Тебя гнетут — но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой;

45

Тебе дано мне оказать услугу,
Пойми меня — на помощь я зову!
Хочу тебе довериться, как другу:
Я не портрет, я мыслю и живу!
В своих ты снах искал во мне подругу —
Ее найти ты можешь наяву!

Меня добыть тебе не трудно с бою —
Лишь доверши начатое тобою!»

46

Два целых дня ходил я как в чаду
И спрашивал себя в недоуменьи:
«Как средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и уменье?»
Так иногда лежащего в бреду
Задачи темной мучит разрешенье.
Я повторял: «Спасу ее — но как?
О, если б дать она могла мне знак!»

47

И в сумерки, в тот самый час заветный,
Когда шарманка пела под окном,
Я в зал пустой прокрался неприметно,
Чтобы мечтать о подвиге моем.
Но голову ломал себе я тщетно
И был готов ударить в стену лбом,
Как юного воображенья сила
Нежданно мне задачу разрешила:

48

При отблеске каминного огня
Картина как-то задрожала в раме,
Сперва взглянула словно на меня

Молящими и влажными глазами,
Потом, ресницы медленно склоня,
Свой взор на шкаф с узорными часами
Направила. Взор говорил: «Смотри!»
Часы тогда показывали три.

49

Я понял все. Средь шума дня не смела
Одеться в плоть и кровь ее краса,
Но ночью — о, тогда другое дело!
В ночной тени возможны чудеса!
И на часы затем она глядела,
Чтоб этой ночью, ровно в три часа,
Когда весь дом покоится в молчаньи,
Я к ней пришел на тайное свиданье.

50

Да, это так, сомнений боле нет!
Моей любви могущество без грани!
Коль захочу, я вызову на свет,
Что так давно мне видится в тумане!
Но только ночью оживет портрет —
Как я о том не догадался ране?!
И сладостно и жутко стало мне,
И бегали мурашки по спине.

51

Остаток дня провел я благонравно.
Приготовлял глаголы не тужа,
Долбил предлоги и зубрил исправно,
Какого каждый просит падежа;
Когда ходил, ступал легко и плавно,
Расположеньем старших дорожа,
И вообще старался в этот день я
Не возбудить чем-либо подозренья.

52

Сидели гости вечером у нас,
Я должен был, по принятой системе,
Быть налицо. Прескучная велась
Меж них беседа, и меня, как бремя,
Она гнела. Настал насилу час
Идти мне спать. Простившися со всеми,
Я радостно отправился домой —
Мой педагог последовал за мной.

53

Я тотчас лег и, будто утомленный,
Закрыл глаза, но долго он ходил
Пред зеркалом, наморща лоб ученый,
И свой вакштаф торжественно курил;
Но наконец снял фрак и панталоны,
В постелю влез и свечку погасил.

Должно быть, он заснул довольно сладко,
Меня ж трясла и била лихорадка.

54

Но время шло, и вот гостям пора
Настала разъезжаться. Понял это
Я из того, что стали кучера
Возиться у подъезда; струйки света
На потолке забегали; с двора
Последняя отъехала карета,
И в доме стихло все. Свиданья ж срок —
Читатель помнит — был еще далек.

55

Теперь я должен — но не знаю, право,
Как оправдать себя во мненьи дам?
На их участье потерял я право,
На милость их судьбу свою отдам!
Да, добрая моя страдает слава:
Как вышло то — не понимаю сам,
Но, в ожиданьи сладостного срока,
Я вдруг заснул постыдно и глубоко...

56

Что видел я в том недостойном сне,
Моя лишь смутно память сохранила,
Но что ж могло иное сниться мне,

Как не она, кем сердце полно было?
Уставшая скучать на полотне,
Она меня забвением корила,
И стала совесть так моя тяжка,
Что я проснулся, словно от толчка.

57

В раскаяньи, в испуге и в смятеньи,
Рукой неверной спичку я зажег:
Предметов вдруг зашевелились тени,
Но, к счастью, спал мой крепко педагог;
Я в радостном увидел удивленьи,
Что не прошел назначенный мне срок:
До трех часов — оно, конечно, мало —
Пяти минут еще недоставало.

58

И поспешил скорей одеться я,
Чтоб искупить поступок непохвальный;
Держа свечу, дыханье притая,
Тихонько вышел я из нашей спальной;
Но голова кружилася моя,
И сердца стук мне слышался буквально,
Пока я шел чрез длинный комнат ряд,
На зеркала боясь бросить взгляд.

59

Знал хорошо я все покои дома,
Но в непривычной тишине ночной
Мне все теперь казалось незнакомо;
Мой шаг звучал как будто бы чужой,
И странно так от тени переломы
По сторонам и прямо надо мной
То стлалися, то на́ стену всползали —
Стараясь их не видеть, шел я дале.

60

И вот уже та роковая дверь —
Единый шаг — судьба моя решится —
Но что-то вдруг нежданное теперь
Заставило меня остановиться.
Читатель-друг, ты верь или не верь —
Мне слышалось: «Не лучше ль воротиться?
Ты не таким из двери выйдешь той,
Каким войдешь с невинной простотой!»

61

То ангела ль хранителя был голос?
Иль тайный страх мне на ухо шептал?
Но с опасеньем страсть моя боролась,
А ложный стыд желанье подстрекал.
«Нет! — я решил — и на затылке волос
Мой поднялся. — Прийти я обещал!

Какое там ни встречу испытанье,
Мне честь велит исполнить обещанье!»

62

И повернул неверною рукой
Замковую я ручку. Отворилась
Без шума дверь: был сумрачен покой,
Но бледное сиянье в нем струилось;
Хрустальной люстры отблеск голубой
Мерцал в тени, и тихо шевелилась
Подвесок цепь, напоминая мне
Игру росы на листьях при луне.

63

И был ли то обман воображенья
Иль истина — по залу пронеслось
Как свежести какой-то дуновенье,
И запах мне почувствовался роз.
Чудесного я понял приближенье,
По телу легкий пробежал мороз,
Но превозмог я скоро слабость эту
И подошел с решимостью к портрету.

64

Он весь сиял, как будто от луны,
Малейшие подробности одежды,
Черты лица все были мне видны,

И томно так приподымались вежды,
И так глаза казалися полны
Любви, и слез, и грусти, и надежды,
Таким горели сдержанным огнем,
Как я еще не видывал их днем.

65

Мой страх исчез. Мучительно-приятно
С томящей негой жгучая тоска
Во мне в один оттенок непонятный
Смешалися. Нет в мире языка
То ощущенье передать; невнятно
Мне слышался как зов издалека,
Мне словно мир провиделся надзвездный —
И чуялась как будто близость бездны.

66

И думал я: нет, то была не ложь,
Когда любить меня ты обещала!
Ты для меня сегодня оживешь —
Я здесь — я жду — за чем же дело стало?
Я взор ее ловил — и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жилам пробегала,
И ревности огонь, Бог весть к кому,
Понятен стал безумью моему.

67

Возможно ль? Как? Недвижна ты доселе?
Иль взоров я твоих не понимал?
Иль, чтобы мне довериться на деле,
Тебе кажусь ничтожен я и мал?
Иль я ребенок? Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себе стяжал?
Кто он? Когда? И по какому праву?
Пускай придет со мною на расправу!

68

Так проходил, средь явственного сна,
Все муки я сердечного пожара...
О бог любви! Ты молод как весна,
Твои ж пути, как мирозданье, стары!
Но вот как будто дрогнула стена,
Раздался шип — и мерных три удара,
В ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назад заставили меня.

69

И их еще не замерло дрожанье,
Как изменился вдруг покоя вид:
Исчезли ночь и лунное сиянье,
Зажглися люстры; блеском весь облит,
Казалось, вновь, для бала иль собранья,
Старинный зал сверкает и горит,

И было в нем — я видеть мог свободно —
Все так свежо и вместе старомодно.

70

Воскресшие убранство и красу
Минувших дней узнал я пред собою;
Мой пульс стучал, как будто бы несу
Я кузницу в груди; в ушах, с прибою,
Шумела кровь; так в молодом лесу
Пернатых гам нам слышится весною;
Так пчел рои, шмелям гудящим в лад,
В июльский зной над гречкою жужжат.

71

Что ж это? Сон? И я лежу в постеле?
Но нет, вот раму щупает рука —
Я точно здесь — вот ясно проскрипели
На улице полозья... С потолка
Посыпалася известь; вот в панели
Как будто что-то треснуло слегка...
Вот словно шелком вдруг зашелестило...
Я поднял взор — и дух мне захватило.

72

Все в том же положении, она
Теперь почти от грунта отделялась;
Уж грудь ее, свечьми озарена,

По временам заметно подымалась;
Но отрешить себя от полотна
Она вотще как будто бы старалась,
И ясно мне все говорило в ней:
О, захоти, о, захоти сильней!

73

Все, что я мог сосредоточить воли,
Все на нее теперь я устремил,
Мой страстный взор живил ее все боле,
И видимо ей прибавлялось сил;
Уже одежда зыблилась, как в поле
Под легким ветром зыблется ковыль,
И все слышней ее шуршали волны,
И вздрагивал цветов передник полный.

74

«Еще, еще! Хоти еще сильней!» —
Так влажные глаза мне говорили;
И я хотел всей страстию моей —
И от моих, казалося, усилий
Свободнее все делалося ей, —
И вдруг персты передник упустили —
И ворох роз, покоившийся в нем,
К моим ногам посыпался дождем.

75

Движеньем плавным платье расправляя,
Она сошла из рамы на паркет;
С террасы в сад, дышать цветами мая,
Так девушка в шестнадцать сходит лет;
Но я стоял, еще не понимая,
Она ли то передо мной иль нет,
Стоял, немой от счастья и испуга —
И молча мы смотрели друг на друга.

76

Когда бы я гвардейский был гусар
Или хотя полковник инженерный,
Искусно б мой я выразил ей жар
И комплимент сказал бы ей примерный;
Но не дан был развязности мне дар,
И стало так неловко мне и скверно,
Что я не знал, стоять или шагнуть,
А долг велел мне сделать что-нибудь.

77

И, мой урок припомня танцевальный,
Я для поклона сделал два шага,
Потом взял вбок; легко и натурально
Примкнулась к левой правая нога,
Отвисли обе руки вертикально,
И я пред ней согнулся как дуга.

Она ж, как скоро выпрямил я тело,
Насмешливо мне до полу присела.

78

Но между нас, теперь я убежден,
Происходило недоразуменье,
И мой она классический поклон,
Как видно, приняла за приглашенье
С ней танцевать. Я был тем удивлен,
Но вывести ее из заблужденья
Мешала мне застенчивость моя, —
И руку ей, конфузясь, подал я.

79

Тут тихо, тихо, словно издалёка,
Послышался старинный менуэт:
Под говор струй так шелестит осока,
Или, когда вечерний меркнет свет,
Хрущи, кружась над липами высоко,
Поют весне немолчный свой привет,
И чудятся нам в шуме их полета
И вьолончеля звуки и фагота.

80

И вот, держася за руки едва,
В приличном друг от друга расстояньи,
Под музыку мы двинулись сперва,

На цыпочках, в торжественном молчаньи.
Но, сделавши со мною тура два,
Она вдруг стала, словно в ожиданьи,
И вырвался из свежих уст ея
Веселый смех, как рокот соловья.

81

Поступком сим обиженный немало,
Я взор склонил, достоинство храня.
«О, не сердись, мой друг, — она сказала, —
И не кори за ветреность меня:
Мне так смешно! Поверь, я не встречала
Таких, как ты, до нынешнего дня!
Ужель пылал ты страстью неземною
Лишь для того, чтоб танцевать со мною?»

82

Что отвечать на это — я не знал,
Но стало мне невыразимо больно:
Чего ж ей надо? В чем я оплошал?
И отчего она мной недовольна?
Не по ее ль я воле танцевал?
Так что же тут смешного? И невольно
Заплакал я, ища напрасно слов,
И ненавидеть был ее готов.

83

Вся кровь во мне кипела, негодуя,
Но вот нежданно, в этот самый миг,
Меня коснулось пламя поцелуя,
К моей щеке ее примкнулся лик;
Мне слышалось: «Не плачь, тебя люблю я!»
Неведомый восторг меня проник,
Я обмер весь — она же, с лаской нежной,
Меня к груди прижала белоснежной.

84

Мои смешались мысли. Но не вдруг
Лишился я рассудка и сознанья:
Я ощущал объятья нежных рук
И юных плеч живое прикасанье;
Мне сладостен казался мой недуг,
Приятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженством опьянен,
Я погрузился в обморок иль сон...

85

Не помню, как я в этом самом зале
Пришел в себя — но было уж светло;
Лежал я на диване; хлопотали
Вокруг меня родные; тяжело
Дышалось мне; бессвязные блуждали
Понятья врозь; меня то жаром жгло,

То вздрагивал я, словно от морозу, —
Поблекшую рука сжимала розу...

86

Свиданья был то несомненный след —
Я вспомнил ночь — забилось сердце шибко,
Украдкою взглянул я на портрет:
Вкруг уст как будто зыблилась улыбка,
Казался смят слегка ее букет,
Но стан уже не шевелился гибкий,
И, полный роз, передник из тафты
Держали вновь недвижные персты.

87

Меж тем родные — слышу их как ныне —
Вопрос решали: чем я занемог?
Мать думала — то корь. На скарлатине
Настаивали тетки. Педагог
С врачом упорно спорил по-латыне,
И в толках их, как я расслышать мог,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambulus и febris cerebralis.*

Зима 1872/73—осень 1873 г.

* Лунатик и мозговая горячка (*лат.*). — *Ред.*

123. ДРАКОН

Рассказ XII века

(с итальянского)

Посвящается Я. П. Полонскому

1

В те дни, когда на нас созвездье Пса
Глядит враждебно с высоты зенита,
И свод небес, как тяжесть, оперся

2

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжет без лучей, и бегают стада
С мычанием, ища от мух защиты,

3

В те дни любил с друзьями я всегда
Собора тень и вечную прохладу,
Где в самый зной дышалось без труда

4

И где нам был, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи вид
И полусвет, не утомлявший взгляда.

5

Одна купель близ входа там стоит,
Старинная, из камня иссечёна:
Крылатым столб чудовищем обвит.

6

Раз, отдыхом и тенью освежёны,
Друзья купель рассматривали ту
И чудный столб с изгибами дракона.

7

Хвалили все размеров красоту
И мастера затейную работу;
Но я сказал: «Я вымыслов не чту;

8

Меня смешит ваятеля забота
Такую ложь передавать резцом», —
И потрунить взяла меня охота.

9

Тут некий муж, отмеченный рубцом,
Дотоль стоявший молча возле двери,
Ко мне со строгим подошел лицом:

10

«Смеешься ты, художнику не веря, —
Так он сказал, — но если бы, как я,
Подобного ты в жизни встретил зверя,

11

Клянусь, прошла веселость бы твоя!»
Я ж отвечал: «Тебе я не в досаду
Сказал, что думал, мысли не тая;

12

Но если впрямь такого в жизни гада
Ты повстречал, то (коль тебе не в труд),
Пожалуй, нам все расскажи по ряду!»

13

И начал он: «В Ломбардии зовут
Меня Арнольфо. Я из Монцы родом
И оружейник был до наших смут;

14

Когда ж совет в союз вошел с народом,
Из первых я на гибеллинов встал
И не одним горжусь на них походом.

15

Гиберто Кан стяг вольности держал;
То кондотьер был в битвах знаменитый,
Но близ Лугано, раненый, он пал.

16

Враги, наш полк преследуя разбитый,
Промчались мимо; и с вождем лишь я
Для помощи остался и защиты.

17

„Арнольфо, — мне сказал он, — смерть моя
Сейчас придет, — тебя ж надеждой рая
Молю: спеши в Кьявенну; пусть друзья

18

Ведут войска, минуты не теряя;
Они врасплох застанут вражью рать", —
И перстень свой в залог он, умирая,

19

Мне передал. Я времени терять
Не много мог, чтобы исполнить дело,
И, в помощь взяв Господню благодать,

20

А мертвое плащом покрывши тело,
Проведать шел, где отдохнут враги
И много ли из наших уцелело?

21

Шум сечи смолк, и вороны круги
Над трупами уже чертили с криком —
Как за собой услышал я шаги.

22

То Гвидо был. Ко мне с беспечным ликом
За повод вел он сильного коня,
Им взятого в смятеньи том великом.

23

Учеником жил прежде у меня
Он в мастерской, и ныне, после боя,
Меня нашел, любовь ко мне храня.

24

Когда ж узнал, послание какое
Вождем убитым мне поручено,
Идти к друзьям он вызвался со мною.

25

Я, преданность ценя его давно,
Тому был рад и думал: вместе оба
Вернее мы достигнем цели — но,

26

Когда бы знал, как близко нас ко гробу
Он подведет отвагой молодой,
Его любви я предпочел бы злобу.

27

Я был верхом; он следовал пешой;
Нерадостен был путь, и не веселье
Моей владело сумрачной душой.

28

В стране кьявеннской не бывал досель я,
Но Гвидо был. И, ведомых путей
С ним избегая, в тесное ущелье

29

Свернули мы, где солнечных лучей
Не пропускали тени вековые,
Навстречу ж нам, шумя, бежал ручей.

30

Лишь тут снял шлем с усталой головы я
И в отдаленьи ясно услыхал,
Как колокол звонил к „Ave Maria",

31

И тяжело средь этих мрачных скал,
И душно так, как бы в свинцовом скрине,
Мне сделалось. „О Гвидо, — я сказал, —

32

Недоброе предчувствие мне ныне
Сжимает грудь: боюся, что с пути
Собьемся мы тут, в каменной пустыне!"

33

„Маэстро, — мне ответил он, — прости:
Сюда свернув, ошибся я немного,
Иным ущельем было нам идти!"

34

И прежнюю отыскивать дорогу
Пустились мы; но, видно, взять у нас
Рассудок наш угодно было Богу:

35

Куда ни направлялись, каждый раз
Ущелье мы, казалось, видим то же,
Их различать отказывался глаз,

36

Так меж собой они все были схожи:
Такая ж темь; такой же в ней ручей
Навстречу нам шумел в гранитном ложе;

37

И чем мы путь искали горячей,
Тем боле мы теряли направленье;
Без отдыха и не сомкнув очей,

38

Бродили мы всю ночь в недоуменьи.
Когда ж, для нас незримая, заря
На высота́х явила отраженье,

39

„Довольно нам, — сказал я, — рыскать зря!
Взойдем сперва на ближнюю вершину,
Чтоб местность обозреть". Так говоря,

40

Сошел с коня я. К дикому ясмину
Его за повод Гвидо привязал,
И, брони сняв, мы темную долину

41

Покинули. Держась за ребра скал,
Мы лезли вверх и лишь на полдороги,
Среди уступа, сделали привал.

42

От у́стали мои дрожали ноги;
Меж тем густой, поднявшися, туман
Долину скрыл и горные отроги.

43

И стал я думать, грустью обуян:
„Нет, не поспеть мне вовремя в Кьявенну
И не повесть друзей на вражий стан!"

44

В тумане тут, мне показалось, стену
Зубчатую увидел я. Она,
Согнутая во многие колена,

45

С крутой скалы спускалася до дна
Ущелия, наполненного мглою,
И им была от нас отделена.

46

„Друг, — я сказал, — ты с этою страною
Давно знаком; вглядись и распознай:
Какой я замок вижу предо мною?"

47

А он в ответ: „Мне ведом этот край,
Но замка нет отсюда до Кьявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

48

Игрой тумана. Часто перемены
Он странные являет между гор
И создает то башни в них, то стены".

49

Так он ко мне. Но, устремив мой взор
Перед собой, я напрягал вниманье,
Туман же все редел с недавних пор;

50

И только он рассеялся — не зданье
Нам показал свободный солнца свет,
Но чудное в утесе изваянье:

51

Что я стеной считал, то был хребет
Чудовища, какому и примера,
Я полагал, среди живущих нет.

52

И я, глазам едва давая веру,
Ко Гвидо обратился: „Должен быть
Сей памятник, столь дивного размера,

53

Тебе известен; он, конечно, нить
Нам в руки даст, чтоб выбраться отсюда,
Спеши ж по нем наш путь сообразить!”

54

Но он в ответ: „Клянусь, сего я чуда
Не знал досель, и никогда о нем
Не слыхивал от здешнего я люда.

55

Не христианским, думаю, резцом
Зверь вытесан. Мы древнего народа
Узнаем труд, коль ближе подойдем".

56

„А не могла ль, — заметил я, — природа
Подобие чудовища создать,
Как создает она иного рода

57

Диковины?" Но только лишь сказать
Я то успел, сам понял, сколь напрасна
Такая мысль. Не случая печать

58

Являли члены гадины ужасной,
Но каждая отчетливо в ней часть
Изваяна рукой, казалось, властной:

59

Сомкнутая, поднявшись, щучья пасть
Ждала как будто жертвы терпеливо,
Чтоб на нее, отверзшися, напасть;

60

Глаза глядели тускло и сонливо;
На вытянутой шее поднята,
Костлявая в зубцах торчала грива;

61

Скрещенные вдоль длинного хребта,
Лежали, в складках, кожаные крылья;
Под брюхом лап виднелася чета.

62

Спинных чешуй казалось изобилье
Нескладной кучей раковин морских
Иль старой черепицей, мхом и пылью

63

Покрытою. А хвост, в углах кривых,
Терялся в темной бездне. И когда бы
Я должен был решить: к числу каких

64

Тот зверь пород принадлежит, то я бы
Его крылатой щукою назвал
Иль помесью от ящера и жабы.

65

И сам себя еще я вопрошал:
К чему мог быть тот памятник воздвигнут?
Как вдруг от страшной мысли задрожал,

66

Внезапным опасением постигнут:
„А что, — сказал я, — если этот зверь
Не каменный, но адом был изрыгнут,

67

Чтоб за грехи нас наказать? Поверь,
Коль гвельфов он, имперцам на потеху,
Прислан терзать — он с нас начнет теперь!”

68

Но, ветрено предавшись Гвидо смеху,
„Немного же, — сказал, — получит ад
От своего создания успеху!

69

Смотри, как смирно ласточки сидят
На голове недвижной, а на гриве
Чирикает веселых пташек ряд —

70

Ужели их мы будем боязливей?
Смотри еще: со цветом этих скал
Цвет идола один; не схожей в ниве

71

Две полосы!" И громко продолжал
Смеяться он, как вдруг внизу тревожно
Наш конь, к кусту привязанный, заржал;

72

И видеть нам с уступа было можно,
Как бился он на привязи своей,
Подковами взметая прах подножный.

73

Я не сводил с чудовища очей,
Но жизни в нем не замечал нимало, —
Когда внезапно, молнии быстрей,

74

Из сжатых уст, крутясь, явилось жало,
Подобное мечу о двух концах,
На воздухе мелькая, задрожало —

75

И спряталось. Невыразимый страх
Мной овладел. „Бежим, — сказал я, —
Гвидо,
Бежим, пока мы не в его когтях!”

76

Но, робости не показав и вида,
„Ты знаешь сам, маэстро, — молвил он, —
Какая то для ратника обида

77

Была бы, если б, куклой устрашен,
Он убежал. Я ж об заклад побьюся,
Что наяву тебе приснился сон;

78

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то зверь, а не живой,
И доказать я то тебе беруся!”

79

Тут, камень взяв, он сильною рукой
С размаха им пустил повыше уха
В чудовище. Раздался звук такой,

80

Так резко брякнул камень и так сухо,
Как если бы о кожаный ты щит
Хватил мечом. Тут втягиваться брюхо

81

Его как будто стало. Новый вид
Глаза прияли, тусклые дотоле:
Казалось — огнь зеленый в них горит.

82

Меж тем, сжимаясь медленно все боле,
Стал подбираться к туловищу хвост,
Тащась из бездны словно поневоле.

83

Крутой хребет, как через реку мост,
Так выгнулся, и мерзостного гада
Еще страшней явился страшный рост.

84

И вот глаза зардели, как лампады, —
Под тяжестью ожившею утес
Затрепетал — и сдвинулась громада,

85

И поползла... Мох, травы, корни лоз —
Все, что срастись с корой успело змея,
Все выдернув, с собою он понес.

86

Сырой землей запахло; мы ж, не смея
Дохнуть, лежали ниц, покуда он
Сползал с высот, чем дале, тем быстрее;

87

И слышался под ним такой же стон,
Как если с гор, на тормозе железном,
Съезжал бы воз, каменьем нагружен.

88

Ответный гул по всем пронесся безднам,
И не могло нам в мысль уже прийти
Искать спасенья в бегстве бесполезном.

89

Равно ж как тормоз на своем пути
Все боле накаляется от тренья,
Так, где дракон лишь начинал ползти,

90

Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный там за ним тащился след,
И сыпался гранит от сотрясенья.

91

„О Гвидо, Гвидо, сколько новых бед
Навлек на край неверьем ты упорным!"
Так я к нему; а Гвидо мне в ответ:

92

„Винюся я в моем поступке вздорном,
Но вон, смотри: там конь внизу бежит,
За ним же змей ущельем вьется горным!"

93

Плачевный тут представился нам вид:
Сорвавшийся с поводьев, устрашенный,
Предсмертной пеной белою покрыт,

94

Наш конь скакал, спасаясь от дракона,
Скакал во всю отчаянную прыть,
И бились о бока его стремёна.

95

Но чудище, растянутое в нить,
Разинутою пастью норовило
Как бы ловчей бегущего схватить;

96

И вот оно, нагнав его, схватило
За самую за холку поперек
И со седлом и сбруей проглотило,

97

Как жаба муху. Судороги ног
Лишь видели мы в пасти на мгновенье —
И конь исчез. Едва дышать я мог,

98

Столь сильное на сердце впечатленье
То зрелище мне сделало. А там,
В ущелье, виться продолжали звенья

99

Змеиного хребта, и долго нам
Он виден был, с своею гривой странной,
Влекущийся по камням и кустам,

100

Свое меняя место беспрестанно,
То исчезая в темной глубине,
То вновь являясь где-нибудь нежданно.

101

И Гвидо, обращаяся ко мне,
Сказал: „Когда б я, столько виноватый,
Но столь в своей раскаянный вине,

102

Смел дать совет: мы, времени без траты,
Должны уйти туда, на выси гор,
Где дружелюбно будем мы приняты

103

От камнетесов, что с недавних пор
Выламывают мрамор, из него же
В Кьявенне новый строится собор;

104

А змей, по мне, не на вершинах ложе,
Но близ долин скорее изберет,
Где может жить, вседневно жертвы множа".

105

Я юноше доверился, и вот
Карабкаться мы кверху стали снова
И в полдень лишь достигли до высот.

106

Нигде кругом жилища никакого
Не видно было. Несколько озер
Светилося, одно возле другого;

107

Ближайшее на полускате гор
Раскинулось, пред нами недалёко;
Когда же вниз отвесно пал наш взор,

108

У наших ног, как в ендове глубокой,
Узнали мы поляну, где вчера
Нас жеребий войны постиг жестокий,

109

И поняли мы тут, что до утра
Всю ночь мы вкруг побоища плутали,
Пока нас тьмы морочила пора.

110

Разбросаны, внизу еще лежали
Тела друзей и кони между них
Убитые. Местами отблеск стали

111

Отсвечивал меж злаков полевых,
И сытые сидели птицы праздно
На кучах тел и броней боевых.

112

Вдруг крик меж них поднялся несуразный,
И началось маханье черных крыл
И перелет тревожный. Безобразный

113

То змей от гор извивы к ним влачил
И к полю полз, кровь издали почуя.
Тут жалости мне передать нет сил,

114

Объявшей нас, и слов не нахожу я
Сказать, какой нам холод сердце сжал,
Когда пришлось, бессильно негодуя,

115

Смотреть, как он немилосердно жрал
Товарищей и с ними, без разбора,
Тела коней издохших поглощал.

116

Иль, вскинув пасть, стремительно и скоро
Хватал ворон крикливых на лету,
За трупы с ним не прерывавших спора.

117

Картину я когда припомню ту,
Набросить на нее хотел бы тень я,
Но в прежнем все стоит она свету!

118

В нас с ужасом мешалось омерзенье,
Когда над кровью скорчившийся змей,
Жуя тела, кривился в наслажденьи;

119

И с чавканьем зубастых челюстей
В безветрии к нам ясно долетали
Доспехов звяк и хрупанье костей.

120

Между людьми на свете есть едва ли,
Кто бы такое горе ощутил,
Как в этот час мы с Гвидо ощущали,

121

И долго ль зверь бесчестье наносил
Телам, иного ждавшим погребенья, —
Не ведаю. С утра лишенный сил,

122

На землю я упал в изнеможеньи,
И осенил меня глубокий сон,
И низошло мне на душу забвенье.

123

Когда, рукою Гвидо разбужен,
Я поднялся, в долинах уж стемнело,
На западе ж багровый небосклон

124

Пылал пожаром. Озеро горело
В полугоре, как в золотом огне,
И обратился к другу я несмело:

125

„В какой, скажи, о Гвидо, мы стране?
Какое с нами горе иль обида
Случилися? Скажи мне все, зане

126

В моей душе звучит как панихида,
Но в памяти нет мысли ни одной!"
И прежде, чем успел ответить Гвидо,

127

Я вспомнил все: с имперцами наш бой,
И смерть вождя, и бегство от дракона.
„Где он? — вскричал я. — Где наш недруг злой?

128

Нам от него возможна ль оборона?
Иль нам бежать в ущелий тесноту
И спрятаться во глубь земного лона?"

129

Но Гвидо, палец приложа ко рту,
„Смотри, — шепнул мне с видом опасенья, —
Смотри сюда, на эту высоту!"

130

И, следуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидал,
Как, медленно свои вращая звенья,

131

Оно вползало, меж померкших скал,
На верх одной, от прочих отделенной,
Что солнца луч последний освещал.

132

Свой гордо зев подняв окровавленный,
На острый верх взобравшийся дракон
Как некий царь с зубчатою короной

133

Явился там. Закатом озарен,
Как выкован из яркой красной меди,
На небе так вырезывался он.

134

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медведи
Столь не страшны! Никто б не изобрел
Такую тварь, хотя б в горячке бредя!

135

Когда ж совсем исчез во мраке дол,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свои он крылья по ветру развел,

136

И кожа их, треща, затрепетала,
Подобно как в руках у наших жен,
Раскрывшися, трепещут опахала.

137

Его хребет казался напряжен,
И, на когтях все подымаясь выше,
Пуститься в лёт готовился дракон.

138

Меж тем кругом все становилось тише
И все темней. И вот он взвизгнул вдруг,
Летучие как взвизгивают мыши,

139

И сорвался. Нас охватил испуг,
Когда, носясь у нас над головами,
Он в сумерках чертил за кругом круг

140

И воздух бил угластыми крылами,
Не как орел, в поднебесьи паря,
Но вверх и вниз метаяся зубцами,

141

Неровный лёт являл нетопыря,
И виден был отчетисто для ока
На полосе, где скрылася заря.

142

Нас поражал то близко, то далёко,
То возле нас, то где-нибудь с высот
Зловещий визг, пронзительно-жестокий,

143

Так не один свершал он поворот
Иль, крылья вдруг поджав, как камень веский,
Бросался вниз, и возмущенных вод

144

Средь озера нам слышалися всплески,
И он опять взлетал и каждый раз
Пускал опять свой визг зловеще-резкий.

145

Проклятый зверь чутьем искал ли нас
Или летал по воздуху без цели —
Не знали мы; но, не смыкая глаз,

146

Настороже всю ночь мы просидели,
Усталостью совсем изнурены
(Вторые сутки мы уже не ели!).

147

С рассветом дня спуститься с вышины
Решились мы, лишь голоду послушны;
А чудище исчезло ль из страны

148

Иль нет — к тому мы стали равнодушны,
Завидуя уж нищим и слепцам,
Что по миру сбирают хлеб насущный...

149

И долго так влачилися мы там,
Молясь: „Спаси, Пречистая Мария!”
Она же, вняв, послала пищу нам:

150

Мы ягоды увидели лесные,
Алевшие по берегу ручья,
Что воды мчал в долину снеговые.

151

И речь того не выразит ничья,
Как укрепил нас этот дар нежданный,
А с ним воды холодная струя!

152

Сбиваяся с дороги беспрестанно,
По солнцу наш отыскивая путь,
Достигли поздно цели мы желанной;

153

Но что за вид стеснил тогда нам грудь!
В кьявеннские воткнуты были стены
Знамена гибеллинов! Проклят будь

154

Раздора дух, рождающий измены!
Не в приступе отчаянном взята
Врагом упорным крепкая Кьявенна —

155

Без боя гибеллинам ворота
Отверзли их сторонники! Без боя
Италия германцу отперта!

156

И, зрелище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось нам
Пред ним ничтожно все страданье злое,

157

Что мы доселе испытали. Срам
И жажда мести овладели нами.
Так в город мы пробралися к друзьям,

158

Но уж друзья теперь, во страхе, сами
Спасалися от мщения врагов
И вольности поднять не смели знамя.

159

Они родной сбирались бросить кров
И где-нибудь сокрыться в подземельи,
Чтобы уйти от казни иль оков.

160

Узнав от нас, что горные ущелья
Чудовищем ужасным заняты,
Подумали они, что мы с похмелья

161

То говорим, и наши тесноты,
И все, что мы недавно испытали,
За выдумки сочли иль за мечты.

162

В неслыханной решились мы печали
Направиться обратно на Милан,
Но не прямой мы путь к нему держали:

163

Захваченных врагом минуя стран,
На Колико мы шли, на Леньончино,
На Лекко и на Бергамо, где стан

164

Немногих от рассеянной дружины
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было боле половины, —

165

Другие же, вблизи или вдали,
Неведомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совет еще вели:

166

К кому пристать? — не оказали ласки
Разбитым гвельфам, их же в город свой
Не приняли; однако, без огласки,

167

Отправили от думы городской
Им хлеба и вина, из состраданья,
Не требуя с них платы никакой.

168

И тяжело и радостно свиданье
Меж нами было; а когда слезам,
Расспросам и ответам отдал дань я,

169

„Товарищи, — сказал я, — стыдно нам
Врозь действовать иль ждать сложивши руки,
Чтоб враг прошел по нашим головам!

170

Ломбардии невзгоды все и муки
Лишь от раздоров наших рождены
И от измены круговой поруке!

171

Хоть мало нас, поклясться мы должны,
Что гвельфскому мы не изменим стягу
И не примкнем к теснителям страны!"

172

Так прежнюю в них возбудив отвагу,
Я их в Милан с собой и с Гвидо звал,
Они ж клялись не отставать ни шагу.

173

Тут случай мне их испытать предстал:
Где через Ольо вброд есть переправа,
На супротивном берегу стоял

174

Маркезе Монферрато, нам кровавый
Прием готовя. Бога в помощь взяв
И вынув меч, я бросился на славу

175

В средину волн. За мной, кто вброд,
кто вплавь,
Пустились все, пересекая воду,
И берега достигли. Но стремглав

176

На нас враги, вплоть подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чем я мог
На сушу стать, их вождь, не дав мне ходу,

177

Лоб топором рассек мне поперек,
И навзничь я ударом опрокинут,
Без памяти, обратно пал в поток.

178

Пятнадцать лет весною ровно минут,
Что свет дневной я снова увидал.
Но, Боже мой! Доселе жилы стынут,

179

Как вспомню, что, очнувшись, я узнал
От благодушных иноков аббатства,
Меня которым Гвидо передал,

180

Сам раненный, когда он от злорадства
Имперцев жизнь мою чудесно спас
И сам искал убежища у братства!

181

Италии настал последний час!
Милан был взят! Сдалась без обороны
Германцам Брешья! Крема им сдалась!

182

С приветствием к ним консулы Кремоны
Пошли навстречу, лишь к ее стенам
Германские приблизились бароны!

183

Павия ликовала. Горе нам!
Не чуждыми — ломбардскими руками
Милан разрушен! Вечный стыд и срам!

184

Мы поняли теперь, зачем пред нами
Явился тот прожорливый дракон,
Когда мы шли Кьявеннскими горами:

185

Ужасное был знамение он,
Ряд страшных бед с ним предвещала встреча,
Начало долгих, горестных времен!

186

Тот змей, что, все глотая иль увеча,
От нашей крови сам жирел и рос,
Был кесаря свирепого предтеча!

187

Милан пал в прах — над ним же вознеслось
Все низкое, что пресмыкалось в прахе,
Все доброе низвержено. Пришлось,

188

В ком честь была, тому скрываться в страхе,
Иль дни влачить в изгнании, как я,
Иль погибать, как многие, на плахе.

189

Проклятье ж вам, поддельные друзья,
Что языком клялись служить свободе,
Внутри сердец измену ей тая!

190

Из века в век вас да клянут в народе
И да звучат позором вековым
Названья ваши: Асти, Реджьо, Лоди!

191

Вы, чрез кого во прахе мы лежим, —
Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремона!
Вы, чьи уста, из злобы ко своим,

192

Призвали в край германского дракона!» —
Ломбардец так рассказ окончил свой
И отошел. Им сильно потрясёны,

193

Молчали мы. Меж тем палящий зной
Успел свалить, и, вышед из собора,
На площади смешались мы с толпой,

Обычные там ведшей разговоры.

Весна—лето 1875 г.

124. АЛЕША ПОПОВИЧ

1

Кто веслом так ловко правит
Через аир и купырь?
Это тот Попович славный,
Тот Алеша-богатырь.

2

За плечами видны гусли,
А в ногах червленый щит;
Супротив его царевна
Полоненная сидит.

3

Под себя поджала ножки,
Летник свой подобрала
И считает робко взмахи
Богатырского весла.

4

«Ты почто меня, Алеша,
В лодку песней заманил?
У меня жених есть дома,
Ты ж, похитчик, мне не мил!»

5

Но, смеясь, Попович молвит:
«Не похитчик я тебе,
Ты взошла своею волей,
Покорись своей судьбе!

6

Ты не первая попалась
В лодку, девица, мою;
Знаменитым птицеловом
Я слыву в моем краю;

7

Без силков и без приманок
Я не раз меж камышей
Голубых очеретянок
Песней лавливал моей;

8

Но в плену, кого поймаю,
Без нужды я не морю —
Покорися же, царевна.
Сдайся мне, богатырю!»

9

Но она к нему: «Алеша,
Тесно в лодке нам вдвоем,
Тяжела ей будет ноша,
Вместе ко дну мы пойдем!»

10

Он же к ней: «Смотри, царевна,
Видишь там, где тот откос,
Как на солнце быстро блещут
Стаи легкие стрекоз?

11

На лозу когда бы сели,
Не погнули бы лозы,
Ты же в лодке не тяжеле
Легкокрылой стрекозы!»

12

И душистый гнет он аир
И, скользя очеретом,
Стебли длинные купавок
Рвет сверкающим веслом.

13

Много певников нарядных
В лодку с берега глядит,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говорит:

14

«Птицелов ты беспощадный,
Иль тебе меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку к берегу причаль!»

15

Он же, в берег упираясь
И осокою шурша,
Повторяет только: «Сдайся,
Сдайся, девица-душа!

16

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить».

17

Он весло свое бросает,
Гусли звонкие берет —
Дивным пением дрожащий
Огласился очерет...

18

Звуки льются, звуки тают:
То не ветер ли во ржи?
Не крылами ль задевают
Медный колокол стрижи?

19

Иль в тени журчат дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звон заздравный?
Иль мечи бьют о мечи?

20

Пламя ль блещет? Дождь ли льется?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несется?
Мать ли пестует дитя?

21

Или то воспоминанье,
Отголосок давних лет?
Или счастья обещанье?
Или смерти то привет?

22

Песню кто уразумеет?
Кто поймет ее слова?
Но от звуков сердце млеет
И кружится голова.

23

Их услыша, присмирели
Пташек резвые четы,
На тростник стрекозы сели,
Преклонилися цветы:

24

Погремок, пестрец, и шильник,
И болотная заря
К лодке с берега нагнулись
Слушать песнь богатыря.

25

Так с царевной по теченью
Он уносится меж трав,
И она внимает пенью,
Руку белую подняв.

26

Что внезапно в ней свершилось?
Тоскованье ль улеглось?
Сокровенное ль открылось?
Невозможное ль сбылось?

27

Словно давние печали
Разошлися как туман,
Словно все преграды пали —
Или были лишь обман!

28

Взором любящим невольно
В лик его она впилась,
Ей и радостно и больно,
Слезы капают из глаз;

29

Любит он иль лицемерит —
Для нее то все равно;
Этим звукам сердце верит
И дрожит, побеждено.

30

И со всех сторон их лодку
Обняла речная тишь,
И куда ни обернешься —
Только небо да камыш...

Лето 1871 г.

125. БОРИВОЙ

Поморское сказание

1

К делу церкви сердцем рьяный,
Папа шлет в Роскильду слово
И поход на Бодричаны
Проповедует крестовый:

2

«Встаньте! Вас теснят не в меру
Те язычники лихие,

Подымайте стяг за веру,
Отпускаю вам грехи я!

3

Генрик-Лев на бой великий
Уж поднялся, мною званый,
Он идет от Брунзовика
Грянуть с тылу в бодричаны.

4

Все, кто в этом деле сгинет,
Кто падет под знаком крестным,
Прежде чем их кровь остынет,
Будут в Царствии небесном!»

5

И лишь зов проникнул в дони,
Первый встал епископ Эрик,
С ним монахи, вздевши брони,
Собираются на берег.

6

Дале Свен пришел, сын Нилса,
В шишаке своем крылатом,
С ним же вместе ополчился
Викинг Кнут, сверкая златом;

7

Оба царственного рода,
За престол тягались оба,
Но для славного похода
Прервана меж ними злоба;

8

И, как птиц приморских стая,
Много панцирного люду,
И грохоча и блистая,
К ним примкнулось отовсюду.

9

Все струги, построясь рядом,
Покидают вместе берег,
И, окинув силу взглядом,
Говорит епископ Эрик:

10

«С нами Бог! Склонил к нам Папа
Преподобного Егорья,
Разгромим теперь с нахрапа
Все славянское поморье!»

11

Свен же молвит: «В бранном споре
Не боюся никого я,
Лишь бы только в синем море
Нам не встретить Боривоя!»

12

Но, смеясь, с кормы высокой
Молвит Кнут: «Нам нет препоны,
Боривой теперь далёко,
Бьется с немцем у Арконы!»

13

И в веселии все трое,
С ними грозная дружина,
Все плывут в могучем строе
К башням города Волына.

14

Вдруг, поднявшись над кормою,
Говорит им Свен, сын Нилса:
«Мне сдалось: над той скалою
Словно лес зашевелился!»

15

Кнут, вглядевшись, отвечает:
«Нет, не лес то шевелится,
Щёгол множество кивает,
О косицу бьет косица!»

16

Встал епископ торопливо,
С удивлением во взоре:
«Что мне чудится за диво?
Кони ржут на синем море!»

17

Но епископу в смятеньи
Отвечает бледный инок:
«То не ржанье — то гуденье
Боривоевых волынок!»

18

И внезапно, где играют
Всплески белые прибоя,
Из-за мыса выбегают
Волнорезы Боривоя.

19

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по ветру знамя
Из божницы Световита;

20

Плещут весла, блещут брони,
Топоры звенят стальные,
И, как бешеные кони,
Ржут волынки боевые.

21

И, начальным правя дубом,
Сам в чешуйчатой рубахе,
Боривой кивает чубом:
«Добрый день, отцы монахи!

22

Я вернулся из Арконы,
Где поля от крови рдеют,
Но немецкие знамена
Под стенами уж не веют!

23

В клочья ту порвавши лопать,
Заплатили долг мы немцам
И пришли теперь отхлопать
Вас по бритым по гуменцам!»

24

И под всеми парусами
Он ударил им навстречу,
Сшиблись вдруг ладьи с ладьями,
И пошла меж ними сеча.

25

То взлетая над волнами,
То спускаяся в пучины,
Бок о бок сцепясь баграми,
С криком режутся дружины;

26

Брызжут искры, кровь струится,
Треск и вопль в бою сомкнутом,
До заката битва длится —
Не сдаются Свен со Кнутом.

27

Но напрасны их усилья:
От ударов тяжкой стали
Позолоченные крылья
С шлема Свена уж упали;

28

Пронзена в жестоком споре
Кнута крепкая кольчуга,
И бросается он в море
С опрокинутого струга.

29

А епископ Эрик, в схватке
Над собой погибель чуя,
Перепрыгнул без оглядки
Из своей ладьи в чужую.

30

Голосит: «Не пожалею
На икону ничего я,
Лишь в Роскильду поскорее
Мне б уйти от Боривоя!»

31

И гребцы во страхе тоже,
Силу рук своих удвоя,
Голосят: «Спаси нас, Боже,
Защити от Боривоя!»

32

«Утекай, клобучье племя! —
Боривой кричит вдогоню. —
Вам вздохнуть не давши время,
Скоро сам я буду в дони!

33

К вам средь моря иль средь суши
Проложу себе дорогу
И заране ваши души
Обрекаю Чернобогу!»

34

Худо доням вышло, худо
В этой битве знаменитой;
В этот день морские чуда
Нажрались их трупов сыто,

35

И ладей в своем просторе
Опрокинутых немало
Почервоневшее море
Вверх полозьями качало.

36

Генрик-Лев, идущий смело
На Волын к потехе ратной,
Услыхав про это дело,
В Брунзовик пошел обратно.

37

И от бодричей до Ретры,
От Осны до Дубовика,
Всюду весть разносят ветры
О победе той великой;

38

Шумом полн Волын веселым,
Вкруг Перуновой божницы
Хороводным ходят колом
Дев поморских вереницы;

39

А в Роскильдовском соборе
Собираются монахи,
Восклицают: «Горе, горе!»
И молебны служат в страхе;

40

И епископ с клирной силой,
На коленях в церкви стоя,
Молит: «Боже, нас помилуй,
Защити от Боривоя!»

Лето 1870 г.

126. ГАКОН СЛЕПОЙ

1

«В деснице жива еще прежняя мочь,
И крепки по-прежнему плечи,
Но очи одела мне вечная ночь —
Кто хочет мне, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите ж скорей за поводья коня,
Помчите меня
В кипение сечи!»

2

И отроки с двух его взяли сторон,
И, полный безумного гнева,
Слепой между ними помчался Гакон
И врезался в сечу, и, ей опьянен,
Он рубит средь гула и рева
И валит ряды, как в лесу бурелом,
Крестит топором
И вправо и влево.

3

Но гуще и гуще все свалка кипит,
Враги не жалеют урона,
Отрезан Гакон и от русских отбит,
И, видя то, князь Ярослав говорит:
«Нужна свояку оборона!
Вишь, вражья его как осыпала рать!
Пора выручать
Слепого Гакона!»

4

И с новой напер на врагов он толпой,
Просек через свалку дорогу,
Но вот на него налетает слепой,
Топор свой подъявши. «Да стой же ты, стой,
Никак, ошалел он, ей-Богу!

Ведь был ты без нас бы иссечен и стерт,
Что ж рубишь ты, черт,
Свою же подмогу?»

5

Но тот расходился, не внемлет словам,
Удар за ударом он садит,
Молотит по русским щитам и броням,
Дробит и сечет шишаки пополам,
Никто с разъяренным не сладит.
Насилу опомнился старый боец,
Утих наконец
И бороду гладит.

6

Дружина вздохнула, врагов разогнав;
Побито, посечено вволю,
Лежат перемешаны прав и неправ,
И смотрит с печалию князь Ярослав
На злую товарищей долю,
И едет он шагом, сняв острый шелом,
С Гаконом вдвоем,
По бранному полю...

Декабрь 1869—начало января 1870 г.

127

1

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?»
— «Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!»

2

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А где ты изволил крупы достать?»
— «За морем, матушка, за морем,
За морем, сударыня, за морем!»

3

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Нешто своей крупы не было?»
— «Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!»

4

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,

А чем ты изволишь мешать ее?»
— «Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!»

5

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет крýтенька?»
— «Крýтенька, матушка, крýтенька,
Крýтенька, сударыня, крýтенька!»

6

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет сóлона?»
— «Сóлона, матушка, сóлона,
Сóлона, сударыня, сóлона!»

7

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто ж будет ее расхлебывать?»
— «Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!»

До начала ноября 1861 г.

128. ЗМЕЙ ТУГАРИН

Былина

1

Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

2

И молвит Владимир: «Что ж нету певцов?
Без них мне и пир не отрада!»
И вот незнакомый из дальних рядов
Певец выступает на княжеский зов —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже
И выдались скулы углами вперед,
И ахнул от ужаса русский народ:
«Ай, рожа, ай, страшная рожа!»

4

И начал он петь на неведомый лад:
«Владычество смелым награда!
Ты, княже, могуч и казною богат,
И помнит ладьи твои дальний Царьград —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

5

Но род твой не вечно судьбою храним,
Настанет тяжелое время,
Обнимут твой Киев и пламя и дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золоченое стремя!»

6

И вспыхнул Владимир при слове таком,
В очах загорелась досада,
Но вдруг засмеялся, и хохот кругом
В рядах прокатился, как по небу гром, —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

7

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
Смеется, потупясь, княгиня,
Смеются бояре, смеются князья,
Удалый Попович, и старый Илья,
И смелый Никитич Добрыня.

8

Певец продолжает: «Смешна моя весть,
И вашему уху обидна?
Кто мог бы из вас оскорбление снесть!
Бесценное русским сокровище честь,
Их клятва: „Да будет мне стыдно!"

9

На вече народном вершится их суд,
Обиды смывает с них поле —
Но дни, погодите, иные придут,
И честь, государи, заменит вам кнут,
А вече — каганская воля!»

10

«Стой! — молвит Илья. — Твой хоть голос и чист,
Да песня твоя не пригожа!
Был вор Соловей, как и ты, голосист,
Да я пятерней приглушил его свист —
С тобой не случилось бы то же!»

11

Певец продолжает: «И время придет:
Уступит наш хан христианам,
И снова подымется русский народ,

И землю единый из вас соберет,
    Но сам же над ней станет ханом.

12

И в тереме будет сидеть он своем,
    Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожьем,
А вы ему стукать да стукать челом —
    Ой, срама, ой, горького срама!»

13

«Стой! — молвит Попович. —
                    Хоть дюжий твой рост,
    Но слушай, поганая рожа:
Зашла раз корова к отцу на погост,
Махнул я ее через крышу за хвост —
    Тебе не было́ бы того же!»

14

Но тот продолжает, осклабивши пасть:
    «Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
    Вы Русью ее назовете!

15

И с честной поссоритесь вы стариной,
И, предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: „Станем к варягам спиной,
Лицом повернемся к обдорам!”»

16

«Стой! — молвит, поднявшись,
Добрыня. — Не смей
Пророчить такого нам горя!
Тебя я узнал из негодных речей:
Ты старый Тугарин, поганый тот змей,
Приплывший от Черного моря!

17

На крыльях бумажных, ночною порой,
Ты часто вкруг Киева-града
Летал и шипел, но тебя не впервой
Попотчую я калёною стрелой —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!»

18

И начал Добрыня натягивать лук,
И вот, на потеху народу,
Струны богатырской послышавши звук,

Во змея певец перекинулся вдруг
И с шипом бросается в воду.

19

«Тьфу, гадина! — молвил Владимир и нос
Зажал от несносного смрада, —
Чего уж он в скаредной песне не нес,
Но, благо, удрал от Добрынюшки, пес, —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!»

20

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ:
«Чай, песни теперь уже нам не споет —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!»

21

Смеется Владимир: «Вишь, выдумал нам
Каким угрожать он позором!
Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
Чтоб спины подставили мы батогам!
Чтоб мы повернулись к обдорам!

22

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь,
Татарской нам Руси не надо!
Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

23

А если б над нею беда и стряслась,
Потомки беду перемогут!
Бывает, — примолвил свет-солнышко князь, —
Неволя заставит пройти через грязь,
Купаться в ней — свиньи лишь могут!

24

Подайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в бою, —
За русский обычай до дна ее пью,
За древнее русское вече!

25

За вольный, за честный славянский народ,
За колокол пью Новаграда,
И, если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

26

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!»

27

И выпил Владимир, и разом кругом,
Как плеск лебединого стада,
Как летом из тучи ударивший гром,
Народ отвечает: «За князя мы пьем —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

28

Да правит по-русски он русский народ,
А хана нам даром не надо!
И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдет —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!»

29

Пирует Владимир со светлым лицом,
В груди богатырской отрада;
Он верит: победно мы горе пройдем,
И весело слышать ему над Днепром:
«Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!»

30

Пирует с Владимиром сила бояр,
Пируют посадники града,
Пирует весь Киев, и молод и стар,
И слышен далёко звон кованых чар —
Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!

Вторая половина 1867—
первые числа января 1868 г. (?)

129. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

1

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?

Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь!

4

Двор мне, княже, твой не диво,
Не пиров держусь;
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно,
Сядут — полон стол;
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол.

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь —
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб;
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свету снова
Без того пора.

10

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит;

11

Душно в Киеве, что в скрине, —
Только киснет кровь;
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

13

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

Июнь—начало июля 1871 г.

130. КАНУТ

1

Две вести ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатом помине,
Шлет сват его Магнус. Из русской земли
Другая пришла от княгини.

2

С певцом своим Магнус словесную весть
Без грамоты шлет харатейной;
Он просит Канута, в услугу и в честь,
Приехать на съезд на семейный.

3

Княгиня ж ко грамоте тайной печать
Под многим привесила страхом;
И вслух ее строки Канут прочитать
Велит двум досужим монахам.

4

Читают монахи: «Супруг мой и князь!
Привиделось мне сновиденье:
Поехал в Роскильду, в багрец нарядясь,
На Магнуса ты приглашенье;

5

Багрец твой стал кровью в его терему;
Супруг мой, молю тебя слезно,
Не верь его дружбе, не езди к нему,
Любимый, желанный, болезный!»

6

Монахи с испугу речей не найдут:
«Святые угодники с нами!»
Взглянул на их бледные лица Канут,
Пожал, усмехаясь, плечами:

7

«Я Магнуса знаю, правдив он и прям,
Дружил с ним по нынешний день я;
Ужель ему веры теперь я не дам
Княгинина ради виденья?»

8

И берегом в путь выезжает морским
Канут, без щита и без брони;
Три отрока едут поодаль за ним,
Их весело топают кони.

9

Певец, что пoсылан его пригласить,
С ним едет по берегу рядом;
Тяжелую тайну клялся он хранить,
С опущенным едет он взглядом.

10

Дыханием теплым у моря весна
Чуть гривы коней их шевелит,
На мокрый песок набегает волна
И пену им под ноги стелет.

11

Но вот догоняет их отрок один,
С Канутом, сняв шлык, поравнялся:
«Уж нам не вернуться ли, князь-господин?
Твой конь на ходу расковался!»

12

«Пускай расковался! — смеется Канут, —
Мягка нам сегодня дорога,
В Роскильде коня кузнецы подкуют,
У свата, я чаю, их много!»

13

К болоту тропа, загибаясь, ведет;
Над ним, куда око ни глянет,
Вечерний туман свои нити прядет
И сизые полосы тянет.

14

От отроков вновь отделился один,
Равняет коня с господином:
«За этим туманищем, князь-господин,
Не видно твоей головы нам!»

15

«Пускай вам не видно моей головы —
Я, благо, живу без изъяна!
Опять меня целым увидите вы,
Как выедем мы из тумана!»

16

Въезжают они во трепещущий бор,
Весь полный весеннего крика,
Гремит соловьиный в шиповнике хор,
Звездится в траве земляника.

17

Черемухи ветви душистые гнут,
Все дикие яблони в цвете,
Их запах вдыхаючи, мыслит Канут:
«Жить любо на Божием свете!»

18

Украдкой певец на него посмотрел,
И жалость его охватила:
Так весел Канут, так доверчив и смел,
Кипит в нем так молодо сила!

19

Ужели сегодня во гроб ему лечь,
Погибнуть в подводе жестоком?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичным намеком.

20

Былину старинную он затянул;
В зеленом, пустынном просторе
С припевом дубравный сливается гул:
«Ой, море, ой, синее море!

21

К царевичу славному теща и тесть
Коварной исполнены злости,
Изменой хотят они зятя известь,
Зовут его ласково в гости.

22

Но морю, что, мир обтекая, шумит,
Известно о их заговоре;
„Не езди, царевич, — оно говорит, —
Ой, море, ой, синее море!

23

На верную смерть ты пускаешься в путь,
Твой тесть погубить тебя хочет,
Тот меч, что он завтра вонзит тебе в грудь,
Сегодня уж он его точит!”

24

Страшению моря царевич не внял,
Не внял на великое горе,
Спускает ладью он на пенистый вал —
Ой, море, ой, синее море!

25

Плывет он на верную гибель свою,
Беды над собою не чает,
И скорбно его расписную ладью
И нехотя море качает...»

26

Певец в ожидании песню прервал,
Украдкой глядит на Канута —
Беспечно тот едет себе вперевал,
Рвет ветки с черемухи гнутой;

27

Значение песни ему невдомек,
Он весел, как был и с почину,
И, видя, как он от догадки далек,
Певец продолжает былину:

28

«В ладье не вернулся царевич домой,
Наследную вотчину вскоре
Сватья разделили его меж собой —
Ой, море, ой, синее море!

29

У берега холм погребальный стоит,
Никем не почтён, не сторожен;
В холме том убитый царевич лежит,
В ладью расписную положен;

30

Лежит с погруженным он в сердце мечом,
Не в бармах, не в царском уборе,
И тризну свершает лишь море по нем —
Ой, море, ой, синее море!»

31

Вновь очи певец на Канута поднял:
Тот свежими клена листами
Гремучую сбрую коня разубрал,
Утыкал очёлок цветами;

32

Глядит он на мошек толкущийся рой
В лучах золотого захода
И мыслит, воздушной их тешась игрой:
«Нам ясная завтра погода!»

33

Былины значенье ему невдогад,
Он едет с весельем во взоре
И сам напевает товарищу в лад:
«Ой, море, ой, синее море!»

34

Его не спасти! Ему смерть суждена,
Влечет его темная сила!
Дыханьем своим молодая весна,
Знать, разум его опьянила!

35

Певец замолчал. Что свершится, о том
Ясней намекнуть он не смеет, —
Поют соловьи, заливаясь, кругом,
Шиповник пахучий алеет,

36

Не чует погибели близкой Канут,
Он едет к беде неминучей, —
Кругом соловьи, заливаясь, поют,
Шиповник алеет пахучий...

Декабрь 1872 г.

131

1

Порой веселой мая
По лугу вертограда,
Среди цветов гуляя,
Сам-друг идут два Лада.

2

Он — в мурмолке червленой,
Каменьем корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрест голени обвиты.

3

Она же — молодая,
Вся в ткани серебристой,
Звенят на ней, сверкая,
Граненые мониста,

4

Блестит венец наборный,
А хвост ее понявы,
Шурша фатой узорной,
Метет за нею травы.

5

Ей весело, невесте,
«О милый! — молвит другу, —
Не лепо ли нам вместе
В цветах идти по лугу?»

6

И взор ее он встретил,
И стан ей обнял гибкой.
«О милая! — ответил
Со страстною улыбкой, —

7

Здесь рай с тобою сущий!
Воистину все лепо!
Но этот сад цветущий
Засеют скоро репой!»

8

«Как быть такой невзгоде! —
Воскликнула невеста. —
Ужели в огороде
Для репы нету места?»

9

А он: «Моя ты лада!
Есть место репе, точно,
Но сад испортить надо
Затем, что он цветочный!»

10

Она ж к нему: «Что ж будет
С кустами медвежины,
Где каждым утром будит
Нас рокот соловьиный?»

11

«Кусты те вырвать надо
Со всеми их корнями,
Индеек здесь, о лада,
Хотят кормить червями!»

12

Подняв свои ресницы,
Спросила тут невеста:
«Ужель для этой птицы
В курятнике нет места?»

13

«Как месту-то не быти!
Но соловьев, о лада,
Скорее истребити
За бесполезность надо!»

14

«А роща, где в тени мы
Скрываемся от жара,
Ее, надеюсь, мимо
Пройдет такая кара?»

15

«Ее порубят, лада,
На здание такое,
Где б жирные говяда
Кормились на жаркое;

16

Иль даже выйдет проще,
О жизнь моя, о лада,
И будет в этой роще
Свиней пастися стадо!»

17

«О друг ты мой единый, —
Спросила тут невеста, —
Ужель для той скотины
Иного нету места?»

18

«Есть много места, лада,
Но наш приют тенистый
Затем изгадить надо,
Что в нем свежо и чисто!»

19

«Но кто же люди эти, —
Воскликнула невеста, —
Хотящие, как дети,
Чужое гадить место?»

20

«Чужим они, о лада,
Не многое считают:
Когда чего им надо,
То тащат и хватают».

21

«Иль то матерьялисты, —
Невеста вновь спросила, —
У коих трубочисты
Суть выше Рафаила?»

22

«Им имена суть многи,
Мой ангел серебристый,
Они ж и демагоги,
Они ж и анархисты.

23

Толпы их все грызутся,
Лишь свой откроют форум,
И порознь все клянутся
In verba вожакорум.

24

В одном согласны все лишь:
Коль у других именье
Отымешь и разделишь,
Начнется вожделенье.

25

Весь мир желают сгладить
И тем внести равенство,
Что всё хотят загадить
Для общего блаженства».

26

«Поведай, шуток кроме, —
Спросила тут невеста, —
Им в сумасшедшем доме
Ужели нету места?»

27

«О свет ты мой желанный,
Душа моя ты, лада!
Уж очень им пространный
Построить дом бы надо!

28

Вопрос: каким манером
Такой им дом построить?
Дозволить инженерам —
Премного будет стоить;

29

А земству предоставить
На их же иждивенье —
То значило б оставить
Постройку без движенья!»

30

«О друг, что ж делать надо,
Чтоб не погибнуть краю?»
— «Такое средство, лада,
Мне кажется, я знаю:

31

Чтоб русская держава
Спаслась от их затеи,
Повесить Станислава
Всем вожакам на шеи!

32

Тогда пойдет все гладко
И станет все на место».
— «Но это средство гадко!» —
Воскликнула невеста.

33

«Ничуть не гадко, лада,
Напротив, превосходно:
Народу без наклада,
Казне ж весьма доходно».

34

«Но это средство скверно!» —
Сказала дева в гневе.
«Но это средство верно!» —
Жених ответил деве.

35

«Как ты безнравствен, право! —
В сердцах сказала дева. —
Ступай себе направо,
А я пойду налево!»

36

И оба, вздевши длани,
Расстались рассержены,
Она в сребристой ткани,
Он в мурмолке червленой.

37

«К чему ж твоя баллада?» —
Иная спросит дева.
О жизнь моя, о лада,
Ей-ей, не для припева!

38

Нет, полн иного чувства,
Я верю реалистам:
Искусство для искусства
Равняю с птичьим свистом;

39

Я, новому ученью
Отдавшись без раздела,
Хочу, чтоб в песнопеньи
Всегда сквозило дело.

40

Служите ж делу, струны!
Уймите праздный ропот!
Российская коммуна,
Прими мой первый опыт!

Май—июнь (до 28-го) 1871 г.

132. ПОТОК-БОГАТЫРЬ

1

Зачинается песня от древних затей,
От веселых пиров и обедов,
И от русых от кос, и от черных кудрей,
И от тех ли от ласковых дедов,

Что с потехой охотно мешали дела,
От их времени песня теперь повела,
От того ль старорусского краю,
А чем кончится песня — не знаю.

2

У Владимира-Солнышка праздник идет,
Пированье идет, ликованье,
С молодицами гридни ведут хоровод,
Гуслей звон и кимвалов бряцанье;
Молодицы что светлые звезды горят
И под топот подошв и под песенный лад,
Изгибаяся, ходят красиво,
Молодцы выступают на диво.

3

Но Поток-богатырь всех других превзошел:
Взглянет — искрами словно обмечет;
Повернется направо — что сизый орел,
Повернется налево — что кречет;
Подвигается мерно и взад и вперед:
То притопнет ногою, то шапкой махнет,
То вдруг станет, тряхнувши кудрями,
Пожимает на месте плечами.

4

И дивится Владимир на стройную стать,
И дивится на светлое око:
«Никому, — говорит, — на Руси не плясать
Супротив молодого Потока!»
Но уж поздно — встает со княгинею князь,
На три стороны в пояс гостям поклонясь,
Всем желает довольным остаться —
Это значит: пора расставаться.

5

И с поклонами гости уходят домой,
И Владимир княгиню уводит,
Лишь один остается Поток молодой,
Подбочася, по-прежнему ходит:
То притопнет ногою, то шапкой махнет,
Не заметил он, как отошел хоровод,
Не слыхал он Владимира ласку,
Продолжает по-прежнему пляску.

6

Вот уж месяц из-за́ лесу кажет рога
И туманом подернулись балки,
Вот и в ступе поехала баба-яга
И в Днепре заплескались русалки;
В Заднепровье послышался лешего вой,
По конюшням дозором пошел домовой,

На трубе ведьма пологом машет,
А Поток себе пляшет да пляшет.

7

Сквозь царьградские окна в хоромную сень
Смотрят светлые звезды, дивяся,
Как по белым стенам богатырская тень
Ходит взад и вперед, подбочася.
Перед самой зарей утомился Поток,
Под собой уже резвых не чувствует ног,
На мостницы как сноп упадает,
На полтысячи лет засыпает.

8

Много снов ему снится в полтысячи лет:
Видит славные схватки и сечи,
Красных девиц внимает радушный привет
И с боярами судит на вече;
Или видит Владимира вежливый двор,
За ковшами веселый ведет разговор,
Иль на ловле со князем гуторит,
Иль в совете настойчиво спорит.

9

Пробудился Поток на Москве на реке,
Пред собой видит терем дубовый,

Под узорным окном, в закутно́м цветнике,
Распускается розан махровый.
Полюбился Потоку красивый цветок,
И понюхать его норовится Поток,
Как в окне показалась царевна,
На Потока накинулась гневно:

10

«Шеромыжник, болван, неученый холоп!
Чтоб тебя в турий рог искривило!
Поросенок, теленок, свинья, эфиоп,
Чертов сын, неумытое рыло!
Кабы только не этот мой девичий стыд,
Что иного словца мне сказать не велит,
Я тебя, прощелыгу, нахала,
И не так бы еще обругала!»

11

Испугался Поток, не на шутку струхнул:
«Поскорей унести бы мне ноги!»
Вдруг гремят тулумбасы, идет караул,
Гонит палками встречных с дороги;
Едет царь на коне, в зипуне из парчи,
А кругом с топорами идут палачи —
Его милость сбираются тешить:
Там кого-то рубить или вешать.

12

И во гневе за меч ухватился Поток:
«Что за хан на Руси своеволит?»
Но вдруг слышит слова: «То земной
едет бог!
То отец наш казнить нас изволит!»
И на улице, сколько там было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи, —
Все пред ним повалились на брюхи.

13

Удивляется притче Поток молодой:
«Если князь он иль царь напоследок,
Что ж метут они землю пред ним бородой?
Мы честили князей, но не этак!
Да и полно, уж вправду ли я на Руси?
От земного нас бога Господь упаси!
Нам Писанием велено строго
Признавать лишь небесного Бога!»

14

И пытает у встречного он молодца:
«Где здесь, дядя, сбирается вече?»
Но на том от испугу не видно лица:
«Чур меня, — говорит, — человече!»
И пустился бежать от Потока бегом,

У того ж голова заходила кругом,
Он на землю как сноп упадает,
Лет на триста еще засыпает.

15

Пробудился Поток на другой на реке,
На какой — не припомнит преданье;
Погуляв себе взад и вперед в холодке,
Входит он во просторное зданье;
Видит: судьи сидят, и торжественно тут
Над преступником гласный свершается суд:
Несомненны и тяжки улики,
Преступленья ж довольно велики:

16

Он отца отравил, пару теток убил,
Взял подлогом чужое именье
Да двух братьев и трех дочерей задушил —
Ожидают присяжных решенья.
И присяжные входят с довольным лицом:
«Хоть убил, — говорят, — не виновен ни в чем!»
Тут платками им слева и справа
Машут барыни с криками: браво!

17

И промолвил Поток: «Со присяжными суд
Был обычен и нашему миру,
Но, когда бы такой подвернулся нам шут,
В триста кун заплатил бы он виру!»
А соседи, косясь на него, говорят:
«Вишь какой затесался сюда ретроград!
Отсталой он, то видно по платью,
Притеснять хочет меньшую братью!»

18

Но Поток из их слов ничего не поймет,
И в другое он здание входит;
Там какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует Господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначальи народа.

19

И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
«Говори, уважаешь ли ты мужика?»
Но Поток вопрошает: «Какого?»
— «Мужика вообще, что смиреньем велик!»

Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:
Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю!»

20

«Феодал! — закричал на него патриот. —
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?»
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
Править Русью призва́н только черный народ;
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он полноправен!»

21

Тут все подняли крик, словно дернул их бес,
Угрожают Потоку бедою;
Слышно: *почва, гуманность, коммуна, прогресс*
И что кто-то *заеден средою.*
Меж собой вперерыв, наподобье галчат,
Все об *общем* каком-то о *деле* кричат,
И Потока с язвительным тоном
Называют *остзейским бароном.*

22

И подумал Поток: «Уж, Господь борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана;
А сегодня велят мужика обожать.
Мне сдается: такая потребность лежать
То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе».

23

В третий входит он дом — и объял его страх:
Видит, в длинной палате вонючей,
Все острижены вкруг, в сюртуках и в очках,
Собралися красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое *общее дело*:
Потрошат чье-то мертвое тело.

24

Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,
А они восклицают ехидно:
«Ах, какой он *пошляк*! Ах, как он *неразвит*!
Современности вовсе не видно!»

Но Поток говорит, очутясь на дворе:
«То ж бывало у нас и на Лысой горе,
Только ведьмы хоть голы и босы,
Но, по крайности, есть у них косы!»

25

И что видеть и слышать ему довелось:
И тот суд, и о Боге ученье,
И в сияньи мужик, и девицы без кос —
Все приводит его к заключенью:
«Много разных бывает на свете чудес;
Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здравого русского веча
Вам еще, государи, далече!»

26

И так сделалось гадко и тошно ему,
Что он наземь как сноп упадает
И под слово *прогресс*, как в чаду и дыму,
Лет на двести еще засыпает.
Пробужденья его мы теперь подождем,
Что, проснувшись, увидит, о том и споем,
А покудова он не проспится,
Наудачу нам петь не годится.

До марта 1871 г.

133. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

1

Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску нового времени!
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?»

2

Други, не верьте! Все та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звезды небесные!
Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите во имя прекрасного
Против течения!

3

Вспомните: в дни Византии расслабленной,
В приступах ярых на Божьи обители,
Дерзко ругаясь святыне награбленной,
Так же кричали икон истребители:

«Кто воспротивится нашему множеству!
Мир обновили мы силой мышления —
Где ж побежденному спорить художеству
Против течения?»

4

В оные ж дни, после казни Спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,
Шли проповедовать слово Учителя,
Книжники так говорили надменные:
«Распят мятежник! Нет проку в осмеянном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения?»

5

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею:
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верою в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!

До мая 1867 г.

134. ПЕСНЯ О ГАРАЛЬДЕ И ЯРОСЛАВНЕ

1

Гаральд в боевое садится седло,
Покинул он Киев державный,
Вздыхает дорогою он тяжело:
«Звезда ты моя, Ярославна!

2

Надежд навсегда миновала пора,
Твой слышал, княжна, приговор я,
Узнают же вес моего топора
От края до края поморья!»

3

И Русь оставляет Гаральд за собой,
Плывет он размыкивать горе
Туда, где арабы с норманнами бой
Ведут на земле и на море.

4

В Мессине он им показал свой напор,
Он рубит их в битве неравной
И громко взывает, подъемля топор:
«Звезда ты моя, Ярославна!»

5

Дает себя знать он и грекам в бою,
И Генуи выходцам вольным,
Он на море бьется, ладья о ладью,
Но мысль его в Киеве стольном.

6

Летает он по морю сизым орлом,
Он чайкою в бурях пирует,
Трещат корабли под его топором —
По Киеву сердце тоскует.

7

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славе нет равной —
Но в мысли спокойные воды Днепра,
Но в сердце княжна Ярославна.

8

Нет, видно, ему не забыть уж о ней,
Не вымучить счастья иного —
И круто он бег повернул кораблей
И к северу гонит их снова.

9

Он на берег вышел, он сел на коня,
Он в зелени едет дубравной —
«Полюбишь ли, девица, ныне меня,
Звезда ты моя, Ярославна?»

10

И в Киев он стольный въезжает, крестясь;
Там, гостя радушно встречая,
Выходит из терема ласковый князь,
А с ним и княжна молодая.

11

«Здорово, Гаральд! Расскажи, из какой
На Русь воротился ты дали?
Замешкался долго в земле ты чужой,
Давно мы тебя не видали!»

12

«Я, княже, уехал, любви не стяжав,
Уехал безвестный и бедный,
Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной!

13

Я город Мессину в раззор разорил,
    Разграбил поморье Царьграда,
Ладьи жемчугом по края нагрузил,
    А тканей — и мерить не надо!

14

Ко древним Афинам, как ворон, молва
    Неслась пред ладьями моими,
На мраморной лапе пирейского льва
    Мечом я насек мое имя!

15

Прибрежья, где черный мой стяг прошумел,
    Сикилия, Понт и Эллада
Вовек не забудут Гаральдовых дел,
    Набегов Гаральда Гардрада!

16

Как вихорь обмел я окрайны морей,
    Нигде моей славе нет равной —
Согласна ли ныне назваться моей,
    Звезда ты моя, Ярославна?»

17

В Норвегии праздник веселый идет:
Весною, при плеске народа,
В ту пору, как алый шиповник цветет,
Вернулся Гаральд из похода.

18

Цветами его корабли обвиты,
От сеч отдыхают варяги,
Червленые берег покрыли щиты
И с черными вранами стяги.

19

В ладьях отовсюду к шатрам парчевым
Причалили вещие скальды
И славят на арфах, один за другим,
Возврат удалого Гаральда.

20

А сам он у моря, с веселым лицом,
В хламиде и в светлой короне,
Норвежским избранный от всех королем,
Сидит на возвышенном троне.

21

Отборных и гридней и отроков рой
Властителю служит уставно;
В царьградском наряде, в короне златой
С ним рядом сидит Ярославна.

22

И, к ней обращаясь, Гаральд говорит,
С любовью в сияющем взоре:
«Все, что пред тобою цветет и блестит,
И берег, и синее море,

23

Цветами убранные те корабли,
И грозные замков твердыни,
И людные веси норвежской земли,
И все, чем владею я ныне,

24

И слава, добытая в долгой борьбе,
И самый венец мой державный,
И все, чем я бранной обязан судьбе, —
Все то я добыл лишь на вено тебе,
Звезда ты моя, Ярославна!»

Январь—начало февраля 1869 г.

135. ПЕСНЯ О ПОХОДЕ ВЛАДИМИРА НА КОРСУНЬ

Часть первая

1

«Добро, — сказал князь, когда выслушал он
Улики царьградского мниха, —
Тобою, отец, я теперь убежден;
Виновен, что мужем был стольких я жен,
Что жил и беспутно и лихо.

2

Что богом мне был то Перун, то Велес,
Что силою взял я Рогнеду;
Досель надо мною, знать, тешился бес,
Но мрак ты рассеял — и я в Херсонес
Креститься, в раскаяньи, еду».

3

Царьградский философ и мних тому рад,
Что хочет Владимир креститься;
«Смотри ж, — говорит, — для небесных наград,
Чтоб в райский, по смерти, войти вертоград,
Ты должен душою смириться».

4

«Смирюсь, — говорит ему князь, —
я готов —
Но только смирюсь без урону!
Спустить в Черторой десять сотен стругов;
Коль выкуп добуду с корсунских купцов,
Я города пальцем не трону!»

5

Готовы струги́, паруса подняты,
Плывут к Херсонесу варяги;
Поморье, где южные рдеют цветы,
Червленые вскоре покрыли щиты
И с русскими вранами стяги.

6

И князь повещает корсунцам: «Я здесь!
Сдавайтесь, прошу вас смиренно,
Не то, не взыщите, собью вашу спесь
И город по камням размыкаю весь —
Креститься хочу непременно!»

7

Увидели греки в заливе суда,
У стен уж дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:

«Настала, как есть, христианам беда:
Приехал Владимир креститься!

8

И прений-то с нами не станет держать,
В риторике он ни бельмеса;
А просто обложит нас русская рать
И будет, пожалуй, три года стоять
Да грабить края Херсонеса!»

9

И в мудрости тотчас решает сенат,
Чтоб русским отверзлись ворота;
Владимир приему радушному рад,
Вступает с дружиной в испуганный град
И молвит сенату: «Ну, то-то!»

10

И шлет в Византию послов ко двору:
«Цари Константин да Василий!
Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то вас обоих дружиной припру,
Так вступим в родство без насилий!»

11

И вот императоры держат совет,
Толкуют в палате престольной;
Им плохо пришлося, им выбора нет,
Владимиру шлют поскорее ответ:
«Мы очень тобою довольны;

12

Крестися и к нам приезжай в добрый час,
Тебя повенчаем мы с Анной!»
Но он к императорам: «Вот тебе раз!
Вы шутите, что ли? Такая от вас
Мне отповедь кажется странна;

13

К вам ехать отсюда какая мне стать?
Чего не видал я в Царьграде?
Царевну намерен я здесь ожидать,
Не то приведу я вам целую рать,
Коль видеть меня вы так ради!»

14

Что делать с Владимиром? Вынь да положь!
Креститься хочу да жениться!
Не лезть же царям, в самом деле, на нож!
Пожали плечами и молвят: «Ну что ж!
Приходится ехать, сестрица!»

15

Корабль для нее снаряжают скорей,
Узорные ладят ветрила,
Со причтом на палубе ждет архирей,
Сверкает на солнце парча стихарей,
Звенят и дымятся кадила.

16

В печали великой по всходне крутой
Царевна взошла молодая,
Прислужницы деву накрыли фатой,
И волны запенил корабль золотой,
Босфора лазурь рассекая.

17

Увидел Владимир вдали паруса
И хмурые брови раздвинул;
Почуялась сердцу невесты краса,
Он гребнем свои расчесал волоса
И корзно княжое накинул.

18

На пристань он сходит царевну встречать,
И лик его светел и весел,
За ним вся корсуньская следует знать,
И руку спешит он царевне подать
И в пояс поклон ей отвесил.

19

И шествуют рядом друг с другом они,
В одеждах блестящих и длинных;
Каменья оплечий горят как огни,
Идут под навесом шелковым, в тени,
К собору, вдоль улиц старинных.

20

И молвит там, голову князь преклоня:
«Клянуся я в вашем синклите
Дружить Византии от этого дня,
Крестите ж, отцы-иереи, меня,
Да, чур, по уставу крестите!»

21

Свершился в соборе крещенья обряд,
Свершился обряд обвенчанья,
Идет со княгиней Владимир назад,
Вдоль улиц старинных, до светлых палат,
Кругом их толпы ликованье.

22

Сидят за честным они рядом столом,
И вот, когда звон отзвонили,
Владимир взял чашу с хиосским вином:
«Хочу, чтоб меня поминали добром
Шурья Константин да Василий!»

23

«То правда ль, я слышал, замкнули Босфор
Дружины какого-то Фоки?»
— «Воистину правда!» — ответствует двор.
«Но кто ж этот Фока?» — «Мятежник и вор!»
— «Отделать его на все боки!»

24

Отделали русские Фоку как раз;
Цари Константин и Василий
По целой империи пишут приказ:
«Владимир-де нас от погибели спас,
Его чтоб все люди честили!»

25

И князь говорит: «Я построю вам храм
На память, что здесь я крестился,
А город Корсунь возвращаю я вам
И выкуп обратно всецело отдам,
Зане я душою смирился!»

26

Застольный гремит, заливаяся, хор,
Шипучие пенятся вина,
Веселием блещет Владимира взор,
И строить готовится новый собор
Крещеная с князем дружина.

27

Привозится яшма водой и гужом,
И мрамор привозится белый,
И быстро Господень возносится дом,
И ярко на поле горят золотом
Иконы мусийского дела.

28

И взапуски князя синклит, и сенат,
И сколько там греков ни сталось
Всю зиму пирами честят да честят,
Но молвит Владимир: «Пора мне назад,
По Киеве мне встосковалось!

29

Вы, отроки-други, спускайте ладьи,
Трубите дружине к отбою,
Кленовые весла берите свои;
Уж в Киеве, чаю, поют соловьи
И в рощах запахло весною!

30

Весна, мне неведомых полная сил,
И в сердце моем зеленеет;
Что нудою я и насильем добыл,
Чем сам овладеть я оружием мнил,
То мною всесильно владеет!

31

Спускайте ж ладьи, бо и ночью и днем
Я гласу немолчному внемлю:
Велит он в краю нам не мешкать чужом,
Да свет, озаряющий нас, мы внесем
Торжественно в русскую землю!»

Часть вторая

1

По лону днепровских сияющих вод,
Где, празднуя жизни отраду,
Весной все гремит, и цветет, и поет,
Владимир с дружиной обратно плывет
Ко стольному Киеву-граду.

2

Все звонкое птаство летает кругом,
Ликуючи в тысячу глоток,
А князь многодумным поникнул челом,
Свершился в могучей душе перелом,
И взор его мирен и кроток.

3

Забыла княгиня и слезы и страх;
Одеждой алмазной блистая,

Глядит она с юным весельем в очах,
Как много пестреет цветов в камышах,
Как плещется лебедей стая,

4

Как рощи навстречу несутся ладьям,
Как берег проносится мимо,
И, лик наклоняя к зеркальным водам,
Глядит, как ее отражается там
Из камней цветных диадима.

5

Великое слово корсунцам храня,
Князь не взял с них денег повинных,
Но город поднес ему, в честь того дня,
Из бронзы коринфской четыре коня
И статуй немало старинных.

6

И кони, и белые статуи тут,
Над поездом выся громаду,
Стоймя на ладьях, неподвижны, плывут,
И волны Днепра их, дивуясь, несут
Ко стольному Киеву-граду.

7

Плывет и священства и дьяконства хор
С ладьею Владимира рядом;
Для Киева синий покинув Босфор,
Они оглашают днепровский простор
Уставным демественным ладом.

8

Когда ж умолкает священный канон,
Запев зачинают дружины,
И с разных кругом раздаются сторон
Заветные песни минувших времен
И дней богатырских былины.

9

Так вверх по Днепру, по широкой реке,
Плывут их ладей вереницы,
И вот перед ними, по левой руке,
Все выше и выше растет вдалеке
Град Киев с горой Щековицей.

10

Владимир с княжого седалища встал,
Прервалось весельщиков пенье,
И миг тишины и молчанья настал,
И князю, в сознании новых начал,
Открылося новое зренье:

11

Как сон, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые из глаз,
И мнится Владимиру: в первый он раз
Свой город увидел сегодня.

12

Народ, издалёка их поезд узнав,
Столпился на берег, и много,
Скитавшихся робко без крова и прав,
Пришло христиан из пещер и дубрав
И славят Спасителя Бога.

13

И пал на дружину Владимира взор:
«Вам, други, доселе со мною
Стяжали победы лишь меч да топор,
Но время настало — и мы с этих пор
Сильны еще силой иною!

14

Что смутно в душе мне сказалось моей,
То ясно вы ныне познайте:
Дни правды дороже воинственных дней!
Гребите же, други, гребите сильней,
На весла дружней налегайте!»

15

Вскипела, под полозом пенясь, вода,
Отхлынув, о берег забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Передние в пристань вбежали суда,
И с шумом упали ветрила.

16

И на берег вышел, душой возрожден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон —
Дела стародавних, далеких времен,
Преданья невянущей славы!

Март—апрель 1869 г.

136. РУГЕВИТ

1

Над древними подъемляся дубами,
Он остров наш от недругов стерег;
В войну и мир равно честимый нами,
Он зорко вкруг глядел семью главами,
Наш Ругевит, непобедимый бог.

2

Курился дым ему от благовоний,
Его алтарь был зеленью обвит,
И много раз на кучах вражьих броней
У ног своих закланных видел доней
Наш грозный бог, наш славный Ругевит.

3

В годину бурь, крушенья избегая,
Шли корабли под сень его меча;
Он для своих защита был святая,
И ласточек доверчивая стая
В его брадах гнездилась, щебеча.

4

И мнили мы: «Жрецы твердят недаром,
Что, если враг попрет его порог,
Он оживет, и вспыхнет взор пожаром,
И семь мечей подымет в гневе яром
Наш Ругевит, наш оскорбленный бог».

5

Так мнили мы, но роковая сила
Уж обрекла нас участи иной;
Мы помним день: заря едва всходила,
Нежданные к нам близились ветрила,
Могучий враг на Ругу шел войной.

6

То русского шел правнук Мономаха,
Владимир шел в главе своих дружин,
На ругичан он первый шел без страха,
Король Владимир, правнук Мономаха,
Варягов князь и доней властелин.

7

Мы помним бой, где мы не устояли,
Где Яромир Владимиром разбит;
Мы помним день, где наши боги пали,
И затрещал под звоном вражьей стали,
И рухнулся на землю Ругевит.

8

Четырнадцать волов, привычных к плугу,
Дубовый вес стащить едва могли;
Рога склонив, дымяся от натугу,
Под свист бичей они его по лугу
При громких криках доней волокли.

9

И, на него взошед, с крестом в деснице,
Держась за свой вонзенный в бога меч,
Епископ Свен, как вождь на колеснице,
Так от ворот разрушенной божницы
До волн морских себя заставил влечь.

10

И к берегу, рыдая, все бежали,
Мужи и старцы, женщины с детьми;
Был вой кругом. В неслыханной печали:
«Встань, Ругевит! — мы вслед ему кричали. —
Воспрянь, наш бог, и доней разгроми!»

11

Но он не встал. Где, об утес громадный
Дробясь, кипит и пенится прибой,
Он с крутизны низвергнут беспощадно;
Всплеснув, валы его схватили жадно
И унесли, крутя перед собой.

12

Так по́плыл прочь от нашего он края
И отомстить врагам своим не мог.
Дивились мы, друг друга вопрошая:
«Где ж мощь его? Где власть его святая?
Наш Ругевит ужели был не бог?»

13

И, пробудясь от первого испугу,
Мы не нашли былой к нему любви
И разошлись в раздумии по лугу,
Сказав: «Плыви, в беде не спасший Ругу,
Дубовый бог! Плыви себе, плыви!»

Лето—осень 1870 г.

137. САДКО

1

Сидит у царя водяного Садко
И с думою смотрит печальной,
Как моря пучина над ним высоко
Синеет сквозь терем хрустальный;

2

Там ходят, как тени, над ним корабли,
Товарищи там его ищут,
Там берег остался цветущей земли,
Там птицы порхают и свищут;

3

А здесь на него любопытно глядит
Белуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бежит
Снетков серебристая стая.

4

Куда он ни взглянет — все синяя гладь,
Все воду лишь видит да воду,
И песни устал он на гуслях играть
Царю водяному в угоду.

5

А царь, улыбаясь, ему говорит:
«Садко, мое милое чадо,
Поведай, зачем так печален твой вид?
Скажи мне, чего тебе надо?

6

Кутья ли с шафраном моя не вкусна?
Блины с инбирем не жирны ли?
Аль в чем неприветна царица-жена?
Аль дочери чем досадили?

7

Смотри, как алмазы здесь ярко горят!
Как много здесь яхонтов алых!
Сокровищ ты столько нашел бы навряд
В хваленых софийских подвалах!»

8

«Ты гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Я много доволен твоею женой,
И мне от царевен не худо;

9

Вкусны и кутья, и блины с инбирем,
Одно, государь, мне обидно:
Куда ни посмотришь, всё мокро кругом,
Сухого местечка не видно!

10

Что пользы мне в том, что сокровищ полны
Подводные эти хоромы!
Увидеть бы мне хотя б зелень сосны,
Прилечь хоть на ворох соломы!

11

Богатством своим ты меня не держи;
Все роскоши эти и неги
Я б отдал за крик перепелки во ржи,
За скрып новгородской телеги!

12

Давно так не видно мне Божьего дня,
Мне запаху здесь — только тина;
Хоть дегтем повеяло б раз на меня,
Хоть дымом курного овина.

13

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на земле расцветает,
И сам уж не знаю, что станет со мной:
За сердце вот так и хватает!

14

Теперь у нас пляски в лесу в молодом,
Забыты и стужа и слякоть —
Когда я подумаю только о том,
От грусти мне хочется плакать!

15

Теперь, чай, и птица, и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний пробившись, теперь
Синеет в лесу медуница!

16

Во свежем, в зеленом, в лесу молодом
Березой душистою пахнет —
И сердце во мне, лишь помыслю о том,
С тоски изнывает и чахнет!»

17

«Садко, мое чадо, городишь ты вздор,
Земля нестерпима от зною;
Я в этом сошлюся на целый мой двор —
Всегда он согласен со мною.

18

Мой терем есть моря великого пуп,
Твой жеребий, стало быть, светел;
А ты непонятлив, несведущ и глуп,
Я это давно уж заметил.

19

Ты в думе пригоден моей заседать,
Твою возвеличу я долю
И сан водяного советника дать
Тебе непременно изволю!»

20

«Ты гой еси, царь-государь водяной,
Премного тебе я обязан,
Но почести я недостоин морской,
Уж очень к земле я привязан.

21

Бывало, не все там норовилось мне,
Не по сердцу было иное;
С тех пор же, как я очутился на дне,
Мне все стало мило земное;

22

Припомнился пес мне, и грязен и хил,
В репьях и в сору извалялся;
На пир я в ту пору на званый спешил,
А он мне под ноги попался;

23

Брюзгливо взглянув, я его отогнал,
Ногой оттолкнул его гордо —
Вот этого пса я б теперь целовал
И в темя, и в очи, и в морду!»

24

«Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псе вспоминаешь сегодня?
Зачем тебе грязного пса целовать?
На то мои дочки пригодней.

25

Воистину, чем бы ты им не жених?
  Я вижу, хоть в ус и не дую,
Пошла за тебя бы любая из них —
  Бери ж себе в жены любую!»

26

«Ты гой еси, царь-государь водяной,
  Морское пресветлое чудо!
Боюся, от брака с такою женой
  Не вышло б душе моей худо!

27

Не спорю, они у тебя хороши
  И цвет их очей изумрудный,
Но только колючи они, как ерши,
  Нам было б сожительство трудно.

28

Я тем не порочу твоих дочерей,
  Но я бы не то что любую,
А всех их сейчас променял бы, ей-ей,
  На первую девку рябую!»

29

«Садко, мое чадо, уж очень ты груб,
Не нравится речь мне такая;
Когда бы твою не ценил я игру б,
Ногой тебе дал бы пинка я.

30

Но печени как-то сегодня свежо,
Веселье в утробе я чую;
О свадьбе твоей потолкуем ужо,
Теперь же сыграй плясовую!»

31

Ударил Садко по струна́м трепака,
Сам к черту шлет царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся в бока,
Готовится, дрыгая, в пляску.

32

Сперва лишь на месте поводит усом,
Щетинистой бровью кивает;
Но вот запыхтел и надулся, как сом,
Все боле его разбирает.

33

Похаживать начал, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдруг как пойдет выводить вензеля,
Так все затряслись половицы.

34

«Ну, — мыслит Садко, — я тебя заморю!»
С досады быстрей он играет,
Но, как ни частит, водяному царю
Все более сил прибывает.

35

Пустился навыверт пятами месить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядеть индо страшно, ей-Богу!

36

Бояре в испуге ползут окарачь,
Царица присела аж на пол,
Пищат-ин царевны, а царь себе вскачь
Знай чешет ногами оба́пол.

37

То, выпятя грудь, на придворных он прет,
То, скорчившись, пятится боком,
Ломает коленца и взад и вперед,
Валяет загрёбом и скоком.

38

И все веселей и привольней ему,
Коленца выходят все круче —
Темнее становится все в терему,
Над морем сбираются тучи...

39

Но шибче играет Садко, осерча,
Сжав зубы и брови нахмуря,
Он злится, он дергает струны сплеча —
Вверху подымается буря...

40

Вот дальними грянул раскатами гром,
Сверкнуло в пучинном просторе,
И огненным светом зардела кругом
Глубокая празелень моря.

41

Вот крики послышались там высоко:
То гибнут пловцы с кораблями...
Отчаянней бьет пятернями Садко,
Царь бешеней месит ногами;

42

Вприсядку понес его черт ходуном,
Он фыркает, пышет и дует,
Гремит плясовая, колеблется дом,
И море ревет и бушует...

43

И вот пузыри от подстенья пошли,
Садко уже видит сквозь стены:
Разбитые ко дну летят корабли,
Крутяся средь ила и пены;

44

Он видит: моряк не один потонул,
В нем сердце исполнилось жали,
Он сильною хваткой за струны рванул —
И, лопнув, они завизжали.

45

Споткнувшись, на месте стал царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
«Никак, подшутил ты, Садко, надо мной?
Противна мне шутка такая!

46

Не в пору, невежа, ты струны порвал,
Как раз когда я расплясался!
Такого колена никто не видал,
Какое я дать собирался!

47

Зачем здоровее ты струн не припас?
Как буду теперь без музы́ки?
Аль ты, неумытый, плясать в сухопляс
Велишь мне, царю и владыке?»

48

И плесом чешуйным в потылицу царь
Хватил его, ярости полный,
И вот завертелся Садко как кубарь,
И вверх понесли его волны...

49

Сидит в Новеграде Садко невредим,
С ним вящие все уличане;
На скатерти браной шипит перед ним
Вино в венецейском стакане.

50

Степенный посадник, и тысяцкий тут,
И старых посадников двое,
И с ними кончанские старосты пьют
Здоровье Садку круговое.

51

«Поведай, Садко, уходил ты куда?
На чудскую Емь аль на Балты?
Где бросил свои расшивные суда?
И без вести где пропадал ты?»

52

Поет и на гуслях играет Садко,
Поет про царя водяного:
Как было там жить у него нелегко
И как уж он пляшет здорово;

53

Поет про поход без утайки про свой,
Какая чему была чередь, —
Качают в сомнении все головой,
Не могут рассказу поверить.

Ноябрь 1871—март 1872 г.

138. СВАТОВСТВО

1

По вешнему по складу
Мы песню завели,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

2

Поведай, песня наша,
На весь на русский край,
Что месяцев всех краше
Веселый месяц май!

3

В лесах, в полях отрада,
Все вербы расцвели,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

4

Затем так бодр и весел
Владимир, старый князь,
На подлокотни кресел
Сидит облокотясь.

5

И с ним, блестя нарядом,
В красе седых кудрей,
Сидит княгиня рядом
За пряжей за своей.

6

Кружась, жужжит и пляшет
Ее веретено,
Черемухою пашет
В открытое окно.

7

И тут же молодые,
Потупившие взгляд,
Две дочери княжие
За пяльцами сидят.

8

Сидят они так тихо,
И взоры в ткань ушли,
В груди ж поется лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

9

И вовсе им не шьется,
Хоть иглы изломай!
Так сильно сердце бьется
В веселый месяц май!

10

Когда ж берет из мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обе дочки
Косятся на окно.

11

Но вот, забыв о пряже,
Княгиня молвит вдруг:
«Смотри, два гостя, княже,
Подъехали сам-друг;

12

С коней спрыгнули смело
У самого крыльца —
Узнать я не успела
Ни платья, ни лица».

13

А князь смеется: «Знаю!
Пусть входят молодцы;
Не дальнего, чай, краю
Залетные птенцы!»

14

И вот их входит двое,
В лохмотьях и тряпьях,
С пеньковой бородою,
В пеньковых волосах.

15

Вошедши, на икону
Крестятся в красный кут,
А после по поклону
Хозяевам кладут.

16

Князь просит их садиться,
Он хитрость их проник,
Заране веселится
Обману их старик.

17

Но он обычай знает
И речь заводит сам:
«Отколе, — вопрошает, —
Пожаловали к нам?»

18

«Мы, княже-господине,
Мы с моря рыбаки,
Сейчас завязли в тине
Среди Днепра-реки;

19

Двух рыбок златоперых
Хотели мы поймать,
Да спрятались в кокорах,
Пришлося подождать».

20

Но князь на это: «Братья,
Неправда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья,
И с вами нет сетей!

21

Днепра ж светлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано в нем тины
От веку никогда!»

22

На это гости: «Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажем глаже:
Мы брыньские стрелки!

23

Стреляем зверь да птицы
По дебрям по лесным,
А ноне две куницы
Пушистые следим;

24

Трущобой шли да дромом,
Досель удачи нет,
Но нас к твоим хоромам
Двойной приводит след!»

25

А князь на это: «Что вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не в пыли!

26

Куниц же бьют зимою,
А ноне месяц май,
За зверью за иною
Пришли ко мне вы, чай!»

27

«Ну, княже, — молвят гости, —
Тебя не обмануть!
Так скажем уж попрости,
Кто мы такие суть:

28

Мы бедные калики,
Мы старцы-гусляры,
Но петь не горемыки,
Где только есть пиры;

29

Мы скрозь от Новаграда
Сюда с припевом шли:
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

30

И если бы две свадьбы
Затеял ты сыграть,
Мы стали распевать бы
Да струны разбирать!»

31

«Вот это, — князь ответил, —
Другой выходит стих:
Но гуслей не заметил
При вас я никаких!

32

А что с припевом шли вы
Сквозь целый русский край,
Оно теперь не диво,
В веселый месяц май!

33

Теперь в ветвях березы
Поют и соловьи,
В лугах поют стрекозы,
В полях поют ручьи,

34

И много, в небе рея,
Поет пернатых стай —
Всех месяцев звончее
Веселый месяц май!

35

Но строй гуслярный, други,
Навряд ли вам знаком:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечом!

36

В мешке не спрятать шила!
Вас выдал речи звук:
Пленкович ты Чурило,
А ты Степаныч Дюк!»

37

Тут с них лохмотья спали,
И, светлы как заря,
Два славные предстали
Пред ним богатыря;

38

Их бороды упали,
Смеются их уста —
Подобная едва ли
Встречалась красота!

39

Их кровь от сил избытка
Играет горячо,
Корсунская накидка
Надета на плечо,

40

Коты из аксамита
С камением цветным,
А бёрца вкрест обвиты
Обором золотным;

41

Орлиным мечут оком
Не взоры, но лучи;
На поясе широком
Крыжатые мечи.

42

С притворным со смущеньем
Глядят на них княжны,
Как будто превращеньем
И впрямь удивлены;

43

И взоры тотчас тихо
Склонили до земли,
А сердце скачет лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

44

Княгиня ж молвит: «Знала
Я это наперед,
Недаром куковала
Кукушка у ворот,

45

И снилось мне с полночи,
Что, голову подняв
И в лес уставя очи,
Наш лает волкодав!»

46

Но, вид приняв суровый,
Пришельцам молвит князь:
«Ответствуйте, почто вы
Вернулись не спросясь?

47

Указан был отселе
Вам путь на девять лет —
Каким же делом смели
Забыть вы мой запрет?»

48

«Не будь, о княже, гневен,
Твой двор чтоб видеть вновь,
Армянских двух царевен
Отвергли мы любовь;

49

Зане твоих издавна
Мы любим дочерей —
Отдай же их, державный,
За нас, богатырей!»

50

Но, вид храня суровый,
А сам в душе смеясь,
«Мне эта весть не нова, —
Ответил старый князь. —

51

От русской я державы
Велел вам быть вдали,
А вы ко мне лукаво
На промысел пришли!

52

Но рыб чтоб вы не смели
Ловить в моем Днепру,
Все глуби я и мели
Оцепами запру!

53

Чтоб впредь вы не дерзали
Следить моих куниц,
Ограду я из стали
Поставлю круг границ!

54

Ни неводом вам боле,
Ни сетью не ловить —
Но будет в вашей воле
Добром их приманить:

55

Коль быть хотят за вами,
Никто им не мешай!
Пускай решают сами
В веселый месяц май!»

56

Услыша слово это,
С Чурилой славный Дюк
От дочек ждут ответа,
Сердец их слышен стук...

57

Что дочки им сказали,
Кто может, отгадай, —
Мы слов их не слыхали
В веселый месяц май,

58

Мы слов их не слыхали,
Нам свист мешал дроздов,
Нам иволги мешали
И рокот соловьев;

59

И звонко так в болоте
Кричали журавли,
Что мы, при всей охоте,
Расслышать не могли!

60

Такая нам досада!
Расслышать не могли!
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

Июнь—начало июля 1871 г.

139. СЛЕПОЙ

1

Князь выехал рано средь гридней своих
В сыр-бор полеванья изведать;
Гонял он и вепрей, и туров гнедых,
Но время доспело, звон рога утих,
Пора отдыхать и обедать.

2

В логу они свежем под дубом сидят
И брашна примаются рушать;
И князь говорит: «Мне отрадно звучат
Ковши и братины, но песню бы рад
Я в зелени этой послушать».

3

И отрок озвался: «За речкою там
Убогий мне песенник ведом;

Он слеп, но горазд ударять по струнам».
И князь говорит: «Отыщи его нам,
Пусть тешит он нас за обедом».

4

Ловцы отдохнули, братины допив,
Сидеть им без дела не любо,
Поехали дале, про песню забыв,
Гусляр между тем на княжой на призыв
Бредет ко знакомому дубу.

5

Он щупает посохом корни дерев,
Плетется один чрез дубраву,
Но в сердце звучит вдохновенный напев
И дум благодатных уж зреет посев,
Слагается песня на славу.

6

Пришел он на место: лишь дятел стучит,
Лишь в листьях стрекочет сорока;
Но в сторону ту, где, не видя, он мнит,
Что с гриднями князь в ожиданьи сидит,
Старик поклонился глубоко.

7

«Хвала тебе, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вам!
Начать песнопенье готов я стою —
О чем же я, старый и бедный, спою
Пред сонмищем сим величавым?

8

Что в вещем сказалося сердце моем,
То выразить речью возьмусь ли?»
Пождал — и, не слыша ни слова кругом,
Садится на кочку, поросшую мхом,
Персты возлагает на гусли.

9

И струн переливы в лесу потекли,
И песня в глуши зазвучала...
Все мира явленья вблизи и вдали:
И синее море, и роскошь земли,
И цве́тных камений начала,

10

Что в недрах подземия блеск свой таят,
И чудища в море глубоком,
И в темном бору заколдованный клад,
И витязей бой, и сверкание лат —
Все видит духовным он оком.

11

И подвиги славит минувших он дней,
И все, что достойно, венчает:
И доблесть народов, и правду князей —
И милость могучих он в песне своей
На малых людей призывает.

12

Привет полоненному шлет он рабу,
Укор градоимцам суровым,
Насилье ж над слабым, с гордыней на лбу,
К позорному он пригвождает столбу
Грозящим пророческим словом.

13

Обильно растет его мысли зерно,
Как в поле ячмень золотистый;
Проснулось, что в сердце дремало давно,
Что было от лет и от скорбей темно,
Воскресло прекрасно и чисто.

14

И лик озарен его тем же огнем,
Как в годы борьбы и надежды,
Явилася власть на челе поднятом,
И кажутся царской хламидой на нем
Лохмотья раздранной одежды.

15

Не пелось ему еще так никогда,
В таком расцветаньи богатом
Еще не сплеталася дум череда —
Но вот уж вечерняя в небе звезда
Зажглася над алым закатом.

16

К исходу торжественный клонится лад,
И к небу незрящие взоры
Возвел он, и, духом могучим объят,
Он песнь завершил — под перстами звучат
Последние струн переборы.

17

Но мертвою он тишиной окружен,
Безмолвье пустынного лога
Порой прерывает лишь горлицы стон,
Да слышны сквозь гуслей смолкающий звон
Призывы далекого рога.

18

На диво ему, что собранье молчит,
Поник головою он думной,
И вот закачалися ветви ракит,
И тихо дубрава ему говорит:
«Ты, гой еси, дед неразумный!

19

Сидишь одинок ты, обманутый дед,
На месте ты пел опустелом,
Допиты братины, окончен обед,
Под дубом души человеческой нет,
Разъехались гости за делом.

20

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскают, свой лов продолжая;
Ты слышишь, как, в след утыкая носы,
По зверю вдали заливаются псы,
Как трубит охота княжая!

21

Ко сбору ты, старый, прийти опоздал,
Ждать некогда было боярам;
Ты песней награды себе не стяжал,
Ничьих за нее не услышишь похвал,
Трудился, убогий, ты даром!»

22

«Ты гой еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пел одинок, но тужить и роптать
Мне, старому, было б грешно и нестать,
Наград мое сердце не ждало.

23

Воистину, если б очей моих ночь
Безлюдья от них и не скрыла,
Я песни б не мог и тогда перемочь,
Не мог от себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило!

24

Пусть по следу псы, заливаясь, бегут,
Пусть ловлею князь удоволен!
Убогому петь не тяжелый был труд,
А песня ему не в хвалу и не в суд,
Зане он над нею не волен.

25

Она, как река в половодье, сильна,
Как росная ночь, благотворна,
Тепла, как душистая в мае весна,
Как солнце, приветна, как буря, грозна,
Как лютая смерть, необорна.

26

Охваченный ею не может молчать,
Он раб ему чуждого духа,
Вожглась ему в грудь вдохновенья печать,
Неволей иль волей он должен вещать,
Что слышит подвластное ухо.

27

Не ведает горный источник, когда
Потоком он в степи стремится,
И бьет и кипит его, пенясь, вода,
Придут ли к нему пастухи и стада
Струями его освежиться!

28

Я мнил: эти гусли для князя звучат,
Но песня, по мере как пелась,
Невидимо свой расширяла охват,
И вольный лился без различия лад
Для всех, кому слушать хотелось.

29

И кто меня слушал, привет мой тому!
Земле-государыне слава!
Ручью, что ко слову журчал моему,
Вам, звездам, мерцавшим сквозь синюю тьму,
Тебе, мать-сырая-дубрава!

30

И тем, кто не слушал, мой также привет:
Дай Бог полевать им недаром!
Дай князю без горя прожить много лет,
Простому народу без нужды и бед,
Без скорби великим боярам!»

Январь 1873 г.

140. ТРИ ПОБОИЩА

1

Ярились под Киевом волны Днепра,
За тучами тучи летели,
Гроза бушевала всю ночь до утра,
Княгиня вскочила с постели.

2

Вскочила княгиня в испуге от сна,
Волос не заплетши, умылась,
Пришла к Изяславу, от страха бледна:
«Мне, княже, недоброе снилось!

3

Мне снилось: от берега норской земли,
Где плещут варяжские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны;

4

То сват наш Гаральд собирается плыть —
Храни его Бог от напасти —
Мне виделось: воронов черная нить
Уселася с криком на снасти.

5

И бабища будто на камне сидит,
Считает суда и смеется:
„Плывите, плывите! — она говорит. —
Домой ни одно не вернется!

6

Гаральда-варяга в Британии ждет
Саксонец Гаральд, его тезка;
Червонного меду он вам поднесет
И спать вас уложит он жестко!”

7

И дале мне снилось: у берега там,
У норской у пристани главной,
Сидит, волоса раскидав по плечам,
Золовка сидит Ярославна;

8

Глядит, как уходят в туман паруса
С Гаральдовой силою ратной,
И плачет, и рвет на себе волоса,
И кличет Гаральда обратно...

9

Проснулася я — и доселе вдали
Все карканье воронов внемлю;
Прошу тебя, княже, скорее пошли
Проведать в ту норскую землю!»

10

И только княгиня домолвила речь,
Невестка их, Гида, вбежала;
Жемчужная бармица падает с плеч,
Забыла надеть покрывало.

11

«Князь-батюшка, деверь, испугана я,
Когда бы беды не случилось!
Княгиня-невестушка, лебедь моя,
Мне ночесь недоброе снилось!

12

Мне снилось: от берега франкской земли,
Где плещут нормандские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Нормандии рыцарей полны.

13

То князь их Вильгельм собирается плыть,
Я будто слова его внемлю:
Он хочет отца моего погубить,
Присвоить себе его землю!

14

И бабища злая бодрит его рать,
И молвит: „Я воронов стаю
Прикликаю саксов заутра клевать,
И ветру я вам намахаю!"

15

И пологом стала махать на суда,
На каждом ветрило надулось,
И двинулась всех кораблей череда —
И тут я в испуге проснулась...»

16

И только лишь Гида домолвила речь,
Бежит, запыхаяся, гридин:
«Бери, государь, поскорее свой меч,
Нам ворог под Киевом виден!

17

На вышке я там, за рекою, стоял,
Стоял на слуху я, на страже,
Я многие тысячи их насчитал:
То половцы близятся, княже!»

18

На бой Изяслав созывает сынов,
Он братьев скликает на сечу,
Он трубит к дружине, ему не до снов —
Он половцам едет навстречу...

19

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вороны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

20

«Откуда летишь ты? Поведай-ка нам!»
— «Лечу я от города Иорка,
На битву обоих Гаральдов я там
Смотрел из поднебесья зорко.

21

Был целою выше варяг головой,
Чернела как туча кольчуга,
Свистел его в саксах топор боевой,
Как в листьях осенняя вьюга;

22

Копнами валил он тела на тела,
Кровь до моря с поля струилась,
Пока, провизжав, не примчалась стрела
И в горло ему не вонзилась.

23

Упал он, почуя предсмертную тьму,
Упал он, как пьяный на брашно;
Хотел я спуститься на темя ему,
Но очи глядели так страшно!

24

И долго над местом кружился я тем,
И поздней дождался я ночи,
И сел я варягу Гаральду на шлем,
И выклевал грозные очи!»

25

По синему морю клубится туман,
Слетается воронов боле:
«Откуда летишь ты?» — «Я, кровию пьян,
Лечу от Гасти́нгского поля;

26

Не стало у саксов вчера короля,
Лежит меж своих он, убитый,
Пирует норманн, его землю деля,
И мы пировали там сыто.

27

Победно от Йорка шла сакская рать,
Теперь они смирны и тихи,
И труп их Гаральда не могут сыскать
Меж трупов бродящие мнихи;

28

Но сметил я место, где наземь он пал,
И, битва когда отшумела
И месяц как щит над побоищем встал,
Я сел на Гаральдово тело.

29

Недвижные были черты хороши,
Нахмурены гордые брови,
Любуясь на них, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!»

30

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вороны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

31

«Откуда летишь ты?» — «Из русской земли!
Я был на пиру в Заднепровьи,
Там все Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью.

32

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен,
Свой меч двоеручный высоко подняв,
Святому Георгью подобен.

33

Но к ночи, руками за гриву держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь,
С закинутой навзничь главою,

34

И, каркая, долго летел я над ним
И ждал, чтоб он наземь свалился,
Но был он, должно быть, судьбою храним
Иль Богу, скача, помолился;

35

Упал лишь над самым Днепром он с коня,
В ладью рыбаки его взяли,
А я полетел, неудачу кляня,
Туда, где другие лежали!»

36

Поют во Софийском соборе попы,
По князе идет панихида;
Рыдает княгиня средь плача толпы,
Рыдает Гаральдовна Гида,

37

И с ними другого Гаральда вдова
Рыдает, стеня, Ярославна,
Рыдает: «О, горе! зачем я жива,
Коль сгинул Гаральд мой державный!»

38

И Гида рыдает: «О, горе, убит
Отец мой, норманном сраженный!
В плену его веси, и взяты на щит
Саксонские девы и жены!»

39

Княгиня рыдает: «О князь Изяслав,
В неравном посечен ты споре!
Победы обычной в бою не стяжав,
Погиб ты, о, горе! о, горе!»

40

Печерские иноки, выстроясь в ряд,
Протяжно поют: «Аллилуйя!»
А братья княжи́е друг друга корят,
И жадные вороны с кровель глядят,
Усобицу близкую чуя.

Февраль—март 1869 г.

141. УШКУЙНИК

Одолела сила-удаль меня, мо́лодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и в сердце тая удаль-то не вместится,
А и сердце-то от удали разо́рвется!

Пойду к батюшке на удаль горько плакаться!
Пойду к матушке на силу в ноги кланяться:
Отпустите свое детище дрочёное,
Новгородским-то порядкам неученое!

Отпустите поиграти игры детские:
Те ль обозы бить низовые, купецкие,
Багрить на море кораблики урманские
Да на Волге жечь остроги басурманские!..

Осень—первая половина декабря 1870 г.

142. ЭДВАРД

1

«Чьей кровию меч ты свой так обагрил?
        Эдвард, Эдвард?
Чьей кровию меч ты свой так обагрил?
Зачем ты глядишь так сурово?»
«То сокола я, рассердяся, убил,
        Мать моя, мать,
То сокола я, рассердяся, убил,
И негде добыть мне другого!»

2

«У сокола кровь так красна не бежит,
Эдвард, Эдвард!
У сокола кровь так красна не бежит,
Твой меч окровавлен краснее!»
«Мой конь красно-бурый был мною убит,
Мать моя, мать,
Мой конь красно-бурый был мною убит,
Тоскую по добром коне я!»

3

«Конь стар у тебя, эта кровь не его,
Эдвард, Эдвард!
Конь стар у тебя, эта кровь не его —
Не то в твоем сумрачном взоре!»
«Отца я сейчас заколол моего,
Мать моя, мать!
Отца я сейчас заколол моего,
И лютое жжет меня горе!»

4

«А грех чем тяжелый искупишь ты свой,
Эдвард, Эдвард?
А грех чем тяжелый искупишь ты свой?
Чем сымешь ты с совести ношу?»
«Я сяду в ладью непогодой морской,
Мать моя, мать,

Я сяду в ладью непогодой морской,
И ветру все парусы брошу!»

5

«А с башней что будет и с домом твоим,
Эдвард, Эдвард?
А с башней что будет и с домом твоим,
Ладья когда в море отчалит?»
«Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Мать моя, мать!
Пусть ветер и буря гуляют по ним,
Доколе их в прах не повалят!»

6

«Что ж будет с твоими с детьми и с женой,
Эдвард, Эдвард?
Что ж будет с твоими с детьми и с женой
В их горькой, беспомощной доле?»
«Пусть по миру ходят за хлебом с сумой,
Мать моя, мать!
Пусть по миру ходят за хлебом с сумой —
Я с ними не свижуся боле!»

7

«А матери что ты оставишь своей,
Эдвард, Эдвард?
А матери что ты оставишь своей,

Тебя что у груди качала?»
«Проклятье тебе до скончания дней,
Мать моя, мать!
Проклятье тебе до скончания дней,
Тебе, что мне грех нашептала!»

Весна (до середины апреля) 1871 г.

143

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
В полуденных лучах следы недавней стужи
Дымятся. Теплый ветр повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.

Еще трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и доверье,
И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие перья.

Пускай же, как они по глине и песку
Растаявших снегов, журча, уносят воды,
Бесследно унесет души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!..

25 декабря 1870 г.

144

В монастыре пустынном, близ Кордовы,
Картина есть. Старательной рукой
Изобразил художник в ней суровый,
Как пред кумиром мученик святой
Лежит в цепях и палачи с живого
Сдирают кожу... Вид картины той,
Исполненный жестокого искусства,
Сжимает грудь и возмущает чувство.

Но в дни тоски, мне все являясь снова,
Упорно в мысль вторгается она,
И мука та казнимого святого
Сегодня мне понятна и родна:
С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

Осень 1870 г.

145. МАДОННА РАФАЭЛЯ

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила,
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.

А Он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед — и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

До мая 1858 г.

146. НА ТЯГЕ

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Как нехотя свое доканчивают пенье;
От луга всходит пар... Мерцающей звезды
У ног моих в воде явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах. Внезапно легкий свист
Послышался; за ним, отчетисто и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно,
И вальдшнеп протянул — вне выстрела.
Другой
Летит из-за́ лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зренье
Мои напряжены, и вот через мгновенье,
Свистя, еще один, в последнем свете дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаив, нагнувшись под осиной,

Я выждал верный миг — вперед
на пол-аршина
Я вскинул — огнь блеснул, по лесу грянул
гром —
И вальдшнеп падает на землю колесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,
Слабея, замерли. Спокойствием объятый,
Вновь дремлет юный лес, и облаком седым
В недвижном воздухе висит ружейный дым.
Вот донеслась еще из дальнего болота
Весенних журавлей ликующая нота —
И стихло все опять, и в глубине ветвей
Жемчужной дробию защелкал соловей.
Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло нежданно,
И в этих сумерках, и в этой тишине
Упреком горестным оно предстало мне?
Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова прозвучали,
И снова предо мной, средь явственного сна,
Мелькнула дней моих погибшая весна?

Начало мая 1871 г.

147

Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жил, и слезами твоими я плакал;
Мысленно вместе с тобой прострадал я минувшие годы,
Все перечувствовал вместе с тобой, и печаль и надежды,
Многое больно мне было, во многом тебя упрекнул я;
Но позабыть не хочу ни ошибок твоих, ни страданий;

Дороги мне твои слезы, и дорого каждое слово!
Бедное вижу в тебе я дитя, без отца, без опоры;
Рано познала ты горе, обман и людское злословье,
Рано под тяжестью бед твои преломилися силы!
Бедное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мне, деревцо, к зеленому вязу:
Ты прислонися ко мне, я стою надежно и прочно!

До 21 октября 1851 г.

148

Темнота и туман застилают мне путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я верю, я знаю, живет где-нибудь,
Где-нибудь да живет царь-девица!

Как достичь до нее, не ищи, не гадай,
Тут расчет никакой не поможет,
Не догадка, не ум, не безумье в тот край,
Но удача принесть тебя может!

Я не ждал, не гадал, в темноте поскакал
В ту страну, куда нету дороги;
Я коня разнуздал, наудачу погнал
И в бока ему втиснул остроги...

Осень 1870 г.

149

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,

И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий;

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О, жизнь! о, лес! о, солнца свет!
О, юность! о, надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О, счастие! о, слезы!
О, лес! о, жизнь! О, солнца свет!
О, свежий дух березы!

До 20 мая 1871 г.

150

Ты почто, злая кручинушка,
Не вконец извела меня, бедную?
Разорвала лишь душу надвое?
Не сойтися утру с вечером,
Не ужиться двум добрым молодцам;
Из-за меня они ссорятся,
А и оба меня корят, бранят;
Уж как станет меня брат корить:
«Ты почто пошла за боярина?
Напросилась в родню неровную,
Отщепенница, переметчица,
От своей родни отступница?»
«Государь ты мой, милый братец мой,
Я в родню к ним не напрашивалась,
И ты сам меня уговаривал,
Снаряжал меня, выдавал меня!»
Уж как станет меня муж корить:
«Из какого ты роду-племени?
Еще много ли за тобой приданого?
Еще чем меня опоила ты,
Приговорщица, приворотница,
Меня с нашими разлучница?»
«Государь ты мой, господин ты мой,
Я тебя не привораживала,
И ты взял меня вольной волею,
А приданого за мной не много есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебе, сударь, поклонная!»

Перекинулся хмель через реченьку,
С одного дуба на другой на дуб,
И качается меж обоими,
Над быстро́й водой зеленеючи,
Злой кручинушки не знаючи,
Оба дерева обнимаючи.

1858 г.

ОТДЕЛ III

ПЕРЕВОДЫ

1855—1865

Джордж Гордон Байрон

151

Ассирияне шли, как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копья сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звезд.

Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали развеяны тьмы.

Ангел смерти лишь на ветер крылья простер
И дохнул им в лицо, и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

Вот расширивший ноздри повергнутый конь,
И не пышет из них гордой силы огонь,
И как хладная влага на бреге морском,
Так предсмертная пена белеет на нем.

Вот и всадник лежит, распростертый во прах,
На броне его ржа и роса на власах;
Безответны шатры, у знамен ни раба,
И не свищет копье, и не трубит труба.

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сраженный мечом до конца,
Весь растаял, как снег, перед блеском Творца!

Сентябрь 1856 г.

152

Неспящих солнце, грустная звезда,
Как слезно луч мерцает твой всегда,
Как темнота при нем еще темней,
Как он похож на радость прежних дней!

Так светит прошлое нам в жизненной ночи,
Но уж не греют нас бессильные лучи,
Звезда минувшего так в горе мне видна,
Видна, но далека — светла, но холодна.

Сентябрь 1856 г.

Генрих Гейне

153

У моря сижу на утесе крутом,
Мечтами и думами полный;
Лишь ветер, да тучи, да чайки кругом,
Кочуют и пенятся волны.

Знавал и друзей я, и ласковых дев —
Их ныне припомнить хочу я:
Куда вы сокрылись? Лишь ветер, да рев,
Да пенятся волны, кочуя.

Осень 1856 г. (?)

154

Безоблачно небо, нет ветру с утра,
В большом затрудненьи торчат флюгера:
Уж как ни гадают, никак не добьются,
В которую сторону им повернуться?

Осень 1856 г. (?)

155

Из вод подымая головку,
Лилея в раздумьи глядит;
С высот улыбаяся, месяц
К ней тихой любовью горит.

Лилея стыдливо склонила
Головку на зеркало вод —
А он уж у ног ее, бедный,
Трепещет и блеск свой лиет...

Осень 1856 г. (?)

Георг Гервег

156

Хотел бы я угаснуть, как заря,
Как алые отливы небосклона;
Как зарево вечернее горя,
Я бы хотел излиться в Божье лоно.

Я бы хотел, как светлая звезда,
Зайти, блестя в негаснущем мерцаньи,
Я утонуть хотел бы без следа
Во глубине лазурного сиянья.

Пускай бы смерть моя была легка
И жизнь моя так тихо уходила,

Как легкий запах вешнего цветка,
Как синий дым, бегущий от кадила.

И как летит от арфы слабый звон,
В пределах дальних тихо замирая,
Так, от земной зарницы отрешен,
Я б улететь хотел к родному краю.

Нет, не зайдешь ты светлою звездой,
Ты не угаснешь, заревом пылая,
Не как цветок умрешь ты полевой,
Не улетишь, звеня, к родному краю;

Угаснешь ты, но грозная рука
Тебя сперва безжалостно коснется:
Природы смерть спокойна и легка —
На части сердце, умирая, рвется!

1856 или 1857(?) г.

Андре Шенье

157

Крылатый бог любви, склоняся над сохой,
Оратаем идет за взрезанной браздой;
Впряженные тельцы его послушны воле,
Прилежною рукой он засевает поле
И, дерзкий взгляд подняв, к властителю небес

Взывает: «Жатву ты блюди мою, Зевес!
Не то, к Европе страсть опять в тебе волнуя,
В ярмо твою главу мычащую нагну я!»

Осень 1856 г.

158

Вот он, Низийский бог, смиритель диких стран,
Со взглядом девственным и гроздием венчан,
Влекомый желтым львом и барсом многоцветным,
Обратный держит путь к садам своим заветным!

Осень 1856 г.

159

Ко мне, младой Хромид, смотри, как я прекрасна!
О юноша, тебя я полюбила страстно!
Диане равная, когда, в закате дня,
Я шла, потупя взор, с восторгом на меня
Глядели пастухи, друг друга вопрошая:
«То смертная ль идет иль дева неземная?
Неэра, не вверяй себя морским волнам,
Не то богинею ты станешь, и пловцам
Придется в бурю звать, к стерну теряя веру,
Фетиду белую и белую Неэру!»

Осень 1856 г.

160

Супруг блудливых коз, нечистый и кичливый,
Узрев, что к ним сатир подкрался похотливый,
И чуя в нем себе опасного врага,
Вздыбяся, изловчил ревнивые рога.
Сатир склоняет лоб — и стук их ярой встречи
Зефиры по лесам, смеясь, несут далече.

Осень 1856 г.

161

Багровый гаснет день; толпится за оградой
Вернувшихся телиц недоеное стадо.
Им в ясли сочная навалена трава,
И ждут они, жуя, пока ты, рукава
По локоть засучив и волосы откинув,
Готовишь звонкий ряд расписанных кувшинов.
Беспечно на тебя ленивые глядят,
Лишь красно-бурой той, заметь, неласков взгляд;
В глазах ее давно сокрытая есть злоба,
Недаром от других она паслась особо;
Но если вместе мы к строптивой подойдем
И ноги сильные опутаем ремнем,
Мы покорим ее, и под твоей рукою
Польется молоко журчащею струею.

Осень 1856 г.

162

Я вместо матери уже считаю стадо,
С отцом ходить в поля теперь моя отрада,
Мы трудимся вдвоем. Я заставляю медь
Весной душистою на пчельнике звенеть;
С царицею своей, услыша звук тяжелый,
Во страхе улететь хотят младые пчелы,
Но, новой их семье готовя новый дом,
Сильнее все в тазы мы кованые бьем,
И вольные рои, испуганные нами,
Меж зелени висят жужжащими гроздами.

Осень 1856 г.

1866—1875

Генрих Гейне

163

Nun ist es Zeit!

Довольно! Пора мне забыть этот вздор!
Пора мне вернуться к рассудку!
Довольно с тобой, как искусный актер,
Я драму разыгрывал в шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
Я так декламировал страстно,
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувства — все было прекрасно.

Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму!

И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая, —
О Боже! я, раненный насмерть, играл,
Гладиатора смерть представляя!

1868 г.

Иоганн Вольфганг Гёте

164

БОГ И БАЯДЕРА

Магадев, земли владыка,
К нам в шестой нисходит раз,
Чтоб от мала до велика
Самому изведать нас;
Хочет в странствованьи трудном
Скорбь и радость испытать,
Чтоб судьею правосудным
Нас карать и награждать.
Он, путником город обшедши усталым,
Могучих проникнув, прислушавшись к малым,
Выходит в предместье свой путь продолжать.

Вот стоит под воротами,
В шелк и в кольца убрана,
С насурмленными бровями,
Дева падшая одна.
«Здравствуй, дева!» — «Гость, не в меру
Честь в привете мне твоем!»
«Кто же ты?» — «Я баядера,
И любви ты видишь дом!»
Гремучие бубны привычной рукою,
Кружась, потрясает она над собою
И, стан изгибая, обходит кругом.

И, ласкаясь, увлекает
Незнакомца на порог:
«Лишь войди, и засияет
Эта хата как чертог;
Ноги я твои омою,
Дам приют от солнца стрел,
Освежу и успокою,
Ты устал и изомлел!»
И мнимым страданьям она помогает,
Бессмертный с улыбкою все примечает,
Он чистую душу в упадшей прозрел.

Как с рабынею, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув ковы,
Все покорней и нежней,
И невольно, в жажде вящей
Унизительных услуг,
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.
Но ведатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Чрез негу, и страх, и терзания мук.

Он касается устами
Расписных ее ланит,
И нежданными слезами
Лик наемницы облит;
Пала ниц в сердечной боли,
И не надо ей даров,

И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.
Но солнце заходит, и мрак наступает,
Убранное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.

На заре, в волненьи странном,
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным,
Видит с ужасом она.
Плач напрасный! Крик бесплодный!
Совершился рока суд,
И брамины труп холодный
К яме огненной несут.
И слышит она погребальное пенье,
И рвется, и делит толпу в исступленьи...
«Кто ты? Чего хочешь, безумная, тут?»

С воплем ринулась на землю
Пред возлюбленным своим:
«Я супруга прах объемлю,
Я хочу погибнуть с ним!
Красота ли неземная
Станет пеплом и золой?
Он был мой в лобзаньях рая,
Он и в смерти будет мой!»
Но стих раздается священного хора:
«Несем мы к могиле, несем без разбора
И старость и юность с ее красотой!

Ты ж ученью Брамы веруй:
Мужем не был он твоим,
Ты зовешься баядерой
И не связана ты с ним!
Только женам овдовелым
Честь сожженья суждена,
Только тень идет за телом,
А за мужем лишь жена.
Раздайтеся, трубы, кимвалы, гремите,
Вы в пламени юношу, боги, примите,
Примите к себе от последнего сна!»

Так, ее страданья множа,
Хор безжалостно поет,
И на лютой смерти ложе,
В ярый огнь, она падет;
Но из пламенного зева
Бог поднялся, невредим,
И в его объятьях дева
К небесам взлетает с ним.
Раскаянье грешных любимо богами,
Заблудших детей огневыми руками
Благие возносят к чертогам своим.

17 (29) сентября 1867 г.
Веймар

165

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком;
Там когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль водил с его отцом;
И детей они
В их младые дни
Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он — дитя языческого дома,
А они — недавно крещены!
Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены.

Вся семья давно уж отдыхает,
Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает
И покой отвесть ему спешит;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.

И, простясь, ночник ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог
Уж усталый он и полусонный,

Без еды, не раздеваясь, лег,
Как сквозь двери тьму
Движется к нему
Странный гость бесшумно на порог:

Входит дева медленно и скромно,
Вся покрыта белой пеленой:
Вкруг косы ее, густой и темной,
Блещет венчик черно-золотой.
Юношу узрев,
Стала, оробев,
С приподнятой бледною рукой.

«Видно, в доме я уже чужая, —
Так она со вздохом говорит, —
Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
Спи ж спокойным сном
На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит».

«Дева, стой, — воскликнул он, — со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот посланные дары;
А с тобой придет
Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!»

«Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;

Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
        Поклялася мать
        Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один Незримый,
Одному Распятому хвала!
        Агнцы боле тут
        Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!»

И ее он взвешивает речи:
«Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
        О, отдайся ж мне,
        Будь моей вполне,
Нас венчали клятвою двойной!»

«Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,
Ты ж сестре назначен уж моей;
        Но в блаженном сне
        Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!»

«Нет, да светит пламя сей лампады
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!
Верь мне, друг, о верь!
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!»

И они меняются дарами:
Цепь она спешит златую снять, —
Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
«Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!»

Полночь бьет — и взор доселе хладный
Заблистал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино;
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фиал она ему подносит,
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится — и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села:
«Жалко мучить мне тебя, но, ах,
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед хладна,
Не согреюсь я в твоих руках!»

Но, кипящий жизненною силой,
Он ее в объятья заключил:
«Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!»

Все тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть;
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.

Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недуг,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она — сомнений боле нет —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:
«Скоро день — но вновь
Нас сведет любовь!»
«Завтра вновь!» — с лобзаньем был ответ.

Доле мать сдержать не может гнева,
Ключ она свой тайный достает:
«Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?»
Так возмущена,
Входит в дверь она —
И дитя родное узнает.

И, воспрянув, юноша с испугу
Хочет скрыть завесою окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу;
Но, отбросив складки полотна,
С ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

«Мать, о мать! Нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь!
И с тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят:
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!

Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет,
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обет!
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончив с ним,
Я пойду к другим, —
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завять;
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.
Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моленье,
Прикажи костер воздвигнуть нам,
Свободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
Так из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»

Сентябрь 1867
Веймар

ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1875

166

Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой, солнечный перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружася медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольно я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном:
«Всему настал покой, прими ж его и ты,
Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,

По-совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скудна?»

Июль—сентябрь 1874 г.

167

Земля цвела. В лугу, весной одетом,
Ручей меж трав катился, молчалив;
Был тихий час меж сумраком и светом,
Был легкий сон лесов, полей и нив;
Не оглашал их соловей приветом;
Природу всю широко осенив,
Царил покой; но под безмолвной тенью
Могучих сил мне чуялось движенье.

Не шелестя над головой моей,
В прозрачный мрак деревья улетали;
Сквозной узор их молодых ветвей,
Как легкий дым, терялся в горней дали;
Лесной чебёр и полевой шалфей,
Блестя росой, в траве благоухали,
И думал я, в померкший глядя свод:
Куда меня так манит и влечет?

Проникнут весь блаженством был я новым,
Исполнен весь неведомых мне сил:
Чего в житейском натиске суровом
Не смел я ждать, чего я не просил —

То свершено одним, казалось, словом,
И мнилось мне, что я лечу без крыл,
Перехожу, подъят природой всею,
В один порыв неудержимый с нею!

Но трезв был ум, и чужд ему восторг,
Надежды я не знал, ни опасенья...
Кто ж мощно так от них меня отторг?
Кто отрешил от тягости хотенья?
Со злобой дня души постыдный торг
Стал для меня без смысла и значенья,
Для всех тревог бесследно умер я
И ожил вновь в сознаньи бытия...

Тут пронеслось как в листьях дуновенье,
И как ответ послышалося мне:
«Задачи то старинной разрешенье
В таинственном ты видишь полусне!
То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл в душевной тишине...
Лови ж сей миг, пока к нему ты чуток, —
Меж сном и бденьем краток промежуток!»

Май—сентябрь (до 28-го) 1875 г.

ДОПОЛНЕНИЯ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ, ВАРИАНТЫ, РАЗНОЧТЕНИЯ, НАБРОСКИ

Рядом с приводимыми в разделе вариантами, разночтениями, правленными фрагментами текста слева указывается местоположение их в произведении (номер стиха, строфы, строки, главы — по основному тексту в настоящем издании); перед ними также даются необходимые указания на иные части текста (заглавие, подпись и пр.), на порядок их следования, расположение на листе и др. Когда приводится связный или сгруппированный у автора материал, то над ним указывается его вид (редакция, наброски, записи и т. п.). Под текстом со сдвигом вправо в скобках дается описание того источника текста, в котором находятся приведенные редакции, варианты, разночтения, правка. Если существует несколько источников, то каждый описывается при первом упоминании; при чередовании отсылок к ним они обозначаются сокращенно. При переходе текста в источнике на следующий лист или страницу указываются их номера, при

необходимости — с сокращенным обозначением источника. Полные сведения об источниках текста см. в Примечаниях и в перечне «Основные источники».

В абсолютном большинстве случаев (за исключением записных книжек и Тетр. [1]) Толстой записывал тексты и вносил правку чернилами. Записи карандашом оговариваются в редакторских пояснениях.

Все редакторские указания и пояснения даются курсивом; так же и слова, выделенные автором рукописного текста. Текст, написанный Толстым (что видно из указания на автографический его источник), дается прямым шрифтом. Во избежание усложнения графической подачи прямым шрифтом даются и тексты из прочих рукописных и печатных источников (списки, корректуры, публикации). В квадратные скобки заключены части текста, подвергшиеся изменениям в процессе авторской работы, характер которых поясняется здесь же редакторским курсивом. Пропущенные слова и части слов, очевидно необходимые по смыслу или строю стиха, вводятся в угловых скобках.

1. ПОСВЯЩЕНИЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Заглавие Посвящение
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 43)

1 Царица, днесь к Твоим ногам
(авт.: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 2861, л. 26, текст без деления на строфы)

1—2 Царица, здесь к твоим ногам
[*зач.* Кладу *прип.* Несу] и радость, и печали,

4 Надежды с грустью пополам
(Тетр. [2], л. 43)

5—8 Царица, Ты однажды долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала моему глаголу
Своею русскою душой.
(публикация по списку: Кондратьев. С. 61)

8—12 Своею русскою душой:
Я мыслил, песни те слагая,
Они неведомо замрут,
Но Ты дала им, о благая,
Твою защиту и приют;
(ГАРФ)

12 Твою защиту и приют
(Тетр. [2])

После 12 Ты осенила благодатно
Поэта гусли свысока,
Да не коснется святотатно
Их струн враждебная рука...
(ГАРФ; Тетр. [2])

13—14 [*зач.* Царица! В *надп.* Встречай же] в солнце и в лазури,
[*зач.* Встречай лишь *надп.* Царица,] радостные дни,
(Тетр. [2])

15 И нас, певцов, гонимых бурей,
(Тетр. [2]; ГАРФ)

2. ИОАНН ДАМАСКИН

Перед текстом

Весны ждет луг, под зимним снегом спящий,
И просят солнца ранние цветы —
На нашу Русь твой взор животворящий
Склони, царица, с горней высоты,
Чтоб мысль ее могла взойти на воле,
Чтобы прервался сон душевных сил,
Чтобы певцами вспаханное поле,
Внемля тебе, Господь благословил!
(авт.: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 2861, л. 1)

1

1 Любим калифом Иоанн;
(авториз. писарская копия: ПД, ф. 382, № 50, л. 3; РБ. 1859. Кн. 13. С. 5)

2 Ему, что день, почет и ласка,
(ПД)

Ему, что день — почет и ласка,
15 Дают навесы, шелком тканы;
(РБ)

После 17 *Отступ*
(РБ)

Вместо 18 (*ПД*) и вместо 19 (*РБ*)
Но грусть объемлет Иоанна;
В своей темнице золотой

Между 20 и 21
Когда он песен дар святой
В младых летах приял от Бога
(ПД, л. 3 об.; РБ)

26 Родным мечтам и вдохновенью.
(ГАРФ, л. 3; ПД; РБ. С. 6)

30 Что на иконы поднялась
34 Боец за честь святых икон,
35 Как веры крепкая ограда,
36 Был православными почтен.
(ПД; РБ)

42—43 В чертог дамасского владыки.
О государь, внемли! Мой сан,
(РБ)

44 Величье, пышность, власть и сила,
(ПД; РБ)

45 Все мне несносно, все постыло.
49 Глаголом вольным Бога славить!
53 Иные слышатся мне звуки;
56 О! отпусти меня, калиф,
(РБ)

61 И нет тоски неизлечимой!
63 Кругом Дамаск могуч и славен...
(РБ. С. 7)

64 Кто ныне нам величьем равен?
(ПД, л. 4; РБ)

67 Недаром я окрест державен!
(РБ)

71 И правь другою половиной!»
(ПД; РБ)

79—80 Престолов выше и порфир.
Он не изменит, не обманет;
82 Богатство, сила, слава, честь —
(РБ)

94—95 В душе избранника живет!
О, верь, тот златом не подкупен,
(ПД, л. 4 об.; РБ)

100 Трепещут творческие силы!
106 Не властен я сдержать желанье,
(РБ. С. 8)

107 Прими свободу и иди,
110 Добычей сделались забвенья;
(ПД; РБ)

2

2 Долины, нивы, горы, воды!
(авт. фрагмента 1—12: РГАЛИ, ф. 506, оп. 1, № 2, л. 1; ПД, л. 5; РБ. С. 9)

8 И солнца свет, и ночи тьму!
После 12 (Иоанн Дамаскин) Гр. Ал. Толстой.
4-го Августа 1859, Уты.

(РГАЛИ)

14 Всю душу вместе с вами слить!
24 Какие ж мне воспеть дела?

(ПД, л. 5 об.; РБ)

27 Найду высокую задачу?
31 Свой век украсил быстротечный;

(РБ)

39 Не им восторга излиянья!
41 Не их высокие деянья!
46 Стоит он, гордый сын побед;
49 С толпою бедных рыбаков;
59 Он шел на жизненном пути?
64 И на главу венец терновый
67 Лишь пыльный след Твоих шагов,

(ПД, л. 6; РБ. С. 10)

77 Греми лишь славою Христа,

(РБ. С. 11)

3

9 Над лесом кедровым густым,
20 Восходит полная луна.

(РБ)

26 Стоят в обрывах там и сям,

(ПД, л. 7; РБ. С. 12)

28 В утесах рытые пещеры;
38 В стене ворота. Тесный вход
40 Тропинка вьется над оврагом, —

51 Приютом песен и труда!
55 Свой дар и гусли новый брат!

(РБ)

4

2 Игумен вас сзывает на совет!
4 Вам новый брат приносит свой привет!
25 Тут из толпы один выходит брат —

(РБ. С. 13)

30 Служенья ж мы не ведаем иного!
36 Постом, певец, ты должен победить!
40 Ты наложи молчания печать!

(ПД, л. 8 об.; РБ. С. 14)

42 Вот мой устав тебе в новоначалье.
47 И неподвижен долго он стоял,

(РБ)

51 И тихо начал он: «Всю бодрость сил,

(ПД, л. 9; РБ)

52 И мысли все, и все мои стремленья —

(РБ)

56 Твоей, отец, я повинуюсь воле:

Вместо 57—58

В ней Божий перст и Божья благодать —
Отныне глас мой не раздастся боле.
Не сам ли я у Господа просил
Тернистый путь и крест послать мне свыше?
И Он теперь мою мольбу услышал,
В твоих речах Он волю проявил!

(ПД; РБ. С. 15)

72 Уймись скорей взволнованная кровь!

(ПД, л. 9 об.; РБ)

75 О мой Господь! Прости последний стон,
79—80 Свершилось. Мрака набегают волны.
Взор гаснет. Стынет кровь. Всему конец!
(РБ)

5

6—7 Отшельников рой;
И вторит тогда их протяжному пенью
(РБ. С. 16)

28 Покажется в небе. На легком коне
(ПД, л. 10 об.)

Покажется в небе: на легком коне
32 И инокам сверху проклятье пошлет.
(РБ. С. 16)

6

3—4 Они туманные картины
Свивают вечно меж собой.
(ПД, л. 11; РБ. С. 17)

26 Твержу обрядные слова
(ПД, л. 11; копия Антонова: ПД, ф. 265, оп. 2, № 2821, л. 17, далее: копия Антонова; РБ. С. 17)

32 Мятется сердце непокорно!
(РБ. С. 18)

36—37 Юдоль молчанья рокового!
Ты передай душе моей
39 Пустынный ветер, ты развей
(ПД, л. 11 об., копия Антонова, л. 17; РБ)

7

[10] Тяжкая грусть меня ныне снедает; я плакать хотел бы —

(ПД, л. 12; копия Антонова, л. 18; РБ)

[14] Мог я рыдать, и тоска бы моя получила отраду!»

[17] Строгое старец на песни мои наложил запрещенье!

(копия Антонова, л. 18)

[25] Ты ли бы в помощи мне отказал? И не дашь ли ответа

[28] Собственной полон печали, певец дал жалости место.

[26] *Пропущен*

(РБ. С. 19)

[32] Слушал певец, наклонивши главу, то воздушное пенье,

(ПД, л. 12 об.; копия Антонова; РБ. С. 19)

[34] Там послушной рукой начертал, что ему прозвучало.

(РБ)

8

[2] С утра долину оглашает.

(РБ. С. 20)

[5] Над ним отшельники свершают.

(ПД, л. 13; копия Антонова, л. 19; РБ. С. 20)

12 Чьи ожиданья не напрасны,
(ПД, л. 13; РБ)
Чьи ожиданья не напрасны?
(копия Антонова, л. 19)
26 Как грозный витязь смерть нашла,
(ПД, л. 13 об.; копия Антонова, л. 20; РБ)
39 Чертоги наши — разрушенье...
(РБ. С. 21)
43 Кто царь? кто раб? судья иль воин?
(ПД, л. 13 об., копия Антонова, л. 21; РБ)
44 Кто царства Божия достоин?
46 О братья, где сребро и злато?
(ПД; РБ)
56—59 Прими усопшего раба
Господь, в блаженные селенья!
И Ты, Предстательница всех,
И Ты, Заступница скорбящих,
(копия Антонова, л. 21)
58—59 И Ты, Предстательница всем!
И Ты, Заступница скорбящим!
(ПД, л. 14; РБ)
64 Дабы усопший на земли
(копия Антонова, л. 21; РБ. С. 22)
66 Все пепел, прах, и дым, и тень!
(РБ)
67 О други, брению не верьте!
(все ист.)

75 Иду меж страхом и надеждой;
(ПД, л. 14; копия Антонова, л. 22; РБ)

После 89 *Повторяются ст. 6—9 главы 8*
(ПД, л. 14 об.; копия Антонова, л. 22; РБ)

9

1 Монахи вторят, он поет.
(ПД, л. 15; копия Антонова, л. 22; РБ. С. 23)

5 Суровы гневные черты,
(все ист.)

7 «Монах, — он молвит, — так ли ты
(копия Антонова; РБ)

16 Певец упал к его ногам:
(ПД, л. 15; копия Антонова, л. 23; РБ)

17 Прости, отец, не знаю сам,
(РБ)

10

1 Прошла по лавре роковая весть,
(РБ)

9 Но, словно столб, наставник непреклонен,
(ПД, л. 15 об.; копия Антонова, л. 23; РБ. С. 24)

16 Епитимьей он выкупит прощенье:
(РБ)

17 Пусть он обходит лавры черный двор,
(все ист.)

23 Замолк. И вняв безжалостный отказ,
(РБ)

26—27 Кто дар священный унижает,
Кто пред кумирами склоняет
(ПД, л. 16; копия Антонова, л. 24; РБ. С. 25)

31 Кто угождению и лести
(ПД; РБ)

36 Как всенародный приговор.
48—49 Спешит почтить неслыханный устав.
Сменила радость горькую кручину:
(РБ)

65—66 Вы, неволею согбенные,
Злой кручиной удрученные,
(ПД, л. 16 об.; РБ. С. 26)

11

6 Ушел отшельник раздраженный.
8 Иссякший видится поток.
12 Природы дивные картины;
(ПД, л. 17; РБ)

13 Оно для жизни умерло.
16 Лежит, простерт перед Распятьем.
(РБ)

30 И вот вся в трепетных лучах,
35 Небесно кроток тихий вид:
39 Как голос неба на земли,
44 Что целый мир бы напоил
(ПД, л. 17 об.; РБ. С. 27)

45 Водой целебной и обильной?
(РБ)

59 Как дождь, житейскую долину;
(ПД, л. 18)

Как дождь Кедронскую долину, —
(РБ. С. 28)

71 Твои окончены гоненья!
(оба последних ист.)

74 Из сердца звучного излей,
(ПД)

12

1 Воспой же, страдалец, воскресную песнь!
(РБ)

15 Раздайся ж, воскресная песня моя!
22 Не буря грозная идет;
32—33 Не солнце красное встает;
Не утро светлое настало;
(РБ. С. 29)

47 И в небе каждая звезда.
(РБ. С. 30)

Подпись

Авт.
Гр. Ал. Толстой
(ПД, л. 19)

Список Н. С. Лескова

«Простым рожден я быть певцом
«Глаголом вольным Бога славить.
«В толпе вельмож, всегда один,
«Мученья полон я и скуки;
«Среди пиров, в главе дружин
«Иные слышатся мне звуки.
«Неодолимый их призыв
«К себе влечет меня все боле —

«О, отпусти меня, калиф,
«Дозволь дышать и петь на воле».

(*В списке волнистая черта*)

И тот просящему в ответ:
«Возвеселись, мой раб любимый.
«Печали вечной в мире нет,
«И нет тоски неизлечимой.
«Твоею мудростью одной
«Кругом Дамаск могуч и славен,
«Кто ныне нам величьем равен
«И кто дерзнет на нас войной?
«А я возвышу жребий твой, —

(*В списке пропущены ст. 67—68*)

«Ты будешь мне мой брат единый:
«Возьми полцарства моего
«Лишь правь другою половиной?

(*В списке волнистая черта*)

К нему певец: «Твой щедрый дар,
«О государь, певцу ненужен;
«С иною силою я дружен;
«В моей груди пылает жар,
«Которым зиждется созданье:

(*Ст. 78—114 в списке отсутствуют; возможно, лист с ними утрачен*)

Давно уж нищим роздана,
Усердных слуг не видно боле,
Рабы отпущены на волю,
И не укажет ни один,
Куда их скрылся господин...
В хоромах стены и картины
Давно затканы паутиной,

И мхом фонтаны заросли;
Плющи, ползущие по хорам,
От самых сводов до земли
Зеленым падают узором:..
И мак спокойно полевой
Растет кругом на звонких плитах,
И ветер, шелестя травой,
В чертогах ходит позабытых.

(*Волнистая черта*)
(*Текст Лескова*: «Пустыня и Иоанн идет»)
(*Волнистая черта*)

Благословляю вас: леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю вас: свобода
И голубые небеса.
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
Которой нищий, я иду,
И в поле каждую былинку
И в небе каждую звезду!

(*Волнистая черта*)

О, если б мог всю жизнь смешать я
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в свои объятья,
Я вас, враги, друзья и братья
И всю природу заключить!

(*Волнистая черта и* Ф *или* Р *с точкой*)

Как горней бури приближенье,

Как натиск пенящихся вод,
Теперь в груди моей растет
Святая сила вдохновенья....
Уж на устах дрожит хвала
Всему, что благо и достойно;
Какие ж мне воспеть дела,
Какие битвы или войны?
Где я для дара моего
Найду высокую задачу,
Чье передам я торжество,
Иль чье падение оплачу?

(*Последние 4 ст. обведены Лесковым*)

Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный.
Блажен, кто жизнию умел
Хоть раз коснуться правды вечной
Блажен, кто истину искал,
И тот, кто, побежденный, пал
В толпе ничтожной и холодной
Как жертва мысли благородной,
Но не для них моя хвала.
Не им восторга излиянья. —
Мечта для песен избрала
Не их высокие деянья.
И не в венце сияет Он
К кому душа моя стремится;
Не блеском славы окружен
Не на звенящей колеснице
Стоит он, — гордый сын побед...
Не в торжестве величья, — нет —

(*Волнистая черта*)

Я зрю Его передо мною

С толпою бедных рыбаков,
Он тихо, мирною стезею
Идет меж зреющих хлебов..
Благих речей своих отраду
В сердца простые Он лиет,
И правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.

(*Волнистая черта*)

Зачем не в то рожден я время
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя
Он шел на жизненном пути?
Зачем я не могу нести,
О мой Господь, твои оковы
Твоим страданием страдать
И крест на плечи Твой приять,
И на главу венец терновый

(*Волнистая черта*)

О, если б мог я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды!
Лишь пыльный след Твоих шагов...
О мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покров!

(〈F. *или* P.〉 *и волнистая черта*)

Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать,
И думы дня, и ночи бденье,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать...

(II *и волнистая черта*)

Не отверзайтесь для другого

Отныне, вещие уста:
Греми лишь именем Христа
(Христа *подчеркнуто двойной чертой*)
Мое восторженное слово
(*оставшаяся часть листа чистая; возможно, Лесков намеренно здесь завершил фрагмент*)

(список фрагмента поэмы рукой Н. С. Лескова: РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, № 104, л. 1—4; отступы и подчеркивания Лескова)

3. ГРЕШНИЦА

2 Звон лютней и кимвалов грохот;
6 Тесьмой узорной подняты;
11 Гостей пирует шумный хор;
14 Ничем беседа не стеснима,

(РБ. 1958. Кн. 9. С. 83)

16—18 О ненавистной дани Риму,
Что правит с города Пилат,
О кесаря посланье тайном,

(бел. авт.: РГБ, ф. 178, карт. 6, № 36, л. 1; список: РНБ, ф. 281, № 27, л. 1; список Воеводского: ПД, № 14755, л. 1; РБ)

21 Что появился в их стране.
25 Любви закону подчинил;

(РБ)

29 Есть неземная сила в нем,
32 Тому, кто был и слаб и хром;
(РБ. С. 84)

34 Сердец мышления открыты,
(список: ПД, ф. 388, оп. 2, № 181, л. 3 об.)

38 Везде Спасителем он был
(РНБ; список Воеводского, л. 1 об.)

41 То, видно, Богом муж избранный!
(РБ)

42 Он там, по волнам Иордана,
(РНБ, л. 1 об.; список Воеводского; РБ. С. 84)

42—43 Он там, [*пропущено переписчиком как нрзб.*] Иордана,
Ходил как посланный с небес,
(ПД, л. 4)

44 Он много сделал там чудес,
(РБ. С. 84)

45 Теперь пришел он, благодатный,
(ПД)

50 За длинной трапезой сидят;
(РГБ, л. 1 об.)

52 Сидит блудница молодая;
54 Невольно привлекает взоры,
56 О грешной жизни говорят;
66 С нагого спущены плеча;
(РБ)

68—69 Веселым звоном сладострастья,
К восторгам пламенным зовут,
(РГБ, л. 2; РНБ, л. 1 об.; список Воеводского, л. 2; РБ. С. 85)

69 К утехам сладостным зовут,
(ПД, л. 4 об.)

74 Падут роскошные власы;
80 И ей они звучат укором;
(РБ)

83 «Я власти не боюсь ничьей!
(ПД, л. 5)

«Я власти не страшусь ничьей;
(РБ. С. 85)

Между 86—87
Отступ и черта
89 Куренье, солнце и цветы;
91 Подходит муж благообразный
(РБ)

100 То муж на смертных непохожий,
(РГБ)

105 Он гнал по манию Еговы.
(РНБ, л. 2; список Воеводского, л. 2 об.; РБ. С. 86)

109 Но, вспомнив свой недавний вызов,
(РГБ, л. 2 об.; РНБ, л. 2; список Воеводского; РБ)

114 Бокал шипящий подает.
(РГБ; РНБ; список Воеводского; РБ)

115 Ты тот, что учит отреченью —
117 Мое надежней и верней!
(список Воеводского; РБ)

121 Познай, я страстью лишь влекома,
(РГБ, л. 3; РНБ; список Воеводского; РБ)

122 С постом, с молитвой незнакома!
(список Воеводского)

128 Еще хвалилася она,
(РГБ; РНБ; список Воеводского; РБ)

131 Как общий говор вдруг возник,
(ПД, л. 6)

133 «Она ошиблась, в заблужденье
(РНБ, л. 2 об.; РБ)

134 Ее привел пришельца лик —
137 Его любимый ученик!».
(РГБ; РНБ; РБ)

139 Внимал он девы молодой;
147 Не прелесть ангельской красы,
152 Простою тканью стройный рост;
(РБ. С. 87)

154 Лежит вкруг уст его прекрасных,
(ПД, л. 6 об.)

155 Слегка раздвоена брада;
(РБ)

После 161

[*зач.* И он, в молчании]
164 Тревожно дух переводя.
(РГБ, л. 3 об.)

170 *Отступ строки*

(РБ)

173 Он разогнал ночную тьму;

177 До глубины озарено;

(РГБ; РБ)

180 [*зач.* И] Вся ложь ее преступных дел, —

(РГБ, л. 4)

Вся ложь ее преступных дел

(РНБ; список Воеводского, л. 3 об.; РБ. С. 88)

183 *Пропущен*

(ПД, л. 7)

187 Грехом мрачила ежечасно;

(РБ)

190 *Пропущен*

(ПД, л. 7 об.)

191 И милосердие прочла.

(список Воеводского, л. 4; РБ)

192 И чуя новое начало,

(РГБ)

196 Из рук упавшего бокала...

(РГБ; ПД; список Воеводского; РБ)

199 Дрожат открытые уста,

(список Воеводского; РБ)

201 Перед святынею Христа!

(список Воеводского)

Подпись

Гр. Ал. Толстой

(РГБ)

А. К. Толстой

(ПД)

4. ДОН ЖУАН

41 Покушеньям духа злого

(измененный ст., принадлежащий, вместе с тремя следующими, К. К. Павловой и использованный Толстым в поэме, — в письме к Павловой (начало 1861 г.), ПД, разряд I, оп. 22, № 343, л. 1)

Фрагмент 95—103

Между 97 и 98

[*зач.* Отразился неб]

99 В красоте лучезарной и звездной!

Фрагмент 113—120

Над текстом

2

114 Чей ум молитве не закрыт,

Фрагмент 130—145, в котором 138—141 отсутствуют

144 Блажен, кто, всех сомнений мимо,

(бел. авт.: ПД, разряд I, оп. 22, № 364, л. 1)

145 Прямой дорогою идет!

Фрагмент 1510—1537

Над текстом

4

1522—1525 *С ремарками отсутствуют*

1520, 1536 О, выйди, Нисетта,

1526 От Севильи до Гренады,
1531 Для прелестных льется дам,
(л. 1 об.)

Фрагмент 2179—2200

2188—2189 Пилат на свой вопрос остался без ответа;
А объяснить загадку — сущий вздор!
(бел. авт. с правкой: ПД, разряд I, оп. 22, № 355, л. 1, 4)

2191 На бляхе жестяной; со стороны обратной
(л. 4)

2192 [*зач.* Вдавлением *и зачеркивание отменено кар.*] изображен;
(л. 1, 4)

2193—2194 Рисунок тот же; [*зач.* повторяет *надп. кар.* обозначен] он,
Хоть способом иным, но равно аккуратно.
(л. 1)

Одно и то же с двух сторон
Он повторяет аккуратно.
(л. 4)

2197 Мы выражаем [*зач.* принцип *надп. кар.* тайну] бытия,
(л. 1)

2199—2200 И вот вся разница, любезные друзья,
Между моей методой и Господней.
(л. 1, 4)

Далее следуют отсутствующие в осн. тексте ст.

Добра и зла, поверьте, зреет плод
(л. 1)

Вариант

Добра и зла заветный зреет плод
(л. 4)

На дереве одном, А вот еще сравненье:
Парадный есть и черный вход
У истины, как у строенья;
Она, как Янус, нам являет два лица;
И наш приятель к ней прийдет, в том нет сомненья,
(л. 1, 4)

Вариант

И Дон Жуан прийдет к ней, без сомненья,
(л. 4)

Но только с заднего крыльца!
(л. 1, 4)

Фрагмент 2310—2324

2312 Души пылающую рану
(л. 4 об.)

2312—2314 [*зач.* Его] [*испр.* д *на* Д]уши [*зач.* тревожной *надп. кар.* пылающую] рану
Терпень[*зач.* ем *надп. кар.* я, *зач. кар.* боже *надп. кар.* и *зач.* силой] исцели!
Но если, не спасенный нами,
2318—2319 Да внемлет он укор могучий
Как в день последний голос труб!
(л. 1 об.)

2319 Его, как грохот судных труб!
(л. 4 об.)

2321 И [*зач.* в грозу] прячется за тучей,
(л. 4 об.)

2321—2322 И боле прячется за тучей
Но как бы ни было, на всякий случай
(л. 1 об.)

После 2324 и пр.
Далее на л. 2 письмо к К. К. Павловой и подпись

Фрагмент 2579—2586

После 2579

Офицер
(*подымая плащ Д. Жуана*)
Сеньора... этот плащ?..
Донна Анна
Какую связь
Имеет [*зач.* с вашим порученьем *надп. кар.* чей-то здесь забытый] плащ,
[*зач. кар.* забытый кем-нибудь *надп. кар.* С тем, что вас привело]? Надеюсь, вы
Не думаете, чтобы я скрывала
Убийцу моего отца?
Офицер
Сеньора,
Простите! Мы ошиблись — мы уходим.
(*Уходит.*)

Далее на л. 5 письмо к К. К. Павловой и подпись

3129—3130 *Повторяющийся вариант*
Блажен, кто, всех сомнений мимо,
Прямой дорогою идет!
(№ 364, л. 1 об.)

Варианты в «Переделанной сцене из „Дон Жуана"»

2185 Тот к истине придет, кого туманный взор
2200 Между моей методой и Господней.
(РВ. 1862. Июль. С. 222)

2229 Точней: коль на него ты смотришь с двух сторон,
(С. 223)

2249—2251 Среди миров невозмутимо
Царит над ними Божество.
И в нем осуществилось ясно,
2257—2259 И возникают новым строем
Его создания все вновь
(С. 224)

Варианты в журн. ред.

99 В красоте лучезарной и звездной!
(РВ. 1862. Апрель. С. 584)

924 Я все скажу тебе. Не даром сердце
(С. 611)

996 То видно небо нас соединило!
(С. 614)

1277 Дышать прохладой и гитары слушать,
(С. 622)

1675 Каррамба!
(С. 637)

1705 Никто не мог сего, ни угадать.
(С. 638)

2200 Между моей методой и Господней.
2201—2209 *Отсутствуют*
2310 О Боже, дай познать Жуану
(С. 655)

2342 Явись, таинственная сила!

Вместо 2344—2358

Какой ей вид принять, еще в недоуменьи.
Готовься ж узел тот, который спутан мной,
Не медля, затянуть по первому веленью!
Не знай ни жалости, ни страха, ни любви —
Свершай, что я скажу, без мысли, без
пощады,
И воплотившись раз, топчи, круши преграды
И жертву, как утес, собою раздави!
2360 Когда во власть твою предастся дон Жуан,

(С. 656)

2378—2390 *Отсутствуют*

2391 Октавио нейдет. Он должен был,
Далее следовали ст.
Я знаю, снова биться с дон Жуаном.
О, до чего отчаянье меня
И жажда мести довели! Октавио
Единственный мой ныне друг и брат;
2392 Но мысль о нем мне не тревожит сердце;

(С. 658)

Между 2594 и 2595

Полунасилье, полуобольщенье,

(С. 665)

3025 Хоть что-нибудь вам было свято — или

(С. 681)

Между 3087 и 3088

Чу! То его ли вновь я слышал голос,
Иль собственная мысль сказалась звучно?

(С. 684)

3105 Но поздно! Все теперь погибло с ней —
3108 Нет! Не хочу!

(С. 685)

3262 В жизни долго непокорная,

(С. 692)

Варианты в ред. С-67

924 Я все скажу тебе. Недаром сердце

(С. 280)

1604 Я чаю, уж теперь их свадьба близко;

(С. 313)

1737 В сравненьи с ревностью моею!

(С. 321)

2004 Иль ненависть похожа на любовь!

(С. 334)

2124 Тогда бы в небе было толку мало!

(С. 339)

После 3112 *Ремарка*
(Дон Жуан падает мертвый; статуя исчезает)
Далее текст отсутствует

(С. 388)

5. АЛХИМИК

Черн. набросок

Святой, торжественный, великий,
[*зач.* Несокрушающийся *надп.*
Неразрушающийся] Рим.
Он вне законов ——————————
[*зач.* Судьбам земли] не подчинен

[*зач.* И сам *надп.* В своем величьи]
неизменный
Судьба, ———————— и закон.
(ПД, ф. 301, № 6,
Зап. кн. [1], л. 23)

6. БОГАТЫРЬ

5 Покрыт он простою рогожей,
9—11 Ко мне, молодцы удалые,
Ко мне, старики, поскорей!
Ко мне, горемычные люди!
(список: Альбом В. Ж.,
л. 38)

13 Он потчует всех без разбора,
17 Красив ли он, стар или молод?
(л. 38 об.)

25—28 *Отсутствуют*
(Альбом В. Ж.; список: ПД,
разряд II, оп. 1, № 613,
л. 44 об.)

33—34 В деревню домой воротился
От службы усталый солдат;
(Альбом В. Ж., л. 39)

43 Ведь мы-то робили, пахали,
(ПД, л. 45)

45 И ссора [*зач.* меж *надп.* у] них закипела,
48 А братья его топором.
(Альбом В. Ж.)

49—64 *Отсутствуют*
(ПД)

55 С улыбкой Мария глядела,
58 Он с горя горелки хватил;
60 Свою Богоматерь забыл!
62 И в руки кистей не берет,

(Альбом В. Ж., л. 39 об.)

68 Орленый свой штоф подает.

(ПД)

68—69 Клейменый свой штоф отдает.
Пошла между ними потеха,
77—100 *Отсутствуют*

(Альбом В. Ж., л. 40)

89—92, 97—108
Отсутствуют

(ПД, л. 46)

101 Он им обещает свободу
103—104 Они не должны-де работать,
Того-де закон не велит!»

(Альбом В. Ж., л. 40 об.; список: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 4179, л. 49)

105—108 *Отсутствуют*
После 108
Пошли меж крестьянами толки:
«Дошла ж и до нас череда!»
Толпою идут из деревни —
И сами не знают куда!
Там тотчас стоит и кабак!

(Альбом В. Ж., л. 40 об.)

112 Там тотчас растет и кабак.
117—120 *Отсутствуют*

(ПД)

120 Царя своего продают
(Альбом В. Ж., л. 41; ГАРФ)

127—128 Плач, песни, и вой, и проклятья!
Питейное дело растет.
130 Бочась, богатырь удалой;
132 Он шапку сымает долой, —
(Альбом В. Ж.)

134—135 Шишак на широком челе,
Шишак из разбитых бутылок
(л. 41 об.)

139 Не даром же пили они
(ПД, л. 46 об.)

После 140

О братья! Проклятье в вине,
Забудем же пьянство и мерзость
И станем мы честно работать
Во славу родной стороне!
(л. 47)

7. ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Заглавие

Василий Шибанов. Баллада
(списки: Альбом В. Ж., л. 7; ГЛМ, ф. 275, ОФ 7834/14, л. 4 об.; публикация по списку: Кондратьев. С. 94; РВ. 1858. Сентябрь. Кн. 1. С. 236)

2 С ним Васька Шибанов, стремянной.
(Альбом В. Ж.; ГЛМ, л. 4; Кондратьев. С. 113; РВ)

[3] Дороден был князь. Конь измученный пал.
(РВ)

[6] Дает своего воеводе коня:
(Кондратьев)

Своего отдает воеводе коня:
(ГЛМ, л. 4 об.)

[8] Авось я пешой не отстану.
[10] Опальный сидит воевода,
(РВ)

[11] Стоят в отдаленьи Литовцы кругом,
(ГЛМ; РВ)

[12] Без шапок толпятся у входа;
[16] Князь Курбский нам сделался другом.
(РВ)

[18] Исполнен он жолчи и злобы;
(Альбом В. Ж., л. 7 об.)

[20—21] Старинные сердца зазнобы:
«Что долго в душе оскорбленной ношу,
(Альбом В. Ж.; ГЛМ)

[22] То все я пространно к Царю напишу,
(Альбом В. Ж.)

То все я пространно царю напишу,
[24] За все его ласки спасибо.
(РВ. С. 237)

[29] И злыми словами язвит он Царя
[33] Но кто ж дерзновенные Князя слова
(Альбом В. Ж., л. 8)

[35] Кому не люба на плечах голова?
(РВ)

[37] Невольно сомненья на Князя нашли...
(Альбом В. Ж.)

Невольно на князя сомненья нашли...
(ГАМ, л. 5; РВ)

И черные думы на князя нашли.
(Кондратьев)

38 Вдруг входит Шибанов, в крови и в пыли:
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

41 И с грамотой князь посылает раба...
(Кондратьев)

48 Письмо твое в Царские руки!»
(Альбом В. Ж., л. 8 об.)

Письмо твое в царские руки.
49 Звон медный несется, гудит над Москвой;
(РВ)

50 Сам Царь, распевая, трезвонит;
(Альбом В. Ж.; Кондратьев. С. 94)

59—60 Звонит и Опрични кромешная тьма,
Звонит и свирепый Малюта,
(оба последних ист.)

65—69 Вот Царь отзвонил, в терема он спешит,
С ним грозных Опричных собранье,
Вдруг видят гонец, запыленный летит,
В руке своей держит посланье.
С коня он поспешно слезает долой,
(Альбом В. Ж., л. 9; Кондратьев. С. 95)

72 «Посланье от князя Андрея!»
(Кондратьев)

73—76 «Письмо от Андрюшки! от вора мово?
Письмо от злодея лихого?

Давно ли с Творцем говорит вещество?
И что нам гласит его слово?
(Альбом В. Ж.)

77 Подай мне послание, дерзкий гонец!»
(Альбом В. Ж., л. 9 об.;
Кондратьев)

79—80 Жезла своего он вонзает:
Налег на костыль и внимает:
(РВ)

80 Оперся на жезл и читает:
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

82 Но тонущу в сквернах обильных.
(РВ)

86 Без счету твердыни врагов сражены?
(Альбом В. Ж.; РВ. С. 238)

93 И аз, яже кровь в непрестанных боях
98 Кровь алым струилась потоком,
(Альбом В. Ж., л. 10)

101 Стоял неподвижно опричников ряд;
103 Как будто исполнен печали;
(РВ. С. 239)

105—106 И начал так царь: «Да, изменник мой прав,
И нет уж мне жизни отрадной!..
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

106 И нет уж мне жизни отрадной,
(РВ)

109 Гонец, ты не раб, а товарищ и друг,
(ГЛМ, л. 6; РВ)

110 И много, знать, добрых у Курбского слуг,
(Альбом В. Ж., л. 10 об.;
Кондратьев)

112 Ступай же с Малютой в застенок.
(РВ)

114 Друг к другу приходят на смену:
118 Назвал ли он князя друзей наконец?»
(Альбом В. Ж.; РВ)

120 Он хвалит свого господина!»
(Альбом В. Ж.)

124 Опять начинают работу.
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

125 «Ну что же, назвал ли виновных гонец?»
(Альбом В. Ж., л. 11; Кондратьев)

«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?»
127 Но слово его все едино;
(РВ)

128 Он хвалит свого господина!»
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

129 Он хвалит того, кто сгубить его мог
(Альбом В. Ж.; Кондратьев. С. 96)

131 О князь, я молюсь, да простит тебе Бог
(РВ)

135—136 Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй... мои прегрешенья!..
(С. 240)

136 Помилуй... мои прегрешенья!
(ГЛМ, л. 6 об.)

141—144 За данного Богом Царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь —

За всех моих злобных тиранов!»
Так умер Василий Шибанов.

(Альбом В. Ж., л. 11 об.; Кондратьев; список: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 4179, л. 15)

8. ВОЛКИ

Заглавие

Волки (баллада)

(бел. авт.: РГБ, ф. 231/III, карт. 11, № 33, л. 1; Совр. 1856. № 2. С. 273)

8 Семь волков идут смело.

(Совр.)

10 Волк восьмой, шерсти белой,

(РГБ)

Волк восьмой, шерсти белой;

(Совр.)

12 Заключает девятый:

(список с авторской правкой: Альбом В. Ж., л. 31 об.)

Заключает девятой.

(Совр.)

14 Он за ними идет и хромает.

(Альбом В. Ж., л. 32)

15 Их ничто не пугает.

(Совр.)

17 Псы на них и не лают,

(РГБ; Альбом В. Ж.)

Псы на них и не лают;
(Совр.)

[19] Видя их, не посмеет:
(РГБ; Альбом В. Ж.)

[20] Он от страху бледнеет
[25] И шевелят хвостом,
[27] И внимают всем слухом,
(Совр.)

[28] Не ведется ли грешной там речи?
(РГБ; Совр.)

Не ведется ль безбожной там речи?
(Альбом В. Ж.)

[29] Их глаза словно свечи,
(Совр. С. 274)

[30] Зубы бритвы острей.
(три ист.)

[33] И стреляй по ним смело,
(Альбом В. Ж.; Совр.)

[39] Девять мертвых старух.
[42] Все в крови... с нами сила Господня!
(Совр.)

9. «В КОЛОКОЛ, МИРНО ДРЕМАВШИЙ, С НАЛЕТА ТЯЖЕЛАЯ БОМБА...»

[1] В колокол, мерно звучавший, с налету тяжелая бомба

(публикация по утраченному бел. авт. в письме Толстого к С. А. Миллер от 5 декабря 1855 г.: ВЕ. 1897. № 4. С. 625; список: РГБ, ф. 218, карт. 1311, № 31, л. 1 об.)

В колокол, мирно дремавший, с налету тяжелая бомба

(Совр. 1856. № 2. С. 276)

[2] Грянула; с треском кругом от нее разлетелись осколки;

(бел. авт.: РГБ, ф. 231/III, карт. 11, № 33, л. 2 об.; бел. авт.: Тетр. [2], л. 14 об.; РГБ; Совр.)

Грянула. С треском кругом от нее разлетелись осколки.

(список: ГИМ, ф. 96, оп. 1. № 110, л. 57)

[2—3] Грянула; с треском кругом от нее разлетелись осколки.
Он же вздрогнул, и к народу могучие медные звуки

(список РГБ; Совр.)

Подпись

Гр. А. К. Толстой

(бел. авт. РГБ)

10. «ГДЕ ГНУТСЯ НАД ОМУТОМ ЛОЗЫ...»

1 Где гнутся над [*зач.* озером *надп.* омутом] лозы,
(бел. авт. с правкой: РНБ, Альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, ф. 817, оп. 1, № 1, л. 105 об.; список с авторской правкой: Альбом В. Ж., л. 33)

Где гнутся над озером лозы,
(список: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 4179, л. 40)

2 Где летнее солнце печет, —
(РВ. 1856. Апрель. Кн. 1. С. 487)

4 Воздушный ведут хоровод.
(Альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, л. 105 об.)

Веселый ведут хоровод.
5—6 «Дитя, подойди к нам поближе!
Тебя мы научим летать.
(РВ)

6 Тебя мы научим летать;
(ГАРФ)

Тебя мы научим летать,
(Альбом Б. А. Фитингоф-Шеля)

7 Дитя, подойди поскорее,
(Альбом В. Ж., л. 33)

8 Пока не проснулася мать.
(РВ)

9—12 *Напис. под текстом и знаком ⊕ введены после 8*

(Альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, л. 105 об.)

10 Нам так хорошо и тепло;
12 А крылышки словно стекло!
14 Мы так тебя любим давно —

(РВ)

Мы так тебя любим давно!

(Альбом В. Ж., л. 33; РВ)

Подпись

Гр. Ал. Толстой

Дата и место

20 января 1861
Дрезден

(Альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, л. 105 об.)

После строфы 4

Дитя побежало проворно
На голос манящих стрекоз,
Там ил был глубокий и черный
И тиною омут порос.
Стрекозы на пир поскорее
Приятелей черных зовут,
Из нор своих жадные раки
С клещами к добыче ползут,
Впилися в ребенка и тащат,
И тащат на черное дно,
Болото под ним расступилось,
И вновь затянулось оно.
И вновь, где нагнулися лозы
От солнца палящих лучей,

Летают и пляшут стрекозы,
Зовут неразумных детей.

(Альбом В. Ж., л. 33 об.—34; список ГАРФ, л. 41; публикация по списку: Кондратьев. С. 106, четыре строфы)

11. КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

Заглавие

Князь Михаил Репнин

(бел. авт. с правкой: ПД, № 28629/CCIV6121, л. 1)

Князь Михаил Репнин. Баллада

(список: Альбом В. Ж., л. 23; публикация по списку: Кондратьев. С. 100)

3 Стопами золотыми столов блистает ряд,

(ПД)

5—6 Давно уж льются вина на царские ковры,
Давно поют на славу лихие гусляры,

13 Друзья, себе личину пусть каждый изберет —

(три ист.)

17 И все подъяли чаши. Не поднял лишь один,

(ПД; Кондратьев)

18 Один не поднял чаши, Михаил князь Репнин

(три ист.)

20 Опричниной себя ты [*над двумя словами* 2] на горе [*над двумя словами* 1] окружил!

(ПД, л. 1 об.)

21 Рассыпь державным словом детей бесовских
рать,
(Альбом В. Ж., л. 23 об.)

Рассыпь могучим словом детей бесовских
рать!
(ПД; Кондратьев)

После 22 Так молвил князь Михаил и горько зарыдал,
Но царь Иван Васильевич от злобы
задрожал.

23—24 «Старик! — вскричал он грозно, — в уме
ты знать ослаб!
Смирись передо мною, молчи, строптивый
раб!
(три ист.)

25 Сейчас, не прекословя, личину ты надень —
(ПД)

25—26 Сейчас, не прекословя, ты машкару надень —
Иль я клянусь, что прожил ты свой
последний день!
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

27 Тут встал с златым бокалом Репнин,
правдивый князь:

31—32 Да презрит, как измену, коварной лести глас!
Личины ж не надену я в свой последний
час!»
(ПД; Кондратьев)

34 Звеня, упал на землю из рук его бокал —
(ПД, л. 2; Кондратьев)

Из рук его на землю звенящий кубок пал,
(Альбом В. Ж., л. 24)

35 «Умри же, дерзновенный!» — царь молвил,
разъярясь, —
(ПД; Альбом В. Ж.; Кондратьев. С. 101)

37—39 И вновь подъяты чаши, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники сидят,
И смехи раздаются, и пир опять кипит,
(три ист.)

40 Но звон златых бокалов царя не веселит:
(ПД; Кондратьев)

Но звон братин и кубков царя не веселит:
(Альбом В. Ж.)

43 Напрасно льются вина на царские ковры,
(ПД; Альбом В. Ж., л. 24 об.; Кондратьев)

44 Поют ему напрасно лихие гусляры,
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

Царю поют напрасно лихие гусляры,
(ПД)

12. КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ

Ранняя ред.

Речное дно

Как русский князь в земле чужой
Лежит на дне речном
Лежит в кольчуге боевой,
С булатным он мечом.

Там любят юные красы
Резвясь, лобзаться с ним

И гребнем витязя власы
Расчесывать златым.

Жена ждет князя день и ночь
В высоких теремах,
Он по Днепру уехал прочь
С дружиной на ладьях.

Теперь в лесу, в земле чужой,
В реке его приют,
Ему попы за упокой
Молитвы не поют.

Но с ним подводные красы,
С ним дев веселый рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.

Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Ярясь, Перун гремит,

Тогда от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает русский князь;

Жену он милую зовет,
Но князева жена,
Прождав напрасно круглый год,
С другим обручена.

И брата он обнять бы рад,
Зовет и брата он,

Но без забот пирует брат,
Дружиной окружен.

Зовет он Киевских попов,
Велит себя отпеть,
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.

И он, склонясь на ржавый щит,
Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
На мягком дне речном.

(бел. авт. в письме к Г. Г. Гагарину, б. д.: ПД, ф. 66, № 553, л. 7)

Подзаголовок

Баллада

(РВ. 1856. Апрель. Кн. 1. С. 483)

9 Я чаю, князя день и ночь

(список: Альбом В. Ж., л. 35; РВ)

10 Княгиня дома ждет...

(РВ)

12—13 Назад не принесет!
Теперь в лесу, в земле чужой,

(Альбом В. Ж.; РВ)

14 В реке его приют;

(РВ)

28—29 Взирает юный князь.
Жену он верную зовет —

(Альбом В. Ж., л. 35 об.)

29 Жену он милую зовет —
(РВ. С. 484)

30 Но ах! Его жена,
34 Обнять его б он рад —
(Альбом В. Ж.)

Его обнять бы рад...
(РВ)

35 Но в шум похмелья погружен,
(оба ист.)

38 Велит себя отпеть, —
(РВ)

40 Не может долететь,
(Альбом В. Ж.)

Не может долететь.
44 Один на дне речном...
(РВ)

13. КУРГАН

1 На гладкой равнине открытой
(публикация по списку: Кондратьев. С. 103)

8 Сто жен и любимца коня.
(список с авторской правкой: Альбом В. Ж., л. 29; Кондратьев; ОЗ. 1856. № 5. С. 56)

9 Когда же бойца схоронили
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

10 И шум на могиле утих,
(все три ист.)

13—14 О, витязь! Делами твоими
Гордится великий народ,
(ОЗ)

15 Наездника страшное имя
(Альбом В. Ж., л. 29 об.; Кондратьев; ОЗ)

18—20 Сровняется с полем пустым,
То слава раздастся далеко,
И будет курганом твоим!»
(Кондратьев; ОЗ)

21 И вот прокатилися годы,
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

22 Столетия вслед протекли;
24 Лицо изменилось земли.
30 До наших времен не дошло...
37 Безмолвен курган одинокий...
(ОЗ)

38 Наездник могучий забыт,
(Альбом В. Ж., л. 30; Кондратьев. С. 104; ОЗ. С. 58)

44 С трещаньем глухим саранча;
(Альбом В. Ж.; Кондратьев)

С трещаньем сухим саранча,
(ОЗ)

48 Садится на нем отдохнуть.
(Альбом В. Ж., л. 30 об.; Кондратьев; ОЗ)

49 Порой по вершинам проскачет
(Альбом В. Ж.)

Порой по вершине проскачет
(Кондратьев; ОЗ)

50 Тушкан при мерцании дня,
52 На ней удалого коня;
(три ист.)

54 Плывя над холмом в небесах,
56 С кургана высокого прах...
(список: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 4179, л. 38; ОЗ)

Вычеркнутые и не вошедшие в осн. текст строфы

Когда же на западе дальний,
Бледнея, скрывается день,
Сидит на кургане печально
Забытого витязя тень,

Сидит и вздыхает глубоко:
«Где слава, где слава моя?
Минувшие веки далеко,
Отторгнут от прошлого я!

О жизни своей вспомяну ли?
Все было иначе тогда!
Певцы, вы меня обманули,
Венцов моих нет и следа!»

Так думает витязь, вздыхая,
На темном кургане сидит,
Доколе заря золотая
Пустынную степь озарит;

Тогда он обратно уходит,
В подземный уходит он дом,
А ветер по-прежнему бродит,
И грустно и пусто кругом.
(Альбом В. Ж., л. 30 об.—31; ГАРФ, л. 37—38; Кондратьев. С. 104—105)

После строфы 3 данного окончания стихотворения в тексте следует строфа
«И если бы знал я, как скоро,
Как скоро увянут они,
Далеко от брани и спора
Я прожил бы мирные дни!»
(Кондратьев. С. 105)

14. НОЧЬ ПЕРЕД ПРИСТУПОМ

36 Встречают Покрова!
44 Ведут ночной дозор!
(список: Альбом В. Ж., л. 27)

65 Ни разу в их обители
67 Блаженные Святители
(публикация по списку: Кондратьев. С. 102)

69—70 За то на них с любовию
Глядит небесный хор,
(Альбом В. Ж., л. 28)

70 Ликует горний хор,
(Кондратьев)

65—72 стоят после 56
(Альбом В. Ж., л. 27 об.—28)

75 Рать польская воспрянула,
(Кондратьев)

Рать польская отпрянула
80 И гиканье, и вой!
82—84 Летят они вдали,
Прилягте за бойницами,
Раздуйте фитили!
(Альбом В. Ж., л. 28 об.)

83—84 [*зач. часть сл.* Приля[гте] *надп.* жем]
за бойницами,
[*зач. часть сл.* Разду[йте] *надп.* ем]
фитили!..
(Альбом В. Ж.)

15. «ОЙ, КАБ ВОЛГА-МАТУШКА ДА ВСПЯТЬ ПОБЕЖАЛА!..»

1 Ой, кабы Волга-матушка да вспять побежала!
(бел. авт. с правкой: РГБ, ф. 231/III, карт. 11, № 33, л. 2; список: РГБ, ф. 218 (Собр. Отд. рук.), карт. 131, № 31, л. 1)
Ой, [*зач.* как *надп.* каб] Волга-матушка
да вспять побежала!
(список с авторской правкой: Альбом В. Ж., л. 48 об.)
3 Ой, кабы зимою цветы расцветали.
5 Кабы дно морское достать да измерить:
(бел. авт. РГБ)
7 [*зач.* Кабы да *надп.* Ой, кабы]
9 Кабы всегда чарка до рту [*надп. кар.* 2]
доходила! [*надп.* 1]
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 15)
10 Кабы кривосудье по боку да к чорту!
(Тетр. [2]; Совр. 1856. № 2. С. 274)

Кабы кривосуды по боку да к черту!

11 *Отсутствует*

(список РГБ)

11—12 *Отсутствуют*

(Совр.)

12 Да кабы нам, братцы, русские кафтаны!
[русские *подч. кар., взято в скобки, надп.* N3]

(список РГБ)

12 Да кабы нам, братцы, русские кафтаны!
14 Да батюшка б Царь наш всю правду бы ведал!

(Альбом В. Ж., л. 48 об.)

Да кабы неправде человек не ведал!

(бел. авт. РГБ)

Да кабы неправды человек не ведал!

(список РГБ; Совр.)

16. ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ

1 Государь Пантелей ходит пó полю,

(бел. авт.: РГБ, ф. 35, карт. I, № 2, л. 6)

4 И цветы ему все поклоняются.

(РВ. 1866. № 9. С. 332)

6—8 Все благие и все ядовитые;
И всем добрым он травам, невредным,
Отвечает поклоном приветныим,

(ГЛМ, ф. 275, ОФ 7834/14, л. 3 об.)

7 И всем травам он добрым, невредныим
(список: РНБ, Альбом Капнистов, ф. 1000, оп. 2, № 574, л. 89 об.; РВ)

14 Из них зелье варит целебное.
(ГЛМ)

15—18 Государь Пантелей, ты и нас пожалей!
Свой чудесный елей в наши раны излей,
23 Опоенные злыми отравами, —
(РВ)

25—26 А еще, государь, — чего не было встарь —
(С. 333)

26 (Чего не было встарь),
(ГЛМ; С-67. С. 176)

31 Все, чего им не взвесить, не смерити,
(РВ)

36 И учение их грязноватое,
(Альбом Капнистов, л. 90; РВ)

Подпись

Гр. Ал. Толстой
(РГБ)

17. ПРАВДА

Заглавие *Отсутствует*
(авториз. список: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 6, л. 4; РБ. 1858. Кн. 11. С. 6)

1 Ах ты гой еси, правда-матушка!
(РБ)

После стиха 9
А и как же то случилось, то сделалось,
Что никто тебя не знает, не ведает?
А и как же то случилось, то сделалось,
Что тебя всяк толкует по-своему?
(оба ист.)

12 Посмотреть выезжали добры молодцы,
(РГБ, л. 4 об.; РБ. С. 7)

После 16 А увидим мы правду лицом к лицу,
И вернемся на свою сторону,
И расскажем, что сами видели.
(оба ист.)

19 И подъехали к правде со семи сторон,
После 20 И, подъехав, на правду дивилися:
Кто увидел море синее,
Кто, подъехав, увидел дремучий лес,
Кто торговые города людные,
Кто увидел горы высокие,
А кто голую степь.
(РГБ)

После 22 Повернули коней быстрыих
(оба ист.)

23 И вернулись на свою сторону;
(РГБ)

И вернулись на свою сторону.
(РБ)

24—25 И вернувшись на свою сторону,
Всяк рассказывал правду по-своему;
(оба ист.)

25 Всяк рассказывал по-своему:
(С-67. С. 173)

27 А кто городом людным торговыим,
(РГБ; РБ)

28 А кто морем, кто лесом, кто степию.
(РГБ)

А кто морем, кто лесом, кто степию,
(РБ)

30 И вымали мечи острые
(РГБ, л. 5)

И вынули мечи острые
(РБ. С. 8)

31—32 И рубили друг друга в груди белые,
И рубивши, корились, ругалися,
После 33 И рубились они много лет,
34—36 На последок полегли до единаго,
Все семеро братьев удалыих;
Умирая, всяк сыну наказывал,
После 37 До последнего издыхания,
38—39 Положить живот за правду-истину;
То ж и сын сыну наказывал;
(РГБ; РБ)

18. СТАРИЦКИЙ ВОЕВОДА

Заглавие *Отсутствует*
8—9 Смиренною рукой виновного возвел
И взор пред ним склонив, он пал среди палаты,
(авт.: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 6, л. 5 об.; РБ. 1858. Кн. 11. С. 8)

[13] И вспрянув от земли, со злобой
беспощадной,
(РГБ; РБ)

[14] Он в сердце нож ему вонзил рукою жадной.
(РБ)

[17] И в очи мертвые глядел, и дрожью зыбкой
(РГБ; РБ)

И в очи мертвые глядел — и с дрожью
зыбкой
(С-67. С. 165)

[18] Вокруг державных уст змеилася улыбка.

Подпись

Гр. Ал. Толстой
(РГБ; РБ)

19. «У ПРИКАЗНЫХ ВОРОТ СОБИРАЛСЯ НАРОД...»

Над текстом

7

[4] Пусто!
[6] В теле;

(бел. авт.: ПД, ф. 160, собрание Д. Н. Любимова, № 1, л. 7)

[11] Мужичок-то ведь прост; знай везет через
мост,
(РБ. 1857. Кн. 7. С. 147)

Мужичок-то ведь прост, знай везет через
мост,
(ПД; РБ)

Мужичок-то ведь прост; знай везет через мост,

(РБ)

28 Паче!

(РБ. С. 148)

35 Если б ты мне помог — видишь денег мешок

(ПД, л. 9; РБ)

39 «Сыпь сейчас! — сказал дьяк, подставляя колпак, —

(РБ)

Набросок

Этот дьяк, как⟨-то⟩ раз,
Из Москвы в Арзамас
К тет⟨к⟩е,
Взял с собою, злодей,
Для обмана, ей-ей,
Четки

(публикация по утраченному авт., находившемуся в бумагах С. П. Хитрово: Lirondelle. P. 462)

5 Дурачье! Сказал дьяк,
7—8 Еще в Думе вчера мы с трудом осетра
Съели.
11 Мужичок-то ведь прост, знай валит через мост
13 Вишь дурак! сказал дьяк, тебе мост чай пустяк,

15—16 Ты б его поберег, ведь плыли ж поперек
Утки!

(бел. авт.: РГАЛИ, ф. 506, оп. 1, № 5, л. 1 об.)

20 (Ништо.)
21 Дьяк сказал: дурачье! Полотенце-то чье?
23—24 Стало — Васька и тать, стало Ваське и дать
Таску!
25 Пришел к дьяку больной, говорит: ой, ой, ой,
28—40 Паче;
И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
Столько!
Вишь дурак! сказал дьяк, ну не ешь натощак
Только!
Пришел к дьяку истец, говорит: ты отец
Бедных;
Если б ты мне помог — видишь денег мешок
Медных —
Я б те всыпал, ей, ей, в шапку десять рублей,
Шутка!
Сыпь сейчас! сказал дьяк, подставляя колпак,
Ну-тка!

(л. 2)

20. «ХОДИТ СПЕСЬ, НАДУВАЮЧИСЬ...»

Заглавие

Спесь

(список: ГЛМ, ф. 275, ОФ 7834/14, л. 3)

2 С боку на бок переваливаясь;

(бел. авт.: РГБ, ф. 231/III, карт. 11, № 33, л. 2; Совр. 1856. № 2. С. 275)

3 Ростом-то Спесь аршин с четвертию,

(бел. авт. РГБ)

8 Да ворота не крашены!

(бел. авт. РГБ; список: РГБ, ф. 218, карт. 1311, № 31, л. 1)

9 А и помолился бы Спесь в церкви Божией,

(бел. авт. РГБ)

А и [*зач.* зашел] помолился б Спесь
в церкви Божией,

(бел. авт. с правкой: ПД, № 28630/CCIV6122, л. 1)

11 Идет Спесь, видит на небе радугу;

(список с авторской правкой: Альбом В. Ж., л. 51 об.)

12 Повернул Спесь в другую сторону:

(Совр. С. 276)

Подпись

Гр. Ал. Толстой

(бел. авт. ПД)

21. ЧУЖОЕ ГОРЕ

3 Он в остром шеломе, в кольчатой броне,
5 Какое мне деется горе!
7 Стучат лишь о корни копыты; —

(авт.: РГБ, ф. 126, карт. 8337, № 28, л. 1; РВ. 1866. № 10. С. 673)

Стучат лишь о корни копыты;

(РВ)

8—9 Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!
— Эй, кто за плечами там сел у меня?
12—14 И шарит с досадой во взоре;
Но слышит ответ: Я тебе не чужой,
Дай лес мне дремучий проехать с тобой;

(оба ист.)

14 Дай лес мне проехать дремучий с тобой,
16 — Ну, ври себе! — думает витязь, смеясь,

(РВ)

«Ну, ври себе! думает витязь, смеясь, —

(РГБ)

22 С товарищем боле не споря;

(РВ)

27 Вишь, притча какая бывает, —

(С-67. С. 168)

32—33 И стал спотыкаться он вскоре,
А тут кто-то сызнова прыг за седло!
37 Плеча мне совсем отдавило!»
40 И ломится конская сила!

(РВ. С. 674)

41 «Эх, думает витязь, мне б из лесу вон,
(РГБ, л. 1 об.)

43 И как я без битвы попался в полон?
(РГБ)

И как я без битвы попался в полон!
(РВ; С-67. С. 169)

И как я без битвы попался в полон?
(РВ)

Подпись

Гр. А. К. Толстой
(РГБ)

22. И. С. АКСАКОВУ

Заглавие

И. С. Аксакову *зач. красным кар. и надп.*
8 К N.N.
(бел. авт. с правкой: ПД, ф. 382, № 30, л. 1)

К И. С. Аксакову
(С-67. С. 1)

Текст ПД совпадает, с незначительными разночтениями, с журн. ред.: РБ. 1859. Кн. 14. С. 6—7

5—8 Так. В беспредельное влекомый,
[*зач.* Окрест *надп.* Вдали] незримый
чуя мир,
Под величавый голос грома,
Не раз я строил свой псалтир.

13—15 Как ты, и я люблю природу

И быт родного мне народа;
Его стремленья с ним делю
(ПД)

16 И все земное я люблю, —
(РВ)

Подч.

21—22 И пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков;
(ПД, л. 1 об.)

22 Под говор пьяных мужиков;
(РВ)

24 И рек серебряный разлив,
26—27 И шум волнующихся нив;
Люблю и тройку удалую
36 Что ты воспел когда-то, друг,
(ПД, л. 1 об.)

Подписи

Гр. А. Толстой
[*ниже зач.* Гр. Ал. Толстой]
(л. 2)

23. «БОР СОСНОВЫЙ В СТРАНЕ ОДИНОКОЙ СТОИТ...»

Заглавие

Серебрянка

(Листок для светских людей. 1843. № 4. Октябрь. С. 1)

1 Бор сосновый в стране одинокий стоит;
(авториз. список: Альбом В. Ж., л. 15 об.)

9 Из далекой страны я сюда прибежал,
(Альбом В. Ж.; Листок)

12 И звезда среди чистых покажется вод,
(Альбом В. Ж.)

12—17 И звезда средь прозрачных покажется вод —
Приходи ты тайком, ты услышишь о том,
Что бывает порой здесь в тумане ночном...
Так шептал, и журчал, и бежал ручеек.
На ружье опершись, я лежал одинок,
И лишь шепот струи тишину прерывал;
(Листок)

17 И лишь шопот струи тишину прерывал,
(Альбом В. Ж.)

Подпись

* * *

(Листок)

24. «БЫВАЮТ ДНИ, КОГДА ЗЛОЙ ДУХ МЕНЯ ТРЕВОЖИТ...»

4 И [*зач.* долу тяжело *надп.* отягченная]
склоняется глава.
5 И он, [*надп. кар.* витающий без радости
и веры] не ведая ни радости, ни веры,
6 В меня вселяет злость — к кому не знаю
сам —
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 59 об.)

В меня вдыхает злость — к кому не знаю
сам —
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 453)

10—11 Присутствием его веселость отнята,
Больное сердце он напитывает ядом
(оба ист.)

14 [*зач.* Восходит и] Клубится и растет все
гуще и мрачней
(Тетр. [2])

18 Все то, что я люблю, чем верю и дышу я.
(оба ист.)

25. «ВЗДЫМАЮТСЯ ВОЛНЫ, КАК ГОРЫ...»

12 Что звезд не увидишь ты боле.
15—16 В свой уровень снова законный
Войдет примиренное море.
(РВ. 1866. № 9. С. 184)

26. «ВОТ УЖ СНЕГ ПОСЛЕДНИЙ В ПОЛЕ ТАЕТ...»

4 И зовут друг друга журавли;
6 Первых гроз нетерпеливо ждет;
(ОЗ. 1856. № 5. С. 56)

9 Утром небо тихо и прозрачно
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 34)

10—11 Ночью звезды светят так светло —
Отчего ж в душе твоей так мрачно?
13 Грустно жить тебе, дитя, я знаю,
16 И земной весны тебе не жаль!
(ОЗ)

После 16 [*зач.* Погоди, о друг, еще немного, *надп.*
О пожди, пожди еще немного,]
Дай и мне уйти туда с тобой,
Легче нам покажется дорога,
[*зач.* Мы пройдем *надп.* Пролетим] ее рука
с рукой!
(Тетр. [2], л. 34 об.)

Погоди, дитя, еще немного,
Дай и мне уйти туда с тобой...
Легче нам покажется дорога —
Мы пройдем ее рука с рукой
(ОЗ)

О пожди, пожди еще немного,
Дай и мне уйти туда с тобой,
Легче нам покажется дорога,
Пролетим ее рука с рукой!
(С-67. С. 101)

27. «В СОВЕСТИ ИСКАЛ Я ДОЛГО ОБВИНЕНЬЯ...»

1 В совести [*зач.* своей] искал я [*вст.* долго]
обвиненья,
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 45)

4 А на свете жить мне тяжело и больно.
(РВ. 1958. Май. Кн. 2. С. 357)

5 [*зач.* Как] Каждый звук [*зач.* природы
надп. случайный] я ловлю пытливо:
(Тетр. [2])

Каждый звук случайный я ловлю пытливо
7 Ветер ли всколышет золотую ниву —
10 И душа собою вечно недовольна:
14 Но напрасно разум бьется и хлопочет,
16 Ни к устам зовущим низойти не хочет!
(РВ)

28. «В СТРАНЕ ЛУЧЕЙ, НЕЗРИМОЙ НАШИМ ВЗОРАМ...»

Над текстом помета

(Из Сведенборга)

(Совр. 1857. № 1. С. 10)

1 В стране лучей, незримых нашим взорам,
4 Своих молитв немолчные дары;
(Совр.; С-67. С. 103)

5 Блаженством [*зач.* их *надп.* там] сияющие лики
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 1)

8 Не видны им земные нищеты;
10 Все, что к земле привязывало их —
20 Кого звала, кого любила ты;
(Совр.)

Варианты, наброски

Мне на ухо шептали боязливо
[*зач.* Когда душой *надп. и зач.* Но *надп.* О ты когда] почуешь близость рая
И неба луч в твою проникнет ⟨?⟩[*надп. и зач.* прольется] грудь,

Ты обо мне подумай, умирая,
И хоть на миг блаженство позабудь!
Прощальный взор бросая [*зач.* этой *надп.* нашей] расширяя жизни
[*зач.* Запомни всей душой *надп. и зач.* Да *надп.* Душой о друг] вглядись в [*вст.* мои] черты
[*зач.* Чтобы узнать *надп. и зач.* потом *зач.* в заоблачной отчизне
Узнать душой, кого любила ты]
[*зач.* И не забыть *надп.* Чтобы *зач.* помнить там *продолж. надп.* узнать в] заоблачной отчизне
[*зач.* Как на земле меня любила ты *надп.* Кого звала, кого любила ты!]
Чтоб звуки арф и ангельские речи
И ты могла б узнать при новой встрече
Могла б узнать и снова полюбить
И ты б могла меня при новой встрече
Узнать душой и снова полюбить!

(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 43 об.)

Как рифма полная, ласкающая ухо
Как стройное созвучье голосов

духа
Кого в земной пыли любила ты.
Чтоб [*зач.* потом *надп.* никогда] в заобл отчизне
Не позабыть кого любила ты

(л. 44)

Пусть звук немолчный арфы серафима
Вокруг миров вращаются миры
Свободных душ неотразимы ⟨?⟩

[*зач.* Он земных их]
Отвращенье ликов
[*зач.* отвращенья]
Они   суеты
Они не слышут наших кликов
Они не видят нашей нищеты
не знает
И говорят, что в смертную минуту
                                        забвенье
Не помнить там ни близких, ни родных

(л. 45 об.)

Там вольных душ свобода не стеснима
Свобода душ там плотью не стеснима,
Их стройный хор Предвечному дары!
[*зач.* их солнечные *надп.* Отвращены
            сияющие] лики от мира суеты
[*зач.* От суеты земной отвращены]
Им не слышны   клики
Им не видны   нищеты
Не слышны им [*зач.* печали нашей *надп.*
                        земной печали] клики
Не видны им [*зач.* юдольной *надп.* земные]
                                        нищеты
Святым огнем сияющие лики
Отвращены от мира суеты,

(л. 46)

29. «ВЫРАСТАЕТ ДУМА, СЛОВНО ДЕРЕВО...»

2—3 Вростя в сердце корни глубокие,
До поднебесья ветвями раскинется,

[8] Сможет слово ту думу вымолвить.
[10] Что ни вымолвить, ни вымерить,
[17] В миг тот ясно сердцу скажется;
[20] Только сердце ее и слышало!
[23] Не прибить гвоздем ко сырой земле.

(авт.: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 6, л. 1 об.; РБ. 1858. Кн. 11. С. 40)

30. «ГОРНИМИ ТИХО ЛЕТЕЛА ДУША НЕБЕСАМИ...»

[4] Длинной блестящей вилися за ней вереницей.

(авт.: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 2861, л. 26; РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 458)

[6—8] Что ты грустна и о чём эти слёзы во взоре?
Им отвечала она: я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя;

(ГАРФ)

[8] Много оставила там и страданья и горя.

(РВ)

[9] Здесь я лишь ликам блаженства и радости внемлю —

(список: ГИМ, ф. 96, оп. 1, № 110, л. 60)

[10—12] Праведных души не знают ни скорби ни злобы;
О отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-б о ком пожалеть и утешить кого-бы!

(ГАРФ)

[11] О, отпусти меня снова, Создатель, на землю!
(ГИМ)

[12] Было б кого пожалеть и утешить кого бы!
(ГАРФ)

31. «ГОСПОДЬ, МЕНЯ ГОТОВЯ К БОЮ...»

[4] Он указал правдивый путь;
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 52)

[10] Любовь не выдержал свою;
(РВ. 1857. Апрель. Кн. 2. С. 428)

[13] Навстречу их железной вьюги
[15] И гибну в жизненном бою.
(РВ)

32. «ГРЯДОЙ КЛУБИТСЯ БЕЛОЮ...»

[7] [*зач.* В] Рассеется, развеется,
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 28 об.)

33. «ДВУХ СТАНОВ НЕ БОЕЦ, НО ТОЛЬКО ГОСТЬ СЛУЧАЙНЫЙ...»

[5] Союза полного не будет между нами:
(бел. авт. ст. 5—8 в письме к Б. М. Маркевичу от 3 ноября 1869 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 132 об.)

34. «ДЕРЕВЦО МОЕ МИНДАЛЬНОЕ...»

4 Поневоле зарождается:

(бел. авт.: Тетр. [2], л. 57)

Черн. ред.

Над текстом

XIV (Крымские очерки)

Цветом розовым миндальное
Деревцо уж убирается,
В [*зач.* душу *надп. кар.* сердце ж] думушка печальная
Поневоле пробирается:
[*зач.* Ведь душистый *надп. кар.* Знаю я, что] цвет обронится,
И созреет плод непрошенный,
И зеленое наклонится
До земли под горькой ношею!

(авт. с правкой, зачеркнут крестообразно: Тетр. [2], л. 56 об.)

35. «ДОЖДЯ ОТШУМЕВШЕГО КАПЛИ...»

6 Смотрела как будто в слезах,

(список: ГИМ, ф. 96, оп. 1, № 110, л. 59)

10 Душа непорочна моя?
12 Не сделал бы многого я.

(публикация по списку: Кондратьев. С. 99; список: Альбом В. Ж., л. 19)

13—14 Теперь же мне стало понятно,
Понятно коварство и зло.

(Кондратьев; Альбом В. Ж., л. 19—19 об.)

15 И все мои светлые мысли

(оба ист.; Совр. 1856. № 2. С. 274)

16 Как бурею прочь унесло.

(Кондратьев)

17—18 Так думал о днях я минувших —
О днях, когда был я добрей;

(Совр.)

20 Порхал надо мной соловей.

(Кондратьев; Альбом В. Ж.)

Порхал надо мной соловей,

(Совр.)

23 «Дитя, не печалься напрасно,

(Кондратьев; Альбом В. Ж.)

Утешься, не сетуй напрасно —

(Совр.)

«Утешься, не сетуй напрасно!

(список ГИМ, л. 60)

24 То время вернется опять!»

(Кондратьев; Альбом В. Ж.; Совр.)

36. «ДРОБИТСЯ, И ПЛЕЩЕТ, И БРЫЗЖЕТ ВОЛНА...»

6—7 И пена их гребни покрыла;
О море, кого же мне вызвать на бой?
11 От грома и блеска проснулась душа,
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 456)

37. «ЕСТЬ МНОГО ЗВУКОВ В СЕРДЦА ГЛУБИНЕ...»

7—8 Но жизнь шумит, как вихорь ломит бор —
Как ропот струй, так шепчет сердца голос!
(РБ. 1859. Кн. 16. С. 4)

38. «ЗАМОЛКНУЛ ГРОМ, ШУМЕТЬ ГРОЗА УСТАЛА...»

2 Вздохнули небеса;
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 52 об.; РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 452)

4 Лазури полоса.
6 И пылью золотой,
8 Презрительной пятой.
(Тетр. [2])

39. «ЗАПАД ГАСНЕТ В ДАЛИ БЛЕДНО-РОЗОВОЙ...»

6 Знаю сердца немолчную жалобу,
8 И к улыбке себя принуждала бы!
10 В нем не светит звезда ни единая.
14 Что как жалоба катится слезная.
15 Плачь, дитя мое, плачь, моя милая,

(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 458)

40. «ЗВОНЧЕ ЖАВОРОНКА ПЕНЬЕ...»

4 Небо полно красоты!

(список и копия: Альбом Капнистов, РНБ, ф. 1000, оп. 2, № 574, л. 41 и 121)

12 Между небом и землей!

Подпись

Гр. Ал. Толстой

(бел. авт.: РНБ, Альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, ф. 817, оп. 1, № 1, л. 101)

41. «ЗМЕЯ, ЧТО ПО СКАЛА́М ВЛЕЧЕШЬ СВОИ ИЗВИВЫ...»

1—4 Змея, что по скала́м влечешь свои извивы,
И между трав скользишь, обманывая взор!

Помедли, дай списать чешуйный твой узор:
Хочу для девы я холодной и красивой
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 57 об.)

5 Счеканить по тебе причудливый убор:
(Тетр. [2]; РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 452)

8—9 Пускай блестит, как ты, и золотом и чернью,
И пестрый твой в траве напоминает ход!
(Тетр. [2]; РВ)

42. «ИЗ ИНДИИ ДАЛЬНОЙ...»

Заглавие

Цыганские песни
(авториз. список: Альбом В. Ж., л. 6; РВ. 1856. Апрель. Кн. 1. С. 485; С-67. С. 10)

4—5 Их свыкся напев.
Свободны их звуки —
12 В них бьет и кипит
(РВ)

14 В них детский язык,
(Альбом В. Ж., л. 6 об.)

16 В них радости крик!
(Альбом В. Ж.; РВ)

43. «ИСТОЧНИК ЗА ВЙШНЕВЫМ САДОМ...»

1 Источник за вишневым садом.
(РВ. 1858. Май. Кн. 2. С. 355)

6 Но чует тревожно мой ум
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 41; РВ)

44. «КАБЫ ЗНАЛА Я, КАБЫ ВЕДАЛА...»

6 И лихого коня буланого,
12 В косу длинную не вплетала бы!
(авториз. список: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 6, л. 3 об.; РБ. 1858. Кн. 11. С. 6)

После 12 Кабы знала я, кабы ведала,
(РБ)

Кабы ведала, кабы знала я,
После 13 повторены и зач. два предыдущих ст.
(РГБ)

14 За околицу не ходила бы,
16 На проселок я не глядела бы,
18 На руке держа пестра сокола!
21—22 Пригорюнившись, на заваленке,
На заваленке, близ колодезя,
(оба ист.)

45. «КОГДА КРУГОМ БЕЗМОЛВЕН ЛЕС ДРЕМУЧИЙ...»

2 И вечер тих,

(РВ. 1857. Январь. Кн. 1. С. 203)

3—4 Когда из сердца просится певучий
И плавный стих;

(авт.: Тетр. [2], л. 3 об.; РВ)

6 Иль шум дерев,

(РВ)

После 8 отчеркнуто кар. справа с пометой Не вошло
Когда прошу у Бога возрожденья
Родной земли,
А все мои святые убежденья
Лежат в пыли;

(Тетр. [2])

10 Как мраком туч;

(оба ист.)

16 Тебя зовет;
17—18 И трудно мне умом понять разлуку —
Ты так близка,

(РВ)

Варианты, наброски, записи

И *я забуду Я* забываю долгую разлуку
Ты не смотря на дальнюю разлуку,
[*зач.* Ко мне *надп.* Ты вновь] близка,
И хочет сжать твою родную руку

Моя рука
Когда в груди, исполненной созвучий,
Мой зреет стих,

(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 36 об.)

Когда кругом безмолвен лес дремучий
И ветер стих
[*зач.* Когда в груди моей звучит певучий]
Когда из сердца просится певучий,
[*зач.* Гремящий стих *надп. и зач.* Иль громкий] И плавный стих,
Когда гляжу [*зач.* я на родные нивы *надп.* с любовью я на] нивы,
[*зач.* Когда во мне на ложь и подлость правдивый *надп.* На тень дерев *далее надп. и зач.* мой]
[*зач.* Вскипает гнев]
Когда [*зач.* в груди душе *надп.* во мне] законный и правдивый
Вскипает гнев,
[*зач.* При виде]
И красота
[*зач.* Со мною мои опять *надп.* вновь] утраченные годы
Со мною ты!
И ищет вновь твою родную руку
Со мною вновь прои природы
И красоты,
Мои со мной утраченные годы
Со мною ты! Мои мечты

(л. 37)

Гляжу ли я с любовию на нивы,
На тень дерев
[*зач.* Кипит ли в сердце]
Иль закипит во мне нетерпеливый
И гордый гнев
[*зач.* Когда Свою ль тоску мне шепчет лес дремучий]
[*зач.* Далеко ль я *надп.* Во храме ль я] пустом и молчали
Один молюсь [*зач.* храма]
Иль возлюблю с несдержанным порывом
[*зач. и отменено зачеркивание* Родную Русь *зач.* Я нашу Русь]
Прошу ли я у Бога возрожденья
Родной земли
Когда мои святые убежденья
[*зач.* Я зрю *надп.* Лежат] в пыли,

(л. 37 об.)

Когда кругом безмолвен лес дремучий
И [*зач.* ветер стих] вечер тих,
Когда из сердца просится певучий
И плавный стих,
Когда упрек мне [*зач.* тихо *надп.* горький] шепчут нивы
И шум дерев,
Когда кипит во мне нетерпеливый
Правдивый гнев ⟨?⟩
Когда прошу у Бога возрожденья
Родной земли
[*зач. и зачеркивание отменено* Когда *надп.* А все] мои святые убежденья
Лежат в пыли!

Когда вся жизнь [*зач.* покрыта темнотою
надп. моя покрыта тьмою]
Как мраком туч,
Иль [*зач.* Когда надежды вдруг *надп. и зач.*
И невзначай *далее надп.* вдали мелькнет]
передо мною
[*зач.* Забрезжит *надп.* Надежды] луч,
При каждом движеньи
Моя душа в надежде и в сомненьи

(л. 38 об.)

И как звезда, твой образ оживет
И образ твой печальный
Опять со мной,

Четыре след. ст. помечены слева скобкой и 2

Я забываю дальнюю разлуку
Ты [*зач.* мне *надп.* так] близка,
И хочет сжать твою родную руку
Моя рука!

Или вдали мелькнет передо мною

Пять след. ст. помечены слева скобкой и 1

Тогда твой образ кроткий [*зач.* и печальный
надп. оживится]
В душе больной
И вновь хочу с тобою поделиться
С тобой одной
Среди забот
Тебя зовет
Иль заблестит внезапно предо мною
Надежды луч

И я с тобой хотел бы поделиться
Своей душой

(л. 39)

Средь суеты мирского развлеченья,
Среди забот,
Моя душа в надежде и в [*надп.* иль] сомненьи
Тебя зовет
[*зач.* Твой кроткий образ тотчас оживится
надп. И образ твой внезапно озарится]
[*зач.* В душе больной!] Во тьме ночной
[*зач.* Тоской и надеждой и гневом *надп.* И
зач. счастьем я и *продолж.* горем я и
гневом] поделиться
[*зач.* Хочу с тобой *надп. и зач.* Спешу
надп. и подч. Хочу] [*зач.* Готов] с тобой
И трудно [*зач.* так понять с тобой *надп.*
мне умом *зач.* уму *продолж.* понять]
разлуку
Ты так близка,
И [*зач.* ищет так *надп.* хочет сжать] твою
родную руку
Моя рука!
Я видел берег Крым
Для грусти нужно спокойствие

(л. 39 об.)

И образ твой внезапно оживится
И [*зач.* я тоской иль гневом *надп.*
и счастьем я и горем] поделиться
[*зач.* Хочу с тобой *надп.* Спешу] с тобой
И трудно мне умом [*зач.* понять *надп.*
постичь] разлуку
[*зач.* И ты *надп.* Ты так] близка

И
При виде
Два след. ст. зач. крестообразно
И образ твой внезапно загорится
Во мне звездой
И образ твой внезапно озарится
Во тьме ночной!

(л. 40)

46. «КОГДА ПРИРОДА ВСЯ ТРЕПЕЩЕТ И СИЯЕТ...»

1 Когда [*по зач. части сл.* природ[ы] *напис. а зач.* лик торжественно *надп.* вся трепещет] и сияет,
2 [*зач.* Как золото *надп.* Когда ее] цвета ярки и горячи,
3 [*зач.* Тогда мой праздный ум *надп.* Душа бездейственно] в пространстве утопает
4 И в неге врозь [*зач.* его *надп.* ее] расходятся лучи.
7 Не развлекаюсь я [*надп. кар.* Неразвлеченная] смиренною природой
И [*над зачеркнутой частью сл.* немощ[ный] *надп.* ен *зач.* не пагубен *надп. и зач.* мысль *надп.* на жизнь мою] напор.
8 Мой трезвый ум [*зач.* тогда] открыт для [*впис.* сильных] вдохновений

(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 48)

11—12 И сжатая мечта родит толпы видений,
Как зажигательным их трогая стеклом.
(Тетр. [2]; РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 451)

12—13 *Отступ*

14 Иду меж озимей, чернеющей дорогой;
(РВ)

15 [*зач.* Миную кучу *надп. и зач.* Вот рига *надп.* Смотрю на кучу] скирд [*вст.* на] [*зач. часть сл.* слома[вшийся] *надп.* нный] забор,
16 На пруд и мельницу, на дикий косогор [*допис.* и дикий косогор,]
18 [*зач.* И молчаливый лес. Здесь *надп.* И в ближний лес вхожу. Там] покрасневший клен,
21 [*зач.* Все *надп.* Но] Дале я иду, в мечтанья погружен,
(Тетр. [2])

Но дале я иду, в мечтанье погружен,
(РВ)

22 [*зач.* Все гуще *надп.* И виснут] надо мной полунагие сучья,
24 Свободные слова [*зач.* ложатся *надп.* теснятся] в мерный строй,

Между 24 и 25
Впис.
И на душе легко и сладостно и странно,
26 И тихо [*зач.* все] кругом, и под моей [*зач.* стопой *надп.* ногой]
27 [*зач.* Лишь *надп.* Так] мягко мокрый лист шумит благоуханный...
(Тетр. [2], л. 48 об.)

Ред. 1

Когда природы лик торжественно [*подч. и надп.* трепещет и] сияет,
Как золото [*надп.* ее] цвета ярки и горячи,
Тогда мой празден ум. [*зач.* Он, нежась, *надп.* в пространстве] утопает
[*зач.* В пространстве — врозь *надп.* Он нежась, и] его расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,
Когда и воздух сер и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой
И [*зач.* на душу *надп.* немощен] ее не пагубен [*надп.* вреден мне] напор.
[*зач.* Я трезов и готов *надп.* Мой трезвый ум открыт *после* ум *впис. кар.* тогда *далее зач.* для мощных *надп.* для] вдохновений,
[*по части сл.* Сосредоточен[ый] *напис.* Ъ, *допис.* я живу в себе самом,]
И сжатая мечта [*зач.* выводит рой *надп.* родит толпы] видений,
Как зажигательным их трогая стеклом.
[*зач.* Винт] Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду [*зач.* по озимям *надп.* меж озимей] чернеющей дорогой,
[*зач.* Рассеянно гляжу на дикий косогор, *надп.* Миную вкруг гумна поставленный забор]
[*зач.* На мельниц дальний ряд, на сломанный забор, *надп.* И пруд, и мельницу, и дикий косогор,]
[*зач.* На *надп.* И] берег [*зач.* озера *надп.* ручейка] болотисто-отлогий,

Вхожу в знакомый лес; там покрасневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;
[*зач.* Я *прип.* Но] [*зач. часть сл.*] дале[е] [*впис.* я] иду [*зач.* и], в [*зач.* думы *надп.* мечтанья] погружен,
Не [*по части сл.* замеча[ю] *написю.* я] сам как задеваю сучья,
А в [*зач.* голове *надп. и зач.* думах] [*по части сл.* меж[ъ] *напис.* ду] тем рождаются созвучья,
Свободные слова ложатся в мерный строй,
[*впис. между ст.* И на душе легко и сладостно и странно,]
И все кругом молчит, и под моей стопой
Лишь мягко мокрый лист шумит благоуханный.

Над текстом слева у верхнего края листа
И в неге врозь его расходятся лучи
Справа
Он в неге и его расх лучи [*надп.* лениво утопая]
У нижнего края листа напис. кар.
близ гумна свалившийся забор
Ниже
А [*зач.* думы *надп.* мысли] между тем сбираются [*надп.* слагаются] в созвучья
В нижнем правом углу
Стряхают на меня ——— слезы

(черн. авт. с правкой кар.: ПД, ф. 301, № 5, л. 18)

47. «КОЛОКОЛЬЧИКИ МОИ...»

Поздняя полная ред., близкая к осн. тексту, с разночтениями

[14] Цветики степные!
(список: Альбом В. Ж., л. 16)

[46] Лежа за травою,
(л. 17)

[58] С длинными усами,
[66] Вышел величавый,
(л. 17 об.)

После строфы 10 осн. текста

На одних цвели полях
Древле наших деды,
Русс ⟨и⟩ чех, хорват и лях
Знали те ж победы!
Будь же солнцем наших стран
И княжи над нами!
Кто на Бога и славян
С русскими орлами!
(Альбом В. Ж., л. 18; публикация по списку: Кондратьев. С. 98)

[86] К [*зач.* турке *надп.* немцу] и к венгерцу —
[88] [*зач.* Немцам *надп.* Туркам] не по сердцу!
(Альбом В. Ж., л. 18)

[10] На поле открытом;
(Совр. 1854. № 4. С. 129)

[22—24] Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой, —

А куда? не знаю!
28 Вырос в чистом поле;
(С. 130)

41—88 *Отсутствуют;*
в завершающей строфе этой журн. ред. первый ст.
Колокольчики мои,
Далее повторяются ст. 90—96 осн. текста
(Совр.)

Ранняя ред.

Колокольчики мои,
Цветики степные,
Что звените вы в траве,
Темно-голубые?

Старину ль зовете вы?
Будущие ль годы?
Новагорода ль вам жаль?
Дикой ли свободы?

Иль морских богатырей
И царевен пленных?
Иль увенчанных царей
В бармах драгоценных?

Иль соборов на Москве
Во святом синклите?
Колокольчики мои,
Звените, звените!

Колокольчики мои
В ковыле высоком!
Вы звените о былом
Времени далеком,

Обо всем, что отцвело,
Чего нет уж боле,
О боярах на Руси,
О козацкой воле!

Колокольчики мои,
В золотистом жите
О Гетманщине лихой
Звените, звените!

Как лежит козак убит
В стороне немилой
И ракита говорит
Над его могилой!

Я прислушиваюсь к вам,
Цветики степные,
Русским людям передам
Я дела былые!

Гой ты, ветер, не шуми
В зеленой раките!
Колокольчики мои,
Звените, звените!

(список: Альбом В. Ж., л. 3—4; список: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 4179, л. 2—4; Кондратьев. С. 91—92)

В этой же ред. в Альбоме В. Ж. разночтения след. ст. сравнительно с текстом у Кондратьева

24 О казацкой воле!
29—30 Где лежит козак убит,
Не оплакан милой

(л. 3 об.)

36 Про дела былые!
38 Не шуми в раките!
(л. 4)

Строфа, не вошедшая в известные рукописные и печатные тексты

Вам тоски не заглушить,
Свет не сделать милым,
Старины не воротить
Говором унылым.

(публикация по авт. из утраченной зап. кн. Толстого: Lirondelle. P. 632)

Заглавие и надпись

Колокольчики
Александре Осиповне Смирновой
От сочинителя.

Ой не видно того села — тыльки видны хресты,
Туды любо, туды мило виченьками звесты!

(авт.: ПД, ф. 163, оп. 5, № 31, л. 1)

Сокращенный текст: 1—20 и в конце повторение ст. 1—4

(список: Русские стихотворения. Сборник, составленный Ольгой Садовник (Соболевской) и Л. Соболевской. 1845—1873: РНБ, ф. 281, № 44, вкладной лист)

48. «КОЛЬ ЛЮБИТЬ, ТАК БЕЗ РАССУДКУ...»

[2] Коль корить, так не на шутку,
(список: РГБ, ф. 218, карт. 769, № 3, л. 32)

[4] Коль рубнуть, так уж с плеча!
(список: ГИМ, ф. 96, оп. 1, № 110, л. 60)

[6] Коль казнить, так уж за дело,
(список РГБ)

[8] Коли пир, так пир горой.
(список РГБ; список: ГИМ, ф. 83, оп. 1, № 110, л. 126)

Ранняя ред.

Коль смотреть — смотреть уж в оба,
Коли помнить, так до гроба,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой,
Коли плыть, так плыть, как гусь,
Коли гибнуть, так за Русь,
Коль кричать, так «С нами Бог!»
(публикация по авт. из зап. кн. Толстого: Lirondelle. P. 631)

[6] Коль стоять, так уж за дело,
(бел. авт. в Альбоме Б. А. Фитингоф-Шеля: РНБ, ф. 817, оп. 1, № 1, л. 102 об.; список: Альбом В. Ж., л. 5 об.; Совр. 1854. № 4. С. 133)

Ред. 1

Русская Душа
(К Каткову не относится)

Коль любить, —
Так без рассудку,
Коль грозить, —
Так не на шутку!
Коли спорить, —
Так уж смело!
Коль стоять, —
Так уж за дело!
Коль ругнуть, —
Так сгоряча!
Коль рубнуть, —
Так уж сплеча!
Коль простить, —
Так всей душою!
А коли пир, —
Так пир горою!

(бел. авт., приложенный к письму В. Д. Давыдову от 1 декабря 1867 г.: РГБ, ф. 479, карт. 1, № 16, л. 4 об.)

Ред., дополненная третьей строфой

Коль любить — так без разсудку,
Коль грозить — так не на шутку,
Коль ругнуть — так с горяча,
Коль рубнуть — так уж с плеча!

Коли спорить — спорить смело,
Коль стоять — так уж за дело,

Коль простить — то всей душой,
Коли пир, — так пир горой!

Коль плясать — т⟨ак в хо⟩роводе,
Коль скакать — т⟨ак на⟩ свободе,
Коль напасть — т⟨ак уж⟩ врасплох,
Коль кричать — т⟨ак с⟩ нами Бог!

(бел. авт.: Альбом А. С. Уварова: ГИМ, ф. 17, оп. 2, № 444, л. 1)

В последней строфе на месте заклеенного разрыва листа вводятся конъектуры. Данная строфа имеется также в списке той же ред.: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 4179, л. 1.

49. «КОЛЫШЕТСЯ МОРЕ; ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ...»

Заглавие

Волны

(Совр. 1857. № 1. С. 9)

2—3 Спешат и бегут торопливо...
О друг ты мой бедный! боюся со мной

(бел. авт.: РНБ, Альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, ф. 817, оп. 1, № 1, л. 101 об.)

4 Не быть тебе долго счастливой:
6 Кочующей [*зач.* грусти *надп.* мысли] прибой и отбой,

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 10; Совр.)

7 Приливы любви и отливы!
(Совр.)

50. «КРАЙ ТЫ МОЙ, РОДИМЫЙ КРАЙ!..»

1—3 Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 32 об.)

1—4 Край ты мой, родимый край!...
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!...
(ОЗ. 1856. № 5. С. 59)

7 Свист полночный соловья,
(оба ист.)

8 Ветер, степь да тучи!..
(ОЗ)

52 (2). «КЛОНИТ К ЛЕНИ ПОЛДЕНЬ ЖГУЧИЙ...»

Над текстом

Крымские очерки

1

(бел. авт.: собрание Д. Н. Любимова, т. 1, ПД, ф. 160, № 1, л. ⟨10⟩; бел. авт.: Тетр. [2], л. 17)

[*зач.* IV VI *напис.* V]

(список: ПД, ф. 293, оп. 3, № 127, л. 1 об.)

4 Нежась, спит блестящий жук,

(Тетр. [2], л. 17)

Нежась, спит блестящий жук.

(Совр. 1856. № 11. С. 8)

После 4 Очарованного взора
Не сводя с твого лица,
Мне хотелось бы, о Лора,
Слушать, слушать без конца,
Как из камней вытекая,

Здесь же справа у первой строфы кар. прип.

С черных глаз твоих, о Лора,
С загорелого лица,
Не сводя до ночи взора,
Я бы слушал без конца,

(собрание Любимова; бел. авт.: Зап. кн. [3], л. 5)

(эти же четыре ст. в списке ПД, ф. 293, оп. 3, № 127, л. 1 об.; они же входят в журн. ред.: Совр. 1856. № 11. С. 8)

5 Как из камней вытекая,
8 И поет нагорный ключ.

(Совр.)

53 (3). «ВСЕСИЛЬНОЙ ВОЛЕЮ АЛЛАХА...»

3 Мы возвратились с Чатырдага

(авт.: Тетр. [2], л. 17 об.; список: ПД, ф. 293, оп. 3, № 127, л. 2; Совр. 1856. № 11. С. 9)

9 То мне немного было жутко,

(список ПД)

10 Сорваться вниз — плохая шутка!
12—13 Стащить мне эти сапоги:
Они потрескались от жара.

(Совр.)

14 Да что ж не видно самовара?

(Тетр. [2]; список ПД; Совр. 1856. № 11. С. 9; С-67. С. 113)

15 Сходи за ним! А ты, Али,

(Совр.)

54 (4). «ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ ВЕЧЕР, КАК МОРЕ ШУМЕЛО...»

Над текстом

III

2 В шиповнике пел соловей?

(бел. авт.: ПД, ф. 3, Архив Аксаковых, оп. 1, № 40, л. 1; текст зач. накрест кар., возможно, И. С. Аксаковым)

5 Меж камней, обросших густым виноградом, —
(РБ. 1859. Кн. 6. С. 5)

6 Дорога была так узка —
(бел. авт. ПД, ф. 3; РБ)

8 В руке забывалась рука
(бел. авт.: ПД, ф. 187, № 28, л. 2)

С рукою встречалась рука
(авт.: ПД, ф. 301, № 5, л. 8)

[*зач.* С рукою встречалась рука *надп.* Под нами плыли облака]
(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 18 об.)

Под нами плыли облака;
(ПД, ф. 3; РБ)

10 Цветы полевые рвала;
(ПД, ф. 301)

Ты алый шиповник рвала;
(ПД, ф. 3)

[зач. Цветы полевые рвала]
[*зач.* Шиповник и розы *надп.* Ты алый шиповник рвала]
11 [*зач.* Ты ими *надп.* Буланой]
12 [*зач.* такой *надп.* ты им]
(Тетр. [2], л. 18 об.)

10—12 Цветы полевые рвала,
Ты ими лошадки косматую гриву
С любовью такой убрала...
(ПД, ф. 187)

Строфа 4 отсутствует в данном авт.

14—15 Цеплялись за ветви, а ты —
Беспечно смеялась — цветы на лошадке —
(ПД, ф. 3; РБ)

15 [*зач.* Ты лишь улыбалась *надп.* Беспечно смеялась]
(Тетр. [2], л. 19)

Мне так улыбалась — цветы на лошадке,
(ПД, ф. 301)

16 В руках и на шляпе цветы!
(РБ)

17 Ты помнишь ли [*зач.* даль и журчанье *надп.* рев непрерывный дождевого *зач.* непрерывный *надп. и зач.* дождевого] потока
(Тетр. [2], л. 19)

17—18 Ты помнишь ли даль, и журчанье потока,
И благоуханье кругом,
(ПД, ф. 187; ПД, ф. 301)

18 И благоуханье кругом?
(ПД, ф. 3; РБ. С. 6)

55 (5). «ВЫ ВСЁ ЛЮБУЕТЕСЬ НА СКАЛЫ...»

4 Мой деревенский аппетит;
(Совр. 1856. № 11. С. 8)

5—6 Но мысль моя такого рода,
Что справедливости в вас нет:
(бел. авт.: ПД, ф. 187, № 28, л. 2 об.; Совр.)

[9] Нет, нет! названия вандала
(Совр.)

Набросок ранней ред.

Первые три ст. зач.
Вы все любуетесь на скалы
Вам мил одной природы вид
На Вас все природа веселит
И [*зач.* удивляет *надп.* возмущает] вас не мало
Мой деревенский аппетит.

Но мысль моя такого рода
Что [*зач.* преступления тут *надп.* справедливости в вас] нет
[*зач.* Что все едомое природа]
И всяк кто кушает — поет
[*зач.* И так названия *надп.* Названье гота иль] вандала
От вас [*зач.* теперь *надп.* никак] я не приму,
И Ифигения едала
Когда она [*надп.* 2] была [*надп.* 1] в Крыму!

Вы все любуетесь на скалы
Вас все поэзия манит
Одна природа вас дивит
Нет, нет, названия вандала
(авт. с правкой: Зап. кн. [3], л. 10)

56 (6). «ТУМАН ВСТАЕТ НА ДНЕ СТРЕМНИН...»

Заглавие

Крымские очерки

Ниже рукой И. С. Аксакова: (Из Крымских очерков) *над заглавием надп.* VI *и под стихотворением подп.* Гр. А. Толстой

(бел. авт. в письме к И. С. Аксакову от 15 апреля 1859 г.: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 7, л. 1)

Из Крымских очерков

(РБ. 1959. Кн. 16. С. 5)

13 Душе легко. Не слышу я

(бел. авт. РГБ; РБ)

17 Мне все равно! И что меня

(РБ)

24 Мы вместе едем вдоль обрыва?
25 [*зач.* тихой радости *надп.* это, робости]

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 21 об.)

26 Ко мне склонилась молчаливо?..
30 Как дышит грудь твоя тревожно...
33 И это сон?.. О если б мне

(РБ)

57 (7). «КАК ЧУДЕСНО ХОРОШИ ВЫ...»

Над текстом

6.

2 Южной ночи красоты!

(бел. авт.: ПД, ф. 301, № 5, л. 13 об.)

Южной ночи красоты,

(Совр. 1856. № 11. С. 7)

6 [*зач.* Средь волшебных *надп.* Жизнью жить средь] этих стран

(авт. с правкой: Зап. кн. [3], л. 4)

8 [*зач.* мундиры *надп.* фигуры]

(авт.: Тетр. [2], л. 22)

И мундиры англичан

(Совр.)

58 (8). «ОБЫЧНОЙ ПОЛНАЯ ПЕЧАЛИ...»

Заглавие

И. С. Аксаковым впис. (Из Крымских очерков) *над заглавием надп.* VII.

(бел. авт. в письме к И. С. Аксакову от 15 апреля 1859 г.: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 7, л. 1 об.)

Из Крымских очерков

(РБ. 1959. Кн. 16. С. 7)

3 Что с моря ядра осыпали
(РБ)

4 Недавно пламенным дождем;
(бел. авт. РГБ; РБ)

6 Покрыл следы вражды и зла.
(РБ)

Подпись

Гр. А. Толстой
(бел. авт. РГБ)

59 (9). «ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, ОПУСТОШЕННЫЙ ДОМ...»

4 И пышный прежде сад, глухой и одичалый!
(бел. авт.: ПД, ф. 187, № 28, л. 3; Совр. 1856. № 11. С. 9)

И пышный прежде сад, уж ныне одичалый!
(бел. авт.: Зап. кн. [3], л. 7)

6—7 Еще даешь ты, дом, свежительную тень,
Еще стоят твои поруганные стены;
(Совр.)

12 С нахальным торжеством язвящие Россию,
(авт.: Тетр. [2], л. 22 об.; бел. авт. ПД; Совр.)

14 Бесчестное врагов оправдывают дело.
(бел. авт. ПД)

14—15 Бесчестное врагов оправдывают дело...
Вздохнув, иду вперед. Мохнатая сова
(Совр.)

16 [*зач.* Без шума *надп.* Бесшумно]
(Тетр. [2], л. 22 об.)

Без шума с зеркала разбитого слетела,
(бел. авт. ПД; Совр.)

17 Вот в угол бросилась испуганная мышь;
19 Везде насилие, насмешки и угрозы;
(Совр.)

22 В беспечной красоте раскидисто цветут,

К этому ст. в примечании со знаком * *прип. под стихотворением:*

Как будто на дела враждебного народа
Набросить свой покров старается природа;
И ящерица здесь меж зелени и плит
Блестя, как изумруд, извилисто скользит,
И любо ей играть в молчании могильном,
[*впис. кар.* играть *перед зач.* одной]
Где на пол солнца луч столбом ударил пыльным...
[*надп. кар.* Где *над зач.* Что]

Ниже подп. кар.:

И ящерица в них меж зелени и плит
Что солнце на стене [*зач.* в] столбе играет пыльном

После 22 зач. стихи осн. текста и прип. позже (даны в угловых скобках):

⟨И ящерица здесь меж зелени и плит,⟩
И любо им одним в молчании могильном
⟨Блестя, как изумруд, извилисто скользит,⟩
Что солнца луч на них столбом ударил пыльным...
⟨И любо ей одной в молчании могильном,⟩

⟨Что на пол солнца луч столбом
ударил пыльным.⟩
(Тетр. [2], л. 23)

23—26 *Отсутствуют*

27—28 И любо им одним, в молчании могильном,
Что солнца луч на них столбом ударил
пыльным.
(бел. авт. ПД; Совр. С. 10)

После 28 *Отступ*
(Совр.)

31 Всё боле в небе звезд, в аллеях мрак чернее,
(бел. авт. ПД, л. 3 об.)

31—32 Всё больше в небе звезд, в аллеях мрак
чернее,
Душистее цветы, и запах трав сильнее...

После 32 *Отступ*

33—34 На сломанном крыльце сижу я, полон дум...
Как тихо все кругом, как слышен моря
шум...
(Совр.)

Ранняя ред.

Я вижу надписи надменные [*надп.*
хвастливые] врагов
И любо видеть мне
Обидной милостью
Что грубых [*зач.* врагов *надп.* недругов]
ликующая сила
[*зач.* Притворной *вст.* Надменной]
милостью тебя не пощадила
(авт. с правкой и набросками: Зап. кн. [3], л. 6 об.)

Приветствую тебя, опустошенный дом,
[*зач.* Увяд] Завядшие дубы лежащие кругом
И море синее и вас крутые скалы
И пышный прежде сад, уж ныне одичалый!
[*зач.* Еще ты, бедный дом в июльский
жаркий *надп.* Усталым *зач.* странникам
продолж. путникам в палящий *зач.* майский
продолж. летний] день
[*зач.* Усталым странникам даешь приют и
надп. Еще даешь ты, дом, свежительную]
тень
Еще стоят твои поруганные стены
[*зач.* Вина шипучего *надп.* Недавней оргии]
обрызганные пеной
[*зач.* С невольным *надп.* Но с] трепетом
[*надп. и зач.* немым *продолж.* теперь]
под твой вступая [*надп. и зач.* тихий] кров
[*зач.* Повсюду *надп.* Я вижу] надписи
хвастливые врагов
Рисунки грубые [*зач.* и шутки *надп. и зач.*
насмешки] площадные
[*зач.* Везде оскорблены и вера *надп.*
Которые *зач.* хотящие *продолж.* которые
язвят и русских] и Россию
Вот [*зач.* в рамах сломанных висят клочки]
ряд простреленных и порванных картин,
(л. 26 об.)

Вот опрокинут стол; вот мраморный камин
[*зач.* Разбитый вдребезги; в молчании
могильном]
[*зач.* В обломках солнца луч столбом играет
надп. На них полдневный в столбе] пыльным

Их озаряет луч
И наискось на них, в молчании могильном
Ударив солнца луч, столбом играет пыльным
[*зач.* Иссечен и разбит, вот в дребезгах
статуя *надп.* саблями вот сломанный]

Зач. двумя вертикальными чертами 4 ст.

Разбитый вдребезги; вот древняя статуя
Вся в сабельных рубцах [*зач.* взирает *надп.*
как будто] негодуя,
Разб [*зач.* На мраморном полу, *надп.*
Взирает на меня] на писанных стенах
Следы насилия, [*зач.* обломки] и разрушенья
прах

(л. 27)

Вперила на меня свой неподвижный взгляд
портр ряд
И смотрит на меня в молчании могильном
Везде лежат
И солнца луч на них ст игр пыльным
Осколки на полу заржавые лежат

(л. 27 об.)

[*зач.* И смотрит на меня *надп.* А вот
простреленных висит] портретов [*зач.*
длинный] ряд
[*зач.* Портретов Взирая на меня] в молчании
могильном
Осколки [*зач.* зеркалов] разбросаны лежат
А солнца луч на них столбом играет пыльным
Везде [*зач.* насил насмешки *надп.*
развалины] насилия, угрозы
А [*зач.* в окна уж вползли *надп.* а из саду в
окно *зач.* ползут] виющиеся розы

За [*зач.* Ползут За] сломанный карниз
цепляясь там и тут
Гроздями по стене душистыми ползут [*зач.* ползут]
Как будто [*зач.* бы] на дела [*зач.* враждебного] народа
Набросить свой покров старается природа

(л. 28)

Разбитый вдребезги; вот древняя статуя
[*зач.* Иссечена вокруг и в рубцах *надп.* Изрублена [*зач.* врагом *надп.* кругом и]] как будто негодуя
Вперила на меня свой неподвижный взгляд.
[*зач.* А вот *надп.* Вот здесь] простреленных висит портретов ряд,
Везде насилие, насмешки и угрозы;
А из саду в окно [*зач.* вьющиеся *надп.* вползающие] розы
За [*зач.* мраморный *надп. и зач.* каменный *продолж.* сломанный] карниз цепляясь там и тут,
Гроздями на стене душистыми [*зач.* ползут] цветут,
Как будто на дела [*зач.* безумного *надп.* враждебного] народа
Свой благостный покров набросила природа.
Как тихо все кругом! Как слышен моря шум!
И [*зач.* дремлют *надп.* стены] кажется, почиют [*зач.* средь] полны дум,
Не радуясь тому, [*зач.* как в молч] в [*зач.* бесчувст *надп.* молчании] могильном,
Как солнца луч на них столбом играет пыльным,

(л. 28 об.)

Из сада между тем вползающие розы
В верхней части листа
Так вот что представлял мне часто сон упорный!
(л. 29)

60 (10). «ТЯЖЕЛ НАШ ПУТЬ; ТВОЙ БЕДНЫЙ МУЛ...»

Над текстом

III

(список: ПД, ф. 293, оп. 3, № 127, л. 1)

Заглавие

Чуфут-Кале

(ПД; Совр. 1856. № 11. С. 6)

1—2 Тяжел наш путь. Твой бедный мул
Устал топтать терновник злобный.
5 То целый город. Смолкнул гул
(Совр.)

10 (Гласят народные [*зач.* преданья *надп.* скрижали]),
(ПД)

14 И град возник на темѣ гор.
(ПД; Совр.)

И град возник на [*зач.* темѣ *надп.* высях] го
(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 23 об.)

17 Служили злату караимы
(Тетр. [2]; авт. с правкой ст. 9—20: Зап. кн. [3], л. 9; список ПД, л. 1; Совр.)

18 Но ждал их давний приговор,
(Совр.)

20 На ветвь караемого древа, —
(С. 7)

21 И город вымер. Там и сям
(Тетр. [2], л. 24; ПД, л. 1; Совр.)

29 Средь мшистых стен; но дороги
(Тетр. [2], л. 24)

29 Средь мшистых стен; и дороги
31 И прах отцов, и камень черный,
(авт. ст. 28—33: ПД, ф. 301, № 5, л. 13; список ПД, л. 1 об.; Совр.)

31—32 И прах отцов, [*зач.* в долине *надп.* и камень] черной
Над [*зач.* коей *надп.* коим] плавные круги
(Тетр. [2], л. 24)

33 Паря, чертит орел нагорный...
(Совр.)

Варианты и наброски

Зач. вертикальной чертой 4 ст.
Любовью к вольности горя
От Ассирийского царя
Бежала горсть евреев пленных
Горсть непокорных иудеев

Во дни глубокой старины
Гласят [*зач.* старинные *надп.* народные] скрижали
Сюда Израиля сыны
От уз Ассирии бежали

эта же строфа с 3 и 4 ст.

Из Вавилона убежали
Сюда Израиля сыны
И [*зач.* новой] долго древнее начало
На новой почве процветало
[*зач.* Но не помиловал Господь]
Но не щадится Богом плоть
[*зач.* Которой есть преступно семя]
И [*зач.* Свой] приговор послал Господь
[*зач.* На обреченное им темя] племя
И город вымер
Еще живут две-три семьи
[*зач.* От ига чуждого бежали]
Осталось несколько семей

Слева на полях

Воздвигся город
Свершился Божий приговор
Но не умножится та плоть
Которой быть преступно семя
Свой приговор послал Господь
[*зач.* На Наслал осужденное их темя]
На их поруганное темя
На обреченное [*надп.* осужденное] им темя

Зач. несколькими вертикальными чертами 9 ст.

Но божья гнева
Постиг подточенное древо

[*зач.* И город их] И в море город
[*зач.* И город] долго ханом чтимый
[*зач.* Стоял *надп.* Возник] на темѣ диких гор
[*Слева на поле 2*] [*зач.* Здесь *надп.* В нем] торговали караимы,
[*Слева на поле 1*] Забыв соотчичей своих позор,
[*зач.* Но час пробил неотразимый
Свершился Божий приговор]

Справа на полях

Ерусалим
На ветвь подточенного древа

Далее обычным столбцом посередине листа

И город, долго ханом чтимый,
Возник на темѣ диких гор;
Забыв отцов своих позор
[*зач.* В нем Зла] торговали караимы
Но жив [*зач. и отменено зачеркивание* был старый *надп. и зач.* еще был] приговор
Постигла тяжесть божья гнева
Уже подточенное древо,
И город вымер! Там и сям
Остатки башен по стенам,
Кривые улицы, кладбище

Справа на полях

Но с них не снялся приговор
И пала тяжесть божья гнева
На отпрыск [*подп.* отрасль] древа

(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 5 об.)

Но грозен божий приговор
[*зач.* Постигла тяжесть божья гнева
Уже подточенного древа] гнева
не находят
Две три семьи меж камней бродят
[*зач.* Заторговали караимы]
Они, но дороги
Домов сожженных пепелища [*надп.* жилища]
Везде обломки — серый прах
Пещеры [*зач.* вырыты] рытые в скалах
пыль [*зач.* прах]
Где [*зач.* око] глаз [*зач.* исхода *надп.* отрады] не находит,
Две три семьи [*зач.* в обломках *надп.* печально] бродят
[*зач.* Их Среди] Меж голых стен; [*по* но *напис.* и] дороги
Для них родные очаги,
И [*зач.* серый прах *надп.* прах *надп.* *и зач.* домов *надп.* отцов и]
камень черный
Над коим плавные круги
Паря чертит орел нагорный
[*зач.* И в память их Ерусалима]
И град возник на темѣ гор
Забыв отцов своих позор
И горький плен Ерусалима
[*зач.* Заторговали *надп.* Беспечно жили] караимы
Но жив был прежний приговор

Ниже наискось к правому полю

Но вот свершился приговор

(л. 7)

И взор встречая пепл и прах,
Нигде отрады не находит
Но изречен был приговор
На увядающее древо
На ветвь поруганного древа
Но был им сведан приговор
По правому полю
Но ждал их старый приговор
(внизу л. 7 об.)

61 (11). «ГДЕ СВЕТЛЫЙ КЛЮЧ, СПУСКАЯСЬ ВНИЗ...»

Над текстом

X.

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 24 об.)

7.

(бел. авт. с правкой: ПД, ф. 301, № 5, л. 13 об.)

1 Где горный ключ, спускаясь вниз,
(оба бел. авт. и бел. авт. трех строф в Зап. кн. [3], л. 2)

4 Гроздями пурпурные розы.
(ПД; Зап. кн. [3], л. 2)

8 И буро-пегие центавры
(Совр. 1856. № 11. С. 5)

10 Среди нагих вакханок смеха,
[*подп. кар.* Вакханки бегали со смехом,]
(ПД, л. 14; Зап. кн. [3])

11—12 И звон четверострунных лир
Вторило радостное эхо;
(ПД; Зап. кн. [3], л. 2)

13 Сливался шумно с горным эхом.
(Совр.)

15 Хранили девственные жрицы;
(ПД; Тетр. [2], л. 24 об.)

Хранили девственные жрицы.
(Совр.)

16 [*зач.* Вот *надп.* А] здесь над морем по ночам
(ПД; Тетр. [2])

Над синим морем по ночам
(Зап. кн. [3], л. 3)

17 Плыла богиня в колеснице...
(все ист.)

18 [*в начале ст. зач.* И все пр] Но уж не та теперь пора!
(ПД)

Но уж не та теперь пора:
(Совр.)

21 Да стук враждебный барабана;
(ПД; Тетр. [2], л. 25; Совр. С. 6)

Да [*зач.* стук *надп.* бой] враждебный барабана,
(Зап. кн. [3], л. 3)

22 И все прошло: нигде следа
(Совр. С. 6)

23 [*зач.* встретишь *надп.* видно]
(ПД; Тетр. [2], л. 25)

25 Без песен [*зач.* тучные *надп.* пестрые] стада
(Зап. кн. [3], л. 3 об.)

Набросок вариантов первых стихов

Кар. слева вдоль поля
Где с [*зач.* мрачных *надп.* диких] гор спускаясь вниз
[*зач.* По камням *надп.* На камни] ключ роняет слезы,
[*подп. и зач.* Жемчужный]

Кар. справа вдоль поля
Где светлый ключ, спускаясь вниз
(ПД, л. 13 об.)

Под текстом кар.
Вакханки с [*зач.* песнями *надп.* криками *надп. и зач.* топаньем] и смехом
[*зач.* Вокруг] Свершали виноградный [*зач.* Свершали] пир
[*впис. справа и зач.* Махая барса пестрым мехом]
И [*зач.* звон *надп.* хор] тимпанов, флейт и лир
[*зач.* Сливал свой гул с веселым вторили эхом]
Сливался шумно с [*зач.* с горным *надп.* дальним] эхом
(л. 14)

Наброски 18—22, 14

Прошла счастливая пора
[*зач.* Теперь не та пришла пора]

Замолкли
[*зач.* И вместо] лиры и тимпанов,
[*зач.* Мы] И слышим [*надп.* ны] звуки топора
Да скучный грохот барабана
Вот здесь стоял Дианы храм
Свершались [*зач. одно сл. нрзб.*] тайны

(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 2)

Обведено и зач. двумя вертикальными чертами

Прийд⟨е⟩т [*зач.* вечерняя *надп.* ли поздняя] пора
[*зач.* И] Нет [*зач.* уж *надп.* боле] тайн в лесу Дианы
В нем слышен грохот барабана
И стук враждебный топора

(л. 2 об.)

62 (12). «СОЛНЦЕ ЖЖЕТ; ПЕРЕД ГРОЗОЮ...»

8 [*зач.* Отдыхающей *надп.* Изнывающей]

(авт.: Тетр. [2], л. 25 об.)

63 (13). «СМОТРИ, ВСЕ БЛИЖЕ С ДВУХ СТОРОН...»

Над текстом

XII (Крымские очерки)

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 53 об.)

IV

2 Нас обнимает лес дремучий;
6 Нас ночь безвременно застигла —

(бел. авт. с правкой: ПД, ф. 3, Архив Аксаковых, оп. 1, № 40, л. 1 об., весь текст зачеркнут накрест кар., возможно, рукой И. С. Аксакова)

8 [*зач.* Как звезды *надп.* Звездами] огненные иглы.

11 Вторят подков тяжелых звук

(Тетр. [2], л. 53 об.)

11—13 Вторят подков тяжелый звук
Средь гама птичьего и свиста,
И ходит трепетная смесь [*надп. и зач.* Обман]

(ПД)

17 Вот там украдкой красный луч
19 И дятла слышен стук, и где-то

(оба ист.)

20 Журчит вблизи незримый ключ...

(Тетр. [2], л. 53 об.)

64 (14). «ПРИВАЛ. ДЫМЯСЯ, ОГОНЕК...»

Над текстом

XIII (Крымские очерки)

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 54)

V

(бел. авт. с правкой: ПД, ф. 3, Архив Аксаковых, оп. 1, № 40, л. 1 об., ст. 1—6 зач. накрест кар. вместе с текстом предыдущего стихотворения, возможно, рукой И. С. Аксакова)

12 Не той ли [*зач.* мыслью *надп.* думой] ты томима,
15 [*зач.* Его *надп.* Нет не] догнать [*зач.* не можно *надп.* его уж] нам!
(Тетр. [2], л. 54)

После 24 [*зач.* Недвижно море, корабли]
33 Дымятся сизые болота,
(л. 54 об.)

65. «К СТРАДАНИЯМ ЧУЖИМ ТЫ ГОРЕСТИ ПОЛНА...»

1 К страданиям чужим ты жалости полна,
4 Всегда безжалостна и вечно холодна!
(РБ. 1859. Кн. 16. С. 5)

66. «ЛИШЬ ТОЛЬКО ОДИН Я ОСТАНУСЬ С СОБОЮ...»

7 С мучительной думой стою на пути:
(бел. авт. с правкой: РГАЛИ, ф. 506, оп. 1, № 5, л. 1)

8 Направо ли, братцы, налево ль идти?
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 5 об.; РГАЛИ)

9 — Махни уж рукой да иди, не робея,
(РГАЛИ)

Наброски

Советов, угроз
С мучительной думой
Направо ль, налево ль мне, братцы, идти?

Пойду не робея
На голос, который всех манит сильнее
Который немолчно и пр.
Уж полно бы думать, идти б не робея,
Налево ли, братцы, на право ль идти
(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 47; верхняя половина листа оторвана)

67. «МЕНЯ, ВО МРАКЕ И В ПЫЛИ...»

2 [*зач.* Мои *надп.* Досель] влачившего оковы,
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 46 об.)

4 В отчизну пламени и слова.
(Тетр. [2]; РВ. 1858. Май. Кн. 2. С. 357)

8 Что для других неуловимо,
(РВ)

15 [*впис.* И] Как сердце каменное гор
(Тетр. [2])

И сердце каменное гор
(РВ. С. 358)

18 [*зач.* Проходят *впис. перед ним* Клубятся] медленные тучи,
(Тетр. [2])

26 К нему вернуться жаждет снова,
(РВ)

30 Опять излиться в Божье лоно;
(Тетр. [2], л. 47; авт. ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 2861, л. 25; РВ)

33 И ничего в вселенной нет,
(три ист.)

34 Что бы любовью не дышало [*зач.* !]
(Тетр. [2])

Что бы любовью не дышало.
(РВ)

68. «МИЛЫЙ ДРУГ, ТЕБЕ НЕ СПИТСЯ...»

4 Над тобой комар.
(Совр. 1856. № 2. С. 272)

5 Подойди скорей к окошку,
(список: Альбом В. Ж., л. 25; публикация по списку: Кондратьев. С. 101)

Подойди, взгляни в окошко:
(Совр.)

6 Двор широкий спит,
(все три ист.)

8 Месяц серебрит.

(Совр.)

10 И крыльцо темно,

(все три ист.)

После строфы 2

Я пройду близ дикой вишни,
Около плетня,
У разрушенной кирпични
Ты найдешь меня!

Далее следует строфа 4 осн. текста с вариантом второго ст. в этой строфе

Там спокойный ждет!

(Кондратьев. С. 101)

Вариант этого ст. в Альбоме В. Ж.

Там под ольхой ждет!

9—10 Не скрыпят в саду ступени,
И крыльцо темно,

(находятся в строфе 5 в тексте: Кондратьев. С. 101)

13—16 *Отсутствуют*

(Совр.)

Последняя строфа

Дергачи кричат по нивам,
Перепел во ржи,
Час настал нам быть счастливым,
Друг, не откажи!

(Альбом В. Ж., л. 25 об.; Кондратьев. С. 101)

69. «МИНУЛА СТРАСТЬ, И ПЫЛ ЕЕ ТРЕВОЖНЫЙ...»

7 Уж не кипит [*зач. кар.* бунтующая *зачеркивание отменено, надп. кар. и зач.*
взволнованная] кровь, —
12 [*зач. кар.* С нависших скал сорвавшийся *зачеркивание отменено, надп. кар. и зач.*
Сорвавшись вниз бунтующий] поток
15 И вдаль [*зач.* бежит *надп.* течет], спокоен и глубок.

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 47 об.)

70. «МНЕ В ДУШУ, ПОЛНУЮ НИЧТОЖНОЙ СУЕТЫ...»

2—3 Как бурный вихорь, страсть ворвалась нежданно,
С налету смяла в ней нарядные цветы

(РВ. 1857. Апрель. Кн. 1. С. 427)

9 И над обломками [*зач.* часть *сл.* безмол[вно] *надп.* вен] я стою,

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 51 об.)

12 И грома дальнего внимаю перекаты.

(РВ)

71. «НА НИВЫ ЖЕЛТЫЕ НИСХОДИТ ТИШИНА...»

1—2 На нивы желтые нисходит тишина;
В вечернем воздухе от меркнущих селений,
(День. 1862. 3 февр. № 17. С. 1)

8 Но что внутри себя я схоронил сурово?
(С-67. С. 105)

Но что внутри себя я схоронил сурово!
(День)

72. «НАС НЕ ПРЕСЛЕДОВАЛА ЗЛОБА...»

1 Не от гонений, не от злобы,
6 Опять твердит тебе одно?
14 Наш челн уносит в новый край...
(РВ. 1859. Август. Кн. 2. С. 600)

73. «НЕ БОЖИИМ ГРОМОМ ГОРЕ УДАРИЛО...»

2 Не тяжелой скалой навалилося.
(бел. авт.: РГАЛИ, ф. 506, оп. 1, № 5, л. 2 об.)

Не тяжелой скалой навалилося;
(РБ. 1857. Кн. 7. С. 149)

3 Собиралось оно малыми тучками:
(РГАЛИ)

4 Затянули тучки небо ясное.
6 Мелким дождичком осенниим;
(РБ)

7—8 А и сеет оно давным давно,
И сечет оно безумолку,
13—14 Лихорадкою, лихоманкою
Сном дремотою, зевотою
(РГАЛИ)

15 — Уже полно, горе, дуб ломать по прутикам
(РБ)

17—18 И бывало же другим счастьице:
Налетало горе вихрем бурею,
(РГАЛИ, л. 3)

19 Ворочало горе дубы с корнем вон!
(оба ист.)

74. «НЕ БРАНИ МЕНЯ, МОЙ ДРУГ...»

3—5 Он лишь только нежит слух,
Я лишь жадно слушать буду.
Как слова польются вдруг,
7 Будто сыплется жемчуг
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 457)

6 Так посыпятся, что чудо!
(список и его копия: Альбом Капнистов, РНБ, ф. 1000, оп. 2, № 574, л. 42 и 121 об.)

Так посыпятся, что чудо, —
(С-67. С. 76)

Отсутствует

(РВ)

75. «НЕ ВЕРЬ МНЕ, ДРУГ, КОГДА, В ИЗБЫТКЕ ГОРЯ...»

Над текстом

3.

(бел. авт.: ПД, ф. 301, № 5, л. 10)

Заглавие

К ....

2 Я говорю, что разлюбил тебя!

(бел. авт.: Альбом Е. Э. Трубецкой, ПД, ф. 311, № 36, л. 18)

Я говорю, что разлюбил тебя,

(бел. авт.: Тетр. [2], л. 11 об.)

Я говорю, что разлюбил тебя;

(Совр. 1857. № 1. С. 9)

3 В отлива час не верь измене моря —

(Альбом Е. Э. Трубецкой)

4 Оно к земле воротится, любя!

(Альбом Е. Э. Трубецкой; Совр.)

6 Мою свободу вновь тебе отдам,
8 Издалека к любимым берегам!

(оба последних ист.)

Варианты и наброски

Не верь мне, друг, когда в избытке [*зач.* я полный] горя
[*зач.* Скажу тебе *надп.* Я говорю *перечеркнуты оба варианта*] что не люблю тебя
Не верь отливу страждущего моря
Оно [*зач.* к земле *надп. и зач.* опять] воротится любя

оно желанья полно

воротится назад
И побегут с роптаньем тихим волны
В знакомый им [*зач.* оставленный] приветливый залив
В родную сень и в дружеский залив

(автографы с правкой, черн. автографы, бел. авт. строфы: Зап. кн. [3], л. 16 об.)

Не верь отливу дремлющего моря
И новых сил и [*по части сл.* нов[ый] *напис.* ых] страстей и песен
полно [*ст. зач. несколькими косыми чертами*]
Оно придет свой отдых позабыв

(л. 17)

Не верь мне, друг, когда [*зач. и отменено зачеркивание* в избытке *надп. и зач.* исполнен]
Я говорю что [*зач.* не люблю *надп.* разлюбил] тебя,
Не верь отливу [*зач.* временному *надп. и зач.* голубого *подп.* сумрачного] моря,

Оно [*зач.* в залив *надп.* опять] воротится, любя,
И новых сил и новой [*зач. и отменено зачеркивание* страсти] песней полно
Оно [*зач.* прихлынет, отдых позабыв, *надп.* встоскует, волю *зач.* разлюбив *допис.* позабыв]
И [*зач.* побегут *надп.* притекут] с роптаньем тихим волны
[*зач.* Издалека в знакомый им залив]
Не верь мне друг когда с тобою споря
пенистого моря сумрачного моря

(л. 17 об.)

Два первых ст. зач. волнообразной линией
И новых сил и новой страсти полно
Оно встоскует, [*зач.* бурно] волю разлюбив,
И притекут опять родные волны
Издалека в покинутый залив
И прибегут с роптаньем тихим волны
Издалека в покинутый залив
И [*зач.* новых *надп.* прежних] сил и прежней страсти полно
Оно вернется, волю позабыв
Уж новых сил и нов. страсти полно
Оно грустит, досаду позабыв
И уж бегут с ропт. тихим волны
И уж журча бегут обратно волны
Издалека в покинутый залив

(л. 18)

[*зач.* И прежней уже теперь всегдашней *надп.* И новых сил и новой страсти] страсти полно

Оно грустит, свободу позабыв,
И уж бегут с роптаньем тихо волны
[*зач.* Издалека *надп.* Обратно в свой]
покинутый залив

(л. 18 об.)

Уже теперь, всегдашней [*надп.* я прежней]
страсти полный
Тоскую я досаду позабыв
Грущу вдали [*зач. и зачеркивание отменено*
свободу] позабыв
И уж бегут с обратным шумом волны
[*зач.* Издалека *надп.* От чуждых стран]
в покинутый залив
Не верь отливу сумрачного моря
Оно ушло сердяся, но любя
Уже теперь кипучей страсти полно
Оно грустит свободу разлюбив
И уж бегут его обратно волны
Оно вскипит привычной страсти полно

(л. 19)

И новы полны
Свою неволю снова полюбив
С роптаньем тихим понесутся волны
Вбегут опять в покинутый залив
Оно вздрогнет и с тихим шумом волны
И с тихим шумом пенистые волны
Оно тоскует прежней страсти полно
Оно грустит и с тихим шумом волны
Бегут опять в покинутый залив

(л. 19 об.)

[*зач.* Уж новых сил и новой страсти]
Уж и прежней страсти полно

Родимый берег снова полюбив,
Оно [*зач.* грустит *надп.* вскипело] и с тихим
шумом волны
Вбегут опять в покинутый залив
Придет пора, и прежней страсти полно

вскипят
вбегут
[*зач.* С сугубой силой берег возлюбив
Сильнее берег]
Еще сильнее берег возлюбив
(л. 20)

Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я [*зач.* разлюбить пытаюся *надп.* говорю,
что разлюбил] тебя
Не верь отливу пасмурного моря [*надп.* В
отлива час не [*зач.* сумрачного верь побегу
надп. верь роптанью] моря] измене
Оно опять воротится любя

Четыре след. ст. перечеркнуты накрест
Уж я тоскую прежней страсти полный
[*зач.* Ты мне опять мила и *надп.* Твоя
любовь мне снова] дорога
И уж бегут с роптаньем тихим волны
[*зач.* Из дальних стран *надп.* От стран
чужих] в родные берега
Из стран чужих к родимым берегам
В отлива час не верь роптанью [*подп. и зач.*
угрозам моря] моря
(л. 20 об.)

На левой стороне оборванного справа листа
Лишь ты одна опят⟨ь⟩

Твоя любовь мне
Из бурных с
Моя любовь одна

(л. 21)

Бел. авт. второй строфы и набросок

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Твоя любовь мне снова дорога,
И с ропотом вернувшиеся волны
Бегут обнять родные берега.

[*зач.* Взгрущу и я *надп.* И я взгрущу] привычной страсти полный
Свою свободу вновь тебе отдам
Уж новой жизни, новой страсти полный
Оно грустит свободу [*зач.* позабыв *надп.* разлюбив]
И уж бегут с обратным шумом волны
[*зач.* От чуждых стран *надп.* Издалека] в покинутый залив

(л. 22)

76. «НЕ ВЕТЕР, ВЕЯ С ВЫСОТЫ...»

2 Коснулся листьев ночью лунной;

(бел. авт.: Тетр. [2], л. 43 об.)

2—3 Коснулся листьев ночью лунной —
Моей души коснулась ты —

(РВ. 1858. Май. Кн. 2. С. 356)

5 Она, как гусли, многострунна.

(РВ)

9 И заносил холодным снегом.
(Тетр. [2])

13 Как майской ночи дуновенье...
(РВ)

77. «НЕ ПЕНИТСЯ МОРЕ, НЕ ПЛЕЩЕТ ВОЛНА...»

5—7 Сижу я на камне, висят облака
Недвижные в звездном просторе;
Душа безмятежна, душа глубока,
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 457)

78. «НЕТ, УЖ НЕ ВЕДАТЬ МНЕ, БРАТЦЫ, НИ СНА, НИ ПОКОЮ!..»

2 Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою.
(бел. авт.: ПД, ф. 382, № 49, л. 1)

4 Сломит, того и гляди, молодецкую силу.
(ПД; РБ. 1859. Кн. 14. С. 5)

8 Баба, постой, погоди, не одна ты на свете:

Подпись

Гр. А. Толстой
(ПД)

79. «О, ДРУГ! ТЫ ЖИЗНЬ ВЛАЧИШЬ, БЕЗ ПОЛЬЗЫ УВЯДАЯ...»

1 О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увядая,
(РВ. 1858. Май. Кн. 2. С. 356)

2 *Отсутствует*
(список: РГАЛИ, ф. 506, оп. 3, № 2, л. 1)

5 О, долго ль быть тебе печальной и согнутой?
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 44; РВ)

6 Смотри, пришла весна, твои не крепки путы:
(список РГАЛИ)

Смотри, пришла весна, твои не крепки путы;
(РВ)

80. «О, ЕСЛИ Б ТЫ МОГЛА ХОТЬ НА ЕДИНЫЙ МИГ...»

2 Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды!
7 Как в теплую весну случайная гроза
(РБ. 1859. Кн. 16. С. 5)

81. «ОЙ СТОГИ́, СТОГИ́....»

Заглавие

С моравского

(список ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 4179, л. 24; публикация по списку: Кондратьев. С. 99; список: Альбом В. Ж., л. 20)

[2] На лугу широком

(Совр. 1854. № 4. С. 130)

[12] Острыми косами!
[16] Дале друг от друга!

(Совр.)

[20] Черные вороны!
[24] Поганые гнезда!

(Альбом В. Ж., л. 20 об.; Совр.)

82. «ОЙ, ЧЕСТЬ ЛИ ТО МОЛОДЦУ ЛЕН ПРЯСТИ?..»

Над текстом

2.

(авт. с правкой: ПД, ф. 301, № 5, л. 12)

[1] Ой честь ли то молодцу лен прясти?

(бел. авт.: РГАЛИ, ф. 506, оп. 1, № 5, л. 3)

Ой [*зач.* след *надп.* честь] ли то молодцу лен прясти?

Далее зач. два ст.
Ой честь ли то, братцы, девке в свайку
играть?
А и хвала ли старцу вприсядку пойти?
2 А боярину кичку носить?
Далее зач. ст.
Кузнецу-то коров доить?
(ПД)

2 А и хвала ли боярину кички носить?
(РГАЛИ, л. 3)

4 Гусляру-певуну в приказе сидеть?
(бел. авт.: РНБ, Альбом
Б. А. Фитингоф-Шеля,
ф. 817, оп. 1, № 1, л. 102)

4—5 Гусляру-певуну во [*зач. и отменено зачеркивание* приказе *надп. и зач.* тюрьме]
сидеть?
Во [*зач. и отменено зачеркивание* приказе *надп. и зач.* тюрьме] сидеть, потолок
коптить?
После 8 зач. ст.
К тому терему ль под окошечко,
(ПД)

6—7 Ой коня-б ему, гусли б звонкие!
Ой в луга-б ему, во зеленый бор!
(РГАЛИ)

7 Ой, в луга б ему, во зеленый бор!
(РБ. 1857. Кн. 7. С. 149)

83. «О, НЕ ПЫТАЙСЯ ДУХ УНЯТЬ ТРЕВОЖНЫЙ!..»

1 О, не пытайся дух унять тревожный,
(Совр. 1857. № 1. С. 11)

3 Твоей душе [*зач. кар.* смириться *надп.* покорность] [*по части сл. невозможн[о] напис.* а]
(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 10 об.)

Твоей душе смириться невозможно,
(Совр.)

4 Она [*зач.* болит и *надп.* бунтуя,] рвется на простор.

5 [*зач. в начале ст.* И *надп.* Но] все ее невидимые муки
(Тетр. [2], л. 10 об.)

И все ее невидимые муки,
(Совр.)

8 [*зач.* Одна лишь смерть *надп.* Последний час] в созвучие сольет;
(Тетр. [2], л. 10 об.)

Одна лишь смерть в созвучие сольет,
12 Их голосов мучительный разлад!
(Совр.)

84. «О, НЕ СПЕШИ ТУДА, ГДЕ ЖИЗНЬ СВЕТЛЕЙ И ЧИЩЕ...»

2 Среди миров иных;
4 Твоих надежд земных!

После 4 Поверь, в стране лучей, из мира в мир влекома,
Средь пения светил
Ты будешь тосковать о горести знакомой,
Что я с тобой делил!
6 В неведомую даль!
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 455)
16 Нам врозь не суждено!
(С. 456)

85. «ОН ВОДИЛ ПО СТРУНА́М; УПАДАЛИ...»

1 Он водил по струнам, упадали
4 Разливаясь в безмолвии ночи...
8 Соблазняли и мучили совесть;
(РВ. 1857. Апрель. Кн. 1. С. 430)
12 С возрастающей бурей желанья,
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 45 об.)
16 И манили назад с укоризной,
(бел. авт.)
И манили к себе с укоризной,
(РВ)
17—20 допис. и вст. на л. 45 об. после 16
20 И потеряно так невозвратно,
(Тетр. [2], л. 46)
И потеряно так невозвратно...
(РВ)

25 Звуки пели, тянулись так тихо,
(Тетр. [2], л. 46)

21—28 *Отсутствуют*
(РВ)

86. «ОСЕНЬ! ОБСЫПАЕТСЯ ВЕСЬ НАШ БЕДНЫЙ САД...»

1 Осень. Обсыпается весь наш бедный сад;
(РВ. 1858. Май. Кн. 2. С. 354)

2 Листья пожелтелые по ветру летят;
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 40 об.; РВ)

8 Не умею высказать, как тебя люблю —
(Тетр. [2])

Не умею высказать, как тебя люблю.
(РВ. С. 355)

87. «ОСТРОЮ СЕКИРОЙ РАНЕНА БЕРЕЗА...»

Ред. 1

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатились слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 6)

Поздняя ред.

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй,
Рана не смертельна, вылечишься к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана —
Лишь больное сердце не залечит раны.
(ПССтих-76. Т. 1. С. 366)

Ранняя ред.

[1] [*зач.* Топором глубоко *надп.* Острою секирой] ранена береза
[3] Рана не [*зач.* рана *надп.* смертельна] вылечится к лету
Остальные ст., как в осн. тексте
(авт. с правкой: Зап. кн. [3], л. 25 об.)

Варианты и наброски

По коре по белой побежали слезы
Дерево утешься, бедное не сетуй
Будешь вновь здорово к будущему лету
(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 20 об.)

Дерево утешься, бедное не сетуй
согрето
(л. 22)

Топором глубоко ранена береза
По коре сребристой покатили слезы,
Ты не плачь береза, бедная, не сетуй
(л. 24)

88. «ПО ГРЕБЛЕ НЕРОВНОЙ И ТРЯСКОЙ...»

4 Сижу я задумчиво в ней;
10 Проходит оборванный жид,
12 Вода через греблю бежит.
16 Над озером подняли крик.
22 Хоть не был я здесь никогда:

(Совр. 1854. № 4. С. 132)

24 И мальчик, и мост, и вода,

(список: Альбом В. Ж., л. 22; публикация по списку: Кондратьев. С. 114; Совр. С. 133)

26 И ветхое в поле гумно...

(Совр.)

30 Такие ж тащила мешки,

(Альбом В. Ж., л. 22)

32 Сидели в траве мужики,

(Совр.)

33 И жид проходил бородатый,

(Альбом В. Ж., л. 22 об.)

34 И так же шумела вода...
36 Но только не помню когда!

(Совр.)

89. «ПОРАЗМЫСЛИВ АККУРАТНО...»

Заглавие

Умеренность

(список: Сборник стихотворений и других произведений разных авторов, большею частью о войне 1853—1855, Абатурова М. Д.: РНБ, ф. 1000, оп. 3, № 3, 1853—1856, л. 84—84 об.; Совр. 1854. № 4. С. 133)

Благоразумие

(С-67. С. 25)

8 Ретивое, ретивое.

(авт. с правкой: Альбом В. Ж., л. 52)

10—11 Не спущу я! Как же можно?
Из себя как раз я выду —

(Совр. С. 133)

12 Осторожно, осторожно.
16 Тихомолком, тихомолком.
17 Если б брат [*зач.* упал] мой захлебнулся,

(Альбом В. Ж.)

19 Тотчас бросился бы в воду,

(Тетр. [2], л. 16)

21 Хоть сейчас пойду на турку,

(Тетр. [2], л. 16; Альбом В. Ж., л. 52 об.; список: Сборник Абатурова, л. 84; Совр.)

22 Пусть услышу лишь картечь я,

(Совр.)

23 Грудью лягу в чистом поле —

В Совр. отсутствует последняя строфа

В оглавлении рукой Толстого (л. 53)
Немецкая служба 35

(Альбом В. Ж.)

90. «ПОРОЙ, СРЕДИ ЗАБОТ И ЖИЗНЕННОГО ШУМА...»

5—6 И суетного дня замолкнет гул тревожный,
Волнение во мне стихает жизни ложной,

(РВ. 1857. Апрель. Кн. 2. С. 429)

6 [*зач.* Волнение во мне стихает *надп.* Смиряется во мне волненье] жизни ложной

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 42)

8 И взор я погрузить в нее могу до дна:
11 И ясно вижу глубь, где, как бесценный клад,

(РВ)

91. «ПУСТЬ ТОТ, ЧЬЯ ЧЕСТЬ НЕ БЕЗ УКОРА...»

2 Страшится мнения людей,

(РВ. 1866. № 9. С. 185)

3 Пусть ищет гладкой он опоры

(список: Альбом Капнистов, РНБ, ф. 1000, оп. 2, № 574, л. 89)

6 Того хулы не потрясут,
(РВ)

8 Ему чужой не нужен суд!
12 Вражде неправой не кадит!
16 Не клонит рабски головы!
(список РНБ)

21 Один, не следуя за нею
(список: ГИМ, ф. 96, оп. 1, № 110, л. 59)

92. «РАССЕВАЕТСЯ, РАССТУПАЕТСЯ...»

8 [*зач.* Мимолетного *надп.* Непоказанный] миг [*зач.* забвения *припис.* веселия!]
11 И головушка [*надп.* вновь *зач.* *часть сл.* [на]клонилася *надп.* с]
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 55)

12 Бесталанная, горемычная...
(РБ. 1858. Кн. 9. С. 90)

93. «СЕРДЦЕ, СИЛЬНЕЙ РАЗГОРАЯСЬ ОТ ГОДА ДО ГОДУ...»

6 Все же не стану блестящей холодною сталью!
(бел. авт.: Тет. [2], л. 3; РВ. 1857. Январь. Кн. 1. С. 204)

Варианты, наброски

мешают мне горевать на досуге
пускай бы мешали веселью и счастью
Пусть бы мешали веселью и счастью
Брошено в светскую жизнь как в холодную воду,
Бросила жизнь его [*зач.* словно *надп.* в свет как] в холодную воду,
Будет кипеть оно гневом, тоской и печалью,
Все же не выйдет из холода жесткою сталью.
Долго кипеть ему гневом, тоской и печалью,
Только не сделаться крепкой холодною сталью

(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 40 об.)

Вода на раскаленном железе
Но не будет сталью
и кипит как железо печалью
[*зач.* Но из св]
Все же не выйдет из светского холода сталью
не растает
Сердце во мне горячее от году до году;
[*зач.* Жизнь его *надп.* Бросила] жизнь [*зач.* его *надп.* мое] сердце в холодную воду

2 Сделала жизнь ты со мной бесполезное дело!
1 Словно железо от боли оно закипело,

Будет кипеть [*зач.* или *надп.* оно] гневом тоской [*зач.* оно иль *надп.* и] печалью,
Все же не выйдет из светского холода сталью.

(л. 41)

Три след. ст. зач. двумя косыми чертами
Дух отрицанья и смеха
Долго оно как железо в раскале кипело
Словно железо в раскале оно закипело
Сердце [*зач.* во мне горячее *надп.* сильней разгораясь] от году до году,
Брошено [*надп. и зач.* Кануло] в светскую жизнь

как в [*зач.* холодную *надп.* студеную] воду,
[*зач.* Словно *надп.* В ней как] железо́ в раскале оно закипело,
Сделала жизнь ты со мною [*зач.* бесполезное] недоброе дело!
Буду [*зач. прежнее окончание сл.* ет] кипеть
[*зач.* оно гневом *надп.* негодуя], тоской и печалью,
Все же не стан[у *напис. по окончанию* ет] холодной, [*зач.* бездуш бесчувственной *надп.* блестящею] сталью!
Сделала жизнь, насмехаясь, ненужное дело!
Сердце кипит, негодуя, тоской и печалью,
Только не станет

(л. 41 об.)

94. «СИЖУ ДА ГЛЯЖУ Я ВСЕ, БРАТЦЫ, ВОН В ЭТУ СТОРОНКУ...»

5 Сижу я и думаю, что нам тужить за охота,

(бел. авт.: ПД, ф. 382, № 49, л. 1 об.; РБ. 1859. Кн. 14. С. 5)

7 Ведь надобно ж место все новым да новым
кручинам,
(РБ)

Подпись

Гр. А. Толстой
(ПД)

95. «СЛЕЗА ДРОЖИТ В ТВОЕМ РЕВНИВОМ ВЗОРЕ...»

1—3 Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре,
О, не грусти, ты все мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 454)

9 [*зач.* Лишь И лишь до нас могучего светила *по надп. кар.* И лишь на землю к *напис. и зач.* яркого Лишь до земли живящего *надп.* И лишь на землю к нам ее] светила

10 [*зач.* Дошли не все дрожащие *по надп. кар.* Нисходят *нап. и зач.* Доходят порознь живящие *и надп.* Нисходят порознь редкие] лучи.

11 [*зач. и зачеркивание отменено* И порознь их *надп. и зач.* Мы порознь их]
Справа кар.
NЗ Ее светила

12 [*зач. и зачеркивание отменено* Мы ловим отблески *надп. и зач.* Лишь отблеск ловим] вечной красоты;

Внизу листа кар.
Но к нам ее могучего светила
Сбоку прип.
И лишь к земле, увы, ее светила
И только к нам одним ее светила
Лишь к нам одни всемирного светила
(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 49 об.)

17 И тихий шопот вербы над [*зач.* водой *прип.* ручьем]
21 [*по* Но *напис.* О] не грусти, земное минет горе,
(л. 50)

О не грусти, земное минет горе,
25 Что не вместят земные берега!
(РВ)

96. «СМЕРКАЛОСЬ, — ЖАРКИЙ ДЕНЬ БЛЕДНЕЛ НЕУЛОВИМО...»

Над текстом

6
(бел. авт.: собрание Д. Н. Любимова, т. 1, ПД, ф. 160, № 1, л. 7)

1 Смеркалось; жаркий день бледнел неуловимо,
(бел. авт.; РВ. 1857. Январь. Кн. 1. С. 205)

2 Над озером туман ложился пеленой,
(бел. авт.)

Над озером туман тянулся пеленой,
(РВ)

Над озером туман тянулся пеленой [пеленой *подч. кар.*]
(авт.: Тетр. [2], л. 11)

4 В вечерний, тихий час носился предо мной;
(бел. авт.)

В вечерний, тихий час носился предо мной.
(РВ)

97. «СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА, СЛУЧАЙНО...»

4 Скрывала младые черты.
(ОЗ. 1856. № 5. С. 59)

5 Лишь [*зач.* глазки лукаво блестели *надп.* очи печально глядели,]
(список с авторской правкой: Альбом В. Ж., л. 44)

10 И весь твой задумчивый вид;
(ОЗ)

10—11 Твой странный задумчивый вид,
А смех твой, [*зач.* веселый *надп.* и грустный] и звонкий,
(Альбом В. Ж.)

14—19 Люблю я, усталый, прилечь,
Я вижу [*зач.* лукавые *надп.* печальные] очи,
Я слышу [*зач.* знакомую *надп.* веселую] речь,
И [*зач.* сладко *надп.* тихо] я так засыпаю,
И в грезах [*зач.* волшебных я *надп.* неведомых] сплю...

Люблю ли тебя — я не знаю —
(Альбом В. Ж., л. 44—44 об.)

14—16 Люблю я, усталый, прилечь —
И вижу печальные очи,
И слышу веселую речь;
(ОЗ)

16 Я слышу веселую речь...
(список: ГИМ, ф. 96, оп. 1, № 110, л. 57)

19 Люблю ли тебя — я не знаю,
(список ГИМ; ОЗ)

98. «С РУЖЬЕМ ЗА ПЛЕЧАМИ, ОДИН, ПРИ ЛУНЕ...»

3—6 — Ступай ты, мой конь, по траве веселей!
Я бросил поводья, я мыслю о ней,
Я мыслю так сладко, так тихо, но вот
Неведомый спутник ко мне пристает.
10—11 Твои мне как будто знакомы черты!
Скажи, что тебя, что тебя привело?
13—14 — Смеюсь я мечтаньям, мечтаньям твоим,
Ты будущность, будущность губишь;
(список: Альбом В. Ж., л. 45)

— Смеюсь я, товарищ, мечтаньям твоим; —
Смеюсь, что ты будущность губишь,
(С-67. С. 78)

18—20 Ее ты не любишь, а любишь себя!
Опомнись! Порывы твои уж не те!
Она для тебя уж не тайна!
22 Вы с ней разойдетесь случайно!

24 Тому, что вздыхаешь ты так тяжело!
27 С ружьем за плечами, один, при луне,
28 Я по полю еду на добром коне.
(Альбом В. Ж., л. 45 об.)

99. «С ТЕХ ПОР КАК Я ОДИН, С ТЕХ ПОР КАК ТЫ ДАЛЁКО...»

Ранняя ред.

[*зач.* С тех пор, как я один, *зачеркивание отменено; надп. и зач. кар.* Сестра моей души] с тех пор, как ты далеко,
В [*зач.* неверном *надп.* тревожном] полусне когда забудусь я,
Светлей моей души недремлющее око,
И близость явственней духовная твоя.
[*зач.* Твой тихий кроткий лик *надп.* Сестра моей души!] С улыбкою участья,
[*зач.* Так грустно с высоты *подп.* Твой тихий грустный лик]
[*надп. и зач.* Сестра моей души]
[*зач.* кроткий *подп. кар.* грустный] склоняется ко мне,
И я, исполненный томительного счастья,
Любящий чую взор в [*зач.* неверном *надп.* тревожном] полусне.
(черн. авт.: Тетр. [2], л. 44 об.)

Строфа 2

Сестра моей души, при каждом расставаньи
Все сердце вслед тебе металось и рвалось,

И уст твоих, заснув, я чувствовал дыханье
И на моем челе игру твоих волос.

(Тетр. [2], зач. многими косыми чертами; публикация по списку: Кондратьев. С. 31)

9 О если в этот [*зач.* час *надп.* миг] ты также сном объята,

(Тетр. [2], л. 44 об.)

5—7 Сестра моей души! С улыбкою участья,
Твой тихий, грустный лик склоняется ко мне,
И я, исполненный томительного счастья,

(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 453)

9—10 О, если в этот миг ты также сном объята,
Мы думою, скажи, проникнуты ль одной?

(С. 454)

100. «ТЕБЯ ТАК ЛЮБЯТ ВСЕ; ОДИН ТВОЙ ТИХИЙ ВИД...»

1 Тебя так любят все! Один твой тихий вид

(авториз. список: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 6, л. 2; РБ. 1858. Кн. 11. С. 4)

2 Уже врачует дух и с жизнию мирит.

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 56; РГБ; РБ)

3—4 Но ты грустна; в тебе есть скрытое мученье,
В душе твоей звучит какой-то приговор...

(РБ)

5—6 [*зач.* Твой *надп.* Зачем твой] ласковый всегда так робок взор
И очи грустные [*зач.* все *надп.* так] молят о прощеньи,
(Тетр. [2])

101. «ТЫ ЖЕРТВА ЖИЗНЕННЫХ ТРЕВОГ...»

4—5 Плывешь без воли по теченью;
Ты, как на жниве сизый дым:
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 452)

5 Ты как на [*зач.* пожне *надп.* жниве] сизый дым:
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 58)

8 И к облакам бежать не смеет;
(РВ)

10 Что снега слой покрыл тяжелый:
(оба ист.)

11 Стряхнуть [*зач.* печаль *надп. кар.* тоску] не можешь ты,
(Тетр. [2])

12 И жизнь тебя склонила долу;
(оба ист.)

16 [*зач.* Лишь *надп.* И] ей одной цвести мешает,
(Тетр. [2])
И ей одной цвести мешает;
(РВ. С. 453)

17—18 И как с вершин бегут в нее
Снегов растаявшие груды,
(оба ист.)

[20] Стекает горе отовсюду!
(РВ)

102. «ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ, ГДЕ ВСЕ ОБИЛЬЕМ ДЫШИТ...»

[8] И тих и чист лазурный свод небес,
(публикация по списку: Кондратьев. С. 92; Совр. 1854. № 4. С. 134)

И чист, и тих, и ясен неба свод,
(список: ГЛМ, ф. 275, ОФ 7834/14, л. 1 об.)

[10] Вдали стоит угрюмый черный лес,
(список ГЛМ; Совр.)

[14] В тот милый край, где сердцу так легко,
[18] Взрывают прах неистовой присядкой!
(все три ист.)

[27] Далеко льется жаворонков пенье
(Кондратьев; ГЛМ)

[31—33] Видал ты ночь над спящею Украйной,
Когда седой встает с болота пар,
Весь мир облекся сумраком и тайной,
(Кондратьев. С. 93; Совр.)

[34] В полночи дивно блещет Вестожар,
(Кондратьев)

Над степью блещет искрами стожар,
(Совр.)

[35] И мнится нам: через туман прозрачный
(Кондратьев)

И мнится нам, через туман прозрачный
(Совр.)

После строфы 6

Ты знаешь край, в беде не гнувший выю,
Где Святослав к дружине рек своей:
«Умрем за честь, погибнем за Россию,
Бо срама нет для тлеющих костей!»
Они ж рекли: «Мы все умрем с тобою!»
Туда, туда стремлюся я душою!
(список: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, № 4179, л. 6; Кондратьев)

Ты знаешь край, где древле наш Великий
В открытом поле шумно пировал,
Со звуком труб побед сливались клики
И гордый швед в смятении бежал?
Где наши деды все летели к бою,
Туда, туда стремлюся я душою!
(Кондратьев; Совр. С. 135)

38—40 И груды тел легли среди полей?
Где за Царя, главу склонив у плахи,
В последний раз молился Кочубей?
(Кондратьев)

38 И груды тел легли среди полей,
40 В последний раз молился Кочубей
(Совр.)

42 В честь древних прав и веры православной.
(список ГЛМ, л. 2 об.)

В честь бунчука и веры православной
(Совр, С. 136)

Последняя строфа

Ты знаешь дом, где враг презренной лести,
Родной земле отдав остаток сил,

Последний Гетман жизни, полной чести,
Златой закат спокойно проводил?
Ты знаешь дом и липы над горою?
Туда, туда стремлюся я душою!

(список ГАРФ, л. 7; Кондратьев. С. 94; Совр. С. 136; список ГЛМ, л. 2 об.)

103. «ТЫ ЗНАЕШЬ, Я ЛЮБЛЮ ТАМ, ЗА ЛАЗУРНЫМ СВОДОМ...»

Ред. 1

Ты знаешь, жизнь меня к себе не привлекала,
На мир я никогда с любовью не глядел,
Душа во мне не раз по воле тосковала
И за вещественный стремилася предел.
Не раз, в лазурный день, я за небесным сводом
Ряд жизней мысленно отыскивал иных,
И путь свершая мой, с улыбкой мимоходом
Смотрел на прах забот и горестей земных.
Зачем же сердце так сжимается невольно,
Когда твой встречу взор? и так тебя
мне жаль?

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 49; РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 451)

7—8 [*зач.* И гл]
И [*зач. часть сл.* мимолетн[ую] *надп.* ая]
души твоей печаль

[*зач.* Моя душа всегда так отражает *надп.*
В моей душе [*вст. сверху* всегда]
так отдается] больно?
(Тетр. [2])

И мимолетная души твоей печаль
В моей душе всегда так отдается больно?
(РВ)

Варианты и правка ст. в ред. 1

3 Душа во мне не раз [*зач. кар.* рвалась *надп.*
в оковах] и тосковала,
4 И за вещественный [*зач. кар.* стремилася
надп. просилася] предел.
12 Тревожит так меня и глубоко и больно?

В нижней половине листа напис.

И мимолетную души твоей печаль
Моя душа так отражает больно?
Так отзывается
Так отражается во мне

Ниже слева

Душа моя не раз в оковах тосковала,
Ложится на мою так [*зач. кар.* тягостно
надп. тяжело] и больно?
В моей душе всегда так отдается больно?
*(бел. авт. с правкой: ПД,
ф. 301, № 5, л. 18 об.)*

Ред. 2

Тревога бытия меня не [*зач.* потрясала,
надп. занимала,]
[*зач.* Ты знаешь, суета меня не привлекала,]
На жизнь я никогда с любовью не глядел;
Душа не раз во мне рвалась и тосковала
И за вещественный стремилася предел;

Строфа 2 — как в ред. 1
В строфе 3 ст. 1 и 2 — как в ред. 1, ст. 3 и 4
И глядя на твою безмолвную печаль,
Мне делается так невыразимо больно?
В нижней части листа
[*подп. кар. и зач.* Нет, все, что от земли,
меня не потрясало, волновало]
Ниже
[*подп. кар.* Нет, от земли ничто меня не
волновало.
Возмущало *надп.* грустя, что от земли]
(бел. авт. с правкой: ПД, ф. 301, № 5, л. 6)

Ранняя ред.; весь текст зач. одной вертикальной чертой, третья строфа зач. тремя вертикальными чертами

Первая строфа повторяется в Ред. 1, в ст. 3 вместо по воле *стоит* рвалась и

Вторая строфа повторяется в Ред. 1, в ее последнем ст.

[*зач.* мелкий сор всех горестей земных *надп.* прах забот и горестей земных *перед зачеркнутым впис.* печалей временных]

В третьей строфе
Зачем же [*зач.* сердце так *надп. и зач.* грудь теперь] сжимается невольно
[*зач.* Когда печальна ты *надп. и зач.* При виде глаз твоих *подп.* Когда твой встречу взор?] И так тебя мне жаль?
И глядя на твою [*зач.* безмолвную *надп.* невечную] печаль,
Мне делается так невыразимо больно?

Внизу листа полустершиеся карандашные строки:

Но глядя на тебя, сжимается нев
Меня терзает [*надп.* тревожит] так и
тягостно и больно?
[*зач.* невыразимо *надп.* и тягостно и]
И мимолетная [*зач.* души *надп.* очей] твоей
печаль [*надп. и подч.* NB мгновенную]
Ложится на меня так тяжело и больно

(черн. авт.: Тетр. [2], л. 40)

Вариант строфы 3, зач. двумя косыми чертами:

Зачем же сердце так сжимается невольно
Когда твой встречу взор? И так тебя
мне жаль?
И мимолетная души твоей печаль
Тревожит так меня и глубоко и больно?

Ниже кар. переписана эта строфа с изменением ст. 4

Меня тревожит так и глубоко и больно?

(л. 39 об.)

104. «ТЫ КЛОНИШЬ ЛИК, О НЕМ УПОМИНАЯ...»

2 И до чела твоя восходит кровь —

(авт.: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 6, л. 1; РБ. 1858. Кн. 11. С. 3)

[3] Не верь себе; сама того не зная,
(бел. авт.: Тетр. [2], л. 55 об.)

[4] Ты любишь в нем лишь первую любовь;
(РГБ; РБ)

[8] Он для тебя желаемый предлог;
(Тетр. [2]; РГБ; РБ)

105. «ТЫ НЕВЕДОМОЕ, НЕЗНАМОЕ...»

Над текстом

4.
(бел. авт.: ПД, ф. 301, № 5, л. 10)

1.
(бел. авт. с правкой: ПД, ф. 301, № 5, л. 11)

[1—3] Ты неведомое, не знамое,
без виду, без образа,
без имени-прозвища!
(бел. авт.: РГАЛИ, ф. 506, оп. 1, № 5, л. 3 об.)

[3] Без имени-прозвища!
(бел. авт. ПД, л. 10; РБ. 1857. Кн. 7. С. 150)

[7] Здоровешенек, кажись гору сдвинул бы,
[12—13] Говорит: не спеши, добрый молодец,
Еще много впереди времени!
(РГАЛИ)

14 И субботу называет Пятницей,
(бел. авт. ПД, л. 10; бел. авт. с правкой ПД, л. 11)

15 Фомину неделю Светлым Праздником.
(бел. авт. с правкой ПД, л. 11)

После 15 А потом тебе же насмехается:
«Ой, удал-силен, добрый молодец!
Еще много ли на печи полежано?
Богатырских дел понадумано?
Да и станет подступать под сердце,
Ретивое делить надвое.

Далее ст. 16—18 осн. текста
(бел. авт. ПД, л. 10—10 об.)

18 На пол пути корчмой выросло;
(бел. авт. РГАЛИ, л. 3 об.)

19 Я за книгу сел, а оно мухою
(бел. авт. ПД)

20 Пред очами снует, извивается
(два бел. авт. ПД, л. 10 об.—11)

Пред очами снует, извивается;
(РБ)

В бел. авт. ПД на л. 10 об. напротив ст. 19—20 и двух предыдущих стихов слева на поле знак [×] *и надпись кар.* переставлено

20 Перед носом снует, извивается;
22—24 Ой, удал-силен добрый молодец!
Еще много-ли на боку полежано?
Силы удали понакоплено?
(бел. авт. РГАЛИ, л. 3 об.)

«Ой, удал-силен, добрый молодец!
Еще много ли на боку полежано?
Силы-удали понакоплено?
(РБ)

24 Силы-удали [*зач.* понакоплено] поистрачено?
(бел. авт. с правкой ПД, л. 11 об.)

Между этим и след. ст. впис.
Отговорок то [*зач.* понайдено] понахожено?
27—28 На печи сидючи, понадумано?
Вахлаками других поругано?
(бел. авт. РГАЛИ, л. 4)

28 Вохлаками других [*зач.* полаяно] побранено?
(бел. авт. с правкой ПД, л. 11 об.)

Вахлаками других поругано?
(РБ)

Подпись

Гр. Алексей Толстой
(бел. авт. РГАЛИ)

106. «ТЫ НЕ СПРАШИВАЙ, НЕ РАСПЫТЫВАЙ...»

1—2 Ты не спрашивай, не распытывай
Умом-разумом не раскидывай;
(список: РГБ, ф. 417, карт. 4, № 18, л. 1)

2 Умом разумом не раскидывай
(список: ГАРФ, ф. 828, оп. 1, № 1004, л. 1)

3—4 Как люблю тебя? Почему люблю?
И за что люблю? И надолго ли?

(списки: Альбом В. Ж., л. 46; РГБ; ГАРФ; Эротические стихотворения русских поэтов. СПб., 1860. С. 102)

Вместо 5—9

За улыбку ли я люблю тебя?
Иль за речь твою соловьиную?
Иль за думушки, думки тяжкие,
Думки тяжкие, безотрадные!
И не знаю я, и не ведаю:
Ты сестра ли мне? Молода ль жена?
Или детище ты мне малое,
Дитя малое, бесприютное?

(публикации по авт. (?): Бп-37. С. 679—680; СС-63/64. Т. 1. С. 708; НБП. С. 568; список ГАРФ)

6 Что сестра ль ты мне? Молода ль жена?

(Альбом В. Ж.; РГБ; Эротические стихотворения...)

10 Много [*зач.* звездочек] цветиков во чистом поле,

(РГБ)

10—11 Много цветиков во чистом поле!
Много звезд горит по поднебесью!
13 Распознать-то их силы нету-ти!

(ГАРФ)

12—15 А назвать то их нет умения,
Распознать то их нету силушки!

Полюбив тебя я не спрашивал
Не разгадывал, не распытывал?
(РГБ)

15 Не разгадывал, не распытывал!
(Альбом В. Ж.; Эротические стихотворения...)

Не распытывал ⟨?⟩, не разгадывал,
(список ГАРФ)

107. «ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ, МАРИЯ...»

2 Старинный барский дом
6 Давно заросший сад,
(список: Альбом В. Ж., л. 12; публикация по списку: Кондратьев. С. 96)

После строфы 2

Вельмож суровых много
И много важных дам
На нас смотрели строго
И чопорно из рам.
Служившие когда-то
Бояре при царях,
С осанкой бородатой
Иль в белых париках,
Именьем щедро розным
Даримые Двором
Иль павшие под грозным
Курляндским топором...
(Кондратьев; Альбом В. Ж., л. 12—12 об.)

10 Лазурный небосклон,
12 Села вечерний звон?

(Альбом В. Ж., л. 12 об.; Кондратьев. С. 97)

108. ⟨Б. М. МАРКЕВИЧУ⟩

Заглавие

К приятелю

(авт.: Тетр. [2], л. 16 об.)

К Б. М. Маркевичу

(С-67. С. 4)

Б. М. Маркевичу

(РВ. 1858. Май. Кн. 2. С. 354)

1 Ты прав. Мой своенравный гений
4 Дремала буря вдохновений;

(РВ)

6—8 Цепей житейских звон почуя,
Забыл обычную я лень,
И раздается, негодуя,
Мой голос вновь. Так в бурный день,

(публикация по списку: Кондратьев. С. 43)

7 Воспрянул я. И, негодуя,

(РВ)

11—12 И так поток, горами сжатый,
Гремит сердитей и звучней!

(Тетр. [2]; РВ)

И так ручей, горами сжатый
Гремит сердитей и звучней...
(Кондратьев)

Карандашные наброски

Так в черных тучах луч заката
Бросает более огней,

И рифмой грозною бичуя
Порок бессовестный клеймит

Ты прав: доселе вдохновенье
Слетало [*зач.* изредка *надп.* редко лишь] ко мне
[*зач.* И долго *надп.* Дремала] сила песнопенья,
Таясь в душевной глубине
Но
И хочет мой глагол свободный
Преграды новые прорвать

Так в тучах ярче луч заката
Свистящей рифмою бичуя
Звучнее так горами сжатый
Гремит бунтующий поток
Глаголом вольным изреку
Напрасно прозою холодной
[*зач.* Стесняет жизнь меня кругом]
Мой стих и свободней
Ее преграды разорвет
хочу я
Так
Прорвавши тучи, луч заката
Сугубит блеск своих огней

Далее зач. строфа

Так [*зач.* из под тучи *надп.* в черных тучах] луч заката

Сугубит блеск своих огней,
И так поток, горами сжатый,
[*зач.* Гремит и пенится звучней]
Гремит сердитей и звучней!

Повторяются 9—12 осн. текста с заменой поток *вместо* река

Но   не замолчу я

Зач. три ст.

На цепи жизни негодуя,
[*зач.* Так] Я буду петь. Так в бурный день
Прорезав тучи, луч заката

Цепей житейских звон почуя
[*зач.* Забуду я] Забыл обычную я лень
[зач. И мой раздастся, негодуя Теперь]
И раздается, негодуя,
Мой [*зач.* снова Свободный глас. *надп.* голос вновь] Так в бурный день
мучим

И по струнам ее могучим
Уже перстами пробегал

И по струнам уже могучим
[*зач.* Ударил я,] благословясь, ударил я

Зач. след. пять ст.

Почуяв песни
Заветной думой долго мучим,
И чуя песни благодать,
Я строя гусли, по могучим [*надп.* Я по струнам уже]
Струнам уж начал пробегать [*надп.* Перстами]

Мой стих певучий и свободный
Но [*зач.* жизнь волной своей] холодной
[*надп.* и жизнь]
Меня [*зач.* внезапно *надп.* волною]

Замолкну ль я и
Я схороню ль в своей груди?
впереди!
Ко мне сходило вдохновенье
[*зач.* Я *и 2 слова нрзб., надп.* Я
пробуждался] Вдохновенье
Сходило медленно ко мне
И [*зач.* зрела сила песнопенья *надп.* тихо
долго] И сила
В душевной зрела глубине
И [*зач.* Но] наставал уж миг великий
мой глагол
Ты прав мой своенравный гений
Слетал лишь изредка ко мне

(черн. авт.: Тетр. [1], л. 1 об.—3, 4, 7)

109. «ТЩЕТНО, ХУДОЖНИК, ТЫ МНИШЬ, ЧТО ТВОРЕНИЙ СВОИХ ТЫ СОЗДАТЕЛЬ!..»

После 1 Воздух, которым мы дышим, наполнен был
ими издавна;

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 26 об.; БдЧ. 1857. № 1. С. 9)

Воздух, которым мы дышим, исполнен был
ими издавна;
(бел. авт. с правкой: ПД, 2365Хс, л. 4)

2 В нем они вечно носились, незримые
нашему оку.
(Тетр. [2]; ПД, 2365; БдЧ)

3 Нет, то не Фидий воздвиг олимпийского
славного Зевса;
(БдЧ)

5 Этот ласкающий взор из под мрака бровей
громоносных?
(Тетр. [2], л. 26 об.; ПД, 2365)

Этот ласкающий взор из под мрака бровей
громоносных,
(БдЧ)

После 5 вместо 6—8

Мягкий извив бороды и спокойное уст
очертанье?
Гёте не собственной мыслью Фауста
великого создал,
Фауста, что в средневековой красе,
в человеческой правде,
Сходен с предвечным своим идеалом
от слова до слова.
(Тетр. [2]; ПД, 2365; БдЧ)

11 Плач неутешной души над погибшей великою
[*зач.* мыслью *впис.* думой,]
(Тетр. [2], л. 27)

13 Нет, эти звуки рыдали всегда
в беспрерывном пространстве,
(С-67. С. 30)

15—16 Много живет еще в воздухе форм
и невидимых линий,
Много чудесных в нем есть сочетаний
и света и звука,
(Тетр. [2]; ПД, 2365, л. 4 об.; БдЧ)

18 Кто уловил лишь рисунка изгиб, лишь
единое слово,
(ПД, 2365)

После 20 В темной души глубине бьет звонкий
родник вдохновенья!
(Тетр. [2], л. 27 об.; ПД, 2365)

24 Явственно вдруг выступают, глубокого
полные смысла,
(Тетр. [2], л. 27 об.; ПД, 2365, л. 5; БдЧ)

После 24 Так пред тобой, развиваясь в тумане
предстанут картины [*зач.* виденья]
(ПД, 2365)

Так пред тобой, развиваясь, в тумане
предстанут [*зач.* явленья виденья *надп.* картины]
(Тетр. [2], л. 27 об.)

Так пред тобой, развиваясь, в тумане
предстанут картины
26 Стройные слов сочетания в ясном сплетутся
значеньи...
(БдЧ)

27 Ты ж в этот миг и гляди, и внимай,
притаивши дыханье,
(ПД, 2365; БдЧ)

28 И, созидая потом, мимолетное помни виденье.
(БдЧ)

110. «УЖ ЛАСТОЧКИ, КРУЖАСЬ, НАД КРЫШЕЙ ЩЕБЕТАЛИ...»

2 Красуяся идет нарядная весна,
3 [*зач.* Красуясь *надп. кар.* Порою] входит
так в дом скорби и печали
4 [*допис. кар.* В цветах перед] Красавица
[*зач.* порой] надменна и пышна.
5 [*зач. чернилами* Как праздничный теперь
мне вид ее несносен, *надп. и зач.* мне теперь
весны вид как праздничный весны]
(авт. с правкой: ПД, ф. 301,
№ 5, л. 22 об.)

[*зач.* вид *надп.* лик]
(бел. авт. с правкой:
Тетр. [2], л. 41 об.).

Под текстом

Как мне теперь весны вид праздничный
несносен.
Порою входит так в д. скорби и печали
Красавица [*кар. надп.* 2] в цветах [*кар.*
надп. 1]
надменна и пышна.
(авт. с правкой)

Ниже кар.
О сколько лик весны мне праздничный несносен
(Тетр. [2], л. 41 об.).
5 Как праздничный мне лик весны теперь несносен!
(РВ. 1858. Май. Кн. 2. С. 355)

111. «УЖ ТЫ, МАТЬ-ТОСКА, ГОРЕ-ГОРЕВАНЬИЦЕ...»

1 Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице!
(список: Альбом В. Ж., л. 50 об.; РВ. 1856. Апрель. Кн. 1. С. 487)
2 Ты скажи, скажи, ты поведай нам;
(Альбом В. Ж.)
Ты скажи, скажи, ты поведай нам:
4 Как сживаешь люд Божий со свету?
(РВ)
6 и 7 поменяны местами
(Альбом В. Ж.; РВ)
10 Выезжаешь со гридни и с отроки?
(Альбом В. Ж.; РВ. С. 488)
16 Неразумны слова выговаривать!
19 Не с дружиною выезжаю я!
(оба ист.)
22 Подношу чару, в пояс кланяюсь;
(Альбом В. Ж.)

После 22 Потупляючи очи, краснеючи,
(РВ; ПСС-1907/1908. Т. 1. С. 371)

28 И тугой лук из рук выпадет!
(Альбом В. Ж., л. 51; РВ)

И тугой лук из рук выпадет!..
(РВ)

112. «УЖ ТЫ, НИВА МОЯ, НИВУШКА...»

После 6 Уж ты нива моя, нивушка,
(список: Альбом В. Ж., л. 49)

По тебе ли ветер разгуливал,
(Альбом В. Ж.; ОЗ. 1856. № 5. С. 58)

После 9 Уж вы думы мои, думушки.
(Альбом В. Ж.; ОЗ. С. 59)

10 Широко вы, думы, порассыпались...
(ОЗ)

13 Вырастало горе горючее!
(Альбом В. Ж.; ОЗ)

113. «УСНИ, ПЕЧАЛЬНЫЙ ДРУГ, УЖЕ С ГРЯДУЩЕЙ ТЬМОЙ...»

1 Усни, [*зач.* мое дитя] печальный друг, уже с грядущей тьмой
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 4 об.)

7—8 Издавна был он мне в печали друг и брат:
Усни, мое дитя, к нему я не ревную!
14 От взоров и речей враждебных ты устала:
16 Он тихою рукой опустит покрывало!

(РВ. 1858. Май. Кн. 2. С. 353)

Он благостной рукой опустит покрывало!

(Тетр. [2])

Варианты, наброски

Деятельность ума [*зач.* пытливую *надп.* видения] отнимут
Свободная душа почует свой полет
И руки Ангелов незримо [*зач.* поднимают *надп.* приподымут]
На сердце горестном [*зач.* всегда *надп.* весь день] лежащий гнет.
На сердце целый день тоски лежащий гнет.
Они деятельность у разума отымут
Пусть [*зач. и отменено зачеркивание* разум *надп. и зач.* память] у меня уста твои отымут
Пусть вольная душа [*надп.* она] почует свой полет
Незримая рука тихонько приподнимет
И на [*зач.* всю] ночь [*вст.* он] рукой незримой приподымет [*надп.* бремя]
На сердце горестном весь день лежавший гнет
И до утра рукой незримой приподымет
[*зач.* Душе твоей отдаст он скованный полет]

(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 29 об.)

Иди, о сон, иди желанный
Скорей, о сон, скорей! Прийди

спустися в час полночи
[*зач.* мой друг желанный]
Беседовать со мной, единственный мой друг!
[*зач.* Затмения мои]
Давно затмения мои [*зач.* просили *надп.* желают] очи
Забвения и тьмы тревожный просит дух
Скорей, о сон, скорей! в час полночи глубокой
Когда пытливость он у разума отымет
Пытливость горькую у разума [*надп.* мысли он] отымет,
Он скованной душе отдаст ее полет
И [*зач.* благостной *надп.* тихою] рукой [*зач.* от сердца *надп. и зач.* тихонько *далее надп.* до утра] приподымет
На сердце горестном всегда лежащий гнет.
Усни, [*зач.* о друг, усни *надп.* мое дитя] жизнь иную
Слети к ней тихий [*вст.* сон *зач.* ему *надп.* тебе ⟨*1 нрзб.*⟩ рад]
я не ревную
[*зач.* Издавна] будь нам он мне и друг и брат
До нового утра тихонько приподымет
На сердце горестном

(*л. 30*)

Усни, [*зач.* мой бедный *надп.* печальный] друг, уж [*вст.* по] дороге пыльной
Вернулися домой блеящие стада
Сливается со тьмой
Усни и перейди тихонько в жизнь иную

К лобзаниям его тебя я не ревную
устала
не бывало
Меж [*зач.* миром *надп.* ними] и тобой
опустит покрывало
От мира тебя уединит
обнимет
обовьет
И с сердца грустного тихонько приподымет
Издавна он в тоске мне верный друг и брат

(л. 31 об.)

Забудь тревогу дня

Два след. ст. помечены слева скобкой и 2
Усни [*зач.* печальный *надп. и зач.* усталый]
друг, уж пыльною дорогой
Блеящие стада вернулися домой

Два след. ст. помечены слева скобкой и 1
За сумраком холмов, бледнея по немногу
Последний алый свет сливается со тьмой

[*зач.* Усни, пусть *надп.* Пусть тихий] ангел
сна [*зач.* от тебя *надп.* отсюда] в жизнь
иную
[*зач.* страну] иную
Тебя перенесет, прекрасен и крылат,
Усни, мое дитя, к нему я не ревную
Издавна [*зач.* был он *надп.* он в тоске] мне
[*зач.* в несчастьи *надп.* верный] друг и
брат
Пытливость горькую у мысли он отымет
И с сердца грустного тихонько приподымет
В дневную суету на нем лежащий гнёт.
От сердца грустного на нем лежавший гнёт

В тревожный длинный день на нем
лежавший гнёт
Он в горе уж давно мне верный друг и брат

(л. 32)

И улеглася пыль на [*зач.* темную дорогу
надп. опустевшем] поле

(л. 33 об.)

[*зач.* Весь день *надп.* Томимая] весь день
сердечною
[*зач.* Давно утомлена бесплодною] борьбой
От [*зач.* толков *надп.* клеветы *далее зач.*
людских *надп.* людей] ты, бедная, устала,

Усни, мое дитя, меж ними и тобой
Он благостной рукой опустит покрывало
Пытливую тоску у мысли он отымет
И с сердца твоего тоски тяжелый гнет
До нового утра тихонько приподымет

(л. 34 об.)

[*зач.* Целительный елей] на раны он прольет
Пытливую тоску у разума отымет
И с горестной души на ней лежавший гнёт
На раны [*вст.* сердца] он [*зач.* твои] забвение
прольет

прольет раскаяния

И с горестной души воспоминаний гнет
[*зач.* бережно]
На раны сердца он забвение прольет,
Пытливую тоску у разума отымет,
И с горестной души раскаяния гнет
До нового утра тихонько приподымет.

(л. 35)

Всегда, везде встречать
Встречать в теченьи дня, с душевною борьбой
Враждебный взор людей ты, бедная, устала,
Встречать всегда, везде, с душевною борьбой
Враждебный взор людей ты, бедная, устала,
Усни, мое дитя, меж ними и тобой
До утренней зари он спустит покрывало

Усни [*зач.* печальный друг *надп.* мое дитя,]
уже с [*зач.* вечерней *надп.* ночною *надп.* над
озером со тьмой] тьмой
[*зач.* Последний *надп.* Вечерний] алый свет
сливается все боле

Блеящие стада

Да снидет ангел сна, прекрасен и кр
И да перенесет тебя он в жизнь иную
Издавна был он мне в печали друг и брат
[*зач.* Пытливость и тоску]
[*зач.* Ме] Встречать повсюду взор
враждебный ты устала

Враждебные слова ты бедн
(л. 35 об.)

Усни, печальный друг, [*зач.* вечерний свет
надп. и зач. уж сумерек *надп. и зач.* и алый
свет со тьмой] со тьмой
[*зач.* За *надп.* Над] очерком [*зач.* лесов
надп. земли] сливается все боле
(л. 36)

114. «ХОРОШО, БРАТЦЫ, ТОМУ НА СВЕТЕ ЖИТЬ...»

4 А и сидит уже оно крепко на крепко,
(авториз. список: РГБ, ф. 139, карт. 10, № 6, л. 2 об.)

А и сидит уж оно крепко-накрепко,
(РБ. 1858. Кн. 11. С. 5)

5 Словно гвоздь, обухом вколоченный!
10 Давит встречного, поперечного.
(РГБ; РБ)

14—15 И те очи у него разбегаются;
И кажись, хорошо, а лучше есть,
(РБ)

19—20 И он станет да призадумается,
Что направо ль идти, налево ли?
После 20 А не так пошел, воротится,
(РГБ, л. 3; РБ)

21 Начинает идти сызнова,
24—25 Залюбуется на божьи цветики
И заслушается вольных пташечек;
(РБ)

27—28 «Ишь идет, мол, озирается!
Ишь стоит, мол, призадумался!
30 На все боки бы поворачивать!
После 30 Ни к чему, мол, не пригоден он,
32 *Отсутствует*
(РГБ; РБ)

115. «ЧТО ЗА ГРУСТНАЯ ОБИТЕЛЬ...»

Заглавие

Станция
(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 9; бел. авт. с правкой: РГАЛИ, ф. 506, оп. 1, № 5, л. 1; РБ. 1857. Кн. 7. С. 146)

2 И какой знакомый вид? —
(РБ)

4 Сонно маятник стучит;
(бел. авт.)

6 Будит мыслей длинный ряд,
8 Затверженные звучат...
(бел. авт.; РБ)

9 [*зач. кар.* А в подсвечнике *надп.* Над бутылкою] пылает
[*под ст. 12 впис.* А в бутылке догорает]
(Тетр. [2], л. 9)

14 Все твердит о старине.
(бел. авт.; РБ. С. 147)

15 Грустно так; не знаю право,
(бел. авт.)

Грустно так: не знаю право,
(РБ)

16 Наяву ль я иль во сне?
(бел. авт.)

18 Сел в кибитку и скачу;
(РБ)

19 Вот проснулся — вижу снова
(бел. авт.; РБ)

20 Ту же [*зач. кар.* самую *надп.* сальную] свечу,
(Тетр. [2], л. 9 об.)

22 И кругом знакомый вид —
(РБ)

Наброски

Стукнет вправо, стукнет влево,
Все твердит, твердит одно,
Вижу деву
[*зач.* В] И узорное окно,

Вижу улицу

всякий вздор
Степи, [*зач.* реки и *надп.* улицы] сады [*надп.* туманы]
[*зач.* Дети, лошади *надп.* Однодворцы], тараканы
Генералы и жиды

Внизу наискось на правое поле

[*зач.* Чтобы *надп.* Хоть бы] мне скорей проснуться
Иль скорее бы заснуть
(черн. авт.: Зап. кн. [3], л. 13 об.)

Скоро [*зач.* птицы *надп.* галки] встрепенутся,
[*зач.* Забелеет пыльный *надп.* Засверкает снежный] путь —
Кабы мне совсем проснуться
Иль [*вст.* скорей] сов⟨с⟩ем [*зач.* бы мне] заснуть!

В первой строфе, соответствующей осн. тексту, ст. 4

Скучно [*надп.* Сонно] маятник стучит

Далее
Жарко, душно, будто в бане
[*зач.* Стукнет влево, стукнет вправо]
Все твердит [*зач.* мне об одном *подп.*
О чем-то мне]
Я на кожаном диване
[*зач.* Я забылся *надп.* Забываюсь] в полусне
(л. 14)

Пес в деревне вдруг залает,
Иль петух вспорхнет крича
А в подсвечнике пылает
Догоревшая свеча
И в шандале запылала
Догоревшая свеча

описание щенка

Дней минувших впечатленья,
Дней грядущих темнота,
Ожиданья, сожаленья
И мяуканье кота.
[*зач.* Шумной *надп.* и *зач.* Слышу *надп.*
Скучной] мельницы болтанье
[*зач.* Стук унылый *надп.* Дружный *надп.* и
зач. тяжелый *надп.* говор] топоров

И луна, ⟨и⟩ дев лобзанья,
И жужжанье комаров
[*зач.* Над ушами] комаров

Летний день вечером

А меж тем уж нагорела

Сальная свеча
(л. 14 об.)

То собака вдруг залает,
То петух вспорхнет крича
То в шандале запылает
Догоревшая свеча,
Как-то лень совсем проснуться
Как-то совестно заснуть
Вот и лошади готовы,
Сел в кибитку и скачу
[*зач.* Вот проснулся, вижу снова]
Ту же самую свечу
[*зач.* Та же комната диване]
[Т[а] *по* а *напис.* у] же грустная обитель
Тех же
За стеной храпит смотритель
[*зач.* Грустно *надп.* Сонно *надп. и зач.* Скучно] маятник стучит
(л. 15)

116. «ЧТО НИ ДЕНЬ, КАК ПОЛОМЯ СО ВЛАГОЙ...»

8 Золотой узор на черной ткани.

(бел. авт.: РГБ, ф. 178, карт. 6, № 35, л. 2; бел. авт.: РНБ, Альбом Б. А. Фитингоф-Шеля, ф. 817, оп. 1, № 1, л. 101 об.; РБ. 1858. Кн. 9. С. 90)

117. «ЧТО ТЫ ГОЛОВУ СКЛОНИЛА?..»

2—3 Ты полна ли тихой ленью?
Иль грустишь о том, что было?

(РВ. 1857. Январь. Кн. 1. С. 204)

11—12 [*зач.* Темно будущее, Лора,
А былое невозвратно!
и дopuc., как в осн. тексте, но с изменением порядка: 12—11]

(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 6 об.)

Темно будущее, Лора,
А былое невозвратно!

(РВ)

13 [*зач.* День п] Час полуденный, палящий
16 Этот час [*зач. кар.* лишь, Лора, *надп.* один лишь] твой!

(Тетр.[2], л. 6 об.)

Этот час лишь, Лора, твой.

(РВ)

19 [*зач.* Темно будущее, Лора, *дopuc.* Что прийдет узнаешь скоро,]
20 [*зач.* А былое *прип.* Что прошло *надп.* то] невозвратно!

(Тетр. [2], л. 7)

19—20 Темно будущее, Лора,
А былое невозвратно.

(РВ)

118. «ШУМИТ НА ДВОРЕ НЕПОГОДА...»

3 К окошку, вздохнув, подхожу я —
6 И звездочки нет ни одной;

(ОЗ. 1856. № 5. С. 55)

9 Дождь бьет по отвесистой крыше,

(публикация по списку: Кондратьев. С. 97)

9 Дождь бьет [*зач.* по отвесистой *надп.* барабаня,] по крыше,

(список с авторской правкой: Альбом В. Ж., л. 14 об.)

10 Хрустальные люстры дрожат;
13 Они себе чуют раздолье;

(ОЗ)

15—16 Картины и редкие ткани
Наследник скорей увезет,

(Кондратьев)

Наследник уедет в столицу,
Забудет свой доблестный род,

(Альбом В. Ж., л. 15)

16 Где жил его доблестный род —

(ОЗ)

18 [*зач.* Аллеи] Ступени заглохнут травой...

(Альбом В. Ж.)

Ступени заглохнут травой...

(ОЗ)

И сад заглушится травой...

(Кондратьев. С. 98)

19 И вот почему мне так грустно

(все три ист.)

После строфы 4

А жадная дворня растащит
Скорей остальное добро,
Растащит старинные бронзы
И с древним гербом серебро.
(Кондратьев)

20 Среди непогоды ночной!..
(ОЗ)

119. «Я ВАС УЗНАЛ, СВЯТЫЕ УБЕЖДЕНЬЯ...»

2 Вы спутники моих минувших дней!
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 455)

3 [*зач.* Когда *надп.* Тогда *перед ст. кар. впис.* Тогда] за беглой не [*зач. часть сл.* гоня[ся] *надп.* ясь] тенью,
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 59)

Тогда за беглой не гоняясь тенью,
(РВ)

9 Пришла пора, и вы воскресли снова,
12 Я выхожу на старую дорогу!
(Тетр. [2]; РВ)

15 Неровный круг комета совершила
(РВ)

15—18 Неровный круг [*зач.* планета *надп.* комета] совершила
И к солнцу [*зач.* ближе *надп.* снова] катится назад.

[*зач.* Бегут ручьи *надп.* Зима прошла],
весной душистой веет,
Луга цветут, деревья зеленеют!
(Тетр. [2])

17—18 Зима прошла, весной душистой веет,
Луга цветут, деревья зеленеют!
(РВ)

120. «Я ЗАДРЕМАЛ, ГЛАВУ ПОНУРЯ...»

2 И прежних сил не узнаю!
(список: ГЛМ, ф. 275, ОФ 7834/14, л. 3)

4 На душу сонную мою.

7—8 Сожги всю ржавчину покоя
И прах бездействия смети.

9 Да вспряну я, Тобой подъятый,
(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 457)

121. ПОСАДНИК

СЦЕНА «ДОМ ПОСАДНИКА»

Да не ему — его Наталке город
(Складчина. СПб., 1874. С. 496)

Неправда то, что им Наталка водит, —
(С. 498)

122. ПОРТРЕТ

Подзаголовок

Отсутствует

13 Тому теперь, но вычислять года
18 Так повернулось старое вверх дном.
(ВЕ. 1874. № 1. С. 50)

52 Вменялось в долг навытяжку торчать
64 На форму стен и лепку потолков.
74 От малых лет несносна и противна.
(С. 52)

81—96 *Отсутствуют*
98 Старинный дом являл моим глазам:
102 Со скрипкою по залу, и мне сам
118 Мне поставлял условьем красоты,
(С. 53)

132 Так очертанье Вакха создалось,
134 Вот создан как Праксителем Эрос,
138 Что вряд ли мог я этим быть доволен;
(С. 54)

152 Тип красоты мечта моя искала.
165—166 Мой юный ум дразнила как загадка:
Казалось мне, лукавые уста,
175 И выражал поочередно взор
(С. 55)

177 Мне жизнь ее неведома поныне:
(С. 56)

192 Уж кто влюблен, тот мудрость лучше кинь.
195 Он говорил, что я ничуть не болен,
202 Но этот раз забыл его ученье,
215 В чем состоят спряжения красóты;
(С. 57)

218 Да извинит мне С............ это!
229—230 Вергилия долбить или Гомера;
Избави Бог! Не та теперь пора;

(С. 57)

236 Лишь строгой мы гимнастикой мышленья,
241 Все дело в мере. Впрочем, от предмета
248 Ее смотреть из рамы будут очи?
252 Я, перестав учиться по-латыне,
258 Умывши руки, пыль с воротника

(С. 58)

269 Ручной орган на улице звучал;

(С. 59)

277 То юности платил, должно быть, дань я.
323 Когда для них мучителен и сладок
334 Душистый цвет, плодом незаменяем!

(С. 61)

352 Давно тебя постигла я душой!

(С. 62)

376 Нежданно мне задачу разрешила.

(С. 63)

401 Остаток дня провел я благонравно,
408 Не возбудить чье-либо подозренье
418 Закрыл глаза, а он себе ходил

(С. 64)

442 Я вдруг заснул постыдно и глубоко.
452 Но, к счастью, спал мой крепко педагог,
454 Что не пришел назначенный мне срок:

(С. 65)

460 Бесшумно вышел я из нашей спальной;
466 Но не в привычной тишине ночной
474 Единый миг — судьба моя решится —

477 Читатель-друг — ты верь или не верь —
480 Каким войдешь с невинной простотой.
(С. 66)

489 И повернул дрожащею рукой
(С. 67)

516 Смешалася. Нет в мире языка
535 Иль мальчик я? О Боже! Иль ужели
(С. 68)

578 Все на нее теперь я устремил —
(С. 70)

595—596 С террасы так, дышать цветами мая,
Красавица в шестнадцать сходит лет;
605 Но чужд был мне развязанности дар,
614 И я вперед нагнулся как дуга.
(С. 71)

632 И контрабаса звуки и фагота.
644 И не кори за ветреность меня!
652 Но сделалось мне несказанно больно:
(С. 72)

665 Я задрожал — она же, с лаской нежной,
(С. 73)

683 И я взглянул украдкой на портрет:
(С. 74)

123. ДРАКОН

Во избежание смешения в ссылках, двух одноименных источников текста — списков с авторской правкой, находящихся в ПД, — варианты и правка каждого из них подаются двумя группами по каждому источнику отдельно.

45 [*зач.* Но, раненый, он близ Лугано пал
надп. Но близ Лугано, раненый, он пал.]

59—60 Проведать шел, где [*зач.* отдохнут враги,
надп. и зач. ставят стан *надп.* отдохнут враги,]
И много ли из наших уцелело?

72 [*зач.* Он вызвался отправиться *надп.* Идти к друзьям он вызвался] со мною.

(список с авторской правкой: ПД, ф. 293, оп. 3, № 126, л. 3)

214 И видеть нам с [*зач.* утеса *надп.* уступа] было можно,

225 Бежим пока [*зач.* не обратились в прах!
надп. мы не в его когтях!]

(л. 5 об.)

239 Как если бы [*зач.* ты в черепашный щит
надп. о кожаный ты] щит

(л. 6)

488 На Колико мы шли, на [*зач.* Ленвончино
надп. Леньончино,]

(л. 11)

509—510 Лишь [*зач.* чрез раздоры наши *надп.*
от раздоров наших] рождены

[*зач.* И чрез измену *надп. и зач.* раздоров
надп. И от измены] круговой поруке!
518 Где через [*зач.* Олво *надп.* Ольо] вброд
есть переправа,
На месте подписи вырезана часть листа
(л. 11 об.)

1—2 В те дни, когда стоит созвездье Пса
На высшей точке своего зенита,
(список с авторской правкой:
ПД, разряд I, оп. 22, № 357,
л. 1)

41 С другими я на гибеллинов встал
45 Но, раненый, он близ Лугано пал —
(л. 1 об.)

54—57 И перстень [*зач.* мне вручил он умирая
надп. свой мне в руки, умирая,]
[*зач.* Не много мог я времени терять *надп.*
Он передал, чтоб время не теряя,]
[*зач.* И чтоб свершить мне заданное дело,
надп. Свершая мне завещанное дело,]
Призвал я в помощь Божью благодать;
59 Спешил проведать, где теперь враги,
61—62 Шум сечи смолк; и жадные карги
Над трупами уже вилися с криком —
64 То Гвидо был. Ко мне с веселым ликом
(л. 2)

70—73 Когда ж узнал из уст моих, какое
В Кьявенну порученье мне дано,
Он вызвался отправиться со мною.
Я ж, преданность ценя его давно,

88 [*зач.* Тут только снял шелом мой с головы
я *надп.* Лишь тут снял шлем с усталой
головы я]

(л. 2 об.)

96 Собьемся мы в сей каменной пустыне!»
114 На горних льдах явила отраженье,

(л. 3)

126 Долину скрыл и все ее отроги.
139 А он в ответ: Известен мне сей край,

(л. 3 об.)

145—146 Так он ко мне. Я ж устремил мой взор
Перед собой и напрягал вниманье,

(л. 4)

192 [*зач.* И *напис.* Иль] помесью от ящера и
жабы.
194—195 К чему мог быть сей памятник воздвигнут?
Как вдруг от страшной мысли задрожал:
201 Прислан терзать, он с нас начнет теперь!
211 [*зач.* Два лопуха *надп.* Две полосы!]
И громко продолжал

(л. 5)

214 И видеть нам с утеса было можно,
225 Бежим, пока не обратились в прах!

(л. 5 об.)

238 Так резко брякнул камень и так сухо,

(л. 6; ВЕ. 1875. № 10. С. 591)

239 Как если б ты о черепашный щит
261 Съезжает воз, каменьем нагружен.

(список ПД, № 357, л. 6)

270 И шло под ним утесов сотрясенье.
(л. 6 об.)

289—290 Как жаба муху. Дрыгающих ног
На миг лишь в пасти видели движенье —
296—297 Он виделся с своею гривой странной,
Влекущийся [*зач.* внизу, то здесь, то там, *надп.* по камням и кустам,]
(л. 7)

338 И [*зач.* в поле *надп.* к полю] полз, кровь издали почуя.
353 При виде том, как скорчившийся змей,
(л. 8)

367 Когда ж, рукою Гвидо разбужен,
(л. 8 об.)

394 Облизывая зев окровавленный,
(л. 9)

438 (Уже вторые сутки мы не ели!)
(л. 10)

509—510 Лишь чрез раздоры наши рождены
И чрез измену круговой поруке!
(л. 11 об.)

После 579 вставлен номер строфы

194

Подпись

Авт.
Гр. Ал. Толстой
(л. 13)

124. АЛЕША ПОПОВИЧ

14 Песней в лодку заманил?
18 «Не похитчик я тебе!
22 В лодку, девица, мою:
24 Я слыву в моем краю!
28 Песней лавливал моей!
30 Без нужды я не морю;
34 В лодке тесно нам вдвоем,
44—46 Легкокрылой стрекозы.
И круша душистый аир,
Он скользит очеретом,
52 В страхе снова говорит:

(Гражданин. 1872. 10 января. № 2. С. 46)

После 58 «Отпущу, когда мне сдашься,
Раскрасавиц-душа!»
И царевна, негодуя,
Говорит ему в ответ:
«У тебя, Попович, вижу,
Ничего святого нет!
Все поповичи беспутны
И не верят ни во что!
Сердце их подобно камню,
Совесть их что решето!»
Но, смеясь, Попович молвит:
«Я, ей-Богу, не из тех!
Как тебе меня, царевна,
С ними смешивать не грех!
Те поповичи все дики,
Гуслей звон для них беда!
Лишь в присутствии владыки
Козлогласят без стыда!

На мечах они не бьются,
Но примают всякий срам
И обидным не считают
Бить друг друга по щекам!
Сами ведая не много,
Любят мудрости учить;
Мудрость их: не верить в Бога
И лягушек потрошить!
Я ж — боец и песнопевец!
Я лягушек не ловлю!
Я лишь именем Попович,
Я и верю и люблю!»

(публикация по авт. из утраченного письма к Б. М. Маркевичу: Lirondelle. P. 633—634)

59 Повторяет: сдайся прежде,

(бел. авт. строфы в письме Б. М. Маркевичу от 3 октября 1871 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 180)

63—64 Доброй волей иль неволей
Будешь ты меня любить.

(Гражданин. С. 47)

64 Будешь ты меня любить!

(Lirondelle. P. 634)

69 Звуки льются, звуки тают...
73 То ль в тени журчат дубравной
75—76 То ковшей ли звон заздравный?
То мечи ль бьют о мечи?
81 Или то воспоминанье?
107 Словно все преграды пали,

112 Слезы капают из глаз.
114 Для нее то все равно,
(Гражданин)

125. БОРИВОЙ

Заглавие

Буривой
7 Подымайте стяг за веру!
(список: РГАЛИ, ф. 453, оп. 1, № 1734, л. 1)

Подымайте стяг за веру —
(Бес. 1871. Кн. 1. С. 5)

9 Генрих Лев на бой великий
(РГАЛИ, л. 1 об.)

15—16 Прежде чем их кровь остынет, —
Будут в Царствии небесном.
(Бес. С. 6)

18 Первый встал епископ Эрих;
(РГАЛИ)

Первый встал епископ Эрик;
23 Вместе с Свеном ополчился
(Бес.)

29—32 *Отсутствуют*
(РГАЛИ, л. 2)

35 И окинув всех их взглядом,
(Бес.)

36 Говорит епископ Эрих:
(РГАЛИ)

38 Преподобного Егорья.
(Бес. С. 7)

40 Всё славянское поморье».
44 Нам не встретить Буривоя!»
(РГАЛИ)
Нам не встретить Боривоя.
46 Молвит Кнут: «Нам нет препоны:
(Бес.)
47—48 Буривой теперь далёко,
Бьется с немцем у Арконы».
50 С ними грозная дружина —
(РГАЛИ, л. 2 об.)
52 К башням города Юлина.
(РГАЛИ; Бес.)
55—56 «Мне сдалось — над той скалою
Словно лес зашевелился».
57—60 *Отсутствуют*
(РГАЛИ)
58 Нет, не лес то шевелится, —
60 О косицу бьет косица.
(Бес.)
63 «Что мне чудится за диво?
(РГАЛИ)
Что мне слышится за диво:
(Бес. С. 8)
68 Буривоевых волынок.»
(РГАЛИ, л. 3)
Боривоевых волынок».
(Бес.)
72 Волнорезы Буривоя.
(РГАЛИ)
76 Из божницы Святовита,
(Бес.)

81 И начальным правя дубом,
83 Буривой кивает чубом:
(РГАЛИ)

88 Под стенами уж не веют.
(РГАЛИ, л. 3 об.; Бес. С. 9)

92 Вас по бритым по гуменцам».
94 Он ударил им навстречу.
(РГАЛИ)

99 Борт о борт сцепясь баграми,
(Бес. С. 9)

100 С криком режутся дружины.
(РГАЛИ)

102—103 Треск и вопль в бою сомкнутом;
До заката битва длится:
108 С шлема Свена уж упали.
112—113 С опрокинутого струга.
А епископ Эрих, в схватке,
(л. 4)

112 С опрокинутого струга;
(Бес.)

117 Говорит: «Не пожалею
(РГАЛИ, л. 4 об.; Бес. С. 10)

118 На икону ничего я:
120 Мне б уйти от Буривоя!»
123—126 Говорят: «Спаси нас, Боже,
Защити от Буривоя!»
«Утекай клобучье племя! —
Буривой кричит вдогоню. —
132 Обрекаю Чернобогу.

Остальные части, входящие в осн. текст, в данном списке отсутствуют
(РГАЛИ)

142 На Юлин к потехе ратной,
146—149 От Осны до Дубовика,
Вдоль поморья носят ветры
Весть о битве той великой;
Шумом полн Юлин веселым,
(Бес. С. 11)

160 Сохрани от Боривоя!
(С. 12)

126. ГАКОН СЛЕПОЙ

1 Жива в моих дланях старинная мочь,
(бел. авт. в письме к К. К. Павловой: ПД, разряд I, оп. 22, № 365, л. 1)

4 Кто хочет из вас мне рубиться помочь?
8 В смятение сечи!
(ПД; ВЕ. 1871. № 3. С. 8)

10 И полон кипучего гнева,
(ПД)

И полный кипучего гнева,
22 Вишь вражья его как обсыпала рать!
(ВЕ)

23 Давай выручать
(ПД)

28—29 Топор свой подъявши. — Да стой же ты, стой!
Никак, ошалел он, ей-богу!
(ВЕ. С. 9)

35 Молотит по русским броням и щитам,
41—43 Дружина вздохнула, врагов разогнав:
Побито, порублено вволю;
Лежит перемешан кто прав и неправ,
(ПД, л. 1 об.)

45 На злую товарищей долю;
48 По бранному полю.

Под текстом

Anno 1026
(ПД; ВЕ)

127. «ГОСУДАРЬ ТЫ НАШ БАТЮШКА...»

Заглавие

Кашица
(список: РГИА, ф. 931, оп. 3, № 720, л. 68)

2 Государь Петр Алексеевич!
(бел. авт.: ПД, № 201 I м, л. 1)

5 Кашицу, сударыня, кашицу.
(список: РГБ, ф. 298/IV, карт. 2, № 50, л. 1)

8 А где ты изволил круп достать?
10 За морем, сударыня, за морем.
(РГБ; День. 1861. 11 ноября. № 5. С. 3)

14—15 Тухлая, матушка, тухлая,
Тухлая, сударыня, тухлая!
17 Государь Петр Алексеевич —
(ПД; РГБ)

18 Чем же ты изволишь мешать ее?

(ПД; РГБ; День)

20 Палкою, сударыня, палкою —

(РГБ)

23 Ведь каша-то выйдет крутенька?

(РГБ; День)

Ведь каша-то выйдет крутенька!

(День)

А ведь каша-то выйдет крутенька!

(бел. авт. ПД, № 28630/ CCIV6122, л. 3)

Вить кашица-то выйдет крутенька!

(бел. авт. ПД, № 201, л. 1 об.)

25 Крутенька, сударыня, крутенька.
26 Государь ты наш батюшка —
28 А ведь каша-то выйдет солона? —

(РГБ, л. 1 об.)

Ведь кашица-то выйдет солона?

(бел. авт. ПД, № 201)

Ведь каша-то выйдет солона?

(День)

30 Солона, сударыня, солона —

(РГБ, л. 1 об.)

33 А кто ж ее будет расхлебывать?

(бел. авт. ПД, № 201)

Помета под текстом и подпись

London, 9 october 1865
Гр. Ал. Толстой

(бел. авт. ПД, № 28630/ CCIV6122)

128. ЗМЕЙ ТУГАРИН

Над текстом слева вверху кар.

Гр. А. К. Толстой

Над заглавием

I

(бел. авт. с правкой: ПД, ф. 293, оп. 3, № 125, л. 1)

Заглавие

Былина

(бел. авт. ПД; ВЕ. 1868. № 2. С. 425)

3 Пирует Владимир — с ним молод и стар —

(ВЕ)

4 И слышен далеко звон кованых чар,

(ПД)

5 Ой ладо, ой ладушко-ладо!

(ВЕ) то же в ст. 10, 20, 30, 85, 95, 100, 110, 125, 135, 140

6 И молвит Владимир: «Что ж нету певцов!
9 Певец выступает на княжеский зов,

(ПД)

11 Глаза — словно щели, растянутый рот,

(ВЕ)

18 Ты, княже, [*зач.* силен] могуч и казною богат,

(ПД)

27—28 В очах загорелась досада —
Но вдруг засмеялся — и хохот кругом

(ВЕ. С. 426)

29 В рядах прокатился, как по небу гром,

34 [*зач.* Удалый *надп.* И смелый] Попович, и дюжий Илья,
(ПД, л. 1 об.)

И смелый Попович, и дюжий Илья,
(ВЕ)

35 И старый Никитич Добрыня.
(оба ист.)

36 Певец продолжает: «Смешна моя весть.
38 Кто мог бы из вас оскорбление снесть?
(ВЕ)

39 Бесценное русским сокровище — честь,
51 Певец продолжает: «И время придет,
54 И землю единый из вас соберет —
(С. 427)

55 Но сам же над ней станет ханом!
(ПД, л. 2)

61 «Стой! — молвит Попович. — Хоть добрый твой рост,
68—69 На честь вы поруху научитесь класть;
И вот, наглотавшись татарщины всласть —
(ПД; ВЕ. С. 428)

72 И предкам на стыд и на сором,
(ВЕ)

73 впис. между 72 и 74
(ПД, л. 2 об.)

74 Вы скажете: «Станем к варягам спиной —
86 И начал Добрыня натягивать лук —
(ВЕ)

88—89 Струны богатырской услышавши звук,
Во змея певец перекинулся вдруг —
(ПД; ВЕ)

93 [*зач.* Как] Чего он в скаредной песне не нес,
(ПД)

98 За ним улюлюкает русский народ:
(ПД, л. 3)

99 — Чай, песни теперь уже нам не споет!
(ВЕ)

106 Нет, шутишь! Живет наша русская Русь!
(ПД; ВЕ. С. 429)

108 Солгал он, солгал он, бессовестный гусь,
(ПД)

114 Неволя заставит пройти через грязь —
(ВЕ)

115 Купаться в ней свиньи лишь могут!
(оба ист.)

119 За русский обычай до дна ее пью —
(ВЕ)

121 За вольный, за честный славянский народ!
(ПД, л. 3 об.)

122 За колокол пью Новаграда!
(ВЕ)

123 И если он [*зач.* даже и в прах упадет *надп.* с вежи своей] упадет,
(ПД)

126 Я пью за варягов, за предков лихих,
(оба ист.)

128 Кем славен наш Киев, кем грек приутих, —
(ВЕ)

131 И выпил Владимир — и разом кругом
134 Народ отвечает: «За князя мы пьем!
(ВЕ. С. 430)

139 Мы верим, что Русь их всецела пройдет —
(ПД, л. 3 об.; ВЕ)

141 Пирует Владимир [*зач.* с веселым *надп.* со светлым] лицом,
143 Он верит: всецело мы беды пройдем,
(ПД)

Он верит: всецело мы беды пройдем!
(ВЕ)

144 [*зач.* И радостно слышит над светлым Днепром *надп.* И весело слышать ему над Днепром:]
(ПД)

148—149 Пирует весь Киев — и молод и стар —
И слышен далёко звон кованых чар!
На месте подписи часть листа вырезана
(ВЕ)

Наброски

Смеется Владимир: Вот вздумал каким
Грозить [*зач.* небывалым *надп.* нам собора] позором!
Чтоб русский
Нет шутишь! Не станем спиною к своим
(черн. авт.: Зап. кн. [1], л. 51 об.)

Два ст. зач. вертикальными чертами

А если б и [*зач.* вправду такая *надп.* не дай Бог и вправду] стряслась
Такая невзгода над нами
А если б [*зач.* такая *надп.* над Русью *подп.* какая] беда и стряслась,
Потомки ее перемогут.

[*зач.* Ну беда] Неволя, прибавил наш солнышко-князь,
Иного заставит пройти через грязь,
Купаться в ней свиньи лишь могут!

(л. 52)

Пророчества гадины я не боюсь
Т гусь
Мы ж выпьем за честную русскую Русь
Ой ладо, ой ладушки ладо!

(л. 52 об.)

[*зач.* Так выпьем за *надп.* Живет наша] честная русская Русь!
Нам Руси татарской не надо!
И что б [*зач.* нам] ни пророчил тот м гусь
[*зач.* Пророчества гадины *надп.* В грядущем за родину] я не боюсь
Ой ладо, ой ладушки ладо!

(л. 53)

129. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Заглавие

Илья богатырь

(бел. авт. в письме Толстого к К. К. Павловой от 11 июля 1871 г.: ПД, разряд I, оп. 22, № 358, л. 1)

4 Дедушка Илья.
12 Как ты проживешь?
13 Двор мне, княже, твой не диво!

(РВ. 1871. № 9. С. 218)

14 Не пиров держусь!
(оба ист.)
21—24 Без меня других довольно!
Сядут — полон стол!
Только лакомы уж больно:
Любят женский пол!
(РВ)
24 Любят женский пол!
(ПД, л. 1 об.)
26 Значит, молодежь;
(ПД; РВ. С. 219)
34 Не гожусь двора;
(ПД)
Не гожусь двора!
(РВ)
36 Без того пора!
(оба ист.)
41 Душно в Киеве, что в скрине,
(РВ)
42 Только киснет кровь!
(оба ист.)

130. КАНУТ

Подзаголовок

Легенда
8 Приехать на съезд их семейный;
10 Под многим привесила страхом,
12 Велит двум искусным монахам.
(ВЕ. 1873. № 3. С. 249)

17 Стал кровью багрец твой в его терему —
28 Княгинина ради виденья!
29—30 И берегом он выезжает морским,
Не вздел он чешуйчатой брони;
46 Мягка нам весною дорога,
49 К болоту тропа, загибаясь, ведет,
(С. 250)

54 Равняет коня с господином:
57—58 Смеется Канут: пусть моей головы
Не видно вам — я без изъяна!
62 Весь полный весеннего крика;
64 Звездится в траве земляника;
66 Все дикие яблони в цвете;
72 Кипит в нем так молодо сила;
(С. 252)

78 Колеблясь в пустынном просторе,
82 Коварной исполнены злости;
(С. 253)

102 Украдкой глядит на Канута;
108 Певец продолжает былину;
(С. 254)

120 Лишь море, лишь синее море!
125 Он смотрит на мошек толкущийся рой
(С. 255)

133 Его не спасти! Ему смерть суждена!
137—138 Певец замолчал! Что свершится, о том
Ясней намекнуть он не смеет,
140 Шиповник пахучий алеет;
142 Он едет к беде неминучей,
(С. 256)

131. «ПОРОЙ ВЕСЕЛОЙ МАЯ...»

Заглавие

Баллада с тенденцией

8—10 Вкрест голени обвиты;
Она же, молодая,
Вся в ткани серебристой;
(РВ. 1871. № 10. С. 593)

24 Со страстною улыбкой,
35—36 Но сад засеять надо
За то, что он цветочный!»
(С. 594)

52—53 Во что б ни стало надо!
Но роща, где в тени мы
61 А может выйдет проще,
64 Свиней пастися стадо».
65 «О друг ты мой единый! —
70 Но тот приют тенистый
(С. 595)

80 То тащут и хватают.
81—96 *Отсутствуют*
После 80 Они, вишь, коммунисты,
Честнейшие меж всеми,
И на руку нечисты
По строгой лишь системе.
Системы их дешевле
Другая есть едва ли,
Станичниками древле
У нас их называли;
Они ж и реалисты,
Изящного не любят,
Знать, сами неказисты,

Затем красу и губят;
Они ж матерьялисты,
От имени прогресса
Кричат, что трубочисты
Суть выше Апеллеса.
81—88 «Не те ль то нигилисты, —
Невеста вопросила, —
В честь коих журналисты
Качают так кадила?»
«Те самые, о лада,
Так точно, нигилисты;
Ни толку в них, ни склада,
Но бойки и речисты».

(С. 6)

100 Для общего блаженства!
105 «О свет ты мой желанный!
117 О друг, что ж сделать надо,
124 Им надо всем на шеи!
126 И станет все на место!

(С. 597)

131—132 Не только без наклада,
Но даже и доходно.
153 И новому ученью
156 Всегда сквозило дело!»
157—160 *Отсутствуют*

(С. 598)

132. ПОТОК-БОГАТЫРЬ

Заглавие

Песня о Потоке-богатыре

(список: ПД, ф. 108, № 36, л. 1; РВ. 1871. № 7. С. 253; ПСС-1907/1908. Т. 1. С. 296)

Песня: Поток Богатырь

Первая строфа отсутствует

(список: ПД, № 22709/ CLVII684, л. 1)

5 Что охотно с потехой мешали дела;

7 *Отсутствует*

(список: ПД, ф. 108; РВ)

9 У Владимира-солнышка праздник идет,

(РВ)

10 Пированье идет, честованье,

13 Молодицы что светлые звезды глядят

(оба списка ПД; РВ)

21 Подвигается мерно то взад и вперед,

36 Подбоченясь, по-прежнему ходит,

37—40 *Отсутствуют*

41 Вот и месяц из-за́ лесу кажет рога

(ПД, № 22709)

44 И в Днепре заплескались русалки,

(РВ)

45 За рекою послышался лешего вой,

(ПД, ф. 108, л. 2; РВ. С. 254)

За рекою послышался филина вой,

49—52 *Отсутствуют*

(ПД, № 22709)

49 Сквозь узорные окна в хоромную сень
(РВ)

53 Перед ранней зарей утомился Поток,
58 Видит славные схватки на Сече,
(ПД, № 22709, л. 1 об.)

61 Или видит Владимиров вежливый двор,
(РВ. С. 255)

66 Пред собой видит терем дубовый;
(РВ)

67 Под нарядным окном, в закутном цветнике,
(ПД, ф. 108, л. 1 об.; РВ)

68 Распускается розан махровый;
(РВ)

70 И сорвать уж его норовится Поток,
(ПД, ф. 108; РВ)

И сорвать бы его норовился Поток,
73 Шеромыжник, кричит, неученый холоп!
75—76 Поросенок, теленок ты, скот, эфиоп
Чертов сын, неумытое рыло,
79 Я тебя, проталыгу, нахала,
(ПД, № 22709)

83 Вдруг гремят тулумбасы, идет караул
87 Его милость сбираются тешить,
(РВ)

90 Видно, хан на Руси своеволит!
(ПД, № 22709)

91 Но вдруг слышит слова: То земной едет бог,
(РВ)

101 Да уж полно, и вправду ли я на Руси?
(ПД, № 22709; РВ. С. 256)

Да уж полно, уж вправду ли я на Руси?
(ПД, ф. 108, л. 2 об.)

110 У того голова заходила кругом,
(ПД, № 22709, л. 2)

114 На какой? Не припомнит преданье.
116 Входит он во просторное зданье,
118 Над преступником гласный свершается суд.
(РВ)

120 Преступленья довольно велики:
124 Ожидают присяжных решенье.
(ПД, № 22709)

129 Ну, промолвил Поток, со присяжными суд
(ПД, ф. 108, л. 4; ПД, № 22709; РВ. С. 257)

132 Триста кун заплатил бы он виру!
134 Затесался ж сюда крепостник, ретроград!
137 Ничего из их брани Поток не поймет,
145 И, завидя Потока, к нему свысока
153 Олигарх! — закричал на него патриот. —
156 Так за что для меня исключенье?
158 Голос должен иметь только черный народ!
(ПД, № 22709)

166 Все об общем каком-то всё деле кричат,
168 Величают остзейским бароном.
(л. 2 об.)

172 Обожали московского хана,
(РВ)

173—174 А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдается, такая потребность лежать
176 На вчерашнем основана духе!
177 В третий входит он дом, и объял его страх:
(С. 258)

186 А они замечают ехидно:

(ПД, ф. 108, л. 3; ПД, № 22709, л. 2 об.)

187 Ах, как он еще груб, ах, как он неразвит!
189 А Поток говорит, очутясь на дворе,
197—198 Много разных на свете бывало чудес;
Я не знаю, что значит такое прогресс,
201 И так сделалось тошно и гадко ему,

(ПД, № 22709)

Дополнительная последняя строфа

Но я слышу вопрос: «Для чего ж он плясал?
Да еще среди темной палаты?
И к чему вообще тут Владимира бал?»
Признаемся, кругом виноваты!
Но когда бы Потоку сперва не плясать,
То навряд ему так захотелось бы спать,
А морали когда еще надо —
То мораль: не плясать до упада.

В РВ ст. 6 этой строфы:

То навряд ему так захотелось бы спать.

В списке ПД последний ст. этой строфы

То мораль: не пляши до упада.

(ПД, ф. 108, л. 4 об.; РВ. С. 259; ПСС-1907/1908. Т. 1. С. 302)

Еще три дополнительные строфы

Впрочем, если внимательно все разберем,
Доля правды есть в новом ученьи;
Например, слово «почва» мне нравится в нем,
Я от «почвы» совсем в восхищеньи.
Нет сомненья, что порет аптекарский рой
Вообще чепуху, — но бывают порой

И в навозе жемчужные зерна:
«Почва» ж гадит нам — это бесспорно.

Не довольно, во-первых, она горяча;
Во-вторых, не довольно кремниста;
Поискать бы другой, чтоб уж горе с плеча!
«Стой! — я слышу. — Нечисто, нечисто!
Из былинного тона ты выпал давно!»
Ну, воротимся к тону, для нас все равно,
По нутру нам полет соколиный —
Ах ты гой еси, наша былина!

Ах ты гой еси, Киев, родимый наш град,
Что лежит на пути ко Царьграду!
Зачинали мы песню на старый на лад,
Так уж кончим по старому ладу!
Ах ты гой еси, Киев, родимый наш град!
Во тебе ли Поток пробудиться не рад!
Али, почвы уж новые ради,
Пробудиться ему во Царьграде ⟨?⟩

(ПСС-1907/1908. С. 302—303)

133. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

5 Сдайтеся натиску нового времени,

(РВ. 1867. № 6. С. 617 без нумерации строф)

6 Мир отрезвился, прошли увлечения!

(бел. авт. в письме к В. В. Бутаковой от 1 (13) мая 1873 г.: ПД, разряд I, оп. 27, № 121, л. 2)

8 Против течения!»

(список: ГЛМ, ф. 97, оп. 1, № 32, л. 12)

21 Кто воспротивится нашему множеству?

(РВ. С. 618)

22 Мир отрезвили мы силой мышления —

(ПД)

27 Шли проповедовать слово учителя,

(РВ)

31 Им ли, убогим идти Галилеянам

(ГЛМ, л. 12 об.)

34 Немощной нам угрожают гордынею!

(ПД, л. 2 об.)

Немощной нам угрожают гордынею —

(ГЛМ; РВ)

35 На берег скоро мы, волн победители,

Под текстом

1/13 мая 1873 года
На ⟨пироскафе?⟩ между
Салерно и Амальфи

Подпись

Гр. Ал. Толстой

(ПД)

134. ПЕСНЯ О ГАРАЛЬДЕ И ЯРОСЛАВНЕ

2 Град Киев покинул он славный
5—6 Веселых пиров миновала пора!
Твой слышал, княжна, приговор я!
9 В печали оставил он Русь за собой,

(ВЕ. 1869. № 4. С. 789)

13 В Сикилии встретил Гаральд их напор,
17—18 Он в Африке рубится в страшном бою,
Покоя нигде не находит,
20 Но мысль его в Киеве бродит.
22—24 Он в бурях и сечах пирует,
Трещат корабли под его топором,
А синее море бушует.
25—32 Веселая то, удалая пора!
Гаральдовой славе нет равной!
Поет он про берег цветущий Днепра
Поет про княжну Ярославну.
На север он бег повернул кораблей,
И Русь уже сердцем он чует,
Поет с удалою дружиной своей —
А синее море бушует.

(С. 790)

34 Он едет под сенью дубравной —
37—38 Он в Киев престольный въезжает, крестясь;
И гостя радушно встречая,
41 Здорово, Гаральд! Ты скажи, из какой
43 Промешкал довольно в земле ты чужой,
46 Уехал безвестный и бедный;
49—50 Я город Палермо в разор разорил,
Я грабил поморья Царьграда,

(С. 791)

53—56 Я ужасом стал отдаленных морей,
Нигде моей славе нет равной!
Согласна-ли сделаться ныне моей,
Звезда ты моя, Ярославна?
57—64 *Отсутствуют*
66 Весною, средь плеска народа,
74 Приплыли норвежские скальды,

80 Сидит на возвышенном троне,
89—93 Цветами обвитые те корабли,
И грозные замков вершины,
Все людные веси норвежской земли,
Все то, чем владею я ныне,
Вся слава, добытая в долгой борьбе,
(С. 792)

135. ПЕСНЯ О ПОХОДЕ ВЛАДИМИРА НА КОРСУНЬ

Заглавие

Песня о походе Владимира
[*зач.* на Корсунь]
(авт. с правкой: ПД, ф. 293, оп. 3, № 128, л. 1)

Песня о походе Владимира на Корсунь
(бел. авт. с правкой в письме к Б. М. Маркевичу от 15 апреля 1869 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 81)

Песня о походе Владимира
(список: ПД, разряд I, оп. 22, № 366, л. 1; ВЕ. 1869. № 9. С. 5)

Эпиграф

«Не по замыслу Баянову...»
(три ист.)

Нумерация «Часть первая» отсутствует (ВЕ)

1 Добро, сказал Князь, когда выслушал он
(авт.)
2 Улики царьградского мниха,
(бел. авт.)
3 Тобою, отец, я теперь убежден
(ВЕ)
5 Что жил и беспутно и лихо,
(список, л. 1)
7 Что силою взял я Рогнеду,
9 Но мрак ты рассеял, и я в Херсонесе
(ВЕ)
10 Креститься, в раскаяньи, еду!
(бел. авт.; список)
12 Что [*зач.* едет *надп.* хочет] Владимир креститься;
(бел. авт.)
15 Ты должен душою смириться!
(оба авт.; список, л. 1 об.; ВЕ)
16 «Смирюсь, говорит ему князь, я готов!
(авт.; бел. авт., л. 81 об.)
17 Подать мне мой щит в оборону!
(три рукоп. ист.; ВЕ. С. 6)
18—19 Спустить в Черторой десять сотен стругов,
Коль выкуп [*зач.* возьму] добуду с корсунских купцов,
(авт.)
22 Плывут к Херсонесу варяги
(ВЕ)
27 Сдавайтесь, прошу вас смиренно;
(список, л. 2)

34 Настала, как есть, христианам беда;
(список)

Настала, как есть, христианам беда,
(ВЕ)

36 И прений-то, вишь, он не станет держать,
37 В риторике он ни бельмеса,
(авт., л. 1 об.; бел. авт., л. 82; список, л. 2; ВЕ, с. 7)

38 А с просту обложит нас русская рать
(все ист.)

40 [*зач.* Пока не возьмет Херсонеса! *надп. и зач.* Да грабить края] Херсонеса!»
(авт.)

Пока не возьмет Херсонеса!»
(бел. авт.; список)

42 Чтоб русским отверзлись ворота.
(бел. авт.)

44 Вступает с дружиной он в греческий град,
(оба авт.; список, л. 2 об.; ВЕ)

46 И шлет во Царьград он послов ко двору:
(бел. авт.)

49 Не то, вас обоих дружиной припру,
(авт., л. 2)

50 Так кончим же мы без насилий!
(ВЕ)

49—53 Не то вас обоих дружиной припру —
Так кончим же мы без насилий!»
Зовут императоры в страхе совет,
Толкуют в палате престольной:

Им плохо пришлося, им выбора нет,
(бел. авт., л. 82; список, л. 2 об.)

53 Им плохо пришлося, им выбора нет —
(ВЕ)

54 [*зач.* И шлют поскорее *надп.* Владимиру] шлют поскорее ответ
(бел. авт.)

Владимиру шлют поскорее ответ:
(список)

55 Мы очень тобою довольны!
(ВЕ)

60 Мне отповедь кажется странна!
(авт.; бел. авт., л. 82 об.; список, л. 3; ВЕ. С. 8)

63 Царевну намерен я здесь ожидать
(ВЕ)

69 Пожали плечами и молвят: «Ну что ж?
(авт.)

78 Прислужницы деву накрыли фатой —
(авт., л. 2 об.; ВЕ. С. 9)

82 И хмурые брови раздвинул
(ВЕ)

87 И [*зач.* взор *надп.* лик] его светел и весел,
(авт., л. 2 об.; ВЕ)

89—90 И руку спешит он царевне подать,
(авт.; ВЕ)

90 И впояс [*зач.* покл] поклон ей отвесил.
(авт.)

92 В одеждах блестящих и длинных,
(ВЕ)

96 [*зач.* Там набожно *надп.* И молвит там]
голову Князь преклоня:
(авт., л. 3)

97—100 Клянуся в священном синклите
Дружить Византии от этого дня!
Отцы-иереи, прошу вас, меня
Теперь по уставу крестите!
(авт.; список, л. 4; ВЕ. С. 10)

96—100 Там голову набожно князь преклоняя:
«Клянуся в священном синклите,
Клянусь, говорит, быть от этого дня
Я другом Царьграда! Крестите ж меня,
Отцы-иереи, крестите!
(бел. авт., л. 83 об.)

106 Сидят они рядом за честным столом,
(все ист.)

108 Князь чашу подъемлет с хиосским вином:
(бел. авт.; список, л. 4 об.)

110 Шурья Константин да Василий:
(авт.)

111 То правда ль, войною идут на Босфор
(все ист.)

116 Отделали Фоку варяги как раз;
(бел. авт., л. 84; список, л. 5; ВЕ. С. 11)

119 Владимир-де нас от погибели спас —
(ВЕ)

121 И он говорит: «Я построю вам храм
(авт.; ВЕ)

124 И выкуп обратно всецело отдам —
(ВЕ)

142—143 Трубите дружине к отбою!
Кленовые весла берите свои —
(С. 12)

147 И в сердце моем зеленеет!
(авт., л. 4; список, л. 6; ВЕ)

Нумерация «Часть вторая» отсутствует (ВЕ)

157—158 Где, вешнюю чуя отраду,
Кругом все гремит, и цветет, и поет,

161 Все звонкое носится птаство кругом,
(бел. авт., л. 85)

Все звонкое птаство [*зач.* порхает *надп.* летает] кругом,
(авт., л. 4)

163 А Князь многодумным поникнул челом,
(оба ист.)

164 Свершился в могучей душе перелом —
(авт.; список, л. 6 об.)

166 Забыла Княгиня и слезы и страх,
(авт.; список; ВЕ. С. 13)

171 Как рощи навстречу [*зач.* бегут их *надп.* несутся] ладьям,
(авт., л. 4 об.)

172 И берег проносится мимо,
(бел. авт., л. 85)

173 Иль, лик наклоняя к зеркальным водам,
(бел. авт.; список, л. 6 об.; ВЕ)

180 И мраморных статуй старинных.
(авт.; бел. авт., л. 85 об.; список, л. 7; ВЕ. С. 14)

182 Над поездом [*зач.* возвышая *надп.* воздымая] громаду,
(бел. авт.)

198 И вот перед ними на левой руке
(авт., л. 5)

202 Замолкло весельщиков пенье,
(авт.; ВЕ. С. 15)

205 Отверзлося новое зренье:

211 Народ [*зач.* его поезд] на Днепре его поезд узнав,
(авт.)

Народ, на Днепре его поезд узнав,
(список, л. 8; ВЕ)

212 Столпился на пристань — и много
(авт.; список; ВЕ)

[*зач.* Сбежался на пристань *надп.* Усыпал весь берег,] и много,

216 На гридней и отроков пал его взор:
(бел. авт., л. 86)

Между 219 и 220 впис. и зач. Сильней стали силой иною!
(авт.)

220 [*зач.* Сильны еще *надп.* Могучее] силой иною!
(бел. авт.)

222 То ныне вы ясно познайте:
(авт., л. 5 об.; бел. авт., л. 86 об.; список, л. 8 об.; ВЕ. С. 16)

226 [*зач.* Всипела Всшипела *надп.* Всшипела], под полозом пенясь, вода,
(авт.)

После 230 вст. 211—215
233 И внес он с собой милосердья закон —
(бел. авт., л. 86 об.)

Подпись

Гр. А. К. Толстой
(авт.)

Под текстом

Finis

(список, л. 8 об.)

136. РУГЕВИТ

21 Так мнили мы, — но роковая сила
34—35 И затрещав под звоном вражьей стали,
Упал, гремя, на землю Ругевит.
38 Склонив рога, дымяся от натугу,
(ВЕ. 1871. № 3. С. 6)

48 Был вой кругом; в неслыханной печали:
57 И отомстить врагам своим не смог.
65 Дубовый бог, плыви себе, плыви!»
(С. 7)

137. САДКО

4 Синеет сквозь терем хрустальный.
(РВ. 1873. № 1. С. 84)

21—22 Кутья ли с шафраном моя не жирна?
Блины с инбирем не вкусны ли?
25 Смотри, как алмазы здесь ярко горят,
(С. 85)

38—40 Подводные эти хоромы?
Увидеть бы мне хотя зелень сосны!
Услышать хоть шорох соломы!
55 Когда я лишь только помыслю о том,

(С. 86)

65 Садко, мое чадо, городишь ты вздор!
67—68 Я в этом сошлюся на целый мой двор,
Всегда он согласен со мною!

После 68

Ты сам, чай, не ведаешь, что говоришь,
Ты бредишь, о воле тоскуя!
Не дам тебе воли я — вот тебе шиш!
Добра твоего же хочу я!
69 Мой терем есть моря великого пуп;
72—74 Я это давно уж заметил!
Ты в думе пригоден как раз заседать,
Твою же прославлю я долю,
77 «Ты гой еси, царь-государь водяной!

(С. 87)

80—81 Уж очень к земле я привязан;
Когда-то не все там норовилось мне,
84 Мне все стало мило земное:
96 На то мои дочки пригодней!
99 Пошла за тебя бы любая из них,

(С. 88)

105 Не спорю, они у тебя хороши,
108 Нам было б сожительство трудно!
113 — Садко, мое чадо, уж очень ты груб.
116 Ногой тебе дал бы пинка я!
124 Готовится, дрыгая, в пляску;
126 Щетинистой бровью кивает,

128 Всё боле его разбирает;
(С. 89)

136 Все более сил прибывает:
138 Закидывать ногу за ногу;
141—144 *Отсутствуют*
145 То, выпятя грудь, на придворных он прет.
148 Валяет загрёбом и скоком;
153 Быстрей все играет Садко, осерча,
(С. 90)

162 То гибнут пловцы с кораблями —
166 Он фыркает, пышет и дует.
170 И видит Садко через стены:
177 Внезапно на месте стал царь водяной,
(С. 91)

181 Ты струны, я знаю, нарочно порвал,
После 184
Его ты испортил и мне досадил,
Споткнулся я, гуслей не чуя, —
Я первую грубость тебе отпустил,
Второй отпустить не хочу я!
185—188 *Отсутствуют*
196 Вино в венецейском стакане;
(С. 92)

208 И как уж он пляшет здорово,
(С. 93)

138. СВАТОВСТВО

3 Ой ладо, диди ладо!
10—11 Черешни расцвели —
Ой ладо, диди ладо!

20 За пряжей за своей;

(РВ. 1871. № 9. С. 220)

24 В открытое окно;
28 За пяльцами сидят;
30 В открытое окно;
44 Приехали сам-друг!
46 У самого крыльца,
48 Ни платья, ни лица!
50 Пусть входят молодцы,

(С. 221)

56 В пеньковых волосах;
72 Среди Днепра-реки!
74 Старались мы поймать,
76—77 Пришлося подождать!
Но князь им молвил: «Братья,

(С. 222)

81—82 Днепра чисты стремнины,
Светла его вода,
85 Но гости молвят: «Княже,

(С. 223)

112 Где только есть пиры!
115 Ой, ладо, диди-ладо!
118 Задумал ты сыграть,
122 Другой выходит стих,
124 При вас я никаких;
126 Чрез целый русский край,

(С. 224)

141 В мешке не спрятать шила,
149—150 С них бороды упали,
Смеются их уста,
152 Являлась красота!
156 Надета на плечо;

161—164 На поясе широком
Крыжатые мечи;
Орлиным мечут оком
Не взоры, но лучи;
168—169 Они удивлены;
И очи тотчас тихо

(С. 225)

189 «Не будь, о княже, гневен!
192 Отвергли мы любовь!
194 Мы любим дочерей!
198—200 А сам в душе смеясь:
Мне эта весть не нова,
Ответил старый князь;

(С. 226)

212 Поставлю круг границ;
215—216 Обаче в вашей воле
Добром их приманить!
218 Ино их не замай!
221 Услышав слово это,
224 Сердец их слышен стук.
226 Кто хочет, отгадай!
228 В веселый месяц май!

(С. 227)

232 И рокот соловьев!
237 Такая нам досада,
239 Ой, ладо, диди-ладо!

(С. 228)

139. СЛЕПОЙ

10 Я в зелени этой послушать!
15 Пусть тешит он нас за обедом!
(ВЕ. 1873. № 5. С. 158)

18 Поехали дале, про песню забыв —
27 Лишь в листьях стрекочет сорока —
30 Старик поклонился глубоко:
(С. 159)

39 Садится на кочку, обросшую мхом,
42 И песня его зазвучала...
44 И синее небо, и роскошь земли,
53 И доблесть народов, и правду князей —
(С. 160)

63 Проснулось, что в сердце дремало давно —
(С. 161)

87 Поник головою он думной —
92 На месте ты пел опустелом!
95 Разъехались гости за делом!
(С. 162)

106 Ты гой еси, гой ты, дубравушка-мать!
109—110 Мне, старому, было б грешно и не стать —
Наград мое сердце не ждало!
(С. 163)

120 Зане он над нею не волен!
125 Как лютая смерть, необорна!
128 Вожглась ему в грудь откровенья печать,
130 Что слышит подвластное ухо!
(С. 164)

140 Для всех, кому слушать хотелось!
143—144 Ручью, что ко слову журчал моему!

Вам, звезды, мерцавшим сквозь синюю тьму!
146 И тем, кто не слушал, мой также привет!
150 Без тучи великим боярам!

(С. 165)

140. ТРИ ПОБОИЩА

1—3 Сердито вздымалися воды Днепра,
Над Киевом тучи летели,
Ярилася буря всю ночь до утра

(бел. авт. в письме к Б. М. Маркевичу от 28 марта 1869 г.: ПД, № 173/Ic, л. 1; публикация по утраченному авт.: Lirondelle. *P. 543; ВЕ. 1869. № 5. С. 154)*

Вариант ст. 2

Над Киевом тучи гремели,

(по утраченному авт.: Lirondelle. *P. 543; ВЕ)*

10 Варяжскими гриднями полны.

(ВЕ)

13—14 То сват наш Гаральд собирается плыть,
Храни его Бог от напасти!

(С. 155)

17 И бабище будто на камне сидит,

(ПД, л. 1 об.)

И бабище будто на камне сидит!
20 Назад ни одно не вернется!

(ВЕ. С. 155)

21 Варяга Гаральда уж в Англии ждет
(ПД; ВЕ)

22 Саксонец Гаральд, его тезка,
(ВЕ)

29 Глядит она вдаль, как плывут паруса
(ПД; ВЕ)

34 Все карканье воронов внемлю —
41 Князь-батюшка, деверь, испугана я!
(ВЕ. С. 156)

46 Где плещут нормандские волны,
(ВЕ)

49 То герцог Вильгельм собирается плыть,
(ПД; ВЕ)

50 Я будто словам его внемлю:
(ВЕ)

53 И бабище злое бодрит его рать,
61—62 И Гида еще не домолвила речь,
Бежит, запыхаяся, гридень:
(ПД; ВЕ. С. 157)

64 Там ворог под Киевом виден!
(ВЕ)

68 То близятся половцы, княже!
70—71 Скликает он братьев на сечу,
Он к отрокам трубит, ему не до снов —
74 И солнцу сиять он мешает,
(ПД; ВЕ)

76 Друг друга они вопрошают:
(ПД; ВЕ. С. 158)

80 Смотрел из поднебесья зорко:
(ПД, л. 2)

81 Саксонца был выше варяг головой,
83 Свистел меж рядами топор боевой,
90 Упал он, как пьяный на брашно,

(ПД; ВЕ)

95 И, каркая, сел я Гаральду на шлем,
98 Слетаются вороны снова.
100 С Гастингского поля большого!

(ПД; ВЕ. С. 159)

101—103 Там герцог Вильгельм одолел короля,
Лежит там саксонец убитый,
Пируют враги, его землю деля,

(ПД, л. 2 об.; ВЕ)

104 И мы пировали там сыто!

(ВЕ)

105 От Йорка шла гордо саксонская рать,
107 И тело Гаральда не могут сыскать

(ПД; ВЕ)

108 Меж трупов бродящие мнихи.

(ВЕ)

110 И битва когда отшумела,
112 Я сел на Гаральдово тело;
114 Нахмурены гордые брови —

(ПД)

Нахмурены гордые брови;

(ВЕ)

118—120 И солнцу сиять он мешает,
Со враном слетается сызнова вран,
Слетаяся, так вопрошает:
124 Все поле упитано кровью!

(ПД; ВЕ. С. 160)

132 С закинутой навзничь главою.

142 По князе идет панихида,
(ВЕ)

145—148 Рыдает с обеими, громко стеня,
Гаральда вдова, Ярославна,
Рыдает: «О горе! навеки меня
Покинул Гаральд мой державный!»
(ПД; ВЕ. С. 161)

153 Рыдает княгиня: О князь Изяслав!
156 Погиб ты, о, горе, о, горе!»
159 А братья княжие друг друга корят —
161 Усобицу близкую чуя...
(ВЕ. С. 162)

Подпись

Совмещенные инициалы имени и фамилии
(ПД)

141. УШКУЙНИК

2 Не чужая, своя удаль богатырская.
(ВЕ. 1871. № 3. С. 10)

2—3 Не чужая — своя удаль [*зач.* молодецкая! *надп.* богатырская]
(авт. с правкой: Зап. кн. [2], л. 42 об.)

4 А и сердцу не вместить-то силы-удали,
5 Пойду к батюшке на удаль горько плакаться,
(ВЕ)

6 Пойду к матушке на [*зач.* удаль *надп.* силу] в ноги кланяться:
(бел. авт. с правкой в письме Б. М. Маркевичу от 20 декабря 1870 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 162 об.)

5–8 Пойду к матушке [*зач.* родимой *надп.* на удаль] горько плакаться,
Пойду к батюшке [*зач.* в печали *надп.* на силу] в пояс кланяться:
Отпустите свое детище [*зач.* -то малое, *надп.* дрочёное]
Неразумное, невежее, [*зач.* разудалое *надп.* неученое]
(Зап. кн. [2])

8 Новгородским-то порядкам неученое,
(ВЕ)

10 Караваны [*зач.* с]бить низовые, купецкие,
[*зач.* В синем
Да на море переведаться с урманами,
Да кораблики отбити таранами
Посбивати остроги чудские таранами]
В синем море корабли [*зач.* забрать *надп.* топить *подп.* хватать] урманские
Да на Волге [*зач.* с]жечь остроги басурманские
Проложить пути купец [*зач.* басурма урма
В синем море корабли забрать урманские
Да остроги взять на Волге басурманские]
(Зап. кн. [2], л. 43)

142. ЭДВАРД

Заглавие *Отсутствует*

1, 3 «Чьей это ты кровию свой меч обагрил?
4 Зачем ты так бледен и мрачен?»
8 Мне жаль, что он [*зач.* мною *надп.* даром] утрачен!»
9, 11 «У сокола кровь так темна не бежит,
12 «Твой меч окровавлен темнее!»
13, 15 «Мой конь темно-бурый был мною убит,
(бел. авт. с правкой в письме к Б. М. Маркевичу от 13 (25) декабря 1871 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 195)

«Мой конь красно-бурый был мною убит.
(ВЕ. 1873. № 1. С. 257)

19 Конь стар у тебя, эта кровь не его,
20 То конская кровь быть не может!»
24 И скорбь меня до смерти гложет!»
32 И ветрам всем парусы брошу!»
36 Ладья когда в бурю отчалит?»
37, 39 Пусть ветер гуляет и ходит по ним,
40 Доколе их в прах не повалит!»
41, 43 «Что ж будет с твоими детьми и женой,
(ПД, л. 195 об.)

56 Ты в уши мне грех нашептала!»
(л. 196; ВЕ. С. 259)

143. «ВНОВЬ РАСТВОРИЛАСЬ ДВЕРЬ НА ВЛАЖНОЕ КРЫЛЬЦО...»

Заглавие [*зач. кар.* Par anticipation]

Дата кар. 25 Декабря 1870

(авт. с правкой: РНБ, ф. 779, № 5, л. 1)

1 Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо;

(публикация по утраченному авт.: Album de Madame Olga Kozlow, 1869—1889. [М., 1889] С. 53)

9 И в воздухе [*зач.* звучат слова *надп.* слова звучат]

(РНБ)

11 И вторят им, журча, бегущие ручьи,

(бел. авт. в письме Б. М. Маркевичу от 25 декабря 1870 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 163 об.; Album de Madame Olga Kozlow; РВ. 1871. № 3. С. 294)

[*зач. кар.* И вторят им журча *надп. и зач. кар.* звуч звонко *продолж. надп.* громко вторят им] бегущие ручьи,

12 Колебля тростник[ов *испр. на* а] желтеющие перья.

14 Растаявших снегов, [*зач. кар.* спеша уносят *надп. кар.* журча, уносят *надп. и зач. кар.* быстро]

(РНБ)

Растаявших снегов, спеша, уносят воды,
(РВ)

Помета и подпись

Сорренто, 10/22 Апр. 1873 г.
Граф Ал. Толстой

(Album de Madame Olga Kozlow. С. 54)

144. «В МОНАСТЫРЕ ПУСТЫННОМ, БЛИЗ КОРДОВЫ...»

7 Исполненной жестокого искусства,
8—9 *Разделены звездочками*

(ВЕ. 1871. № 3. С. 11)

Наброски

Художник в ней изобразил суровый
Мученья
[*зач.* То мученик учения] Христова
лежит — и со святого
Сдирает кожу яростный палач
Художник в ней
Избрал себе художник в
сурово
[*зач.* Художник в ней избрал предмет суровый
Избрал одну из] задач
[*зач.* Которым] Назначенных
И зрителя иль ужас, или плач
С моей души все содраны покровы
Совлечены с души моей покровы —
И каждое к ней жизни прикасанье
Судьба одна

С моей души совлечены покровы
Живая ткань ее обнажена —
И каждое к ней жизни прикасанье
[*зач.* Есть для нее
Рождает в ней и ужас и страданье]
Есть злая боль и жгучее страданье
Есть для нее и боль и содроганье.

(черн. авт.: Зап. кн. [2], л. 40 об.—42)

145. МАДОННА РАФАЭЛЯ

Заглавие

La Madonna della Seggiola

5—7 А Он, в мышлении глубоком,
Уже готовясь с жизнью в бой,
Взирает вдаль, и ясным оком

(РВ. 1858. Июнь. Кн. 1. С. 456)

146. НА ТЯГЕ

6 Прерывисто свое оканчивают пенье;

(ВЕ. 1871. № 12. С. 603)

6—7 Прерывисто свое доканчивают пенье;
Вот щелкнул соловей... Мерцающей звезды
10 Зашелестел в дубах... Внезапно легкий свист

(бел. авт. ПД)

В дубах зашелестел. Внезапно легкий свист
19 Дыханье притаив, скрываясь за осиной,

21 Я целюсь — огнь блеснул, по лесу грянул
гром —
(ВЕ)

19—23 Дыханье притаив, я жду из-за осины,
Вот он уж надо мной — вперед
на пол-аршина
Я целил — огнь блеснул, по лесу грянул гром —
И вальдшнеп падает на землю кувырком.
И выстрела вдали тяжелые раскаты,
27—29 Вот принеслись ко мне из дальнего болота
Весенних журавлей ликующие ноты —
И стихло все опять — и в глубине ветвей
(ПД)

34 Как горестный упрек оно предстало мне?
(оба ист.)

36 Зачем в моей душе вы снова прозвучали?
(ВЕ)

37 И грустно предо мной, средь явственного сна,
(оба ист.)

38 Мелькнула дней моих погибшая весна!
(ВЕ)

147. «СЛУШАЯ ПОВЕСТЬ ТВОЮ, ПОЛЮБИЛ Я ТЕБЯ, МОЯ РАДОСТЬ!..»

1 Слушая повесть твою, полюбил я тебя,
моя Соня
4 Много еще угадал я, чего ты и мне не сказала
(публикация по авт. в письме к С. А. Миллер от 21 октября 1851 г.: Lirondelle. P. 630)

[*зач.* Много еще отгадал я, что ты мне не сказала, *надп.* Все перечувствовал вместе с тобой, и печаль и *зач. часть сл.*
на[дежды,]]

(Список с авторской правкой: Альбом В. Ж., л. 46 об.)

Начиная с 12

Ты прислонися ко мне, деревцо, к могучему вязу,
Врылися в недра земли глубоко мои крепкие корни,
Веют прохладой мои широко шумящие ветви,
Много поет соловьев под тенью моей изумрудной,
Листья таинственно шепчут о том, что прекрасно и чисто,
Ты прислушайся к ним, в них голос веселого детства,

(Lirondelle. P. 630)

Этот же фрагмент в Альбоме В. Ж., л. 47, в нем

[*зач.* Много поет соловьев под тенью моей изумрудной,
Листья таинственно шепчут о том, что прекрасно и чисто]

После этих зачеркнутых ст. следовали 3, 4, 6 из фрагмента Lirondelle

148. «ТЕМНОТА И ТУМАН ЗАСТИЛАЮТ МНЕ ПУТЬ...»

3 Но я знаю, я верю: живет где-нибудь,
5 — Как достичь до нее не ищи, не гадай,
(бел. авт. с правкой в письме Б. М. Маркевичу от 20 декабря 1870 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 162; ВЕ. 1873. № 1. С. 261)

Как достичь до меня, не ищи, не гадай
(бел. авт. в альбоме «Livre d'autographes de la princesse A. Dolgorouky»: ПД, № 23497/CZXX68, л. 12 об.)

7 Ни догадка, ни ум, ни безумье в мой край,
(бел. авт. в альбоме)

12 И в бока ему втиснул остроги!
(ВЕ)

Помета под текстом

Венеция 18/30 марта 1872

Подпись

Гр. Ал. Толстой
(бел. авт. в альбоме)

Ред., предшествующая окончательному тексту

2—3 Ночь [все гуще *надп.* 2] [на землю *надп.* 1] ложится,
5 — Как достичь до меня, не ищи, не гадай,
7—8 Ни [*зач.* расчет *надп.* догадка], ни ум [*зач.* не *надп.* и *зач.* мне *подп.* не] безумье в мой край,

[*зач.* Нет дороги ко мне! Но лишь удача в мой край]
[*зач.* Лишь безумье *надп.* Но *зач.* Лишь *дописс.* удача] принесть тебя может!
(авт. с правкой: Зап. кн. [2], л. 15 об.—16)

9 Я не ждал, не гадал, [*зач. и зачеркивание отменено* в темноте *надп. и зач.* на авось] поскакал
Зач. четыре ст.: 11, 12 и стоящие между ними
И лихого коня на скаку разнуздал,
И коня разнуздал, и на счастье погнал
Далее 10, 11, 12, как в осн. тексте.
(л. 16)

Ранняя ред. 1

Ни тропинки нигде, что за польза в узде?
Все пути темнота заградила,
Но к луке я приник, я скачу напрямик,
Выноси меня, конская сила!
От [*зач.* Средь] лощин и полян [*зач.* разо⟨с⟩тлался *надп.* подымаясь] туман
Застилает пути и дороги,
Я не знал, не гадал, я коня разнуздал,
Я в бока ему втиснул остроги.

(черн. авт. строфы, зач. несколькими вертикальными чертами: Зап. кн. [2], л. 3; опубликовано без правки: Кондратьев. С. 75)

Ранняя ред. 2

От лощин и полян густо всходит туман,
[*зач.* Не видать ни тропы, ни дороги]
Не видать ни дороги, ни поля!

Перечеркнуто 5 ст.

Коль ни зги не видать, так чего же мне
ждать [*надп. и зач.* гадать]
Гой же воля, гой вольная воля!
Коль ни зги не видать, так [*зач.* чего ж
выбирать *надп.* не нужно гадать]
Кому выбора нет, тому воля!
А без выбора — волюшка-воля;
Без гаданья же — волюшка-воля!
Я не [*зач.* долго] ждал, не гадал, [*зач.* на
скаку *надп.* я коня] разнуздал,
Я [*зач.* коня] в тумане скачу без дороги,
Я дал волю коню, лишь свищу да гоню,
Да в бока ему тисну остроги!
Что там, мост и⟨ли⟩ гать? [*зач.* Иль гора
надп. Косогор] или гладь?..
То песок, иль вода? Мне какая нужда!

(черн. авт. строфы: Зап. кн. [2], л. 3 об.—4; опубликовано без правки: Кондратьев. С. 75)

149. «ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЙ...»

4 И зелень рощ сквозила.

(ВЕ. 1871. № 12. С. 603)

[5] Труба пастушья по утру
(список: ГИМ, ф. 96, оп. 1, № 109, л. 41)

[8] Был папоротник тонкий.
(бел. авт. с правкой в письме Б. М. Маркевичу от 20 мая 1871 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 178—178 об.)

[12] Ты очи опустила!
(ВЕ)

[13] [*зач.* На мой восторженный привет *надп.* То на любовь мою в ответ]
(ПД)

[18] На лик твой глядя милый,
(ГИМ, л. 42)

[21] То было в пору юных лет —
(ПД)

То было в утро наших лет!
(ГИМ)

150. «ТЫ ПОЧТО, ЗЛАЯ КРУЧИНУШКА...»

[2] Не вконец извела меня, бедную,
(РБ. 1858. Кн. 9. С. 88)

[4] Не сойтися утру с ноченькой,
(бел. авт.: РГБ, ф. 178, карт. 6, № 35, л. 1; авт. с правкой: Тетр. [2], л. 50 об., текст зач. вертикальной чертой; РБ)

После 6 [*зач.* А и мной *продолж.* Меж собою упрекаются,]

(Тетр. [2], л. 50 об.)

7 А и оба меня корят, бранят.

(РБ)

8 Уж как станет [*зач.* меня *надп.* родной] брат корить:

(Тетр. [2])

Уж как станет родной брат корить:

(бел. авт. РГБ; РБ)

9 «Ты [*зач.* зачем *надп.* почто] пошла за боярина?

(Тетр. [2])

Ты начто пошла за боярина?

10 Напросилась в родню неровную?

(РБ. С. 89)

11—12 впис. позже между 10—13

11 Отщепенница, [*зач.* ты паскудница] переметчица,

(Тетр. [2])

12 От своей родни отступница!

(РБ)

13 — «Государь ты мой, родной братец мой,

(РГБ; РБ. С. 89)

13 Государь ты мой, родной братец мой,

15 [*зач.* И ты сам *надп.* Ты *зач.* стращал] просил [*надп.* И ты сам меня под венец повел,]

16 За боярина приневоливал!

После 17

ст. ***а***
А и чем меня опоила ты?
напис. справа и вст.
Приговорщица, п⟨р⟩иворотчица,
Меня с нашими [*зач.* разлучница]
разводчица.

ст. ***б***
Ты какого [*зач.* ты] роду [*зач.* боярского
надп. племени?]

ст. ***в***
[*зач.* Еще *надп.* А и] много ли за тобой
приданого?

Слева против ст. ***а*** *помечено 2*
Слева против ст. ***б***, ***в*** *помечено 1*
(Тетр. [2], л. 50 об.)

22 Меня с нашими разводчица?»
(РГБ; РБ)

23 Господин ты мой, государь ты мой,
(Тетр. [2], л. 50 об.)

24 впис. позже

25 [*зач.* Ведь *надп.* И *зач. с отменой зачеркивания* взял *надп. и зач.* брал] вольной
волею,

27 [*зач.* А] И всего-то сердце покорное,
(л. 51)

29 *Отступ строки*
(РБ)

Вместо 30—31

Перевил он два дуба крепкие,
Что растут по обе сторонушки,
И качается над быстрой водой
(оба авт.; РБ)

151. «АССИРИЯНЕ ШЛИ, КАК НА СТАДО ВОЛКИ...»

3 И сверкали их копья далеко окрест,
(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 12; РБ. 1859. Кн. 18. С. 3)

6 [*зач.* Так в вечерних лучах *надп.* Еще вечером так *надп. и зач.* ввечеру без числа ввечеру]

11 И на [*зач.* спящие очи] пал сон без конца,
(Тет. [2], л. 12)

И на мутные очи сон пал без конца,
(РБ. С. 4)

13 И вот нозди расширил повергнутый конь,
(Тет. [2], л. 12 об.)

14 Но не пышет из них гордой силы огонь,
(РБ. С. 4)

16 Так белеет предсмертная пена на нем.
(л. 12 об.; С. 4)

18 На [*зач.* на щите *надп.* броне] его ржа и роса на власах;
19 [*зач.* И замолкли *надп.* Безответны] шатры, у знамен ни раба,
(л. 12 об.)

20 Не свистело копье, не трубила труба.
(л. 12 об.; С. 4)

152. «НЕСПЯЩИХ СОЛНЦЕ, ГРУСТНАЯ ЗВЕЗДА...»

1—3 Неспящих солнце! Грустная звезда!
Как слезно луч мерцает твой всегда!
Как темнота при нем еще темней!
6—8 Но уж не греют нас бессильные лучи;
Звезда минувшего так в горе мне видна;
Видна, но далека — светла, но холодна!

(бел. авт.: Тетр. [2], л. 13; авториз. список: РГБ, ф. 231/III, карт. 11, № 34, л. 1)

Подпись *Авт.*
Гр. А. Толстой

(авториз. список)

153. «У МОРЯ СИЖУ НА УТЕСЕ КРУТОМ...»

Над текстом

9 Из Гейне

5 Веселых друзей и ласкающих дев [*зач.* Довольно любил *надп.* Знавал] на веку я —
7 Куда ж они делись? Лишь ветер да рев,

Под текстом подп. кар.

Припомнить хочу я

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 8)

Подпись *Авт.*
Гр. А. Толстой

(авториз. список: РГБ, ф. 231/III, карт. 11, № 35, л. 1)

154. «БЕЗОБЛАЧНО НЕБО, НЕТ ВЕТРУ С УТРА...»

Над текстом

8. Из Гейне

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 7 об.)

155. «ИЗ ВОД ПОДЫМАЯ ГОЛОВКУ...»

Над текстом

10 Из Гейне

2 Лилея, в раздумье глядит;

6 Головку [*зач.* ко спящим водам — *надп.* на зеркало вод —]

7 [*прип. кар. и зач.* Напрасно *зач.* Но бледный в них месяц трепещет — *надп. и зач.* у ног ее *зач. и зачеркивание отменено* Но видит: *надп.* у ног ее месяц *подп. и зач.* так трепетно трепещет и]

8 [*зач.* И ей улыбается там блеск свой лиет] [*прип. кар.* Так *зач.* Все трепетный блеск свой лиет]

Внизу листа напис. кар. и зач. косыми чертами

У ног ее блеск свой лиет
Но видит, у ног ее месяц
По-прежнему блеск свой лиет
Но месяц все трепетно бледный
У ног ее блеск свой лиет

Обведено волнистой линией
А месяц у ног ее бедный
Все трепетный свет свой лиет

(бел. авт. первой строфы и черн. авт. второй, наброски и правка кар.: Тетр. [2], л. 8 об.)

156. «ХОТЕЛ БЫ Я УГАСНУТЬ, КАК ЗАРЯ...»

11 Как [*надп. кар. и зач.* легкий] запах вешнего цветка,

(бел. авт. с правкой и доп. черн. строфой: Тетр. [2], л. 13 об.)

После 12 Я бы хотел подняться как роса,
Когда [*зач. кар. и зачеркивание отменено* ее *надп. и зач. кар.* она] встречает [*зач. кар.* утро *надп. кар.* солнце] жадно,
И как росу, пускай бы небеса
[*зач. кар.* Мой взяли *надп.* Испили] дух больной и безотрадный

(л. 14)

Я бы хотел подняться как роса,
Когда она встречает солнце жадно,
И как росу, пускай бы небеса
Испили дух больной и безотрадный.

(РВ. 1859. Август. Кн. 2. С. 601)

157. «КРЫЛАТЫЙ БОГ ЛЮБВИ, СКЛОНЯСЯ НАД СОХОЙ...»

Над текстом

II

(бел. авт.: Тетр. [2], л. 28 об.)

III

(бел. авт.: ПД, 2365.Хс, л. 2)

3 Впряженные тельцы его послушны воле;

(БдЧ. 1857. № 1. С. 10)

4 Прилежною рукой он засевает поле,

(Тетр. [2], л. 28 об.; БдЧ)

Варианты ранней ред.

2—6 Бразду глубокую взрывает за браздой,
Могучие тельцы его послушны воле;
Прилежною рукой он засевает поле.

И, гордое чело полняв к царю небес,
Взывает: жатву мне оберегай, Зевес!
8 Мычащую главу под иго преклоню я.

(публикация по авт. ранней ред.: Кондратьев. С. 36)

Наброски кар.

Крылатый бог любви, ребяческой рукой
[*зач. и зачеркивание отменено* Налегши на соху,]

(Тетр. [1], л. 5 об.)

взволнуя
Пять ст. отмечены слева скобкой и напис. 2

[*зач.* Чело подняв *надп.* И гордое] чело
подняв к царю небес
Взывает, жатву мне оберегай, Зевес!
[*зач.* Не то, к Европе вновь любовию
волнуя,]
Не то, к Европе [*зач.* вновь любовь твою
надп. страсть опять в тебе] волнуя,
Мычащую главу под иго преклоню я!

Четыре ст. отмечены слева скобкой и написано 1

Крылатый бог любви, склоняся над сохой,
Бразду глубокую взрывает за браздой.
Могучие тельцы [*зач.* послушны и
прилежны *надп.* его послушны] воле;
Прилежною рукой он [*зач.* сеет] засевает поле.
блюди мою, Зевес!

(л. 6)

158. «ВОТ ОН, НИЗИЙСКИЙ БОГ, СМИРИТЕЛЬ ДИКИХ СТРАН...»

Над текстом

III

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 30)

II

(бел. авт.: ПД, 2365.Хс, л. 1 об.)

2 Со взглядом девственным и гроздием венчан!

(БдЧ. 1857. № 1. С. 10)

4 [*зач.* Победный *надп.* Обратный] держит
путь к садам своим заветным!
(Тетр. [2], л. 30)

Обратный держит путь к садам своим
заветным.
(БдЧ)

Набросок и черн. ред.

Вот он Низийский бог, смиритель Ганга
дальный
На девственном челе венок из винограда
И многоцветный барс
Но

Вот он низийский бог, смиритель [*зач.*
дальных *надп.* дивных] стран,
С улыбкой девственной [*зач.* и] гроздами
[*зач.* венчан] увенчан
Влекомый желтым львом и барсом
многоцветным
Меж хмелин шествует по и заветном
[*зач.* Свой] Победный держит путь к садам
своим заветным
(Тетр. [1], л. 9)

159. «КО МНЕ, МЛАДОЙ ХРОМИД, СМОТРИ, КАК Я ПРЕКРАСНА!..»

Над текстом

IV

(авт. с правкой и черн. окончанием: Тетр. [2], л. 30 об.)

Из А. Шенье

I

(бел. авт. с правкой: ПД, 2365.Хс, л. 1)

[1] Ко мне, младой Хромид, смотри, как я прекрасна:

(БдЧ. 1857. № 1. С. 10)

[6] То смертная идет иль дева неземная?

(ПД; БдЧ)

После 7 три ст. тщательно зач. и за ними следуют:

Богиней чтоб не быть, и не пришлось пловцам

Тщательно зач. один ст. и после него:

К царице белой вод, в грозе хранящим веру
На помощь призывать и белую Неэру!

(ПД)

После 7 Богиней чтоб не быть, и не пришлось пловцам,
К царице белой вод, храня в крушеньях веру,
На помощь призывать и белую Неэру!

(БдЧ)

[9] Придется в бурю звать, к рулю теряя веру,

(С-67. С. 181)

Черн. окончание

Два ст. зач. вертикальными чертами

[*зач.* Неэра, бойся волн, чтоб не пришлось пловцам *надп.* Чтоб не сделаться богиней, и пловцам]

[*зач.* К богине белой вод в грозе хранящим веру *надп. и зач.* К В крушении храня к Фетиде белой веру]

[*зач.* На помощь *надп.* В грозе не]
призывать и белую Неэру!
[*зач.* Останься на земле, чтоб не пришлось *надп.* Не то богинею ты будешь и] пловцам
[*зач.* К царице белой вод в грозе хранящим *надп.* Хранящим средь грозы к Фетиде белой] веру,
[*зач.* На помощь *надп.* Придется]
призывать и белую Неэру!
(Тетр. [2], л. 30 об.)

Наброски кар.

После каждой строки оставлен пробел
К царице белой вод храня в крушеньи веру,
С ней вместе [*надп.* Средь бури] призывать [*вст.* с ней] белую Неру
Ужели смертная проходит то простая?
То смертная идет, иль дева неземная?
Маленькая буква после (!) означает бунт.
(Тетр. [1], л. 7 об.)

Ко мне, Хромид, ко мне! смотри как я прекрасна
[*зач.* И, О] юноша, [*зач.* люблю тебя любовью *надп.* тебя я полюбила] страстно,
[*зач.* С] Диане [*зач.* я равна] равная, [*зач.* по вечерам в закате *надп.* закатом] дня
[*прип.* Стыдлив⟨о⟩ я иду] [*зач.* Я только прохожу *надп. и зач.* тихо скромно] все [*зач.* все на меня *надп. и зач.* взор *надп.* смотрят] на меня
[*зач.* Обращены Стремятся будто бы друг друга *надп. и зач.* глядят *надп.* в сомнении один другого] вопрошая:

[*зач.* Богиня ль *надп.* Ужели] то [*зач.* идет *надп. и зач.* прошла] [*зач.* иль *надп.* лишь]
смертная простая?

Пять ст. зач. косыми линиями
Неера, не вверяй себя морским волнам,
Богиней бойся быть, страшись чтоб моряки
Что к Галатеи
[*зач.* Не звали вместе с]
Не призывали с ней прекрасную Нееру!
[*зач.* Страшись чтоб морякам]
Богиней бойся быть, чтоб не пришлося нам
[*зач.* Храня] В крушении храня к [*зач.*
богам *надп.* царице] моря веру,
С ней вместе призывать прекрасную Нееру!
Храня к царю морей и к Галатее веру
[*прип.* Средь]
[*зач.* В крушеньи *надп.* бури] призывать
[*зач. и надп., зач. и зачеркивание отменено*
с ней] белую Нееру!
Средь бури с ними звать

(л. 8)

160. «СУПРУГ БЛУДЛИВЫХ КОЗ, НЕЧИСТЫЙ И КИЧЛИВЫЙ...»

Над текстом

V

(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 31; бел. авт.: ПД, 2365.Хс, л. 3)

1 Супруг блудливых коз, нечистый и [*зач.* ревнивый *надп.* кичливый,]
(*Тетр. [2]*)

2 Узрев, что к ним сатир подходит похотливый,
(*Тетр. [2]; ПД; БдЧ. 1857. № 1. С. 11*)

4 [*зач.* Для боя *надп.* Вздыбяся,] изловчил ревнивые рога.
(*Тетр. [2]*)

Наброски кар.

Узнав давнишнего, опасного врага,
Почуя   в нем опасного врага
[*зач.* И тотчас] отгадав опасного врага,
И к бою наклонив ревнивые рога
Смердящий гордый муж   ой козы
из-за лозы
(*Тетр. [1], л. 1а*)

Слева вдоль поля
Опасного врага

Далее посередине листа
Муж похотливых коз, [*зач.* ре] смердящий и ревнивый
В смердящей гордости, муж похотливых коз,
Увидя как сатир меж виноградных лоз
Увидя как сатир подкрался между лоз,
Сатира увидав, подкравшегось меж лоз,
Заносчив и смердящ, муж похотливых коз,
Смердящий, гордый муж, [*зач.* желаемый козой]
Смердящий, гордый муж, любимец резвых коз,

Сатира [*зач.* увидав *надп.* различив]
подкравшегось меж лоз
И в гневе [*зач.* различив *надп.* в нем узнав]
[*зач.* Почуя издали соперника *надп.*
давнишнего] врага,
Для боя наклонил ревнивые рога.
[*зач.* Встречаются Подходят Вот сходятся
бойцы и стук]
[*зач.* Бойцы, блея, сошлись и стук]
Соперники [*зач.* Вот сходятся бой они *надп.*
сошлись *зач.* и] и стук
Зефиры [*зач.* через лес, смеясь, *надп.*
по лесам вторят, несут далече.] [*зач.*
враждебной] встречи
Безмолвно сходятся, и стук их громкой
встречи
Зефиры на крылах, смеясь, несут далече
(л. 1)

Почуяв в нем для жен опасного врага,
Узрев близ резвых коз похотливый
Смердящий ревнивый
горделивый
Супруг [*зач.* веселых *надп.* блудливых] коз,
смердящий и ревнивый
Увидев как сатир [*зач.* к ним *надп.*
подходит] похот
Похотливый
Смердящий
Супруг веселых коз, смердящий и ревнивый
[*зач.* Сатира лик узрев меж листьев
похотливый]
(л. 4 об.)

Средь похотливых коз, смердящий
их супруг,
Сатира увидав, остановился вдруг,
И чуя [*зач.* для себя *надп.* в нем себе]
опасного врага,
[*прип.* Для боя] [*зач.* Он к бою наклонил
ревнивые *надп.* изловчил бодливые] рога
Сатир [*зач.* нагнул свой *надп.* склоняет] лоб
и стук их ярой встречи
Зефиры по лесам, смеясь, несут далече.
Вторит зеленый лес и
(л. 5)

[*зач. чернилами* Супруг влюбленных коз
нечистый]
(л. 7)

161. «БАГРОВЫЙ ГАСНЕТ ДЕНЬ; ТОЛПИТСЯ ЗА ОГРАДОЙ...»

Над текстом

VI
(бел. авт.: ПД, 2365.Хс, л. 3 об.)

2 Вернувшихся телиц недояное стадо.
(бел. авт. с правкой: Тетр. [2], л. 31 об.; БдЧ. 1857. № 1. С. 11; С-67. С. 183)

8 Лишь красно-бурой той [*вст.* заметь *вст. и зач.* одной] неласков [*зач.* мрачный] взгляд;
(Тетр. [2])

Лишь красно-бурой той неласков мрачный
взгляд;
(ПД; БдЧ)

9 В глазах ее [*зач.* заметь *надп.* давно]
сокрытая есть злоба,
(Тетр. [2])

В глазах ее, заметь, сокрытая есть злоба,
(ПД; БдЧ)

Наброски кар. и чернилами

Наброски кар.

Два ст. зач. волнистой линией

Когда толпа телиц в соломенный свой дом
Вернется на ночлег

Но если сзади мы искусно подойдем
И ногу ей согнув, опутаем ремнем
смирившись по неволе
от нее наполнится всех боле.
Они ж [*зач.* на тебя, так *надп.* лениво
беспечно] жующие, глядят,
У красно-бурой той, заметь,
недобрый взгляд
особняком,
особицей
Когда
Искусно пенист
Пасется от других она всегда особо,
И ногу лишь ее опутаем ремнем,
И только лишь с ногой опутанной ремнем
(Тетр. [1], л. 9 об.)

[*зач.* Столпившихся *надп.* Толпящихся]
[*зач.* Пригнав *продолж.* Загнав своих] телиц
в соломенный их дом

Загнав и ввечеру   журчащим молоком
Кувшины [*зач.* молоком искусно *надп.*
              звонкие проворно] наполняя
[*зач.* Ты бойся Не верь одной *вст.*
страшись одной] из них, пастушка молодая!
[*зач.* У]   [*зач.* той враждебный взгляд]
У краснобурой той, поверь, недобрый взгляд
[*зач.* Позволит завязать себе она навряд]
Телиц [*надп.* 2] толпящихся [*надп.* 1] загнав
              в их мирный дом
[*зач.* Кувшины звонкие *надп.* когда ты,]
[*зач.* Кувшины звонкие проворно наполняя]
[*зач.* Толпящихся телиц *надп.* Мычащие
              стада] загнав в их мирный дом,
Когда [*зач.* искусно ты *надп.* ты пенистым]
              журчащим молоком
[*зач.* Готовишься] Наполнить звонк[*зач.* ие
              надп. ий ряд] готовишься кувшинов
[*зач.* И руки засучив, *надп.* обнажив] и
              волосы откинув,
[*зач.* Но Жующих их зовешь,]
[*зач.* Особицей] И гладишь [*зач.* тех *надп.*
              ты] телиц, власы свои откинув,
Они же на тебя, [*зач.* мычащие *надп.*
              жующие] глядят,
У краснобурой той, заметь, недобрый взгляд.
Есть [*зач.* в нем] скрытая в глазах ее
              глубоких злоба,
Не даром [*зач.* целый день *надп.* от других]
              она паслась особо.

(л. 10)

И руки обнажив по локоть,
[*зач.* По локоть обнажив *надп.* шь] ты руки
и откинув
Густые волосы

Зачеркнуты вертикальными линиями четыре ст.

Телицы [*вст.* ж] на тебя жующие глядят,
Когда твои стада вернувшись на ночь в дом
И ты своих телиц журчащим молоком
Наполнить ты идешь

Чернилами

за ограду
Коров недояных Коров недояное стадо

Кар.

Густая в яслях им навалена трава трава
[*зач. кар. и чернилами* Искусная *надп. чернилами* Как И *зач. кар.* доить *надп. кар. и зач. чернилами* Им *надп. кар.* весело
смотреть *зач. кар.* когда *надп. кар.* пока] ты
рукава
По локоть засучив и волосы откинув
[*зач. чернилами* Наполнить звонких ряд
готовишься кувшинов]

Чернилами

[*зач.* Выносишь *надп. кар. и зач.* Выносишь *подп. чернилами* Уставишь] звонкий ряд
расписанных кувшинов
Столпилося и ждет [*зач.* за] с мычаньем за
оградой
Прихода твоего недояное стадо.
Уж в яслях сочная навалена трава.

Кар.
Смирится гордая и под твоей рукою
Забрызжет [*зач.* побежит *надп.* молоко] журчащею струею.

Чернилами
Столпилося и ждет за
С мычанием телиц недояное стадо
Кар.
Уж вечер, [*зач.* ждет *надп.* и] тебя толпяся за оградой,
[*зач.* Давно] С мычанием [*вст. и зач.* ждет] [*зач.* телиц *надп.* стоит] недояное стадо.
Им [*зач.* Уж] в яслях сочная навалена трава,
Жуя телицы ждут

(л. 10 об.)

[*зач.* Мычащие стада когда вернутся в дом]
Когда румяный день бледнеет за холмом
И ты [*зач.* младых] телиц журчащим молоком
Напо
Когда покажутся телицы за холмом
И пенящимся [*зач.* ты *надп.* их] журчащим молоком
[*зач.* Готовишься наполнить звонких *надп.* за ты] ряд готовишься кувшинов
Ты руки обнажив[*по* и *нап.* а] [*зач.* шь, власы] и волосы откинув
[*зач.* Навстречу *надп. и зач.* Жующим *зач.* к ним идешь]
[*зач.* Их ждешь] Наполнить звонких ряд кувшинов
Когда вернувшихсь ⟨*так!*⟩ телицы за холмом
Покажутся и ты журчащим молоком,

[*зач.* Поднявши *надп. и зач.* Заправив]
рукава и волосы закинув,
Наполнить звонких ряд готовишься кувшинов
(л. 11)

162. «Я ВМЕСТО МАТЕРИ УЖЕ СЧИТАЮ СТАДО...»

Над текстом

Из Шенье
I
(авт. с правкой: Тетр. [2], л. 29)
IV
(бел. авт.: ПД, 2365.Хс, л. 2 об.)

5—7 С царицею своей, услыша звук веселый,
Охотно на него летят младые пчелы.
Народу новому готовя новый дом
(оба авт.; БдЧ. 1857. № 1. С. 11)

9 И вольные рои, прикликнутые нами,
(ПД; БдЧ)

8—10 [*зач.* К оливе мы его раскидистой *надп.* Мы
к дереву его цветущему] зовем,
И вольные рои [*зач.* спешат повиснуть сами
надп. прикликнутые нами]
Меж [*зач.* горькой зелени *надп.* зелени
висят] жужжащими гроздами.
(Тетр. [2])

163. «ДОВОЛЬНО! ПОРА МНЕ ЗАБЫТЬ ЭТОТ ВЗДОР!..»

Эпиграф *Отсутствует*

2 Пора воротиться к рассудку!

(бел. авт. в письме к Б. М. Маркевичу от 9 декабря 1868 г.: ПД, ф. 301, № 9, л. 44 об.)

9 Теперь же, хоть сбросил я это тряпье,
11 Все так же болит еще сердце мое,

(л. 45)

164. БОГ И БАЯДЕРА

12—19 Вот его предстала взорам
Дева падшая одна,
В звонких кольцах, и узором
На лице испещрена
— Здравствуй, дева! — Гость, чрез меру
Утомлен ты! Войдем!
— Кто же ты? — Я баядера
И веселия здесь дом!

(авт.: Зап. кн. [1], л. 3)

Журн. ред.

Заглавие

Магадева и баядера

Подзаголовок

Индейская легенда
Из Гете

6 Все земное испытать,

12—14 Вот его предстала взорам
В ожерелье убрана,
Разрисована узором
16—18 — Дева, здравствуй! — Гость, чрез меру
Утомился ты — войдем!
— Кто ж ты, дева? — Баядеру
(РВ. 1867. № 9. С. 259)

21—22 Она, изгибаясь, трясет над главою
И поступью легкой обходит кругом.
30 Ты устал и ослабел.
32 Бессмертный на деву с улыбкой взирает,
34—39 И он требует покорства,
Он все строже и мрачней.
Но уж раннее притворство
Стало истиною в ней.
И она в заботе вящей
И в радушии услуг,
42 Но ведатель высей и глубей вселенной,
48 Дева плачет и дрожит;
50 Не берет его даров,
53—55 Но небо темнеет, и солнце заходит.
Он к ложу ее, ободряя, подводит,
И ночь опускает над ними покров.
(С. 260)

57 Вдруг воспрянув ото сна,
60—61 Не поможет крик бесплодный,
Знать, судьбы свершился суд,
66 — Кто ты? Чего ищешь, безумная, тут?
74 Но глас раздается священного хора:
88—91 Так поют ряды с рядами,
И прорвавшися вперед,
С распростертыми руками,

В злую смерть она падет.
(С. 261)

93 Юный бог восходит сам
95—98 С ним взлетает к небесам.
Любовь расторгает отверженных сети,
Бессмертным не чужды заблудшие дети,
Раскаянье грешных приятно богам.

Помета

17 (29) сентября 1867 г.
Веймар
(С. 262)

165. КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Журн. ред., с нумерацией строф

Подзаголовок

Из Гете

2—4 Юный гость приходит, незнаком —
Но когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль там вел с его отцом,
14 И любовь и дружба сметены!
(ВЕ. 1868. № 3. С. 1)

22—29 Так снабдив, пришельца, доброй ночи
До утра ему желает мать;
Но его смыкаются уж очи,
Он, одет, ложится на кровать;
И уж дремлет он
Как ему сквозь сон
Слышно кто-то крадется, как тать.
И в покой, он видит, полутемный,
31—33 Входит дева поступию скромной,

На челе с повязкой золотой;
Но его узрев,

(С. 2)

73 Скоро взять должна меня могила,
78 — Нет, да будет пламя сей лампады
92 Вот уж полночь. Взор доселе хладный

(С. 4)

99 И ему фиал она подносит,
113—119 Нет, клянусь любовию моею,
Эта ночь недаром нас свела,
Я тебя в объятиях согрею
Ты хотя б из гроба изошла!
Он в разгаре сил
Деву охватил, —
И она в блаженстве замерла.
123 И уж уст не может разомкнуть.

(С. 5)

137 И безумного восторга бред;
148 И, воспрянув, юноша с испугу,

(С. 6)

155 — Мать, о мать, нарочно ты ужели
158 В мрак и холод снова гонишь прочь?
171—175 Но для новой, для жестокой веры
Ты святой нарушила обет;
Знай же, знай, о мать
Дочь твою терзать
У тебя уж больше власти нет!
181 Я должна к другим, —

(С. 7)

190—191 Ты ж услышь последнее моленье,
Мать, вели костер воздвигнуть нам,
193—196 В пепел дай разрушиться телам;

Там в дыму густом,
Мы, сквозь огнь и гром,
К нашим прежним улетим богам!

Помета

Сентябрь 1867
Веймар

(С. 8)

Бел. и черн. фрагменты, наброски

Толстой первоначально переводил фрагменты, взятые им из разных мест оригинала, и переведенное, как правило, последовательно записывал карандашом в записную книжку, о чем свидетельствуют неоднократные переходы связных частей текста с одного листа на следующий. Поэтому все записи здесь даются в том порядке, как они делались автором, что отражает ход работы над переводом.

На л. 3 об.—4 записи зач. вертикальной линией

[*зач.* Мать *надп.* Ты ж,] услышь последнее моленье:
[*прип.* Мать, вели *зач.* Прикажи] костер воздвигнуть нам,
Свободи меня из [*зач.* завлеченья] заточенья,
[*зач.* Дай И новой дай любящимся сердцам *надп.* и *зач.* стадающим *продолж.* Нашим дай в огонь сойти сердцам]
[*зач.* Там мы В огне святом] Мы тогда [*зач.* вдв] вдвоем
[*зач.* Там Мы тогда вдвоем Мы огне святом *подп.* В поломе святом]

[*зач.* Мы рука с рукой]
К нашим [*зач.* старым *надп.* прежним]
улетим богам.
[*зач.* Улетим к отверженным богам]
Чтоб костер трещал Пусть костер горит
Чтоб огонь пылал,
Чтоб огонь унес к старым нас богам!
Там мы к нашим улетим богам.
(Зап. кн. [1], л. 3 об.)

Милый гость, [*зач.* всечасно *надп.* отныне]
увядая
Справа наискось смерти ожидать
[*зач.* Дале будешь ты Дале тихо] умирать
[*надп.* осужден ты быстро]
Цепь [*зач.* тебе *надп.* мою тебе *зач.* дала
мою] передала я,
[*прип. и зач.* Но кудрей] [*зач.* твоих волос
беру с собой уношу волос твоих я прядь
надп. и зач. с собой]
[*зач.* Но с собой беру я эту прядь *подп.* Но
волос] [*зач.* беру с собою] прядь. [*подп.*
твоих беру я]
[*зач.* И лишь там ты будешь рус опять]
Завтра будешь сед,
[*зач.* И лишь там ты станешь рус опять *зач.*
в скобках русопет]
Черным там лишь явишься опять.
(л. 4)

[*зач.* Полночь бьет и]
Все лицо ее [*зач.* озарено] оживлено
Жадно пьет бесцветными губами

[*зач.* С темной кровью схожее *надп.* Словно
кровь червоное] вино.
Но противен ей
Маслен был елей
И в меду вареное пшено,
Вот полночи веет час прохлад⟨н⟩ый
Вот настал полночи час прохладный

(л. 4 об.)

[*зач.* В час полночи *надп.* Только в
полночь] стало ей отрадно,
И лицо впервой оживлено прохладной
[*зач.* Жадно И она в себя впивает жадно]
[*зач.* Бледным ртом кровавое вино]
И уста бесцветные пьют жадно
Словно кровь [*зач.* червонное *надп.*
багровое] вино.
И в полночь ей стало вдруг отрадно.

(л. 5)

[*прип.* Милый *зач.* Юный] гость, отныне
[*зач.* увядая] умирая [*зач.* чахнуть завять]
Осужден ты [*зач.* смерти ожидать *надп.*
чахнуть и завять],
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих [*зач.* взяла *надп.* беру] я
прядь.
Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Черным там лишь явишься опять.
Обведено Уношу волос твоих я прядь,

(л. 5 об.)

Ты ж услышь последнее моленье,
Мать, вели костер воздвигнуть нам,

Свободи меня из заточенья,
[*зач.* Нашим *надп.* В пепел] дай
разрушиться телам.
[*зач.* Чтоб костер трещал,]
Чтоб огонь пылал
[*зач.* И Чтоб унес ко старым *надп. и зач.*
прежним] нас богам
Там [*зач.* Мы *надп.* в] огне святом,
Справа вдоль поля
[*зач.* Так в огне святом]
[*зач.* Сквозь] Там в дыму [*зач.*
святом *надп.* густом]
Сквозь огонь и гром
Улетим ко старым мы богам
Мы сквозь [*зач.* Там где] треск и гром
К нашим древним [*подп.* прежним] улетим
богам
Улетим к старинным мы богам

(л. 6)

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком,
Гражданин [*зач.* там некий *надп. и зач.* к
нему там *продолж. надп.* он знает]
благосклонный
[*зач.* Дружен был давно *надп.* Хлеб и соль
зач. водил *продолж. надп.* там вел] с его
отцом,
[*зач.* В молодые дни *надп.* детей их *зач.*
В юные их дни] В молодые дни
Нарекли невестой с женихом.
[*зач.* Но он знает: житель благосклонный]
[*зач.* Там *надп.* Но когда-то]

[*зач.* Знает он: там] житель благосклонный
Хлеб и соль [*зач.* водил *надп.* там вел] с его отцом.
[*впис.* Там когда-то *зач.* Но один там] житель благосклонный

(л. 6 об.)

Но как[ого *испр. на* ой] [*зач.* ждать ему *надп.* для доброго] приема
[*прип.* От него *зач.* И какой] потребуют цены?
Он [*зач.* еще язычества *надп. и зач.* языче *продолж. надп.* в язычестве воспитан дома] дитя языческого дома,
А [*зач.* она] они [*зач.* давно уж *надп.* недавно] крещены.
Где за веру спор [*зач.* Часто там раздор]
Посетит раздор отменены [*надп.* Там враждой обеты сменены]
[*зач.* Часто там враждой заменены]
[*зач.* И друзья враждой разделены]
[*зач.* Редко там друзья съединены]
[*зач.* Редко узы дружбы спасены]
Там обеты все отменены

(л. 7)

Только мать одна еще не спит
С пищею вино
Ей принесено. Тотчас внесено.
И остался юноша один

(л. 7 об.)

Косой линией зач. восемь ст.
Ваших клиров пенье
А любови боль

Ни вода, ни соль
Ни земля не может освежить
А [*зач.* любви *надп.* желанья] страсть
Ник⟨ак⟩ая власть,
Ни вода, ни соль не освежат.
Ни водой, ни солью не уймет.

(л. 8 об.)

Четыре ст. зач. косой чертой
Но меня из тесноты могильной
Гонит рок назад,
Ваших клиров пение ——— бессильно
И молитв однообразный ——— лад

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших [*зач.* клиров *надп. и зач.* церкви *надп.* клиров] пение бессильно
[*зач.* И любви ——— попы не закадят *надп.* И попы напрасно мне кадят]
Молодую страсть
Никакая власть
Ни вода, ни соль не [*зач.* освежат] охладят.

(л. 9)

Двумя косыми линиями зач. три ст.
И богов веселых вереница
Навсегда оставили наш дом
Но людей без счету и числа

(л. 9 об.)

И богов [*зач.* сокрылся *надп.* веселых] рой любимый
И наш дом для радостей затих.
В нем есть [*вст.* теперь] один [*зач.* у них *надп. и зач.* теперь] Незримый!

[*зач.* И один Спаситель на кресте]
И один Распятый [*зач.* между них] есть у них;
Агнцы боле тут
Жертвой не падут,
Но без щету жертв падет людских.
Обведено рамкой Новой веры сила изгнала

(л. 10)

[*зач.* 15]

И она к нему, ласкаясь, села;
[*зач.* Мне мучений жаль твоих *надп.* Жалко мне, поверь, тебя] — но ах
[*прип.* Моего *зач.* Но едва сего коснешься *надп.* когда коснешься] тела,
[*зач.* Дрожь тебя Ужас ты почувствуешь и страх]
Я как снег бледна
Я как лед хладна
Не согреюсь я в твоих руках
[*зач.* Холодна как] Не согрелась бы
[*зач.* И рыдая, пал на ложе он.]
Заключил бы ты ——— [*зач.* меня] в своих руках.

(л. 10 об.)

16

И она на грудь ему упала
О поверь, ты дорог мне и мил.
Но я тайну от тебя скрывала
[*прип.* И *зач.* Но] и скрывать ее нет доле сил.

Та, кого ты ныне полюбил

(л. 11)

17

Нет, клянусь любовию моею
Эта ночь не даром нас свела
Я тебя в [*зач.* руках моих *надп.* объятиях]
согрею,
Хоть из гроба ты б сюда пришла!
Плач, и смех и стон,
[*зач.* И любовь *надп.* И в восторге он]
Говорит: ужель ты не тепла?
[*зач.* Ты еще ужели не тепла?] твой.
[*зач.* И ужель еще ты не тепла?]
Смех, объятья, стон
И уж чует он
В ней возврат желанного тепла

(л. 11 об.)

О поверь мне, я тебя согрею,
Страсть моя, скажи, не горяча ли
не тепла

(л. 12)

18

И тесней смыкает их желанье,
И, [*зач.* припав *надп. и зач.* она] она,
припав к нему на грудь,
Жадно пьет [*зач.* она его *надп.* горячее]
дыханье
[*зач.* И не может боле отдохнуть *подп.*
И уже не хочет отдохнуть]
[*прип.* И *зач.* Уж его *надп.* уже] любовь
Ей согрела кровь,
[*зач.* Но доселе сердце в ней мертво.]
Но не бьется сердце в ней ничуть.

(л. 12 об.)

Столбцом справа

8

[*прип.* Отступи *зач.*
дале стой *надп.* Дале,
дале] о юноша, я боле
[*зач.* Прочь, о проч, ты,
юноша, забылся,]
Не причастна [*зач. и зачеркивание отменено*
радости *зач.* стей *надп. и
зач.* пищи я] земной
[*зач.* Шаг, увы, последний
совершился]
На одре болезни роковой
Обещала мать
[*зач.* Господу *надп.*
небесам] отдать
Жизнь мою, и юность, и
покой.

[*прип.* Шаг
свершен роди-
тельскою волей]
Чтоб недуг —
роковой

Обведено
Так поют, теснясь рядами
(л. 13 об.)

7

Далеко до утренней поры
[*зач.* О постой! *надп.* Дева, стой,] помедли
здесь со мною,
[*зач.* Вот Цереры Далеко *надп. и зач.*
Погоди *продолж. надп.* Подожди] до
утренней поры
Вот [*вст.* смотри] Церерою [*зач.* данные
надп. 1 нрзб. зач. золотою] золотой,

[*зач.* Вот и данные дары *надп.* Вакхом вот
посланные дары]
А с тобой [*зач.* идет] придет
Молодой Эрот. Вот уж нам Церерою
златою,
[*зач.* О постой до Вот и Вакхом
утренней поры!] посланы дары
[*зач.* игры]
[*зач.* Юный бог веселья и игры!]
Им же светлы игры и пиры.
(л. 14)

12

Наверху листа надп. Пусть же будет пламя
от лампады
[*зач.* Брачный пир нежданно совершим]
Нет, да будет пламя сей *пять ст. зач.*
лампады *вертикальной*
Нам Гимена факелом *чертой*
святым! О повремени!
Мы сейчас одни
[*зач.* Нет *надп.* Друг]
тебя для жизни,
для отрады,

Четыре ст. зач. Брачный пир нежданно
тремя косыми совершим
чертами Сам Гимен зажег
ее для нас
Уведу к пенатам Ты к пенатам
я своим! ——— моим
И вдвоем [*зач.* теперь]
поверь

Мы с тобой, [*зач.* поверь], теперь
Брачный пир нежданно совершим
Верь мне, друг, о верь!
Мы вдвоем теперь поверь
Брачный пир нежданно совершим! теперь
Подч. прямой и волнистой чертами
Верь же мне, о верь

(л. 14 об.)

Весь текст на листе зач. двумя косыми чертами

12

Нет, [*зач.* огонь да будет *надп.* да будет пламя] сей лампады
Нам Гимена [*зач.* пламенем *надп.* факелом] святым!
[*прип.* О] [*зач.* И тебя *надп.* уйдем] для [*зач.* счастья *надп.* жизни] для отрады,
[*зач.* Уведу *надп.* О уйдем] к пенатам я моим
О поверь, поверь, И вдвоем теперь
Мы [*зач.* одни *надп.* вдвоем] теперь Мы с тобой, поверь,
Брачный пир нежданно совершим

(л. 15)

13

Каждые три ст. обведены

Где за веру спор,
Там как прах и сор
Обещанья часто сметены

Где за веру спор,
Там как ветром сор,
Обещанья часто сметены
(л. 15 об.)

13

И они меняются дарами
Цепь [*зач.* свою она ему дает *надп.* она] спешит златую снять,
Чашу он с узорными краями
[*зач.* Для нее Хочет он достает В знак любви готовится отдать.]
[*зач.* Но она ее не хочет взять Хочет ей на]
[*зач.* Но к нему она]: Но она к нему [*зач.* в знак любви *надп. и зач.* Ей на память ей хочет передать.]
Чаши не приму
[*зач.* Лишь Но волос твоих возьму я прядь.]
[*зач.* Подари волос твоих мне прядь.]
Подари волос своих мне прядь.
(л. 16)

На л. 16—16 об. текст зач. одной вертикальной чертой

25.

В дни как храм [*зач.* стоял] еще стоял Венеры
Мне обещан юноша сей был.
[*зач.* Это] Отрок сей в златые дни [*зач.* Киприды] Китеры

Мне тобой обещан с юных лет
В дни, когда сияющей Киприды
нет
Храм еще увенчанный стоял Новый твой обет не имеет сил
Мать, ты свой
нарушила обет,
(л. 16 об.)

[*зач.* В дни, когда *надп. и зач.* венчался *зач.* с юных лет храм Китеры *надп.* В дни еще веселые Китеры]
[*зач.* Мне он был *надп. и зач.* Был он мне] обещан с юных лет
[*зач.* О зачем ты, мать ——— для новой веры]
[*зач.* Мать, ты *надп. и зач.* Прежний *зач.* свой нарушила обет!]
Но для новой, для жестокой веры
Ты свой, мать, нарушила обет.
Знай же, знай, о мать
Дочь твою терзать
У тебя ни прав, ни власти [*зач.* права] нет
именем Китеры
Мне священным именем Китеры
Отрок сей обещан с юных лет.
(л. 17)

25.

Мне священным именем Китеры
Мой жених обещан с юных лет
[*надп.* Но *зач.* Ты же, мать *надп. и зач.* Мать] [*зач.* Но] для новой для жестокой веры

[*прип.* Мать *зач.* Ты зачем для новой,
чуждой веры]
[*прип.* Ты *зач.* Первый свой *надп.* Ты свой,
мать, двойной *подп.* Ты свой, мать]
нарушила обет
Знай же, знай, о мать, Вы с отцом
Дочь твою терзать нарушили обет
У тебя ни прав, ни власти нет!
У тебя уж боле власти нет
[*зач.* могила]
[*зач.* Знай: меня не Этот отрок именем
Я должна] Цитеры
Был со мной
посватан с юных лет,
(л. 17 об.)

На л. 18—18 об. текст зач. косой чертой

26.

[*зач.* По ночам Удержать меня *надп.* Знай,
меня не] приняла могила
[*зач.* Я ищу Я искала прежнюю любовь]
[*зач.* могила]
[*зач.* Чтоб любить *надп.* Я нашла] того,
кого любила, влечет [*зач.* влекла] меня
любовь
[*зач.* Сердца кровь его чтобы сосать *надп.*
И его высасываю кровь]
[*подп. и зач.* И его я высосала кровь]
[*прип. и зач.* Лишь *зач.* Если *впис.* к
зач. покончу с ним, *подп.* И покончив с
ним,]
Я пойду к другим,
[*зач.* Жажду жизни кровью насыщать.]

[*зач.* Кровью их *1 сл. нрзб.* свою любовь
надп. поддержу *1 сл. нрзб.* вновь.]
[*зач.* Жизни] страсть искала вновь
(*л. 18*)

25

Мне во имя светлой Афродиты
Мой жених обещан с юных лет,

26.

И в гробу неведомая сила
Знай, меня неведомая сила
Обрекла [*впис. и зач.* отыскивать *зач.*
искать мою любовь за гробом на любовь]
Я нашла того, кого любила
И его высасываю кровь. Жажду жизни
И покончив с ним утоляя вновь
нагнетая вновь
[*зач.* Я пойду к другим *надп.* Я пойду к другим]
(*л. 18 об.*)

26

[*прип.* Знай *зач.* Знай и *надп. и зач.* Самой
вст. что] смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я [*зач.* люб] нашла того, кого любила,
И его [*вст.* я] высосала кровь;
И покончив с ним,
Я пойду к другим,
[*зач.* Ненасытно алча вновь и вновь]
[*зач.* Буду алкать крови вновь и вновь *надп.
и зач.* крови алкать]
Буду жизни алкать вновь и вновь.
(*л. 19*)

На л. 19 об.—20 текст зач. косой чертой

22.

Словно некий дух
Длинно [*зач.* Поднялся *надп.* днимо] вдруг
[*зач.* Длинно, длинно с —— одра]
Поднялася с белого одра.

(л. 19 об.)

23

Мать, о мать, ужель ужели
Отравляешь сладостную ночь постели
Я ужель очнулась лишь
Гонишь из тепла? ночь
Что во цвете лет прочь
Ты меня—— погребла? дочь

(л. 20)

Мать, о мать! Нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
[*зач.* Снова в *надп.* в мрак и] холод [*зач.* выгоняешь *надп.* отсылаешь] прочь
И ужели вам
Мало, что вы там
Положили в гроб родную дочь?
Отравить пришла мне эту ночь?

(л. 20 об.)

Мать, о мать, [*зач.* моя, *надп.* нарочно *зач.* скажи, ужели *надп.* и *зач.* мне], ты ужели
Отравить [*надп.* пришла мне эту *зач.* мне ты хочешь эту] ночь?
С этой теплой ты меня постели жилья

Снова в холод прогоняешь прочь?
И тебе ужель
Мало, что досель
[*зач.* Под землей
твоя лежала дочь?]
Ты в гробу свою
держала дочь?
И на горе, знать, очнулась я.
И тебе ужель
Мало, что досель
Под землей лежала дочь твоя:

очнулась я
И тебе ужель
Мало, что досель
Я в гробу была
заключена?

(л. 21)

10

И ее он взвешивает речи:
Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом нечаявшая встречи,
[*зач.* Здесь стоит *надп. и зач.* То его моя *зач.* перед ним мной?]
То стоит невеста предо мной?
Будь моей сейчас!
[*зач.* Съединила ночь]
В [*зач.* Еще в] нашем детстве нам [*зач.* клятвою двойной!]
Съединили клятвою двойной.
[*зач.* Будь же ты моей] О отдайся [*вст.* ж] мне,
[*зач.* Нас связали Съединили клятвою двойной]
Нас венчали клятвою двойной!

(л. 21 об.)

6.

[*зач.* Я ужели стала здесь *надп.* Неужели в доме я] чужая,
Так она [*зач.* в раздумьи *надп.* со вздохом] говорит.
Не слыхав о госте сем, вошла я
[*зач.* ла не зная]
И меня берет стыд
Спи [*вст.* ж] спокойным сном
На одре своем,
[*зач.* Я ж уди уйду откудова пришла куда судьба велит]
Я [*зач.* ж] опять уйду в свой темный скит.

(л. 22 об.)

19.

[*зач.* Между тем своим ночным дозором]
Между тем [*зач.* дозором поздним *надп.* своим дозором] мимо
За дверьми [*зач. и зачеркивание отменено* проходит тихо *надп. и зач.* еще идет тихонько] ее проходит мать
Вдруг ей слышен шум необъяснимый
Слышит [*зач.* звук она *надп.* шум внутри] необъяснимый
[*зач.* Хочет И не может смысла отгадать]
[*зач.* И значенье хочет отгадать (понять) *надп.* И его старается понять]
[*зач.* Поцелуев *надп.*

Что за странный] звук, И любовных
лепетаний бред
И лобзаний всех Между тем дозором
не сосчитать тихим мимо
[*зач.* За дверьми За дверьми [*вст.*
проходит тихо мать] в сенях]
проходит мать
Между тем в сенях
тихонько мимо
За дверьми идет дозором мать
Странный скрип и стук,
дозором Поцелуев звук
И еще, и снова, и опять!
(л. 23 об.)

19

И ——— лепетанья бред
Между тем в сенях проходит мимо
Мать меж тем идет
дозором мимо То любви недуг
Поцелуев звук
И еще, и снова, и опять.
(л. 24)

[*зач.* 20] 21.

Доле мать [*зач.* не сдерживает *надп.*
сдержать не может] гнева,
[*зач.* Как ужель такие здесь есть девы *надп.*
и зач. Разве здесь *продолж. надп.*
Водятся ль такие в доме девы]
Что себя пишельцам отдают?
Верить ли очам?

Дочь они родную узнают.
(взоры дочь родную узнают)

(л. 25 об.)

[*зач.* 20] 21.

[*зач.* Разве есть]
Доле мать сдержать не может гнева
[*зач.* Тотчас *надп.* Тайный] ключ [*зач.* свой тайный *надп.* немедля] достает:
(или) Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?
Так она, в сердцах,
[*зач.* Входит *надп.* Прямо] в дверь — и ах!
Дочь свою родную узнает.

(л. 26)

20.

[*зач.* Притаив она свое *надп.* Ждет недвижно, притаив] дыханье,
И сомненья более в ней нет
[*зач.* свет]
[*прип.* Вздохи *зач.* Так и есть: и клятвы *надп.* *и* *зач.* Слышит *продолж. надп.* стоны, вздохи] и лобзанья *напис. наискось* дать ответ
И взаимной верности обет.
Чу, кричит петух!
[*зач.* Но заутра, друг] Но ведь завтра, друг,
Ты придешь? — Приду —
[*зач.* И опять безумной страсти бред.]
И недвижна, притаив дыханье
Ждет она — сомненья больше нет —
Вздохи, стоны, страстное лобзанье

(л. 26 об.)

22.

И любовник
ковром
[*зач.* Поднялася,
надп. Выше] ——— над своим одром
(л. 27 об.)

22.

Уступая первому испугу
справа вдоль листа
Хочет отрок Там как ветром сор
покрыть свою подругу
И союз и дружба сметены
Но она откинула покров
У тебя отныне власти нет
Прежней жизни алкать
вновь и вновь.
Все обеты дружбы сметены
Лишь волос твоих прошу я прядь,
Так она с [*зач.* досадой *надп.* печалью]
говорит
Дева, стой [*зач.* взывает *надп.* воскликнул]
отрок живо
И у нас царит один Незримый
(л. 28)

5. (немалым)
И глазам представились усталым
[*зач.* Видит он при свете лампы алом:]
Наискось впис. один ст.
Входит дева в сумрачный покой, | Входит дева в покрывале белом
Вся одета белым покрывалом,
На главе с повязкой золотой.
Но его узрев
Увидав его, | [*зач.* Словно *надп.* Стала] оробев,
—— она | С поднятой рукой
Робости полна | [*зач.* бесшумно]
Покрывало белою рукой
И бесшумно в терем [*зач.* темный *надп.* полутемный]
Вся покрыта белой пеленой,
Входит дева поступию скромной
На [*зач.* главе *надп.* челе] с повязкой Золотой
(л. 28 об.)

[*зач.* 4]
С белой вверх подъятою рукой
Что-то тихо движется в дверях
Что-то тихо близится к нему
(л. 29)

11. *Справа вдоль поля*

Не надейся, о мой
отрок милый!
[*зач.* Никогда не
буду я твоей!]
Я жилище могилы,
А тебе назначена сестра
Мне же в землю спрятаться
[*надп. и зач.* пора] пора
Внизу обведено к след. листу
Я твоей не буду, отрок милый

И в разгаре сил
Он ее схватил
[*зач.* Видишь ты как
грудь моя тепла?]
И [*зач.* она] его
невеста обняла

(л. 29 об.)

[*зач.* Милый отрок, мне не до веселья,]
[*зач. и зачеркивание отменено* Не надейся,
о мой отрок милый]
[*зач.* Ты *зач. и зачеркивание отменено* И]
мечты напрасной не лелей!
[*зач.* Скоро я сосв сокро Ах, меня *надп. и зач.* моя *продолж. и зач.* сокроет скоро
Целые *подп. и зач.* Моей]
Ах, меня должна сокрыть могила,
Ты ж сестре назначен уж моей.
Но в блаженном сне (Но хотя во сне)
Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!
Скоро скрыть меня должна могила
Мне не быть твоею, отрок милый,
Нет, не быть твоей мне, отрок милый,

(л. 30)

15.

Но она противится ему
Вдоль правого поля
И в слезах на ложе он упал
Но не тронут ей
Ни олив елей
Ни хлебов пшеничное зерно
И тебе ужель
Мало и досель
(л. 30 об.)

И она ему ——— чашу
передает
пьет
Настает полночи час прохладный
Вдруг лицо ее оживлено
И уста ———
Час настал полночи безотрадной
(л. 31)

18.

И тесней [*зач.* сближае] смыкает их желанье
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может оторвать
Так его любовь
Ей согрела кровь,
[*зач.* Но в ней *по зач.* стука *напис.* биенья
продолж. зач. сердца не слыхать]
Но биенья сердца не слыхать!
(л. 31 об.)

[*зач.* Хочет, первым *надп.* Отрок хочет,]
страхом обуян
Скрыть ее под белым покрывалом,

Но
Словно среди сна
Медленно она
Подымается она с одра.
На одре свой подымает стан.

(л. 34)

Только мать одна еще не спит

(л. 35 об.)

С ней он пьет из одного фиала
И душа любви ее полна
Но ему противится она

(л. 36 об.)

И [*зач.* ему *впис.* ему] наполненный до края
[*зач.* Свой она передает *надп. и зач.* ему *надп.* Подает сама она] фиал
И [*зач.* он пьет] его [*зач.* с ней вместе *надп.* поспешно] осушая,
[*зач.* Он] Но любви желать [*надп. и зач.* просить *продолж. зач.* не перестал]
Жаждать он любви не перестал.
Но не смягчена
Просьбами она,
И в слезах на ложе он упал.

(л. 37)

[*зач.* И фиал, наполненный до края]
Подает
Но она противится ему

(л. 38)

Четыре ст. перечеркнуты накрест
И ему наполненный до края
Подает теперь она фиал
Но безумной страстию сгорая,
Он любви просить не перестал
(л. 38 об.)

И [*зач.* она] фиал [*вст.* она] ему подносит
[*зач.* И багровый ток он с нею пьет *надп.*
И вино он вместе с нею пьет]
Слева наискось охотно

15 *с длинной скобкой напротив трех ст.*
[*зач.* Вместе с ней он ток багровый пьет
надп. и зач. И вино он И он вм]
[*зач.* И любви младое сердце просит,]
[*зач.* Но она] противится — и вот
[*зач.* И отказом он]
[*прип.* Сердцем *зач.* Горько] огорчен,
Пал на ложе он,
И в бессильной [*подп.* безумной] страсти
слезы льет.
(л. 39)

И в испуге
Но отобросив складки полотна,
[*зач.* Словно не сама]

На одре пряма,	С ложа вся пряма
Словно не сама,	Словно не сама
Поднялася	Медленно, пряма,
медленно она.	Словно не сама

С ложа подымается она.
(л. 40 об.)

Три ст. отчеркнуты слева и поставлено 22
Уступая первому испугу
[*зач.* Хочет он *надп.* Он спешит] завесою окна,
Покрывалом [*зач.* скрыть свою *надп. и зач.* хочет *продолж. надп.* скрыть свою] подругу,
Но отбросив складки полотна,
С ложа, вся пряма,
Словно не сама
Медленно подъемлется она.

(л. 41)

3.

И во мраке дом уж почивает,
Только мать [*зач. и зачеркивание отменено* не спит] еще [*зач.* не спит одна] одна,
[*зач.* Благодушно гостя принимает,]
[*зач.* И Ставит на ночь пищи и вина]
[*зач.* И в триклиний гостя провожает]
И его радушно принимает
[*зач.* Тотчас ставит *надп.* Ставит на ночь] пищи и вина
И покойного желает сна.

(л. 41 об.)

Слева наискось
объятий

15.

И фиал она ему подносит
[*зач.* Он в восторге вместе с нею пьет, *надп.* Вместе с ней он ток багровый пьет,]
[*зач.* Но Он *зач. и зачеркивание отменено* И] любви [*зач. и зачеркивание отменено*

настойчивый *зач.* он *надп. и зач.* ее он как
ни он] просит,
[*зач.* Все *зач. и зачеркивание отменено*
Но] она противится — и вот,
[*прип.* Тяжко *зач.* Сердцем] огорчен,
Пал на ложе он
И в безумной страсти слезы льет.
(л. 43 об.)

3.

[*зач.* В тишине *надп.* И в тиши *зач.* весь]
дом уж почивает,
[*зач.* Сон глубокий дом уж обнимает,]
Только мать одна еще не спит,
[*зач.* Благодушно *зач. и зачеркивание*
отменено И радушно] гостя принимает,
[*зач.* И покой отвесть покой] ему [*зач.*
открыть] спешит,
Тотчас же вино, [*зач.* И сейчас вино]
[*зач.* С пищею *надп. и зач.* Лучшее
продолж. зач. вино Тот же час вино]
[*зач.* Тотчас внесено]
Ей принесено;
[*зач.* И обильной пищей стол накрыт]
[*прип. и зач.* Тотчас *зач.* Пищей стол
обильною накрыт]
[*прип. и зач.* С пищей *зач.* На ночь стол
заботливо накрыт]
Тотчас стол для ужина накрыт.
(л. 44 об.)

4.

[*зач.* На ночь] Так снабдив [*зач.* его]
пришельца, доброй ночи
Но его смыкаются уж очи [*зач.* очи
надп. мать]
Он, одет, ложится на кровать
утомлен
Уже дремлет он И уж дремлет он
Как нежданный гость утомлен
шорох
(л. 45)

Кто-то к двери крадется как тать
И уж дремлет он,
Как сквозь первый сон
Шорох легкий слышится ему.
[*зач.* (Странный гость является ему)]
(л. 45 об.)

4

Так снабдив его и доброй ночи
Пожелав ему, уходит мать.
Но его смыкаются уж очи,
Он, одет, ложится на кровать,
Но сквозь первый сон
Шорох слышит он
Словно кто-то крадется как тать.
(л. 46)

3.

В тишине весь дом уж почивает,
Только мать одна еще не спит,
[*зач.* Благодушно гостя *надп.* И его
радушно] принимает

И подать заботливо спешит
Пищи и вина;
[*прип.* И *зач.* Так] простясь, она
«Доброй ночи» гостю говорит.

(*л. 46 об.*)

4.

Но он есть не чувствует охоты,
Утомлен, ложится на кровать,
[*зач.* Неприметно тяжестью дремоты]
[*прип.* И уж *зач.* И сомкнулись очи от дремоты *надп. и зач.* Уж под тяжестью *продолж. надп.* тяжесть сладостной дремоты]
[*зач.* И уж стал он сладко засыпать, *надп.* Начали глаза его смыкаться]
Как сквозь полусон
Шорох слышит он,
Словно кто-то крадется как тать.

(*л. 47*)

22

И [*зач.* вос] вскочивши юноша, с испугу
Хочет скрыть завесою окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу,
Но откинув складки полотна,
С ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

(*л. 47 об.*)

14.

(л. 48)

Полночь [*зач.* бьет, и в час духам отрадный]
[*зач.* Вдруг лицо ее оживлено,]
Полночь бьет — и взор, досель холодный,
Заблистал, лицо оживлено.

(л. 50 об.)

166. «ПРОЗРАЧНЫХ ОБЛАКОВ СПОКОЙНОЕ ДВИЖЕНЬЕ...»

22 Ты в борозды бросал, [*зач.* оставленные *надп.* покинутые] всеми,
23 [*зач.* Успешно ли *надп.* По совести ль] тобой задача свершена,

(бел. авт. с правкой (фотокопия): РГАЛИ, ф. 427, оп. 1, № 986, л. 96)

Над текстом синим кар.

№ 3 январь 1875

14 Опутывает сеть летучей паутины;
22 Ты в борозды бросал, покинутые всеми,

(авториз. список: ПД, ф. 293, оп. 3, № 127, л. 4; ВЕ. 1875. № 1. С. 158)

Подпись *Авт.*
Гр. Ал. Толстой

(авториз. список, л. 4)

Черн. наброски кар.

По жниву голому шагая без тропы

Чета волов везут последний сноп
Увозят с нив волы

Ленивые волы, шагая без тропы,
Со жнива свозят там последние снопы,
И пахарь на гумно их тяжесть провожая,
[*зач.* В уме сличает труд с приходом *надп.* наградой урожая]

На левом поле
И пахарь на гумно их тяжесть провожая
Что налегал на плуг во имя красоты,

Продолж. посередине листа
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины
[*впис.* По жниву [*зач.* тихо *надп.* свозят]] там
[*зач.* Шагая тихо там по жнивам *надп.* шагая] без тропы,
[*впис.* Ленивые *зач.* свозят] волы
[*зач.* Уж свозят с них волы] последние снопы
[*впис. и зач.* И к полному гумну телегу *надп.* И пахарь на гумно] их тяжесть провожая
[*зач.* И селянин их шаг ленивый провожая,]
[*впис.* Сличает свой расход с приходом урожая.]
[*зач.* Слагает уж в уме доходы урожая]
[*зач.* Кружится медленно *надп.* Вот медленно кружась] в безветрии лесном,
[*зач. и зачеркивание отменено* На землю *надп. и зач.* И на земл] желтый лист спадает за листом.

Невольно я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном
Всему настал покой, прими ж его и ты
[*зач.* Певец, что *надп. и зач.* Что в жизни
зач. вел свой плуг во имя красоты,]
[*впис. и зач.* Что долго вел свой плуг *надп.*
Что в жизни вел свой плуг во имя красоты]
[*подп.* Так долго ведший плуг во имя
красоты;]
Проверь усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
[*впис.* По силам ли тобой]
По совести ль тобой задача свершена,
[*надп.* *1 сл. нрзб.* Выросла нее]
И жатва дум твоих обильна, иль скудна?

Зач. три ст.

По жниву желтому шагая без тропы,
Волы с нее везут последние снопы
И пахарь на гумно их тяжесть провожая,

По жнивам медленно шагая без тропы
Уж свозят с них волы последние снопы
И пахарь на гумно их тяжесть провожая
[*зач.* Слагает уж в уме доход от урожая]
[*подп.* В уме слагает свой доход от урожая]
[*подп. и зач.* тащут там]
[*зач.* По желтым жнивам там *надп.* По жниву там везут *зач.* шагая без тропы *надп.*
Слагает свой в уме доход от урожая]
[*зач.* Везут чета волов последние снопы
надп. Ленивые]
[*зач.* И пахарь на гумно их тяжесть
провожая]
[*зач.* Гадает уж путем о силе урожая]

Прип. справа и обведено
И пахарь тяжкий груз лениво провожая
И грузные возы

Продолж. посередине листа
Со жнивы свозят там, шагая без тропы
Ленивые волы последние снопы,
И пахарь на гумно их тяжесть провожая,
Сверяет уж в уме доход от урожая.
По жниву праздному шагая без тропы;
[*зач.* везут чета волов последние снопы]
[*зач.* Волы] Увозят там [*вст.* волы]
последние снопы. Увозят с них волы послед
и пр.
И пахарь на гумно их тяжесть провожая,
[*зач.* В уме уж сосчитал доход от урожая
надп. Слагает свой в уме доход от урожая]
[*прип. и зач.* Слагает *зач.* Сверяет мысленно
доходы урожая Прикидывает]
Слагает умственно доходы урожая
По жнивам там волы и пр.
Там медленно [*надп.* тихие], шагая без тро
По пожатни волы, шагая без тропы,
[*впис.* С них]
Уж свозят на гумно последние снопы
[*зач.* И грузные возы лениво провожая]
И пахарь грузный воз лениво провож
Слагает уж в уме доход от урожая
(ПД, ф. 301, № 5, л. 26)

[*прип. и зач.* По жнив] По жниву там волы,
шагая без тропы,
Увозят на гумно последние снопы,

И пахарь грузный воз [*зач.* лениво *надп.* досужно] провожая,
[*зач.* Слагает *надп.* Считает] уж в уме обилье [*надп.* прибыль] урожая;
Кружася медленно в безветрии лесном,

Зач. косыми чертами два ст.
И грузные возы досужно провожая
Уж пахарь сводит счет в уме от урожая

В уме считает   и прибыль урожая
В уме [*зач.* сво *надп.* уж] сводит труд с доходом урожая

(л. 27 об.)

167. «ЗЕМЛЯ ЦВЕЛА. В ЛУГУ, ВЕСНОЙ ОДЕТОМ...»

Первая ред.: разночтения с осн. текстом и правка

Над строфой

1.

1 [*зач.* Сирень *надп. кар.* Земля] цвела. В лугу, весной одетом,
3 Был тихий час меж сумерком и светом,
7 Царил [*по* а *напис. кар.* ъ *зач.* тишь *надп. кар.* покой,] но под безмолвной тенью

Над строфой

2.

9 [*зач.* Стремяся, *надп.* Не шелестя] над головой моей,
11 Сквозной узор [*зач.* бесчисленных *надп.* их молодых] ветвей,
14 [*зач.* Недвижные, в траве *надп.* Блестя росой] благоухали,

15 [*зач.* И съединял [*надп.* обнимал] в слияньи мирном взор]
[*впис.* И думал я, в померкший глядя свод]
[*зач.* С покоем пыл с недвижностью напор]
Куда меня так манит и влечет.
22 И [*зач.* я лечу] мнилось мне, [*зач.* — Могу взлететь *надп.* что я лечу] без крыл,
23 [*зач.* Смешаться весь *надп.* Перехожу,] подъят природой всею,
(авт. с правкой: ПД, ф. 301, № 5, л. 31 об.)

Над строфой

4.

27 Кто ж, [*зач.* думал я, *надп.* мощно так] от них меня отторг?
32 И [*зач.* вновь воскрес *надп.* ожил вновь] в сознаньи бытия...

Над строфой

5.

Под текстом кар.

Последний вариант

(л. 30 об.)

Набросок первой ред.

Над строфой

1.

1 Весна цвела. По лугу, ей одетом

Вместо 2—8 пробел для стихов

Над строфой

2.

9 Не шелестя, над головой моей, [*допис. кар.* Без шелеста]

Пробел для одного ст., далее
И постигал, сливая вместе, взор
[*зач.* В покое *надп.* Порой и] пыл, [*зач.* в] недвижность [*вст.* и] напор.
Над строфой

3.

17 И счастьем весь проникнут был я новым,
Пробел для стихов
22 И мог бы я теперь взлететь без крыл,
Прип. кар. Смешаться б мог

(л. 30)

Черн. ред.

1.

Сирень цвела; в лугу, весной одетом,
Ручей меж трав катился, [*зач.* одинок *надп.* молчалив;]
Был тихий час меж темнотой и светом,
Был легкий сон лесов, полей и нив;
Не оглашал их соловей приветом;
Природу всю [*зач.* широко *надп.* любовью] осенив,
Царил покой — но под безмолвной тенью
Могучих [*надп. и зач. кар.* Сокрытых] сил мне чуялось движенье.

Слева вдоль поля
Стволы [*зач.* Верхи] дерев над головой моей
Стремился клен
Стремились вверх [*зач.* Неслись] полны живого сока
Неслись дубы — краса дерев И дерева
Клен уходил
[*впис. кар.* терялись так высоко]
Как легкий дым [*зач.* так в даль] уходил высоко,

Над строфой

2.

В прозрачный мрак над головой моей,
[*зач.* Стремясь] дерев вершины улетали;
[*под ст. зач. кар.* Легко *и подп.* Верхи дерев все боле улетали]
Сквозной узор их молодых ветвей
Как легкий дым [*надп.* пар] терялся в горней дали;
Лесной чебёр и полевой шалфей
Блестя росой, в траве [*подп. кар.* недвижные в росе] благоухали [*надп.* сильней]
И думал я, на звездный глядя [*надп. кар.* в темневший померкший] свод:
[*зач.* Что здесь *надп.* Куда *надп. и зач.* вверх] меня так [*надп. кар.* все] манит и влечет?
[*подп. кар.* И сочный тмин в росе благоухал]

Над строфой

3.

Каким проникнут счастием я новым?
Неведомых каких исполнен сил?
Чего, в житейском натиске суровом,
Не смел я ждать, чего я не просил —
[*впис. кар.* Свершается *зач.* могучим]
То свершено [*зач.* каким-то мощным *надп. и зач.* как я будто *надп.* единым будто] словом;
Мне так легко, что я могу без крыл
[*впис. кар.* Взлететь, подъять Весь перейти подъять]

Подняться, полн [*вст.* живой] природой [*зач.* этой] всею,
В один порыв неудержимый с нею.

Над строфой

4.

[*зач.* Мой] Но разум трезв
[*зач.* И трезв мой ум], и чужд ему восторг,
[*впис. и зач.* Нет я забыл и им надежд *надп.* Надежды нет во мне, ни опасенья —]
[*зач.* Надежды нет, исчезли опасенья —]
[*зач.* Кто ж от меня желания отторг? *надп. и зач.* желанья душу мне вселяя всю их]
[*впис.* Кто ж мощно так от них меня отторг?]
Кто отрешил сознанье от хотенья?
[*впис. кар.* всегдашний *надп.* недавний *впис.* спор иль торг]
Со злобой дня души постыдный торг
[*впис. кар.* Сегодня стал]
Стал для меня без смысла и наченья —
Для всех тревог бесследно умер я,
[*зач.* И весь живу в дыханьи бытия *надп. и зач.* И ожил вновь *вст.* И ожил вновь в *зач.* разливе и *зач.* разливе приливе]
[*подп. и зач.* дыханьи *подп. кар.* сознаньи] бытия!
[*прип. кар.* И чем бы я от них себя отторг?]
[*кар.* Как]
Чем я себя от власти их отторг?
Чем отрешил [*надп.* свободил от *зач.* так полно от хотенья *надп. и зач.* всякого вечного] тягости хотенья?

Наверху листа кар.

И словно струн [*зач.* коснулось дуновенье]
от ветра сотрясенье
[*зач.* Внезапно так послышалось во мне]
Внутри души послышалося мне: [*подп.*
далеких незримых]

Над строфой

5.

Тут [*зач.* понеслось как будто *надп.* словно
струн коснулось] дуновенье,
[*впис. и зач.* Невнятно неясно так]
[*зач.* Как шорох в звоне их, Так близ меня
послышалося мне]
[*зач.* И как ответ послышалося мне:]
[*подп.* И внятно *зач.* тут *подп. и зач.* вдруг
подп. в нем] послышалося мне
Задачи то старинной разрешенье
В [*зач.* пророческом *надп.* таинственном] ты
видишь полусне!
То творчества с покоем соглашенье,
То мысли пыл душевной тишине!
Лови ж сей миг пока к нему ты чуток —
Меж сном и бденьем краток промежуток!

Над строфой

6

Зач. накрест девять ст.

[*зач.* То *надп.* Так] дух весны, струясь как
лунный свет,
[*зач.* Ласкал мой слух могуч и благодушен;
надп. Мне слух ласкал, отвечал *подп.* Ко
мне шептал, могуч и благодушен]

И тихо так звучал его ответ,
Что не был им мир сумерок нарушен;
В прозрачный пар казалось он одет,
И [*зач.* сам он *надп.* образ] был так лёгок и воздушен,
Что сквозь него мой проникая взгляд,
Мог различать мерцание Плеяд...

Наброски кар.

Неслись дубы, полны живого сока;
Стремился лес, живого полон сока;
В прозрачный мрак над головой моей
[*зач.* Верхи дерев *надп. и зач.* Деревья все] стремились полны сока;
Сквозной узор их молодых ветвей
Как легкий дым так уходи [*надп.* терялся там] высоко,
Лесной чебёр и полевой шалфей
Здоровый [*надп.* Знакомый] дух мне слал
[*надп. и зач.* Мне свой сильный *надп.* Знакомый запах слали]
[*зач.* Струили запах дух струили] издалека
И думал я, в померкший глядя свод:
Куда меня так манит и влечет?
Сквозной узор трепещущих [*надп.* недвижимых *подп.* недвижных их] ветвей
Сквозной узор младых его ветвей
Стремился [*зач.* вверх] Сквозной узор ветвей
Благоухали [*допис.* ья] слали издалека
Струили сильный запах издалека

Слева вдоль поля бел. запись кар.
Верхи дерев над головой моей
Стремились вверх, полны живого сока;
Сквозной узор их молодых ветвей,
Как легкий дым, так уходил высоко;
Лесной чебёр и полевой шалфей
Свой запах мне струили издалека,
И думал я, в темневший глядя свод:
Куда меня все манит и [*зач.* в] зовет?
(л. 28—29 об.)

Наброски кар.

\+ Без шелеста они
\+ Верхи дерев
\+ Прозрачный мрак
\+ Блестя росой, в траве благоухали
\+ Верхи дерев все выше улетали,

И словно ветр [*надп.* утра] в листьях дуновенье
Внутри души послышалося мне:
И словно веселися
Не шелестя, над головой моей
В прозрачный мрак деревья улетали
В прозрачный мрак над головой моей [*над ст. надп.* безшелестно *надп. и зач.* как будто *надп.* деревья]
[*зач.* Верхи дерев, казалося, улетали бледнея] улетали

Слева вдоль поля
Покой и пыл

Справа наискось
И видел мой в сияньи чудном взор
И постигал во всем

Сквозной узор их молодых ветвей [*надп. и*
зач. безмолствовал]
Как легкий дым терялся в горней дали
Лесной [*зач.* чеб] чебер и полевой шалфей
Недвижные в росе благоухали,
[*зач.* Незримые в росе благоухали, *подп.*
Незримые в росе]
Блестя росой, в траве благоухали
[*зач.* И постигал вокруг себя угадывал мой
взор *надп.* И постигал в слияньи *зач.* мой
взор *продолж.* дивном взор]
[*зач.* В С расцветом сон и сон *зач.* с *продолж.* недвижностью напор *надп.* И отдых
сна *зач.* сон]
И обнимал в слияньи [*надп.* цельном *зач.*
дружном] взор
И обнимал, [*зач.*
их смешивая], взор
С покоем пыл, с
недвижностью напор
Справа от трех ст. фигурная скобка и знак №3
С по покоем пыл, с бездействии⟨ем⟩ напор

Справа вдоль поля
И обнимал <u>непостижимо</u> взор
И постигал мой удивленный взор
[*зач.* И жизни сон, и бытия напор]
В покое пыл — в недвижности напор
Продолж. посередине листа
Стремленьи и
В стремленьи сон, в недвижности напор.
В расцвете сон, в стремленьи покой,
[*зач.* Работу в сне,] И жизни сон, и натиск
бытия

С недвижностью стремления [*зач. и надп.* и я кругом] напор
Недвижность сна и жизни [*зач.* юный *надп.* вечный] пыл
Природы сон и жизни вечный пыл
И в дивном я слияньи находил
И отдых сна, и [*зач.* жизни вечный *подп.* жизни свежий пыл] пыл

Четыре ст. в фигурных скобках
И обнимал [*надп.* постигал] в одном слияньи взор
Недвижность сна и жизненный напор
И слитые в одно мой видел [*надп.* постигнул] взор
Недвижность сна и жизненный напор
(л. 1)

Черн. авт. строф чернилами

Над текстом запис. кар.
Кто б, думал я, от них меня отторг?
Тут пронеслось как [*зач.* ветра *надп.* в листьях] дуновенье
И [*зач.* так в душе *надп.* как ответ] послышалося

Над строфой

4.

Но трезв [*зач.* мой *надп.* был] ум, и чужд ему восторг,
Надежды [*зач.* нет во мне *надп.* я не знал], ни опасенья...

[*зач.* Чем я себя от власти их отторг? *надп.*
Кто б, думал я, от них меня отторг?]
[*впис. кар.* И думал: Кто от них меня отторг?]
[*зач.* Чем *надп.* Кто] отрешил от тягости
хотенья?
Со злобой дня [*зач.* всегдашний *надп. и зач.* вчерашний *надп.* постыдный *надп. и зач. кар.* души постыдный торг *зач. кар. и восстановлено знаком чернилами* спор иль торг]
[*зач.* Отныне Сегодня стал *надп.* Отныне
стал] без смысла и значенья,
Для всех тревог бесследно умер я
И в полноте очнулся бытия!

Над строфой

5.

[*зач.* И словно *надп.* Тут словно] струн
незримых сотрясенье,
Внутри души послышалося мне:
Задачи то старинной разрешенье
В заветном ты провидишь полусне!

Далее бел. запись ст. 37—40.

(л. 1 об.)

Черн. авт. фрагментов кар.

Стремяся вверх над головой моей,
В прозрачный мрак деревья улетали;
Сквозной узор бесшелестных [*надп. и зач.*
стремящихся] ветвей
Как легкий дым терялся в горней [*надп.*
сизой] дали;
Лесной чебер и полевой шалфей
[*зач.* недвижные *надп.* не шевелясь] в росе
благоухали

[*зач.* И обнимал, везде их постигая, взор
И постигал в слияньи дивном взор]
[*зач.* В покое пыл — в недвижности напор]
И обнимал в слияньи мирном взор
С покоем пыл — с недвижностью напор
[*зач.* И постигал в явленьи каждом [*надп.* целом] взор]
[*зач.* В покое пыл — в недвижности напор]

Зач. семь ст.

В прозрачный мрак над головой моей
Без шелеста деревья улетали;
Сквозной узор стремящихся ветвей
Как легкий дым терялся в горней дали;
Лесной чебер и полевой шалфей
Блестя росой в траве благоухали
И обнимал

[*зач.* В слиянии недвижность и напор]

Над строфой

3

[*зач.* Блаженством весь проникнут *надп.*
Проникнут весь блаженством] был я новым,
Неведомых весь переполнен сил;
Чего в житейском натиске суровом
Не смел я ждать, чего я не просил —
[*зач.* Ужели то *надп.* То, думал я,] одним свершилось словом,
И я могу теперь взлететь без крыл
Смешаться весь, подъят природой всею,
В один порыв неудержимый с нею!

(л. 2 об.)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Иллюстрации и аннотации к ним представлены Литературным музеем Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Составитель выражает благодарность заведующей музеем Ларисе Георгиевне Агамалян и сотрудникам музея Екатерине Юрьевне Герасимовой, Валентине Сергеевне Логиновой, Елене Николаевне Монаховой. Воспроизводимые в издании автографы А. К. Толстого хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы.

К. П. Толстой. Фотография К. И. Бергамаско. Санкт-Петербург. 1850-е гг.

А. А. Толстая, рожденная Перовская. Художник М.-М. Даффингер. Кость, акварель, гуашь, белила. 1827 г.

А. К. Толстой. Художник Й. Хайгель. Кость, акварель, гуашь, белила. 1827 г.

А. К. Толстой. Художник С. Вигель. Миниатюра. 1827 г.

Великий князь Александр Николаевич. Неизвестный художник. Литография. Конец 1820-х гг.

А. А. Перовский. Художник В. В. Матэ. Гравюра на дереве с оригинала К. П. Брюллова 1836 г. 1890 г.

А. А. Перовский. Художник М.-М. Даффингер. Кость, акварель, гуашь, белила. 1827 г.

А. К. Толстой. Репродукция с оригинала К. П. Брюллова. 1836 г.

А. К. Толстой в мундире офицера Стрелкового полка. Фотография С. Л. Левицкого. Санкт-Петербург. 1856 г.

Александр II. Неизвестный литограф. Литография. 1850-е гг.

Александр М. Жемчужников. Фотография. 1859 г.

Алексей М. Жемчужников. Фотография И. Мечковского. Варшава. 1860-е гг.

В. М. Жемчужников. Фотография. 1860-е гг.

Н. М. Жемчужников. Фотография Ferrando. Roma. 1864 г.

С. А. Бахметьева. Художник Н. И. Безобразов. Бумага, карандаш, белила. 1843 г.

С. А. Бахметьева. Художник Н. В. Лиснер. Бумага, акварель, карандаш. 1830-е гг.

С. А. Толстая. Фотография L. Suscipi. Roma. 1860-е гг.

С. А. Толстая. Фотография. 1860-е гг.

А. К. Толстой. Фотография С. Л. Левицкого. Париж. ⟨1864 г.⟩

А. К. Толстой. Художник Г. М. Манизер с фотографии Грийе и К°. Неаполь. Гравюра на дереве. ⟨1864 г.⟩

И. С. Тургенев. Неизвестный литограф. Литография. 1862 г.

А. А. Фет. Фотография М. Б. Тулинова. Москва. 1861—1863 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I
1855—1865

ПОЭМЫ. ПОВЕСТИ. ДРАМЫ

БЫЛИНЫ. БАЛЛАДЫ. ПРИТЧИ

ПЕСНИ. ОЧЕРКИ

ОТДЕЛ II
1866—1875

ПОЭМЫ. ПОВЕСТЬ. ДРАМА

БЫЛИНЫ. БАЛЛАДЫ. ПРИТЧИ

ПЕСНИ. ОЧЕРКИ

ОТДЕЛ III

ПЕРЕВОДЫ
1855—1865

Научное издание

Алексей Константинович
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Том 1

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *Т. Л. Ломакина*
Художник *П. Э. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, А. К. Рудзик*
и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Подписано к печати 24.05.2016.
Формат 70×90 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41.5. Уч.-изд. л. 35.9. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. № 3986

Издатель: Санкт-Петербургский филиал ФГУП
«Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12
Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039562-6

9 785020 395626

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: **http://LitRAS.ru/**; e-mail: **okb@LitRAS.ru**

199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: **naukaspb1@yandex.ru**

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)

119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)

101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19

142290 Пущино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 273-13-98; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

При оформлении обложки
использована картина К. П. Брюллова.
Оформление обложки П. Палей.

Стихотворения А. К. Толстого — русского поэта, драматурга, романиста, создателя литературной маски Козьмы Пруткова — наполнены глубокой и искренней любовью к народному творчеству и представляют собой попытку потомственного аристократа максимально приблизиться к фольклорным поэтическим формам. Сознательно придавая своим произведениям «былинный» характер, сочетая лирическое восприятие природы с традиционным эпическим мировидением, Толстой расширяет понятие поэзии, свойственное середине XIX столетия. Издание, подготовленное ведущими специалистами по отечественной литературе, снабжено обширным справочным аппаратом, позволяющим по-новому взглянуть на творчество одного из виднейших русских стихотворцев позапрошлого века.